

ISSN 0131-6656

СМОНА

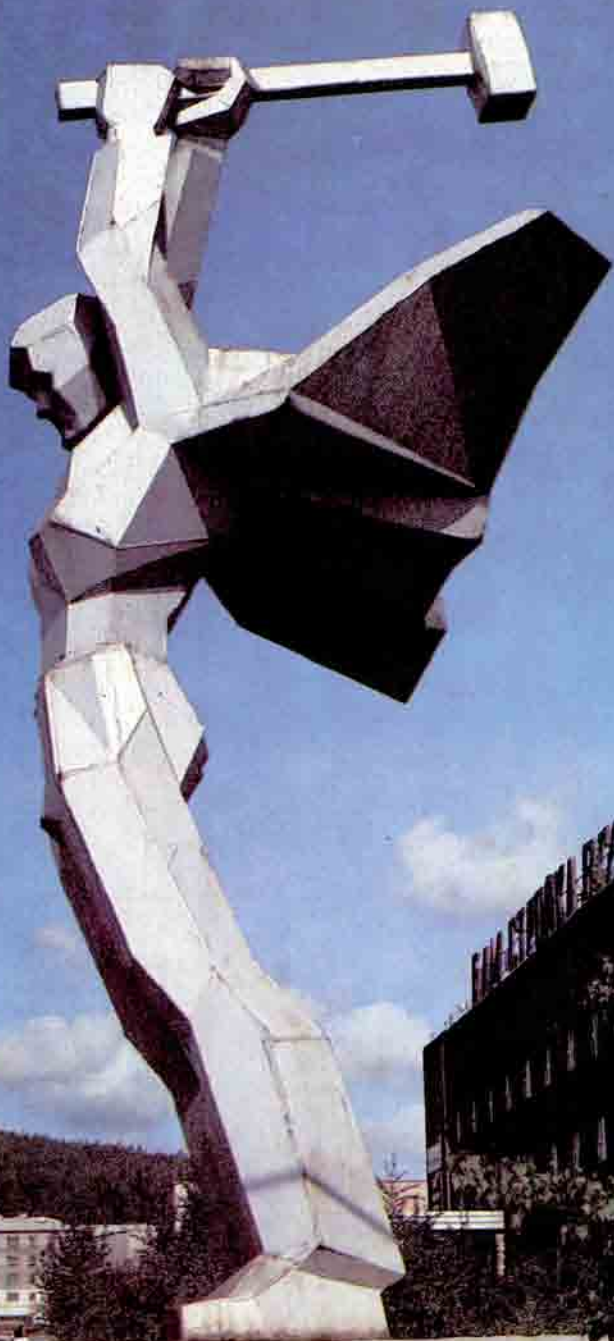
СЕБАСТЬЕН ЖАПРИЗО. БЕГ ЗАЙЦА ЧЕРЕЗ ПОЛЯ. ВЛАДИМИР ТУРБИН. РОЗАНОВ

АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ. ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО

11'90

НА ВЫЖИВАЕМОСТЬ

(ЧИТАЙТЕ СТР. 60)

11'90 СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ
ИОСИФ ОРДЖОНИКИДЗЕ
СЕРГЕЙ ПОПОВ
(зам. главного редактора)
ЮРИЙ РАГОЗИН
РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
ЕВГЕНИЙ РЯБЧИКОВ
ВАДИМ САЮШЕВ
ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ
ВЛАДИСЛАВ СЕРИКОВ
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
(главный художник)
ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

АМАЛИИ АВДЮШИНОЙ
ИГОРЯ КЛЮЧНИКОВА
Технический редактор
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 03.09.90.
Подписано к печати 18.10.90.
Формат 84 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч.-изд. л. 23,10. Отпечатано
1 896 371 экз. (из общего тиража
3 300 000 экз.)
Заказ № 2794. Цена 70 коп.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
212-11-27 — отдел писем.
Ордена Ленина и ордена Ок-
тябрьской Революции типогра-
фия имени В. И. Ленина изда-
тельства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, ули-
ца «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки не воз-
вращаются. Рукописи объемом
более 1 авторского листа (24 ма-
шинописные страницы) редакци-
ей не рассматриваются.

11 (1513) НОЯБРЬ

© Издательство ЦК КПСС «Правда».
«Смена», 1990.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

186

СЕБАСТЬЕН ЖАПРИЗО. БЕГ ЗАЙЦА ЧЕРЕЗ ПОЛЯ
Киноповесть

34

ВЛАДИМИР ЛАВРИШКО. ТАМ ЕСТЬ ТАКАЯ ШТУЧКА...
Рассказ

ПОЭЗИЯ

17

НИКОЛАЙ МАЛЫШЕВ

182

ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ. ИТАЛЬЯНСКИЕ НАБРОСКИ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ. ПРИЗЫВ
Фоторепортаж

20

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ. ВЫХОД ИЛИ ТУПИК?

48

АХМЕД ИСКЕНДЕРОВ. МЕЖА ПО ЖИВОМУ

60

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. НА ВЫЖИВАЕМОСТЬ

118

ОЛЕГ ДЗЮБА. У ОЗЕРА БЕЛОГО...

258

АЛЕКСАНДР КЕРЕНСКИЙ. МОЯ ЖИЗНЬ В ПОДПОЛЬЕ

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

43

ВЛАДИМИР КИСЕЛЕВ: «ДАЕШЬ РОК-ГРУППЫ!»

82

АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ. ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО

129

ВЛАДИМИР ТУРБИН. РОЗАНОВ
Силуэты

На нашей
обложке:
В белозерской
церкви.
Фото
ВЛАДИМИРА
ЧЕЙШВИЛИ.
(Читайте
стр. 118.)

146

АЛЕКСАНДР МЕНЬ. СЫН ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

30, 57

ВАШИ ПИСЬМА

278

ЮМОР, ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

12•90

3

■ **ЖАН РЕЙ.** «Город Великого Страха»

Ремон-Жан-Мари Де Кремер — таково подлинное имя писателя — оставил после себя богатое литературное наследство. Советские читатели уже знакомы со многими его рассказами. А мы предлагаем вашему вниманию один из романов Жана Рея, построенный по принципу реалистического повествования с детективными и мистическими элементами, где переплетаются трагическое и комическое, реальность и фантастика, причудливый гротеск и точнейшее описание патриархального быта небольшого английского городка Ингершама и мастерски изображен мир «злодеев и смешных чудаков».

■ **АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ.** «Никита Шубин».

Рассказ впервые печатается в Советском Союзе.

■ **НИКОЛАЙ АМОСОВ.** «Возвращение из утопии».

Взгляд известного хирурга и общественного деятеля на сегодняшний день страны.

АНОНС:

4

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТИВ

ПРИЗЫВ

Дважды в год, осенью и весной, страну сотрясает чуть ли не стихийное бедствие: в армию приходит пополнение.

Что ждет ребят?..

Кто знает? Как говорится, поживут — увидят.

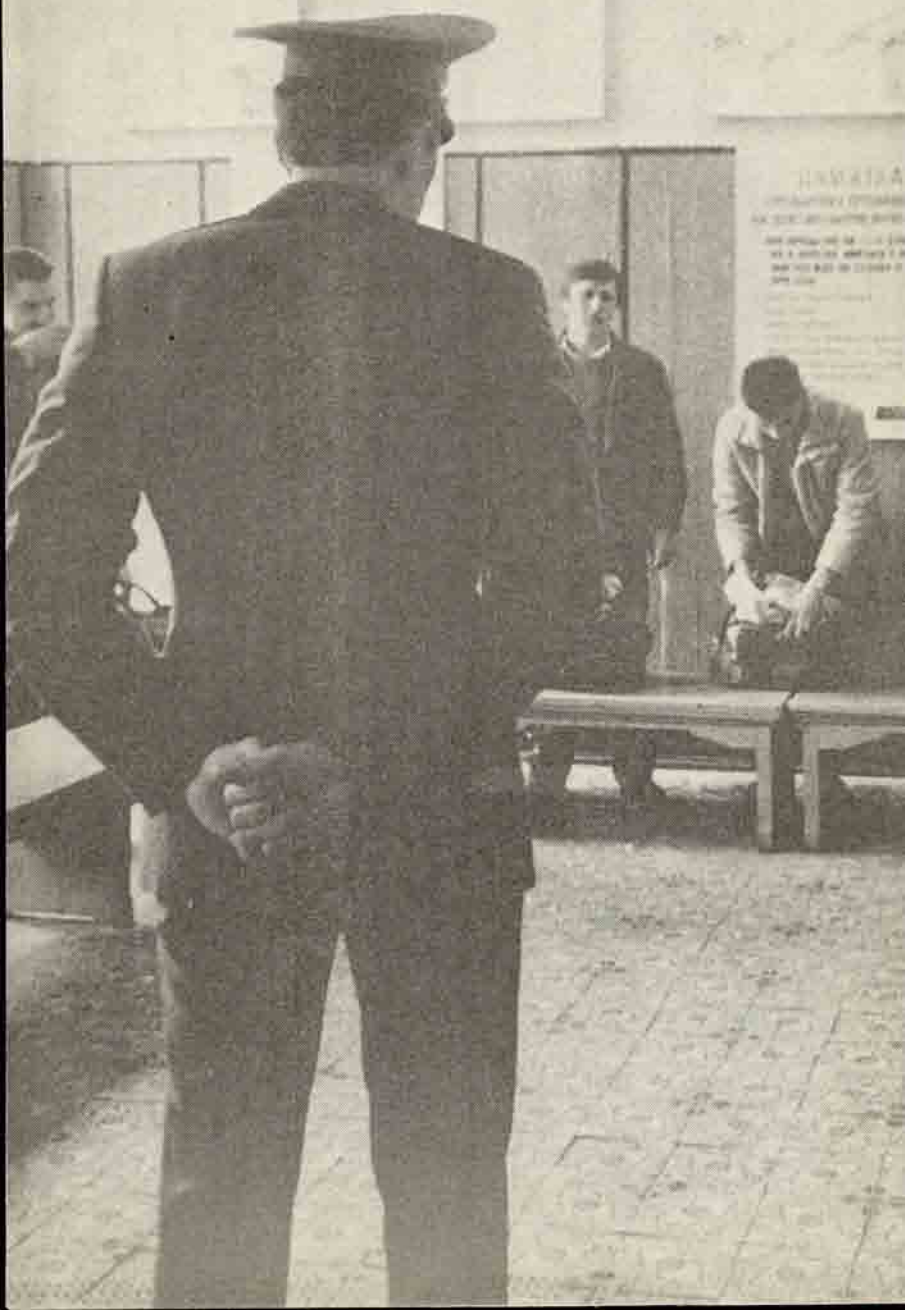
А пока сделан первый шаг — военкомат, медкомиссия, призывной пункт...

Вспомните, как это бывало, те, кто служил. Посмотрите, как бывает, неслужившие...

Последний кайф.

Бутылки — отставить!

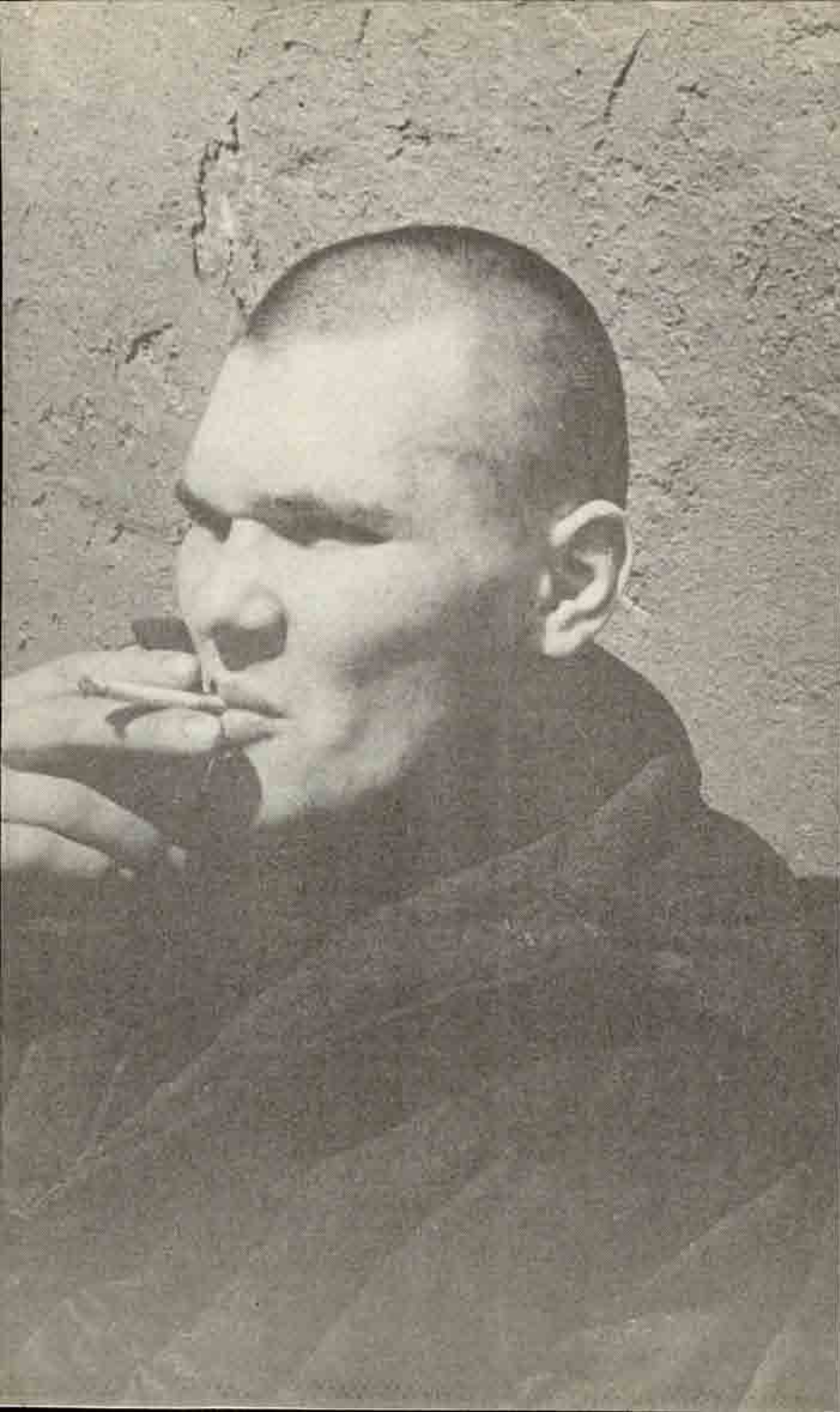

Годен!

Полноление.

*День «открытых дверей»
на призывном пункте.*

СЕТЕВОЙ ТРА...
ГРАФИК ПРИБЫТИЯ ПРИЗЫ

A black and white photograph showing a woman in profile on the left, looking towards a large grid chart that occupies the background. The chart has a header with the text 'ГРАФИК ПРИБЫТИЯ ПРИЗЫ' and some smaller text above it. The woman is holding a white sign in front of her. The sign has the text 'СОЛДАТ ОГИБ НЕ НА ВОЙНЕ.....' written on it in a hand-drawn style.

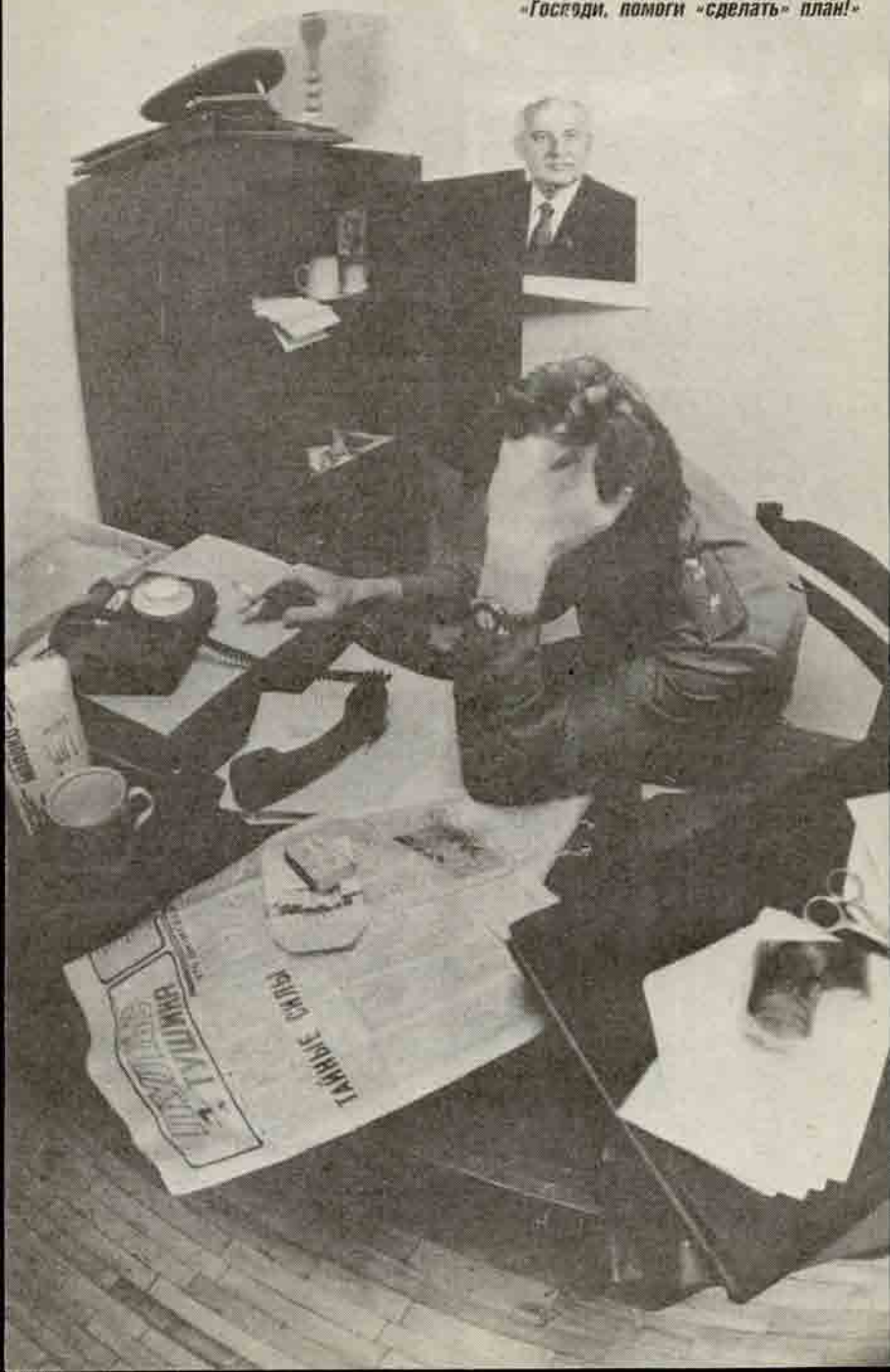
СОЛДАТ
ОГИБ НЕ НА
ВОЙНЕ.....

-Покаторы- настроены только на прием.

**В военкомате.
«Госкэди, помогите «сделать» план!»**

По-моему, все это — лишь начало
того,
что мне судьба предназначала,
свою тропинку под ноги кладя.
По-моему, все это — лишь веленье
окрайны,
где ждут стада олени
идущего по ягелю дождя.

Его шаги почти не различимы,
как будто он и сам обулся в пимы,
оделся в серо-бурые меха,
и вот идет и гонит чьи-то думы
туда,
где над рекой пастушьи чумы
дымят среди лишайников и мха.

По-моему, не дождь,
а я в дороге —
такой же бесшабашный, длинноногий,
русоволосый, звонкий, ветровой...
Мне так легко и так просторно в тундре,
что — нет заботы —
тучи или кудри
вихрятся над моею головой!..

ЗОЛОТО

В совок крупинки сыплю желтые,
сушу на дымном костерке.
Подую —
звездочки тяжелые
не шелохнутся на совке.
Шурфами мерзлота исколота,
но, век стараясь
для Руси,
старатели не любят золото...
Не веришь —
у других спроси!
Не любят золото старатели,
хоть, от рассвета
до темна,
полжизни на него потратили,
а жизнь —
немалая цена!
Немалая цена —
распадками
порой неделями бродить,
таскать сырой песок
лопатками

и глыбами ручей прудить.
Идем большие,
смуглокожие,
каменья тяжестью дробя...
На древних странников похожие,
мы не похожи на себя.
Под месяцем,
для нас засвеченным,
привычно миновав подъем,
мы в золотую кассу
вечером
добро намытое сдаем.
Ведь вот до золота дороемся,
его желая одного,
дороемся,
и вдруг —
торопимся
освободиться от него.
Как будто нам,
сумевшим выдюжить
снега и стылые ветра,
пустычной тяжести не выдержать,
как будто — вечность
до утра!

РОЗОВЫЕ ЧАЙКИ

Не щебечущих пташек,
что букашкам сродни,
помню птиц, улетавших
зимовать в польньи.

В ледовитых просторах
находивших пути.
Помню птиц,
у которых
рдело солнце в груди.

А еще что я помню
за излучиной той?
Помню рвавшийся к полдню
чаек крик над водой.

Но не помню, как ноги
нас несли вдоль воды:
третий месяц в дороге,
третий день без еды.

Ослабевших и лютых,
предрекая финал,
нас голодный желудок
до трясины догнал.

Здесь мы встали на роздых,
и, взглянув на мысок,
вдруг заметили гнезда
за щетиной осок.

Яйца — хоть и не мясо,
все же — малость тепла,
и липучая масса
в наши рты потекла.

...Мы в сонливость впадали,
а над краем земли
с криком чайки летали —
улететь не могли.

Все кричали в отчаянье,
все носились кругом...
А потом,
на прощанье,
нам махнули крылом.

И оставил мне Север,
повторяемый в снах,
крыльев пепельно-серых
всепрощающий взмах!

НА ЛЕСОСЕКЕ

В чащобе,
где жила прохлада,
где ставил петли птицелов,
держала небо колоннада
сосновых солнечных стволов.

Был этот лес живым пространством,
звучащим испокон веков,
был этот лес веселым царством
брусники и боровиков.

Где вот стою на лесосеке,
у обнаженных берегов...
Отсюда лес потащат реки
в пустыню, в степь, где нет лесов.

Печаль мое сознание будит,
лес рубят — в сердце рикошет:
одно — коль не было и нет,
другое — вдруг его не будет.

Среди машинной трескотни
стою на вырубке,
как в яме,
и небо рушится на пни,
облепленные муравьями...

ВЫХОД ИЛИ ТУШК?

СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВ

Американский ученый назвал советскую экономику велосипедом с квадратными колесами. Аренда — попытка эти колеса округлить.

20

...Абалкин, Аганбегян, Бунич, Селюнин, Шмелев... И снова — Шмелев, Бунич, Абалкин, Аганбегян, Селюнин...

Разговор об экономике ведется в прессе примерно с одними и теми же людьми.

А что думают специалисты пусть менее известные, но тоже держащие руки на руле управления отечественным хозяйством и — более молодые?

Представлю своих собеседников.

Заурбек ЦУЦАЕВ, директор консультационно-внедренческой фирмы «Экономика» и одновременно заведующий центром обучения, исследований и консультирования Союза арендаторов и предпринимателей СССР. Ему 37 лет.

Геннадий ДЕНИСОВ, тридцатипятилетний заместитель генерального директора Союза арендаторов и предпринимателей СССР. Один из зачинателей движения научно-

технического творчества молодежи.

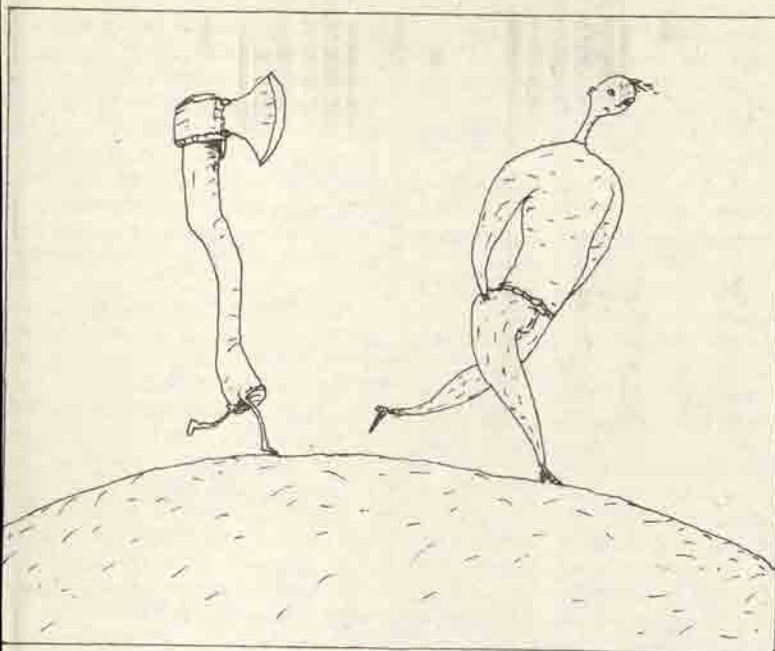
Илья БАСКИН, генеральный директор Союза арендаторов и предпринимателей СССР, 34 года.

— Вас, конечно, не надо убеждать в преимуществах аренды — вы и так «ангажированы» этой идеей. Но читателям поясню...

Это путь к приватизации собственности: сначала — аренда, затем — выкуп предприятия его работниками, потом — акционерное общество. Пока вроде бы невелика новация — предприятие начинает платить вышестоящему органу лишь строго определенную на каждый год сумму — и такие результаты!.. Не видел бы своими глазами — не поверил.

ПЕРВОЕ НЕЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Полтора года назад я был в командировке на Днепропетровском трубопрокатном заводе имени Пе-

нина. Завод тогда только что перешел на аренду, то есть стал платить в госбюджет и министерству четко оговоренную сумму.

Вспоминаю, как разъянял мне заместитель генерального директора по экономике Петр Александрович Зеркаль, за счет каких факторов завод собирается увеличить свою прибыль. При пяти миллионах плановой прибыли в год завод хотел получить около трех миллионов сверхплановой. 930 тысяч рублей планировали занять, увеличив объем производства, около 1250 тысяч — благодаря улучшению качества продукции и улучшению структуры производимых труб, а еще 970 тысяч — за счет разного рода экономии. Тогда эти цифры казались фантастикой. Но вот прошел год, и я позвонил Зеркалю. Оказалось, получили сверх плана даже не 3, а 4 миллиона. Все эти деньги остались в распоряжении завода. Зарплата

у металлургов за год возросла не на 2—3 пункта, как прежде, а на 32 процента. Прекратился отток рабочих в кооперативы. А в развитие производства вложили не 5—6 миллионов рублей (как предполагали), а тринадцать.

И страна — мы все — внакладе не осталась. Деньги эти отработаны «лишними» трубами, их качеством...

И везде, где аренда пошла, происходят такие вот экономические «чудеса». Припомню знаменитый концерн «Бутэк», ведомый Михаилом Александровичем Бочаровым, и не менее известный МНТК «Микрохирургия глаза», возглавляемый Святославом Николаевичем Федоровым. О них много написано.

Но почему же аренда (пользуясь лексиконом прошлых лет) «широко шагает по стране», а живем мы все хуже и хуже?

Илья БАСКИН. Дело в том, что

аренда далеко не так широко шагает, как хотелось бы.

— Сейчас вы, наверное, скажете о бюрократах, которые гонят, маринуют, душат все прогрессивное...

И. Б. Вы напрасно иронизируете. Идет самая настоящая война мертвечины с живым... Бескровная война, но драматичная.

Заурбек ЦУЦАЕВ. Министерства никому не хотят отдавать те властные, вернее, полновластные функции, коими обладают до сих пор. Для деятеля аппарата не надо быть пророком, чтобы рассудить: чем больше «твоих» предприятий перейдет на аренду, тем меньшей властью ты будешь обладать, и «истощается» потребность в твоём служебном существовании. По-человечески мне понятна тревога чиновников, которые сдерживают переход на аренду под любимыми предложениями...

Например, правительством предусмотрено крайне ограниченный круг предприятий, которые нельзя сдавать в аренду по соображениям, так сказать, «высшей целесообразности»: оборонные, атомные объекты и тому подобные. Однако, когда речь зашла о том, чтобы конкретизировать этот перечень, почти все министерства пытались включить свои предприятия в запретительный список. Причем дружно говорили: «Аренда — это хорошо, это — во!» И добавляли: «...но не для нас. А у нас допустить ее нельзя — потому-то и потому-то». Причины приводились такие: мы относимся к базовым отраслям промышленности, а аренда — шаг по пути передачи государственного предприятия в руки коллектива. «Значит, рабочие теперь будут хозяевами металлургического завода? — спрашивают аппаратчики. — А если они не захотят выпускать металл и возьмутся за шашлыки? Что

будет тогда с нашей экономикой?»

Второй предлог такой (приведу аргументы чиновников): «Все предприятия нашего министерства завязаны между собой технологически, и если какое-то из них перешло на аренду или, не дай бог, «самовыкупилось» и начинает работать, ориентируясь на рынок, то вся цепочка рвется, и мы заваливаем отрасль...»

Но истинные причины заключаются, конечно, не в этом. Если взять экономику зарубежных стран, мы прекрасно знаем, что, например, военно-промышленный комплекс США — это, как правило, частные фирмы...

— И ничего, справляются...

З. Ц. А ведь это — военно-промышленный комплекс, а не свечной заводик!.. Конечно, причины кроются не в проснувшейся вдруг заботе министерств о благе народного хозяйства, а в том, что они хотят выжить — выжить любыми способами.

Геннадий ДЕНИСОВ. Могу даже дать классификацию, как борются с потенциальными арендаторами.

Способ первый: как только выясняется, что коллектив надумал перейти на аренду — меняют организационную структуру. Был самостоятельный завод — стал филиалом более крупного предприятия... Закон о госпредприятии позволяет сегодня с тем звеном, которое намеревается стать самостоятельным, поступить так, чтобы оно «растворилось», чтобы его не стало...

Второй способ: под любым предлогом убрать руководителя, который будоражит народ, и посадить в его кресло человека лояльного. А возможностей сделать это предостаточно. У нас столько законов, противоречащих инструкциям, и инструкций, противоречащих законам, что «неугодного» можно привлечь к любой ответ-

ственности — вплоть до уголовной.

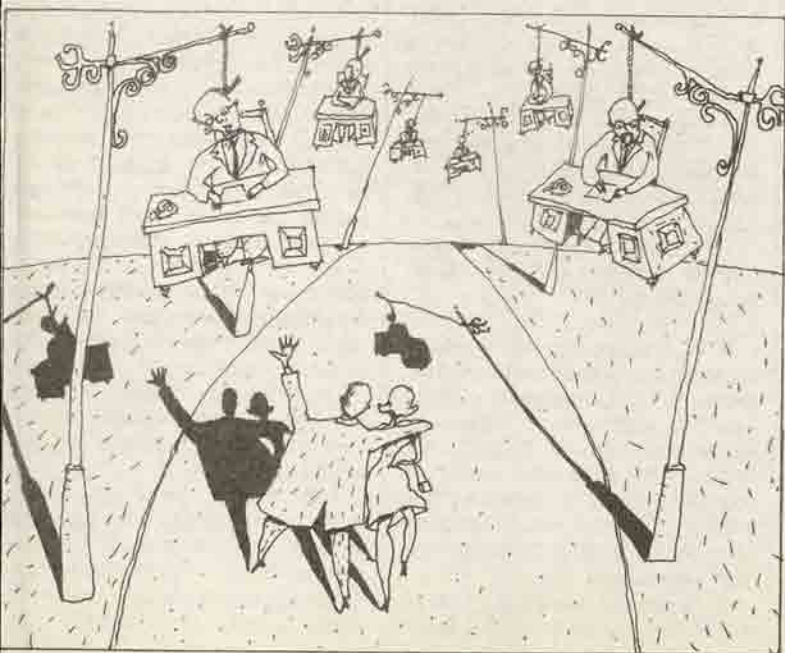
Но... разрешили предприятию перейти на аренду. И тут начинается совершенно жуткий диктат. Предположим, в цехе, ставшем арендным, половину станков в пору в металлолом сдавать. Руководство цеха предлагает: давайте мы из оборудования возьмем лишь 15 процентов (но то, что годно для работы...) и будем делать госзаказ. Нет, вышестоящие навязывают им и те станки, которые никому не нужны, — приходится платить за их аренду плюс амортизационные отчисления да еще ухаживать за ними. Вахханалия вседозволенности!

И последнее, самое, пожалуй, серьезное: коллектив, став арендным, попадает в положение изгоя. У него совершенно неравные права по сравнению с теми, кто «не высовывается». Чтобы структура сохранилась, начальство помогает

прежде всего **неарендаторам**. И, у него (у начальства) есть все возможности — одно материально-техническое снабжение его стоит! — сказать: видите, аренда себя не оправдывает...

— Да, классификация ваша не умозрительная, под каждый ее пункт можно подобрать пример, да не один. С несколькими из них меня познакомил адвокат Владимир Борисович Ляндерс...

Есть в Евпатории специальное управление механизации строительства треста «Евпаториястрой». В декабре прошлого года это СУМС перешло на аренду — естественно, и работать в нем люди стали лучше, и зарабатывать поприличней. Это не понравилось вышестоящим. Быстренько — и незаконно! — провели ревизию, постановили освободить от должности директора СУМС и даже прислали милиционера изъять печать и штамп управления...

Еще пример. В Одессе существует объединение «Бытрадиотехника», а в его структуре — «Бытрадиосервис», который и перешел на аренду. И опять та же схема: лучше начали работать — больше зарабатывать — кому-то из начальства это не понравилось. Объединение стало требовать расторжения арендного договора с «Бытрадиосервисом». Дело пошло в областной арбитраж, тот признал: арендное предприятие право. Не успокоились «запрещальщики»: подали апелляцию в арбитраж республиканский. Украинские арбитры тоже не нашли оснований разорвать договор. Тогда дело вознесли аж в Госарбитраж СССР — вот ведь какая настойчивость!

Мой коллега и товарищ из «Рабочей трибуны» А. Евгеньев рассказывал об истории, случившейся в Запорожье: шестнадцать месяцев (!) боролся местный завод железобетонных конструкции с объединением «Запорожжелезобетон», чтобы перейти наконец на аренду. А сколько — и ни в каких святцах это не записано — директоров хваталось в мыслях своих за спасительную вырубалочку аренды, а предвидя борьбу и лишения — так же мысленно отступали...

Интересно, какое из министерств особенно сильно невзлюбило аренду?

И. Б. Больше других — Министерство морского флота. В этом ведомстве долгое время пытается уйти в «автономное плавание» Балтийское морское пароходство. Пока дело едва не кончилось увольнением его начальника... Министерство гражданской авиации тоже не приемлет, похоже, арендные отношения...

З. Ц. Надо, наверное, сказать и о тех, кто открывает новшеству

«зеленый свет»: промышленность стройматериалов и пищевая. В промышленности стройматериалов это исторически, можно сказать, сложилось: пионером аренды был Бутовский комбинат...

И. Б. Расставлять оценки министерствам сложно. Как правило, вопрос «пущать — не пущать» упирается в конкретного человека — руководителя главка, объединения. В одном и том же ведомстве один начальник может быть прогрессивным, другой — ретроград.

Вообще ситуация сейчас похожа на ту, что была в России в 1861 году. Та же ошибка: отменять крепостное право — не отменять. Одни понимают, что без этого не спасти страну, не вытащить ее из экономической пропасти, другие не осознают этого.

— Можно ли найти на ведомства управу?

И. Б. Недавно мы, руководители Союза арендаторов и предпринимателей, имели трехчасовую встречу с Ворониным, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. Условились: между правительством и нашим Союзом заключается договор. Согласно ему уже создана группа из пятнадцати человек, в которую входят и наши представители и представители правительства. Будем решать спорные вопросы, приглашая на заседания высших аппаратчиков — вплоть до министра. Подключим широко прессу. И когда люди узнают — из газет, с телеэкранов, какова позиция Совмина и нашего Союза, желающих гнать аренду, думаю, сильно поубавится...

Г. Д. А мне лично симпатична идея, высказанная президентом нашего Союза Павлом Григорьевичем Буничем: создать вневедомственный независимый комитет по приватизации собственности со

своими региональными бюро. Чтобы любой коллектив, приняв решение о переходе на аренду, шел бы не к начальнику главка, который почти наверняка против этой идеи и никогда не пойдет навстречу, а в бюро. И там бы оценивали собственность, взимали справедливую арендную плату. Чтобы комитет — независимый, подчеркну еще раз, — был арендодателем и арбитром в спорах об аренде.

— Честно говоря, мне это не нравится: чтобы перейти к рынку, мы создадим еще одну бюрократическую структуру.

Г. Д. Но эта структура временная, она просуществует год, ну два, ну пять лет, выполнит свою функцию и отомрет. Без такого независимого комитета путь к рынку у нас будет значительно более длительным...

— Что-то мне не очень верится в самостоятельное «отмирание» чиновников...

(Как все же нынче стремительно меняется страна. Пока готовился этот материал к публикации, Президент страны подписал Указ об организации Фонда госимущества. Фонд этот и будет решать многие вопросы, связанные с приватизацией собственности, с арендой, выкупом предприятий... — **С. Л.**)

Итак, мы обсудили первую группу вопросов. Общий вывод: аренда не идет потому, что ее зажимают вышестоящие. Но, наверно, есть и другие факторы, мешающие «арендизации». Например, такой: люди боятся «отстрела». Смотрят на кооператоров и прикидывают: ну, перейдем мы на аренду, а через год нас, как сейчас тех бедолаг-предпринимателей, прижмут налогом. Система уже приучила: кто слишком высовывается, получает по рукам...

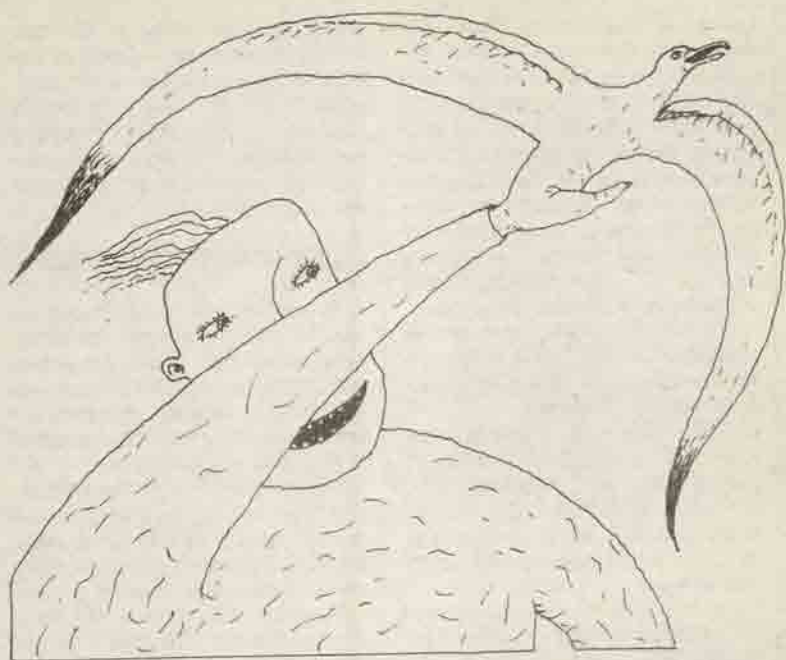
И. Б. Такого «отстрела», как с кооператорами, быть не может. Я сам прошел кооперативное дви-

жение, знаю его изнутри. Кооперативной психологии — быстрее хануть и «раствориться» — у арендаторов нет. Все-таки зачастую это тысячные коллективы, с многолетними традициями, с ориентацией на долгосрочные, долговременные перспективы...

ВТОРОЕ НЕПРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

В апреле был я на орловском заводе «Научприбор», перешедшем на аренду. И вот интересно: в отличие от днепропетровцев там эффекта от аренды практически нет. Разве что у рабочих тринадцатая зарплата увеличилась на сто рублей. Почему? Об этом спрашивал заместителя генерального директора завода по экономике Людмилу Григорьевну Монину. Людмила Григорьевна сначала говорила мне, а потом даже в мой блокнот записала: «Мы пока только играем в аренду, потому что нормальная работа не может зависеть от постоянно меняющихся указов. Нужны гарантии стабильности!» В самом деле: повысили отчисления на соцстрах, тарифы на воду, электроэнергию, транспорт, увеличили налог на административно-управленческий персонал — завод недосчитался за год миллиона с лишним рублей (при тринадцати миллионах прибыли). Посудите сами: сэкономить миллион — какие усилия нужны, а отобрать его — один лишь росчерк высокого пера...

Ждали и решения о новых налогах с предприятий. Монина говорила: хотелось, чтобы были они не слишком высоки — тогда это даст толчок развитию завода. А если выше теперешних, то где взять деньги на их покрытие? Из фонда зарплаты? Нельзя — рабочие разбегутся. Значит, самые уязвимые фонды — социального развития и развития производства.

придется прекратить строить жилье, детские сады, обновлять технику...

И разве можно постоянно менять правила игры? Сегодня выигрывает тот, у кого на руках «двадцать одно», завтра — тот, у кого «двадцать два», послезавтра — тот, у кого «десятка»...

З.Ц. Надо принимать мир таким, каков он есть. «Правила игры» действительно меняются. Мы можем проследить это хотя бы по тому, как менялось налогообложение прироста фонда зарплаты (печально знаменитое «постановление Абалкина»): принято, затем раскритиковано и через несколько месяцев, в феврале, по сути, отменено...

И здесь я ничем не могу утешить. Исправление «правил игры» в ходе самой игры сейчас неизбежно. Более того, по мере продвижения к рынку элемент неопределенности будет усиливаться. Так

что не надо бороться за стабильные «правила игры», не надо свой пыл растрчивать на это... Ведь когда существует рынок, то каждое утро ты просыпаешься уже в новой ситуации, и надо уметь ее прогнозировать... Вот этому необходимо учиться, а не создавать для арендных предприятий «особые условия». Неопределенность — общее состояние нашей экономики. К сожалению...

Г.Д. Да, все меняется настолько динамично, что никакой стабильности нет. Недавно к нам в Союз обратился юрист. Сказал: вы знаете, ребята, я просто растерялся. Мне 50 лет, я двадцать лет работаю на предприятии, и для меня не было никаких проблем. Любую задачку, которую мне давали, решал с ходу, даже в документы не заглядывал, все знал наизусть. А теперь и после работы, вечерами, изучаю все эти документы, законы... Только нала-

дится — все навыворот, давай новые нормативы...

Это нынче характерно для всей нашей экономики, не только для арендных коллективов. Процесс идет методом «тыка»: попробовали, посмотрели, изменили... А потери большие, миллионные...

ТРЕТЬЕ НЕЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

...Я шел по цехам завода «Науч-прибор». Спрашивал у рабочих: переменялось ли что-то в труде, отношении к делу после того, как предприятие перешло на аренду? В ответ пожимали плечами:

— Работаем, как прежде.

— Ничего не изменилось...

А инженер Сергей Щекотихин сказал:

— Наша аренда — как ветер в лесу: где-то наверху кроны раскачивает, а внизу — тишина...

Секретарь парткома Юрий Хвостиков повернул разговор по-другому:

— Плюсы от аренды сказываются у нас опосредованно. Начали строить свой дом — в следующем году очередники вселятся, база отдыха стала действовать: двухдневные «каникулы» за чисто символическую плату... А впрямую отдачи от аренды действительно еще не ощутили.

Так в чем же дело? Мне кажется, что в нас глубоко укоренилась иждивенческая психология: при любых экономических новациях мы прежде всего думаем, как бы получить побольше, работая при этом, как и прежде. Само по себе желание вполне естественное, тем более если учесть, что наша административно-командная система присваивает куда больше прибавочной стоимости, чем любой «капиталистический спрут».

Однако, чтобы жить «по-западному», надо по-западному и работать. Тут мне вспомнились сетова-

ния моего знакомого экономиста, руководителя совместного предприятия Сергея Пятенко. Он говорил: «Найти, даже на место курьера, человека обязательного, безусловно исполнительного страшно трудно. Люди развращены ничегонеделанием. Как с таким человеческим материалом переходить к рынку, не представляю...»

Аренда — первая ступенька при переходе к ответственному, четкому, инициативному труду. Предприятие не сразу бросают в мутный омут рынка. По мере углубления аренды, выкупа, создания акционерного общества будет постепенно меняться и психология...

Правда, в ряде изданий утверждалось, что стоит только перейти предприятию на аренду, как работник его начинает чувствовать себя хозяином завода, его собственником. Рад за коллег, которым удалось это обнаружить. Я, сколько ни говорил с рабочими в Днепропетровске, в Орле, в Подмоскovie, ничего похожего не заметил. Только одна женщина сказала: «Слежу, чтобы в раздевалке зря свет не горел»...

3. Ц. Вполне естественно, что работающие на аренде пока не чувствуют себя собственниками. Аренда и не меняет никоим образом отношений собственности. Как было государство хозяином предприятия, так и осталось, просто дало коллективу попользоваться производственными фондами. На время! Ну а коли ты хозяин на время, то и психология у тебя соответственная — временщика. А не хозяина.

Другое дело, если понимать аренду как необходимый, переходный этап на пути от государственной собственности к коллективной. Лишь когда предприятие будет выкуплено теми, кто на нем работает, возникнет проблема, которую вы затронули: с чего вдруг

в шеститысячном коллективе человек станет чувствовать себя хозяином? Вопрос правомерный, и ответить на него можно так: если мы выкупили предприятие, то на мою долю приходится одна шеститысячная часть основных фондов, оцененная, допустим, в пять тысяч рублей. И если я уйду с предприятия, смогу забрать свою долю. А если оставлю, то каждый год на эти деньги станет начисляться определенный процент, поскольку мои средства участвуют в создании прибыли. И так, я не только рабочий, но и капиталист. Я вложил деньги в производство — они дают прибыль, принося мне дивиденд.

Г. Д. Коллектив, перешедший на аренду, должен сломать внутреннюю структуру. Необходимо избавиться от тех, кто плохо работает. Нужна решительная социальная ломка! Кто-то из директоров идет на это и добивается великолепных результатов. А кто-то (в основном из тех, на кого сильно давят сверху) откладывает это на потом: не дай бог начнут давить и снизу. Недолго потерять поддержку коллектива — загубить и идею, и себя. Руководитель, оказываясь как бы между прессами, выбирает: я буду бороться с верхом, но мне нужна поддержка снизу. А это значит — коллектив остается, каким и был...

И. Б. К свободному труду нам еще привыкать и привыкать... Если бы договор об аренде действовал моментально: были за ключей проволокой, а теперь — свобода! Вот тогда бы сразу ощутили перемену. Но нет, перестройка психологии в одночасье не происходит. К тому же в больших коллективах ситуация иная, чем, скажем, в магазинчике: там арендатор работает непосредственно с покупателями, товаром, деньгами. А на заводе как стоял у стан-

ка, так и стоишь. Не будешь же каждый раз в бухгалтерию бегать, разбираться в миллионных оборотах. Нужно время, чтобы почувствовать себя собственником...

— В одном из своих интервью президент Союза арендаторов Павел Григорьевич Бунич говорил, что работники сапожной мастерской, которая находится в его доме, уже сейчас могли бы выкупить ее у государства. Примерно о том же говорила в Орле и Моница: «Допустим, каждый наш работник соберет 7 тысяч, и мы захотим выкупить завод... Но кому отдавать деньги? Как все оформить юридически?» Вот эти вопросы я переадресую вам.

Г. Д. Здесь парадокс нашей жизни, и экономической, и политической. Нам твердили: все кругом народное. А сейчас, когда народ действительно захотел взять все себе, ему говорят: заплатите государству. Уже не народу все принадлежит, а государству. Нет более богатого государства, чем СССР, потому что все принадлежит ему.

Было бы правильно: взял я семь тысяч и переложил в другой карман — народ заплатил народу за его собственность. А сейчас он свои кровные рубли, которые заработал на своей фабрике, должен отдать за эту фабрику государству. А как иначе? Настолько все запуталось... Как завод отдавать народу? Как, к примеру, учесть тысячи пенсионеров, которые отдали заводу столько лет — завод ведь крепчал, богател их трудом. Механизма никакого не вижу...

И. Б. Проект Закона об аренде и выкупе предприятий в РСФСР уже подготовлен. Сейчас мы собираем всех региональных президентов нашего Союза, чтобы обсудить его. Затем наш Союз выйдет с за-

конодательной инициативой в парламент республики... Так не бывает: сегодня разрешили аренду, завтра появился закон.

3. Ц. Когда я был в Англии, мы там встречались и с английскими экономистами, и с американцами из ассоциации коллективных собственников, и они говорили: «Господа, не торопитесь... У нас процесс законодательства по поводу выкупа, по поводу коллективной собственности шел полтора десятка лет».

— Возможна ли аренда — «свободный труд свободно собравшихся людей» — в условиях партийного диктата из райкомов, горкомов?.. На том же «Научприборе» в Орле мне сказали, что ежегодно по разнарядкам властей около восьмисот работающих участвуют в уборке урожая, только на зарплате им предприятие теряет около 100 тысяч рублей.

Г. Д. Аренда — один из путей очищения экономики от идеологии. Директору арендного, то есть свободного, предприятия легче будет отказаться выполнять указания райкома. С другой стороны — невмешательство КПСС даст больше возможностей для совершенствования экономики, перехода на ту же аренду.

— Заканчивая наш разговор, можем, наверное, подытожить, что аренда — это путь от ничейного «нашего» к реальной собственности. Входит она в нашу жизнь не просто, и настоящий эффект от нее еще впереди...

Как сказал мне директор одного арендного предприятия: «Раньше мы были обеими ногами прикованы к батарее. Теперь одну ногу расковали и сказали: можешь ходить ею по всей комнате...» Разрешите пожелать вам — и всем нам! — добиться того, чтобы

у предприятий были раскованы обе ноги...

Р. С. Акционерным обществом стал КамАЗ. Вкусив преимущества аренды, коллектив решил двигаться дальше. Акции нового общества могут теперь приобретать и те, кто трудится в цехах гиганта, и те, кто вышел на пенсию, и «люди со стороны», и даже зарубежные фирмы.

На всех участках, предприятиях, входящих в объединение, прошли собрания, решая, быть или не быть акционерному обществу. Сомневались: не раскупят ли акции дельцы теневой экономики, не станет ли промышленный гигант заложником рынка?.. Опасались: не приведет ли новшество к сокращению штатов, особенно управленцев? Что ж, вполне возможно. Балласт, «пустая порода» не для держателей акций.

И вот в августе нынешнего года на трудовой конференции КамАЗа решили: акционерному обществу быть. «За» голосовала в основном молодежь. Но и тем, кто выходит на пенсию, новация должна принести постоянный доход, а значит, спокойную старость. Словом, автогигант прошел по цепочке: хозрасчет — аренда — акции. От монолита административно-командной системы откололся немалый кусок. Значит ли это, что скоро она развалится вся?

ЧИТАТЕЛЬ·«СМЕНА»·ЧИТАТЕЛЬ

- ┌ Мины замедленного действия
- ┌ Красота не по карману?
- ┌ Защитите... милиционера

┌ Прочитал в «Смене» (№ 3, 1990) статью «Проверено: мины есть!». Больно читать сводки, подобные приведенной в начале статьи. Дети гибнут, подрываясь на боеприпасах, получают увечья...

Много проблем у нас в стране скопилось, все их решать надо, решать компетентно. Но даже предложения работника аппарата ЦК ВЛКСМ грешат легковесностью подхода. Самый главный недостаток — финансы. То, что мероприятия по массовому разминированию потребуют значительных затрат, несомненно. Передислокация частей и подразделений из других округов упрется в большой для армии вопрос — жилье, социальбыт. Заставлять людей, занимающихся этим опасным для жизни делом, жить месяцами в палатках, без элементарных бытовых удобств — откровенное издевательство. Конечно, использовать для этого профессионалов, специалистов с боевым опытом необходимо, проведение таких мероприятий — прямая забота армии. И курсантам была бы реальная, а не условная практика.

Но... 30 тысяч машин Министерство обороны послало на уборку урожая. А это ведь не только машины, это еще и сотни офицеров и прапорщиков всех

специальностей, используемых не по назначению. Армия «заносит хвосты» за гражданскими организациями на многочисленных стройках. Я уже не говорю о районах стихийных бедствий и аварий, где применение армии как высокоподвижной и организованной силы оправдано только в начальный период. И еще. Необходимо будет при разминировании предоставить командирам всех степеней право на риск — право, данное всем армиям, кроме нашей. Разумеется, риск разумный и оправданный, не имеющий ничего общего с «волевой рубкой шашкой». Армия должна заниматься своей работой. Конечно, потребуются и дополнительные саперные подразделения (лучше профессиональные), и собаки, и совершенная техника. В таких условиях найдутся у армии и люди, и техника.

Капитан А. В. БЕЛЫЙ,
Черниговская обл.

┌ Прочитал очередную статью В. Переведенцева «Лишние люди» («Смена» № 4, 1990). Не будучи демографом, я не рискую вступать с ним в научный спор. Соглашусь, что положение в Средней Азии разительно отличается от того, какое нам рисовали в годы застоя. Думаю,

будет правильно, если мы позволим местным специалистам самим разобраться в среднеазиатских проблемах. А нам, россиянам, остро необходимо сосредоточить свой не очень, наверное, мощный демографический научный потенциал на глубоком, всестороннем анализе демографических проблем России, и особенно русских областей. Думаю, что и специалисту понятно: вопрос о разработке всеобъемлющей демографической программы России давно уже назрел. С этим вопросом нельзя больше медлить. Мы, россияне, фактически не знаем о себе ничего конкретного. Истинная картина положения дел в России извращена прошлой пропагандой. А положение, судя по многим признакам, не может не внушать глубокой тревоги. И чтобы поправить его, необходимо знать доподлинно ситуацию. Демографическая программа должна ответить на многие вопросы и дать ключ, точнее, предложить подходы к решению возникших и быстро усугубляющихся проблем России.

А. АНУЧКИН-ТИМОФЕЕВ,
кандидат исторических наук,
Москва

В четвертом номере «Смены» прочитала статью «Напишите свой портрет» и ... огорчилась. Действительно, часто мы — девушки — напоминаем «булгаковскую Геллу, эту синошину ведьмочку...» — так написано в вашей статье. А почему? Да из-за недостатка информации. Самой элементарной информации. Мы действительно скупаем (где придется) новинки заморской косметики, а как ею пользоваться, не знаем. Ведь не в каждом городе есть такой салон, где тебе посоветуют и научат,

а если салон и есть, то туда не каждый сможет попасть, и не всякому это по карману. Вот и сейчас, получив «Смену», жадно всматриваюсь в фотографии, приложенные к статье, а что толку?

Теперь о главном. Нельзя ли напечатать на страницах «Смены» примеры макияжей (их подробное описание). Или даже открыть специальную рубрику, под которой давать советы, рекомендации по данному вопросу?

ТАТЬЯНА П.,
Архангельск

Я, работник милиции, прослужил в органах шестнадцать лет и всегда старался вести непримиримую борьбу с негативными явлениями. Вот что случилось около двух лет назад. Виновником одного из дорожно-транспортных происшествий оказался наш сотрудник, управлявший автомобилем в нетрезвом состоянии. Я написал рапорт на имя начальника ОВД для принятия мер, и закрутилась карусель, но против меня, в защиту злостного нарушителя, за плечами которого не первое ЧП. В результате приказом начальника УВД Ставропольского края я был уволен из органов внутренних дел по несоответствию. Шесть месяцев я боролся с этой несправедливостью и, наконец, решением МВД СССР был восстановлен в прежней должности. Чего мне это стоило, в письме не опишешь.

Сейчас я служу, но против меня идет постоянный психологический террор, оскорбления, унижения и т. д. Те, кто меня окружает на службе, что хотят, то и творят, почему-то уверенные в своей безнаказанности.

Как же найти справедливость? МВД СССР отвечает формальными отписками. К т. Бакатину В. В. попасть практически невозможно: дважды пытался — не получилось. Теперь надеюсь найти поддержку в вашем журнале...

Старший лейтенант милиции
В. К. GERMAN,
Светлоград
Ставропольского края

От редакции. Мы бы не стали комментировать это письмо, если бы не встреча со старшим лейтенантом Германом в редакции журнала.

Он приехал не жаловаться, нет. Просто тридцатипятилетний мужчина, не избалованный жизнью, профессиональный защитник сограждан сегодня, увлеченный в защите. И вот что любопытно: мы внимательно изучили все документы по «делу» В. К. Германа, работника ГАИ Светлоградского ГОВД, и можем с полной уверенностью сказать, что Василий Константинович прав «на все сто».

Это подтвердила и проверка МВД СССР — В. Герман восстановлен на работе в прежней должности. Виновных в преследовании старшего лейтенанта наказали (кого отправили на пенсию, кому — выговор, предупреждение и т. п.), и вроде бы уже нет нужды прессе вмешиваться в конфликт «местного значения».

Если бы так...

Василию Константиновичу до сих пор не оплатили полностью вынужденный прогул (не выдана зарплата с сентября по декабрь 1989 года), а если учесть, что на его заработок (230 рублей «чистыми») живет вся семья — сам-четвертый, то можно понять старшего лейтенанта.

Но опять-таки не это главное.

В отделе сложилась невыносимая обстановка, как рассказывает В. Герман. Он попал под жесткий моральный (а точнее, «аморальный») пресс. От начальства слы-

шит то и дело: «Предатель... Мундир наш позоришь...»

Что же получается? Говорим о системе, о решении задач глобальных, о правовом государстве... Умно говорим, с жаром, доказательно. Но вот частный, конкретный случай: попрание этого самого права, издевательство над человеком честным, совестливым. И не в силах помочь ему? Не в силах защитить?

Поэтому обращаемся к начальнику Ставропольского краевого УВД генерал-майору Сергееву С. В., к руководству МВД СССР: разберитесь, пожалуйста, до конца, до «доньшика» с «делом» В. Германа, чтобы не оставался в душе старшего лейтенанта горький осадок, чтобы мог он не отводить взгляда от глаз подрастающих детей, чтобы в конце концов профессионализм, честность, совестливость милицейских работников, а не келейность, кастовость и ложная «честь мундира» стали основой их службы.

Это очень важно для нас всех.

Пишу по поводу статьи Ю. Рагозина «Жена из 9 «А», помещенной в 3-м № за 1990 г.

Американские исследователи приводят любопытные статистические данные. «Среди супругов, сожительствовавших до свадьбы, как это ни странно, разводов на 33 процента больше, чем среди тех, кто перед официальным вступлением в брак жил раздельно».

Зарубежная статистика свидетельствует о том, что «пробные браки» ведут не к укреплению, а к разрушению семьи.

Странного в этом нет ничего. Столь свободное поведение будущих супругов и должно вести к взаимной распущенности, поскольку и их собственное поведение, и поведение их многочисленных знакомых говорит о легкой доступности интимных от-

ношений. А у разведенных родителей и дети разводятся в полтора раза чаще.

**АНАТОЛИЙ ЛЕВЦКИЙ,
Кишинев**

Пишу о своем, наболевшем. Надеюсь, что мое письмо вы напечатаете, так как это не только моя боль. Я все о тех же льготах. У меня трое детей, их надо одеть-обуть, но в магазинах сейчас ничего не купить. А у моей подруги четверо — она считается многодетной. У нас в городе многодетных записывают в первую очередь на цветные телевизоры, только их и участников Великой Отечественной войны — на мебель, ковры, импортную обувь. И, конечно, на продукты. У меня дети забыли, когда ели гречневую кашу или стуженное молоко. Мясо достается раз в неделю. А чем ее дети лучше, что все это едят каждый день? Вышла на улицу многодетная мамаша и отдувается: фу, мол, каши гречневой объелась. Думаете, не обидно? Или взять, к примеру, цветные телевизоры. Она уже вторую очередь продает за сто рублей. Третий раз не удалось — аферу раскрыли и вычеркнули ее из списка, но сказали, что она может придти на следующий год. А ковры? Купила себе, а теперь снова берет с людей переплату. И так далее. Значит, мы с мужем и тремя детьми можем покупать все лишь у спекулянтов, а родив четвертого, получим льготы. Почему у нас в стране такая неразбериха: одним все, а другим ничего? Многие сейчас говорят, что люди стали злые, завистливые. Наверное, и меня обвинят в этом. А я просто хочу, чтобы все было по справедливости. У меня самая маленькая — дочка. Скоро зима, но у нее колготок нет. А моя подруга опять же накупила по записи и триси-

ков, и колготок и торгует ими на «толчке». Ее не волнует, что кому-то не достанется. Дошло до смешного, сигареты давали по две пачки на человека, так она на всех детей получила. Положено — и все.

Мую фамилию прошу не печатать. Не из-за подруги. Отношения у нас давно прохладные. Просто не докажешь людям, что это обида пишет, а не зависть.

И. К.

Мне 32 года, я инвалид 1-й группы: два года назад в результате трагического случая получил тяжелую травму позвоночника с разрывом спинного мозга. У меня полностью парализованы ноги. Но дело даже не в состоянии моего здоровья. Есть обстоятельство худшее — одиночество. Вот уже полтора года я лежу дома один, с утра до вечера. Мама уходит на работу утром, в начале седьмого, с домой возвращается в семь вечера. Так что почти 12 часов в сутки я нахожусь в тишине и одиночестве. Такое положение угнетает меня. Развлекаю мне ничем: у нас нет ни магнитофона, ни радиоприемника. Единственная радость — это газеты и журналы. Конечно, у меня были друзья и подруги, но только теперь они «забыли», где я живу. Я даже не очень обижен на них: это вполне обычное явление в наше время. Но мне очень хочется жить полноценной жизнью. Напечатайте мой адрес, может, кто-нибудь напишет мне, а может, кто-то из земляков станет мне навещать. Только в одиночестве начинаешь понимать, как нужно, как дорого человеческое общение, дружба. Мой адрес: 630078, Новосибирск, ул. Ватутина, д. 3, кв. 57. Телефон 44-99-25.

Евгений ЮРЬЕВИЧ МОЛУНОВ

ТАМ ЕСТЬ ТАКАЯ ШТУЧКА...

«Жигуленок» сел крепко. Парфенов открыл дверцу, взглянул, что там делается сзади, еще раз нажал на педаль акселератора, и его окатило жидкой грязью.

— Приехали.— Он достал из-под сиденья скомканную тряпку, вытер лицо и с минуту соображал, как быть дальше. На лобовом стекле подрагивал осиновый листок. Листок у корешка пожух и свернулся в трубочку.

— Где сидим?— спросил Парфенов.

Карта всегда лежала у жены на коленях.

Краем глаза он отметил, что за полдня они хорошо подвинулись к северу.

По крыше машины не спеша накрапывал дождь.

— Я же говорила, не надо сворачивать.— Жена передернула плечами. За последнее время она очень устала и постоянно зябла. Вот и сегодня на ней был плащ, хотя дождь не предвиделся.— Этой дороги и на картах-то нет.

Парфенов промолчал. Сидящая на заднем сиденье дочь уткнулась в неизменный кроссворд.

— Азербайджанский поэт-лирик шестнадцатого века. Из шести букв.

— Лирик?— вкрадчиво переспросила жена.

— Спокойно, мэм.— Парфенов повернул на себя обзорное зеркальце. Морда, конечно, была полосатая. Он попробовал найти у тряпки чистый уголок, повертел ее в руках и утерся рукавом.— Будем жить дальше. Топорик в багажнике?

— В багажнике.

Парфенов порылся в кармане и достал ключ от багажника.

— Тебе помочь? — спросила жена.

— Сиди, — ответил Парфенов.

Жена очень устала за последнее время. Она устала в Коканде, она устала в Баку, из-под Кандагара он старался писать ей почаще, но она все равно уставала ждать. Отпуск Парфенов выпросил из-за нее.

— Так как насчет азербайджанского лирика? — спросила дочь.

— Из трех букв. Лирик.

— Прикол. — Дочь повернулась к Парфенову. — Пап?

Он подмигнул ей, выбрался из машины, подвернул штанины, разыскал в багажнике топорик и пошел добывать настил под

колеса. Благо сидели они посреди леса. Колея была ненаезженная, помощи ждать неоткуда. Одна надежда на лопату да на стланик.

Через час задний мост был свободен. «Жигуленок» натужно урчал, взбираясь на настил, и скатывался назад.

— Придется толкнуть, — откинувшись на спинку сиденья, сказал Парфенов и поправил зеркальце. Отражение в зеркальце дрогнуло, поплыло и остановилось. На пустынной дороге, метрах в тридцати за машиной, стояли двое парней. Молодые, крепкие. В джинсах, кроссовках и рубашечках. Один — высокий светловолосый, другой — коренастый крепыш в рубашке, расстегнутой почти на все пуговицы, и со спортивной сумкой через плечо. На звук открываемой двери оба подняли голо-

вы, и коренастый что-то сказал вполголоса светловолосому. Тот кивнул.

— Ребята! — окликнул их Парфенов, не веря еще такой удаче.

— Помочь? — отозвался коренастый.

— Нет проблем, — поддержал светловолосый.

— Сейчас. — Парфенов сделал жене знак, чтобы перебиралась за баранку.

— Сиди! — усмехнулся коренастый. — Все будет путем, командир. Все будет аккуратно.

Дочь отложила кроссворд и отбросила со лба прядь волос.

Коренастый снял с плеча сумку, положил на багажник. Они с русоволосым нагнулись и ухватились поудобнее.

— Оп-ля! — скомандовал коренастый.

Парфенов потихоньку стал выжимать сцепление, набирая обороты, «жигуденок» ожидал, взобрался с хрустом и натугой на настил, перевалил его и прокатился метров пять по твердому месту.

— Ну, спасибо, мужики! — Парфенов вылез из машины, прихватив с собой тряпку. — Оботрите руки.

— Кидай, — сказал коренастый.

Светловолосый продолжал молча разглядывать сидящих в машине.

Парфенов бросил тряпку, и коренастый на лету подхватил ее.

— А я думал, ты на радостях с моей сумкой укаатишь.

Он не спеша вытер руки, передал тряпку светловолосому, снял сумку с багажника и снова повесил ее на плечо.

— Вы что, мужики! — сказал Парфенов. — Не знаю, как благодарить.

— Ну, это дело простое, — усмехнулся коренастый и посмотрел на светловолосого.

Парфенов с готовностью полез в карман, но коренастый жестом остановил его.

Светловолосый не отводил глаз от сидевших в машине.

— Жена с дочерью? — дружелюбно спросил он и, разжав руки, уронил тряпку на дорогу.

Парфенов посмотрел на тряпку, вынул правую руку из кармана, чуть помедлив, ответил:

— Да.

— Оставишь дочь. — Светловолосый лениво глядел из-под тяжелых век.

— Что?! — Парфенов услышал свой голос одновременно с коротким звуком выбрасываемого пружиной лезвия.

В руке коренастого оно светилось тяжело и холодно.

Парфенов загнулся на полушаге, не отрывая взгляда от ножа. Почти забытый автоматизм пригнул его, разворачивая корпус. В следующее мгновение правая нога должна была уйти резко вверх. И тут в бок Парфенову уперся тупорыльный металл.

— Спокойно, дядя. — Голос у светловолосого был по-прежнему ленивый, полусонный.

Из машины взвился пронзительный крик, кричали в два голоса.

— Скажи, чтобы не вопили.— Коренастый покачал лезвием ножа вверх и вниз. В прореху облаков пробилось солнце, и отражение, качнувшись, сверкнуло в луже.

До коренастого было два шага. До машины шагов семь. Коренастый стоял между Парфеновым и машиной. Парфенов шевельнулся и ощутил холодок металла. Коренастому до машины пять шагов. А ствол— у Парфенова под боком. Если жена...

— Перестаньте! Что кричать?— Парфенов посмотрел на жену. Жена сидела за рулем. Мотор работал. Оставалось врубить скорость.

— Что толку кричать?— повторил он и повернул голову к светловолосому.— Пошутили и хватит. Что вам надо?

— Оставишь дочь,— повторил светловолосый, и тупорылый металл плотнее вжался Парфенову между ребер.

— Вы что? В своем уме?— Парфенов старался растягивать слова. Если жена...

— Это ты, дядя, туго соображаешь. Тебе же сказано— дочь останется.

— Ты слышала, мать?— Парфенов повернул голову к жене. И увидел ее уже на дороге. Прямая и тонкая, руки в карманах плаща. Она стояла у дверцы. Жена, смертельно уставшая в этом году.

— Я пойду с ними. Такой вариант устраивает, мальчишки?

Губы у нее были плотно сжаты, лицо заострилось. В голосе такая ледяная брезгливость, что Парфенов почувствовал, как дернулся сзади пухлозадый блондин. Отказаться они теперь просто не могли. И Парфенов с ужасом подумал, что она попала в точку.

— Мадам!— Блондин скривил губы.— Было бы стыдно не заметить такую женщину, мадам. Прошу прощения, мадам. Только вы. Если... если ваш супруг не против.

— Ты не против, любезный?— Тупорылое железо снова ткнулось Парфенову в бок.

— Тебя спрашивают, козел,— сказал коренастый.— Отвечай!

— Очень невоспитанный человек.— Блондин вздохнул и носком кроссовки отбросил валяющуюся в ногах тряпку.— Он швыряет тряпки людям, которые пришли ему на помощь в трудную минуту. Нет, чтобы подойти. И вежливо предложить.

— Упрямый, как козел,— повторил коренастый.

— Нет, он невоспитанный.

— Козел он упрямый.

— Он невоспитанный. Воспитанный давно бы сел в машину и убрался вон.

— Слов он не понимает человеческих, потому что упрям, как козел. Еще раз попросим дочку с нами прогуляться,— начнет соображать. Козел!

— Да...— задумчиво протянул блондин.— Он козел.

— Упрямый,— добавил коренастый.

— Невоспитанный козел с тачкой.

— А может, это мешанство?— Коренастый сплюнул сквозь зубы в сторону машины.— Зачем ему автомобиль? Вся жизнь небось копил на эту ржавую железку.

— Лишал семью радостей жизни,— подхватил блондин.— Лишал дочь мороженого, а жену — любви. А вы заслужили, мадам.

— А может, он воровал? — сказал коренастый.

— Он даже этого не может. Он честный труженик. Законопослушный гражданин, питавшийся супом из кильки, чтобы скопить на эту железку.

Парфенов смотрел на жену — под глазами у нее лежали синие тени. В последний раз она смертельно устала под Кокандом. Парфенов устал еще раньше, но с этим ничего не поделаешь. Это была его профессия. Отпуск ему дали из-за жены.

— Сколько лет ты жрал кильку, козел? — спросил коренастый.

Парфенов смотрел на жену. Только он знал, как она устала.

— Человеку, который пахнет килькой, не нужен автомобиль.

— Жена ему тоже не нужна.

— Садись в тачку и дуй. Без оглядки. Учти.

— Прощай, дорогой друг.— Блондин подтолкнул Парфенова стволлом.

Парфенов не отрывал взгляда от жены.

— Езжай,— сказала жена.

Парфенов посмотрел на дочь,— дочь стояла в луже возле машины с прижатыми к груди руками.

— Езжай,— повторила жена.

— Ты что?! — крикнул глазами Парфенов.— Ты что?!

— Ничего, ничего,— прикрылись ее веки.— Езжай. Ты же не...

— Да ты что?!

— Езжай!

— Ира,— Парфенов не отрывал глаз от жены,— садись в машину.

Дочь повернулась, постояла с прижатыми к груди руками и шагнула к машине. Парфенов медленно двинулся к ней. Спина еще ощущала холодок слева под ребром. И пустоту. Пустота за спиной с каждым шагом все больше отдавалась звоном в ушах. Парфенов сел за руль и увидел в зеркальце жену,— ветерок завернул ей полу плаща. Рядом с ней, наводя пистолет на машину, стоял пухлозадый. Парфенов почему-то включил дворники, и левый дворник стал возить перед ним прицепившийся листок. Парфенов выключил дворники, рывком взял с места и не отрываясь смотрел в зеркало, как удалялись три фигурки на дороге.

— Сейчас я выскочу,— сказал он дочери.— Баранку возьми. Дверцей не хлопай. Поедешь дальше.

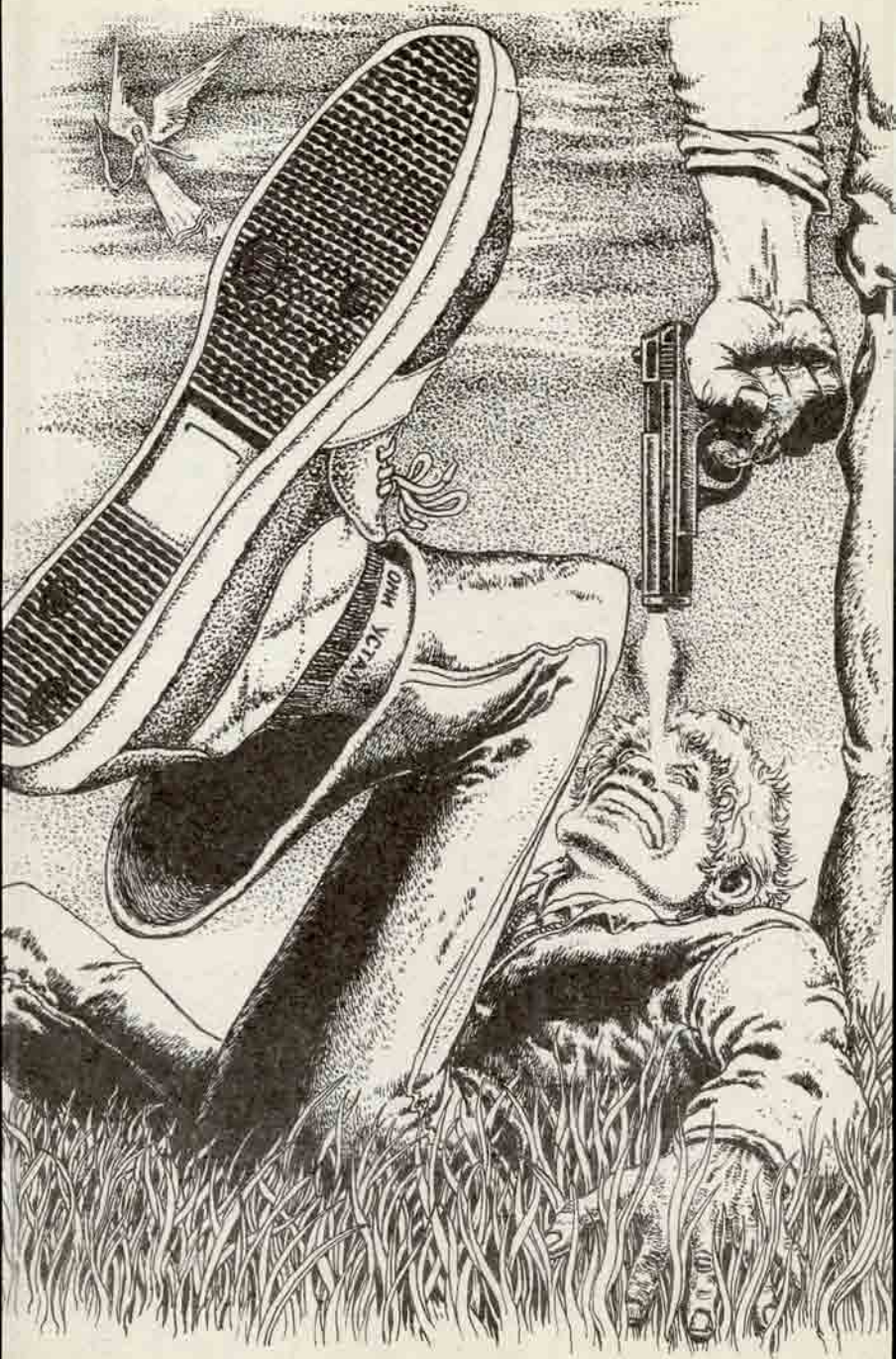
— Я не умею.

— Поедешь. Рычаг не трогай. Левая нога на педали. Руки на баранке. И рули по дороге. Минут пять. Потом повернешь ключ. Отпустишь педаль. Остановишься. Тормоз под другой ногой. Повтори.

— Возьму руль. Левая нога на педали. Рулю по дороге. Поверну ключ — остановлюсь. Тормоз под другой ногой.

— Правильно,— сказал Парфенов.— Дверцей не хлопай.

Дочь кивнула.

Там, где на дорогу выставился заплутавшийся куст, Парфенов свернул к кювету, придерживая левой рукой с топориком приоткрытую дверцу. Метров за пять до куста он отпустил топорик на дорогу и кувыркнулся через плечо перекатом, угодив на узловатые корни. Затем перекатился с дороги в кустарник, вскочил на ноги и оглянулся, — машина виляла, но тащилась вперед. Он осторожно раздвинул ветки кустарника, посмотрел на пустынную дорогу, дополз до топорика и откатился снова под кусты, боясь, что дорога просматривается. Добравшись до подлеска, встал и побежал напрямик, пригибаясь, прикрывая локтем глаза, чтобы не выхлестнуло веткой.

Парфенов бежал и думал, что хорошо бы ствол остался у пухлозадого — по нему труднее промахнуться. Сначала нужно было вырубить ствол, у кого бы он ни оказался. Лучше у пухлозадого. Два ствола у них быть не может — не пугали бы ножичком. Еще Парфенов боялся разминуться — времени отводить ветки не было, он просто прикрывал локтем глаза и бежал почти вслепую. Правая нога угодила в какую-то ржавую кастрюлю.

— Ч-ч-черт! — прошипел Парфенов, потряс ногой, освобождаясь от прицепившейся тяжести, и, отшвырнув, сообразил, что угодил в поржавевшую каску. На наши каски она не походила — с какими-то пологими скосами. Парфенов видел такие в кино. Прежде чем все это прокрутилось в голове, он снова был на ногах. Еще какая-то глупость мелькнула в сознании, вроде Мясного бора. То ли каска походила на кастрюлю, то ли карта втемяшилась в башку за столько дней езды. Парфенов вслух послал всю эту глупость, проломился к дороге и чертыхнулся снова: три цепочки следов за размолоченным скатами стлаником тянулись в лес на ту сторону. Значит, дорогу нужно было перебежать. Если на той стороне прячутся, шансов перебежать у Парфенова было не больше десяти на миллион. Но если он будет выжидать, — а они давно идут по лесу, — шансов останется не больше. Парфенов рванул таким зигзагом, что шансы выросли до тысячи. Он перебежал дорогу и распластался, прислушиваясь. Рядом что-то прошуршало. Парфенов скосил глаза и увидел ящерицу. Спинка у нее была ржавая, как прошлогодняя листва. Она замерла на мгновение, юркнула бесшумно и исчезла.

Парфенов встал, перехватил топорик поудобнее и пошел, внимательно изучая следы. Землю примочило даже в лесу, и видно было, что с дороги пошли вправо. Отпечатки кроссовок жены — Парфенов сам подклеивал подошву у правого носка — то пропадали, то появлялись снова там, где трава росла не так густо и слой палой листвы был потоньше. Следы забирали вправо и вверх, лес поднимался по приметной, хотя и пологой, возвышенности. Потом лес пошел смешанный, — на хвое много не разглядишь, но Парфенов решил спуститься в низину. Он автоматически отметил свеженадломленную, тяжело повисшую ветку ели, потом еще одну... Когда попала на глаза третья, сомнений у него уже не было. Все ветки были надломлены на уровне ее плеча. Парфенов пошел осторожнее, шагая с разбором, чтобы не хрустнула ветка под ногой. Вдруг ахнул выстрел.

И еще один. Почти одновременно. Парфенов бросился на выстрелы, не разбирая дороги. Теперь уже было не до игры в прятки. Он вылетел на поляну прямо на дуло пистолета. Жена сидела под каким-то корявым деревом с поросшей серым серебристым мхом корой и держала в руках пистолет. Чуть поодаль чернел полусгнивший остов какого-то ящика. Железная перегибина ящика с аккуратными круглыми дырками косо уходила в заросли лиловых мохнатых головок; прожив больше половины жизни, Парфенов так и не научился различать цветы.

— Коля,— сказала жена,— я их убила.

Юбка ее была задрана выше колен. Она сидела враскорячку и смотрела на Парфенова остановившимся взглядом. Первым делом Парфенов испугался за нее: не ранена ли? Он упал на колени, обнимая, оцупывая ее и боясь наткнуться рукой на липкое и мокрое.

— Жива?! Жива?!

— Я их убила, Коля!— Она не шевельнулась с тех пор, как он подбежал.— У меня все нормально.

Парфенов осторожно забрал у нее пистолет. «Вальтер» довоенного образца был в застывшем заскорузлом масле, с налипшими иголками хвои.

— Где ты его взяла?— спросил Парфенов.

— У меня все нормально,— повторила жена.

Парфенов потряс ее за плечи.

— Здесь.— Она повела рукой в сторону полусгнившего ящика. Только сейчас в траве у ящика Парфенов увидел коренастого. Он лежал ничком, рубашка на спине задралась, лужа под ним, все еще набухавшая у левого, прижатого к телу локтя, не распознана далеко, впитывалась в землю, и в ней беспомощно копошились муравьи. Парфенов поднялся с колен, подошел к коренастому, носком левой ноги повернул голову,— коренастый был мертв. Впереди валялась полуоткрытая сумка, которую коренастый носил на плече. Парфенов и ее пошевелил ногой. На траву выскользнули потемневшие, цепляющиеся друг за друга железки. Парфенов нагнулся, поднял одну, протер рукавом,— свастика в обрамлении, видимо, дубовых листьев. Так он читал в книгах. Сейчас из-за ржавчины понять, что там обрамляет свастику, было невозможно. Ребята промышляли. Но как жена сумела выстрелить? Она в жизни не видела такого пистолета.

— Как ты сумела выстрелить?— спросил Парфенов, все еще не опуская «вальтера».

— Там есть такая штучка...— сказала жена.

Она сидела, положив руки поверх задранной юбки. Плащ был расстегнут, и широкие полы его распахнулись по земле. В складке задранной юбки задержалась маленькая темная гильза. Жена шевельнулась, и гильза скатилась с ног на землю.

Парфенов искал глазами светловолосого.

— Где?..— спросил он. И не успел продолжить.

За деревом, на которое опиралась жена, раздался стон.

Парфенов поднялся, машинально отряхнул брюки от налипшей хвои, раздвинул ветки и увидел светловолосого. Светловоло-

сьи лежал на спине, широко открыв глаза, и прижимал окровавленную руку к груди. Другая царапала землю. В трех сантиметрах от «ТТ».

— Помоги... — хрипнул он. — Сволочь...

В углу рта лопнул розовый пузырек и побежал струйкой на подбородок.

— Сейчас,— сказал Парфенов и чуть опустил ствол «вальтера», чтобы мушка встала вровень с краями прорези у переносицы.

— Там есть такая штучка...— прозвучало у него в голове. И Парфенов нажал на эту штучку.

Светловолосый дернулся, штанина на левой ноге задралась, нога вытянулась и успокоилась. На оголившейся ступне синела татуировка. «Они устали». Парфенов прочитал татуировку и задумчиво произнес:

— Мы тоже.

Ему еще нужно было возвращаться к машине за лопатой. Он поставил «вальтер» на предохранитель и сунул его в карман.

«Тогда Петр приступил к Нему и сказал: «Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешившему против меня? До семи ли раз?» Иисус говорит ему: «Не говорю тебе до семи, но до седмижды семидесяти раз».

Матфей, гл. 18, ст. 21

ВЛАДИМИР КИСЕЛЕВ:

«Даёшь рок-группы!»»

Ленинград, Центр Киселева, телефон: 567-67-43. Вы, надеюсь, уже поняли, куда писать и кому звонить? Если нет, тогда подробнее об этом Центре. Ему почти два года, и под его «крышей» собрались восемь групп, причем каждая сегодня вызывает интерес если не у всех специалистов, так у всей публики — точно. Может быть, поэтому сейчас в Центр Киселева, под его менеджмент, стремятся правдами и неправдами попасть многие «крутые» (представьте!) исполнители, и не только Ленинграда, но и Москвы. Увы, для уже созданных коллективов, а тем более «раскрученных», путь туда заказан. Почему?

Вот что удалось выяснить музыкально-информационному агентству «Астро Ньюс» в беседе с ближайшим окружением Владимира Киселева, основателя Центра.

Как известно, некогда Владимир (почти 13 лет) был художественным руководителем «Землян», одной из двух «культовых» групп официально признанного в ТО время специфического жанра-мутанта ВИА-рок (на второе место претендовали «Веселые ребята» Павла Слободкина). Супершлягер «Трава у дома» (помните?) да и другие композиции в исполнении «Землян» собирали, по воспоминаниям окружения Киселева, целые стадионы, и с каждым годом эта «стадионная популярность», не говоря уже о запрограммированной радио- и телепопулярности, очень даже росла.

Однако ничто, как известно, не вечно, даже песенная трава — и та жухнет, особенно под жаркими софитами подлинного рок-искусства. А оно к тому времени уже пробилось из «антисоциалистического» подполья, заняв во-

преки «руководящим и направляющим установкам» прочную и даже ведущую позицию на вполне официальных подмостках — конечно, тех, вокруг которых собиралась молодежь. И вот пришел день, когда стало очевидно: при всей застоявшейся популярности ансамбль исчерпал любые мыслимые и немыслимые «ВИА-роковые» глубины творчества. Что оставалось делать? Уйти из шоу-бизнеса, только нарождающегося в Стране Советов? А как же быть с накопленным за десятилетие опытом менеджера (худрука), да еще и постепенно обретаемыми навыками продюсера?

У Киселева возникает продуктивная идея: создать принципиально новый (опять же в плане рок-стилистики) коллектив. И в декабре 1988 года появляется группа «Санкт-Петербург». Вообще-то менеджера и продюсера Володю довольно часто обвиняют, будто он «украл название ансамбля» — мол, один «Санкт-Петербург» уже существовал в 70-е. Возражения Киселева: а этот, конца 80-х, стал попыткой возрождения идей и концепций прежнего состава, он, как менеджер и продюсер, взял да и перенял у первого то, что можно было перенять, — очень многое. И, как сын носит фамилию отца, так и нынешние «санктпетербуржцы» имеют право, считает Володя, принять название существовавшей и, к сожалению, многими забытой группы... Примерно так и начинался Центр Владимира Киселева.

Сразу надо оговориться, музыкальный центр не занимается концертным прокатом ансамблей.

Скорее это один из первых продюсерских центров. Киселев не только директор, но и художественный руководитель: сам набирает группы, создает имидж, костюмы, пишет музыку, делает

аранжировки. Работа Центра строится по западным образцам — тем, которые известны Владимиру. Именно поэтому, когда в Союзе возник бум на «прокатные организации», Киселев оказался по собственной инициативе на обочине этого «движения»: его личная практика стопроцентно доказала, что сам по себе «прокат» обречен на умирание, хотя и медленное: с каждым новым сезоном интерес публики к ТОЛЬКО концертам ослабевает, и даже суперзвездам все труднее собирать аншлаги.

Он (Киселев) выдвигает антипрагматический лозунг: даешь РОК-группы! — в то время как ему следовало бы, по логике прагматиков, с отрететированным полупоклоном и резиновой улыбкой предложить «многоуважаемым» что-нибудь из нынешнего «тусовочного» меню: не изволите ли отведать свежайшей «попсятинки»? Впрочем, один из подопечных его Центра — ансамбль «Ну и что», исполняет-таки электронную музыку. Зато другой, «Зверест», едва хэви-метал-рок начал терять свои, казалось бы, незыблемые позиции в Союзе (как массовое явление — этакий девятый вал беспардонного натиска), взял да и выдал чистейший «металл».

46
Что это — умение рисковать или рискованная бесшабашность? Ведь у Киселева, впрочем, как и у всего отечественно-самопального шоу-бизнеса, возникла уже масса проблем, и одна из наиболее серьезных и даже острых — менеджерская. Эффективная контрактная система, увы, отсутствует, а та, которой пользуются, обычно не срабатывает, ведь подпись артиста под своими обязательствами часто оказывается фикцией, поскольку юридические взаимоотношения «менеджер (продюсер) — артист» не отрегу-

лированы, не узаконены — правового-то государства пока нет! С другой стороны, все более ощущается диктат спонсоров: денег они не выделяют, пока не будут уверены, что звезда состоялась, причем без их участия, а уж после этого — ради Бога, ведь безвозмездные ссуды, ими «жертвуемые», в таком случае наверняка окупятся — благодаря «тотальной» рекламе. А вот поддержать начинающий талант... Ау, меценаты, где вы?

Владимир тоже начинал с нуля, без поддержки богатых спонсоров, да и группы сам «вытаскивал», а поди ж ты — в самый короткий срок не только свою фирму обустроил, но уже приступил к созданию аудио- и видеостудий (без них центр, подобный этому, существовать не может). Но почему не прогорел этот «самиздатовский» менеджер и продюсер, к тому же предпочитающий делать лишь то, что ему нравится? Ответ, считают люди из окружения Киселева, прост: нужно точно знать, чего хочешь и как этого добиться; необходимо уметь считать деньги и планировать работу, досконально владеть конъюнктурой музыкального рынка и, естественно, обладать хорошим вкусом и острым чутьем.

Только и всего? Вот уж поистине, гениальное — просто!.. А раз так — и музыкальный центр можно назвать собственным именем, что будет вполне справедливо (примеры — Центр Стаса Намина, Театр Аллы Пугачевой). И вряд ли кто «бросит камушек», что это магия величия: ведь хорошо зарекомендовавшая себя фирма не боится поставить «именную» торговую марку на своей продукции, не так ли? А фирма вроде Центра Киселева, способная к тому же прогнозировать успех интеллектуального товара хотя бы лет на

пять вперед, — тем более. Вот почему именно сейчас, когда со всех сторон Владимира и К° одолевают соблазны «лепить» музыку на потребу быстротекущей моды, он стойко держит позицию: даешь РОК-группы! Это его знамя, под которым уже теперь значительно прогрессируют подопечные Центра. А их восемь, и представляют они все основные рок-музыкальные направления. Итак, это: «Санкт-Петербург», «Русские», «Бойкот», «Черное и Белое», «Зверест», «Пассажиры», «Товарищи», «Ну и что».

«Санкт-Петербург», ставший первым коллективом Центра, сегодня занял прочное место в десятке самых популярных в нашей стране, а некоторые знатоки предсказывают ему весьма крепкие позиции и на ТАМОШНИХ музыкальных рынках. Более того, уже поступают от шустрых заезжих импресарио предложения... просто продать «Санкт-Петербург» на Запад, от чего Киселев, естественно, отказывается. За последний год ансамбль много и успешно гастролировал за рубежом, в том числе по Австрии и Японии, откуда музыканты привезли три контракта на будущее; их готовы записать на пластинки в США, в ФРГ. В Испании они выступали с одним из самых популярных коллективов страны — «Баррикадой», после чего та выразила готовность совершить длительное турне вместе с новыми ленинградскими друзьями. Был еще и Сопот, есть приглашения в Италию и опять в Испанию.

Что касается гастролей по Союзу, то «Санкт-Петербург» выступает уже в качестве «ударной гвардии», которая представляет (или «раскручивает») еще малоизвестные коллективы: работает с новичками ряд концертов и таким образом дает им возможность об-

рести самостоятельность. Так, кстати, получилось и с ансамблем «Русские», ставшим вторым в «обойме» Центра Киселева. Группа исполняет поп-рок-фьюжн и, судя по всему, имеет серьезные шансы на советском музыкальном рынке. «Ударной гвардией» ее пока вряд ли можно назвать, однако уже сейчас, как и «Санкт-Петербург», она «вытаскивает» молодые составы.

Вот она, жизнь Центра Киселева: музыканты записываются, выступают, снимаются для видеоклипов, но главное — творят вместе с ним, создателем продюсерской фирмы. Раз в году, в июне, Владимир проводит в Ленинграде свой фестиваль «Белые ночи рок-н-ролла» — для западных импресарио, которых он сам и приглашает. Сейчас Киселев ведет переговоры в Японии с двумя известными концертными организациями, планирует турне своих групп по Анголе, Замбии, Зимбабве и Ботсване; много предложений у него и из Латинской Америки. А вот куда поближе — в Западную Европу, или куда попрестижнее — в Соединенные Штаты, он почему-то особенно не стремится. Пока. Всяк банан, как говаривал один студент, а по совместительству барабанщик в любительской группе, цветет в свой полдень.

Материал подготовлен музыкально-информационным агентством

«Астро Ньюс» (Москва).

© Astro News Agency, 1990.

Фото:

© Центр ВЛАДИМИРА КИСЕЛЕВА, 1990.

АХМЕД ИСКЕНДЕРОВ, член-корреспондент АН СССР

МЕЖКА ПО

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

ЖИЗНЬ

Первая встреча с Ахмедом Ахмедовичем Искендеровым произошла при обстоятельствах, еще несколько лет назад считавшихся исключительными...

Группа студентов-коммунистов историко-филологического факультета Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы написала письмо в Центральный Комитет партии.

Письмо дошло. Меня — парторга курса, — вызвали в партком и попросили такого-то числа в такое-то время собрать нескольких «подписантов» для беседы с представителями ЦК. Я рассказал ребятам о быстрой реакции товарищей по партии, и мы решили, что «на ковер» пойдут все, кто сможет и захочет.

Так и сделали.

Что было в письме? (Его, кстати, подписали и несколько «левых» преподавателей.) Если смотреть из дня сегодняшнего — ничего особенного. Но тогда слово «плюрализм» даже с прибавкой «смягчающего» определения «социалистический» еще было не в чести. В нашем же письме предлагалось ввести в партийный устав именно такое понятие, слегка «потеснив» принципы «демократического централизма».

Не помню, сколько нас пришло в ректорский зал, но то, что нас, студентов, было меньше, чем «проработчиков», это абсолютно точно. Нам противостояли несколько человек из ЦК (из аппарата ЦК!), ректор, проректоры, члены парткома, представители деканата, партийные вожди факультетского уровня, профессора-обществоведы и проч...

Был среди них и член-корреспондент АН СССР А. А. Искендеров. Он главным образом молчал, удерживался от наставлений «неразумных» студентов на путь истинный.

Говорили «товарищи из ЦК», и разговор их сводился, в общем, к вопросу: а что именно вы (обращались к каждому из нас персонально) понимаете под социалистическим плюрализмом? Мы отвечали, что в письме все сказано и что под письмом стоят наши подписи. Этого, однако, было мало, и допрос продолжался...

Удовлетворения от встречи мы не получили. Расходились нервные и встревоженные... В раздевалке ко мне подошел Ахмед Ахмедович и негромко, доброжелательно сказал всего несколько слов: «Все нормально. Все будет хорошо...»

Прошло несколько лет. Я окончил университет и занялся профессиональной журналистикой. Ахмед Ахмедович Искендеров возглавил журнал «Вопросы истории».

...Мы сидим в его кабинете, я рассказываю о своей последней командировке в Закавказье. Он внимательно, не перебивая, слушает.

Мы встречались еще не один раз. Я включал диктофон: так и рождался этот своеобразный монолог-размышление...

СЕРГЕЙ РОМЕЙКОВ

акавказье... По-моему, мы до сих пор не знаем подлинно того, что там сейчас происходит. Несмотря на какие-то общие причины, каждый межнациональный конфликт имеет свою природу, и подходить к таким конфликтам надо дифференцированно.

Часто, говоря о Закавказье, спрашивают: не является ли нынешняя ситуация там результатом противостояния, противодействия каких-то групп, группировок, имеющих отношение к «теневой» экономике? Думаю, что если бы это было так, то не составило бы большого труда выявить лидеров мафии с той и другой стороны и локализовать проблему...

По-моему, дело здесь в том, что к межнациональной проблеме мы подошли облегченно, ставя во главу угла классовость. Оказалось, что национальный момент, национальный фактор более живуч и он в состоянии объединять людей более сильными нитями, узлами, чем... классовый фактор. Безусловно, мафия существует и играет свою роль в нагнетании напряженности. Но было бы ошибкой примитивно понимать ситуацию: мафия, дескать, подкупила всех и вся, и дело с концом. Нет. Главари этой мафии сыграли именно на том, с чем мы долго не считались и недостаточно считаемся, по-моему, до сих пор. А именно: те, кому выгодно межнациональное противостояние армян и азербайджанцев, учли и умело использовали как раз то, что национальное единство оказалось много сильнее так долго прививаемого, внушаемого нам единства классового. В какой-то момент были нарушены, разорваны национальные связи, был сорван «сдерживающий слой», и все выплеснулось наружу...

В нашей науке национальный вопрос никогда не рассматривался как самостоятельный: мы его все время привязывали, притягивали — то к экономике, то к идеологии, то к политике. И считали: вот решим социальные, экономические, политические вопросы, и этот будет сам по себе решен. А Сталин вообще довел эту проблему до весьма примитивного понимания: он писал в своих сочинениях, что было время, когда никаких наций не существовало, значит, скоро все нации у нас в стране сольются в «единую, нерушимую»... Он даже определял чуть ли не сроки этого «слияния»... Мы считали, что собственно нация появилась с появлением капитализма. А раз так, то с ликвидацией капитализма нации должны будут, по существу, умереть... Мы жили под воздействием вот такой мифологии, а надо сказать, что творчество мифологическое в сознании очень устойчиво. И, естественно, когда межнациональные проблемы возникли, начали искать виновных.

Первое: начали связывать это с перестройкой. До перестройки, мол, все было хорошо. И второе: во всем виновата наука, которая не выработала необходимых рекомендаций. Я не думаю, что обострение межнациональных отношений надо относить на счет перестройки. Она просто вскрыла нарыв. (Хотя,

начиная перестройку, мы не учли, что социальное преобразование общества не может не затронуть вопросов национального возрождения, подъема национального самосознания... Думаю, что инициаторы перестройки тоже находились в плену старых представлений — национального вопрос у нас решен раз и навсегда...)

Что же касается науки, она оказалась под воздействием господствующей идеологии и политики: сотни, тысячи работ по национальному вопросу были «засдравными». Это тот самый случай, когда наука, я бы сказал, приобрела ложный пафос: под расцветом, процветанием наций имелось в виду как раз то, насколько они приблизились к пресловутому слиянию. Но тут надо помнить: главным «специалистом по национальному вопросу» считался Сталин, и можно представить, что ожидало тех, кто попытался бы не согласиться с его «генеральной линией»...

52
Есть и еще одна причина, которая, по-моему, мешает не только решению, но и пониманию проблемы. Я уверен, для того, чтобы решать любую проблему, сначала ее надо осознать, понять... Система выработки рекомендаций, мер, решений сработает только при условии, если общество, или, как мы говорим, общественное сознание, готово к принятию этих решений. А у нас еще очень сильны пережитки так называемого имперского сознания. Многим, понимаю, не нравится такое определение. Но вот два примера. На сессии Верховного Совета СССР один из очень высоких армейских чинов употребляет термин «национальные окраины», говоря о современном состоянии межнациональных отношений, — ну что это как не имперское мышление? Другой, тоже, к сожалению, военный, рассуждая о положении в Прибалтике, опять-таки особо не мудрствует: родители, мол, занятые своими делами, не заметили, как дети начали шалить. Так надо этих детей приструнить, в угол поставить... Мы — родители, мы — «старший брат», а где-то там, на каких-то «национальных окраинах», кто-то пытается о себе что-то там говорить...

...Есть и такой подход. Все, что сейчас происходит, естественно, и не надо паниковать. Валет, ренессанс, национальное пробуждение народов — нормальное явление... Появилась точка зрения, что вообще невозможно создать какую-либо теорию национального вопроса на современном этапе: каждая нация самобытна, исключительна и должна развиваться по своим законам. И пытаются, собрав все умы, выработать какую-то универсальную теорию — утопия.

(...У американцев нет такой науки. У них этот вопрос решается проще. У них на первом месте — прагматические вещи. Американцы сейчас серьезное внимание уделяют этнологии. То, что мы называем этнографическими исследованиями, у них — этнология, то есть изучение народов, отдельно взятых. Если взять уклад жизни наших народов Севера и, скажем, эскимосов, то тут и без теории видна разница. Потому что у них все гораздо лучше сделано практически...)

Ну скажите, почему русские ребята должны гибнуть где-то в Азербайджане? Понятно возрастающее недовольство в армии:

что же это происходит — мы свою территорию превращаем во второй Афганистан? Какое этому может быть оправдание? Недоценка национального фактора. Он может нам нравиться или не нравиться, но он, этот фактор, существует...

Нагорный Карабах... Человек там родился. Живет, рождает детей и хоронит предков. И вот ему говорят, что в 1923 году была совершена ошибка. Но человек родился не в 1923-м, он родился значительно позже, спустя несколько поколений. Почему он должен быть жертвой той, далекой по времени ошибки?

Думаю, дело не в Нагорном Карабахе. Не было бы Карабаха, так еще что-то обязательно бы нашлось... Дело в том, что на уровне государственном, партийном представлены в основном 4—5 наций. Сейчас мы говорим, что у нас 130 национальностей... А фактически страной руководят представители 4—5 наций. Это нормально? Получается, что мы не сумели подготовить за все годы после революции достойные национальные кадры, которые могли бы сегодня действовать на союзном уровне. В таком случае надо честно сказать, что все разговоры о культурной революции остаются разговорами; что те народы, которые были отсталыми, отсталыми и остались. Это очень существенная вещь... Если те же прибалты не будут чувствовать себя вправе и в силах участвовать в выработке общесоюзной политики, они никогда по-настоящему не почувствуют себя гражданами СССР и Союз никогда не будет для них родным, единым домом.

Называть это можно как угодно: национализмом, шовинизмом — как хотите. То же самое Закавказье, Средняя Азия... (Украина обижаться не может. Но те же белорусы — я не уверен, что у нас тут, в центре, так уж много белорусов...)

Вот мы говорим «общеевропейский дом». Что это такое? Экономическое сообщество не ликвидирует национальные государства. Француз остается французом, и в то же время он осознает себя причастным к общеевропейским процессам... Но возьмите Закавказье, тех же азербайджанцев — они не чувствуют себя причастными к решению каких-то общесоюзных вопросов. А значит, они и не берут на себя ответственности за все, что решается центром.

Сейчас для азербайджанцев (я условно говорю) важно: что с Нагорным Карабахом? Останется он в республике или не останется? А что происходит на Украине, в Прибалтике, это их горе и не касается.

С другой стороны, в Баку вводятся войска, там гибнут люди. Местной властью в республике объявляется траур, а в Москве гремит рок-музыка... Возможно ли это в одной единой стране? Может быть, это «мелочь»? Но тогда не надо убеждать всех, что мы живем в одном доме. Вы посмотрите, как обсуждались здесь, в столице Союза, все эти трагедии — грузинская, армянская, азербайджанская. Я не хочу сказать, что как чужое горе, но в основном все-таки как не свое.

...Что бы мы ни говорили, договор 1922 года — хороший союзный договор. Но уже в нем было заложено то, что потом использовал Сталин... (Сталин, кстати, мало что придумывал, он

только все усугублял...) Так вот, в самом этом договоре уже была заложена унитарная тенденция, из которой можно было вывести централизм, диктат центра...

Диктат центра. Что это значит? Сильный центр — сильные республики. В этом лозунге я уже усматриваю его ошибочность. Но это уровень нашего сегодняшнего мышления. Это объективность, а не чья-то прихоть. Мы мыслим пока что категориями силы. Мы не подошли к уровню демократического мышления...

Для меня ясно, что пора развернуть этот лозунг наоборот: сильные республики — сильный центр! Тогда бы была большая ответственность республики перед народом (они уже не могли бы кивать на центр) и подлинная сопричастность к общегосударственным, союзным делам и процессам... Федерация в нынешнем виде никого сегодня не устраивает... Атмосфера всеобщего недоверия — недоверия к центру, недоверия друг к другу — создает атмосферу неустойчивости, нестабильности — людей довели до состояния страха. Армянскому населению Нагорного Карабаха необходимо чувство веры, доверия к центральной власти — их эта центральная власть защитит, они нужны этой центральной власти. Они должны ощутить себя в этой непростой трагической ситуации полноценными, полноправными гражданами единой страны. Происходит ли это? Может ли кто-то у нас в стране сегодня чувствовать себя в безопасности хотя бы здесь, в Москве? Увы, государство не гарантирует сегодня системы общественной безопасности...

Проблема доверия. Оно обретается не посредством красивых лозунгов. Народы должны поверить в то, что государство способно решить общенациональные проблемы... Признали, что были незаконно репрессированы целые народы. Совершена историческая ошибка, ее надо исправлять. Но до сих пор автономия немцев в Поволжье не создается. Крымских татар в Крым не пускают. На Северном Кавказе проблемы не решены, и так далее. Я убежден, что, если бы решили вопрос советских немцев или турок-месхетинцев, был бы совсем другой эффект! Появилось, зародилось бы доверие к правительству!

Была XIX партконференция. Приняли там резолюцию по национальному вопросу. Ну и что? Кто сейчас вспоминает эту резолюцию? Ни один человек не вспоминает. А почему? Да потому, что там ничего не было. Ничего реального. И вот читаем в одной из газет рассуждения члена Президентского совета: путь к рынку — это путь к решению национального вопроса.

Опять ошибка! Опять мы пытаемся увязать национальный вопрос с экономикой. Но ведь это совсем другой вопрос. Может быть прекрасным рынок, но не решены межнациональные проблемы.

У нас нет национального согласия, единства. И в этих условиях мы заговорили о рынке. Я не экономист, но я знаю, как это происходило в других странах. С чего все начиналось? С двух вещей. Первое — страны, где вводился рынок, становились открытыми странами. (Это полная или неполная, но демократия. Это правдивая информация, это выход на политическую арену

разных политических сил, которые в соперничестве, в конкуренции, пользуясь возможностями правового государства, наполняются полнокровной политической жизнью. Вне открытого общества нормального рынка не может быть...) Можем мы сегодня сказать, что у нас общество открытое? Нет. И еще: нужна абсолютная правда о состоянии экономики. Каждый человек, член общества, должен иметь доступ к правдивой информации об экономическом положении страны в целом и отдельных ее регионов.

Теперь возьмите нашу страну. Что мы знаем о нашей экономике? Ничего не знаем: ни уровня жизни, ни количества безработных, ни степени производительности труда, сколько и чего мы потребляем, какая у нас внешняя торговля, внешняя задолженность? Ничего этого мы по большому счету не знаем... Вот когда общество становится открытым, тогда на этой базе вырабатывается доверие. И складывается национальное согласие в обществе.

Людям говорят, что состояние экономики такое-то, а выход — вот такой. Мы ничего от вас не будем утаивать, но ответственность — общая.

Толкуем мы о национальном вопросе, национальных отношениях, а попробуйте спросить кого угодно: что такое нация?.. Крутили, вертели: 4 признака, или 9 признаков, или 10 — как будто это что-то объясняло... Я считаю, что наши категории вообще не очень отработаны, как и наш понятийный аппарат. Мы сейчас стали говорить не столько о социализме, сколько о социалистической идее, социалистическом выборе. Это правильно, потому что реального социализма пока нигде нет. И никто не знает, что такое реальный социализм. А социалистическая идея существовала всегда и существует сейчас. И человек, как и общество, может быть предан социалистической идее. Другое дело, как ее реализовать...

То же самое, по-моему, происходило и с нацией. Я, например, считаю, что национальная идея созрела у людей, у общества, значительно раньше, задолго до капитализма. Потому что трудно себе представить, чтобы люди, которые жили в России, скажем, при Иване Грозном, не чувствовали себя русскими...

Когда мы делали ставку на это злосчастное слияние наций, то забывали, что любая нация, любой народ имеет свою уникальность.

У нас бытовали очень странные выражения: малая нация, неразвитая нация, культурная нация, некультурная нация... Все нации культурны. Есть люди плохие, плохих наций нет.

Главное качество политика — предвидение. То есть умение не доводить до критической точки. Мы же сначала доведем до точки кипения, а потом начинаем «принимать меры».

В многонациональных государствах действуют две тенденции: центробежная и центростремительная. Между ними всегда есть какое-то внутреннее противодействие и одновременно согласие. Мне кажется, главное — не бояться центробежных тенденций (они будут время от времени возникать), а выработать такой механизм, который бы при их обострении срабатывал таким

образом, чтобы центристремительные тенденции действовали тоже более активно. Такого механизма пока нет... Но нельзя все время возлагать надежды на военную силу.

В нашей Конституции было записано право республик на самоопределение вплоть до выхода из Союза. Но Сталин прекрасно знал, что эта статья никогда не будет реализована. Как и вся Конституция... И в результате сам принцип самоопределения девальвировался. В той же Литве есть район, где проживают поляки. Могут ли они считать, что для них право на самоопределение — это право на объединение и присоединение к Польше? Будет ли это справедливо? Вытекает ли это из того, что говорится в Конституции? Вопрос очень сложен еще и потому, что у нас фактически нет ни одной монореспублики.

Киргизы живут бок о бок с узбеками, литовцы — с белорусами, казахи — с немцами, русские — с грузинами...

И нельзя людей иной национальности отлучать от земли, в которую они вросли корнями, с которой они одно целое. Ведь это межа по живому!

Независимо от того, как дальше будут развиваться события, есть, по-моему, два момента, которые методологически должны постоянно присутствовать и в сознании, и в наших действиях. Первое: не может быть в нынешних условиях единого подхода к решению межнациональных вопросов на всей огромной территории Советского Союза. Уж если мы согласились с тем, что не может быть одинаковых подходов в решении экономических проблем, то с национальными проблемами — тем более. Должен быть очень взвешенный, конкретный, дифференцированный подход. И второе: я уверен, что любое решение, которое принимается сейчас и имеет общесоюзное значение, в большей или меньшей мере несет на себе межнациональную окраску.

56

Давайте говорить откровенно. В 1922 году все было просто: кого надо — пригласили, кого надо — вызвали, те подписали — и Союз создан... Вот я думаю: кто сегодня должен представлять интересы республик? Председатели Верховных Советов, Президенты? Во всех ли республиках они действительно выражают и отражают волю и интересы народа? Как они были избраны, мы знаем? Кто их избирал, были ли там действительно объективные, демократические выборы? Много возникает вопросов. Если, скажем, сейчас первый секретарь ЦК компартии республики чуть ли не автоматически занимает пост Председателя или Президента, значит, он будет подписывать этот договор? И будет ли этот договор иметь поддержку в республиках, будет ли он там действовать? Вот тут большие сомнения...

Поэтому, думаю, что это должно проходить на новой, совершенно иной основе: нужно выявлять действительное мнение народа, может быть, даже путем референдума. Именно народ должен стать главным действующим лицом при выработке нового Союзного договора.

Мы уже признаем, что существующее устройство — государственно-территориальное — с изъянами. Мы говорим: федерация нуждается в коренном изменении. Так давайте хоть что-то менять!

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

Кому не прожить без привилегий
Гибель линкора: еще одна версия

В последнее время в «Смене» и в других средствах массовой информации появилось давно забытое слово «милосердие». Но и его уже изрядно подзабыли, а при случае, на мой взгляд, им только прикрываются. Ведь говорят, пишут, пытаются чего-то добиться журналисты, а те, кто по долгу службы должен все это делать, отмалчиваются и ничего не делают для улучшения жизни и социальной защищенности граждан, и в частности инвалидов.

Я инвалид второй группы (ампутировано левое бедро). Мне назначена пенсия 120 рублей, но 30 рублей идут на алименты ребенку. С прежней женой мы разошлись по ее желанию — не захотела жить с инвалидом. Пока я два года лежал в больнице, она нашла себе другого. Я не против того, чтобы оказывать помощь своим детям, но наступил момент, когда я сам в ней нуждаюсь. А ведь с меня, инвалида, берут тот же процент, что и со здорового человека. К примеру, здоровая женщина сдает своего ребенка в детдом и алиментов никаких не платит, а инвалид платит. Так какое же милосердие проявят к инвалидам растущие дети, если с раннего возраста они усваивают, что даже с инвалидов надо

только брать, не щадя их, не заботясь о них. Но и это не все. С моей второй жены взимается налог за бездетность. О каком ребенке мы могли думать, если я болен, а она ухаживала за мной, зарабатывала на жизнь обоим, да и сейчас, прекрати она работать, мы не просуществоваем на то, что получаю я. Так будет ли семья инвалида защищена нашим государством?

Ежегодно я прохожу комиссию ВТЭК. На что надеется наше государство — на то, что у меня вырастет нога? Ах да, на протез. Но на сегодняшний день о нашей протезной промышленности столько сказано! На наших протезах не только на работу, а в магазин не дойдешь. В этом я убедился сам. Но у нас есть закон: как только надел протез, так получаешь третью группу. И волей-неволей иди работай. Я не против работы, но сами понимаете, как трудно инвалиду найти работу. А в наших экономических условиях, когда на работоспособных людей нависает безработица, мы уже вообще не имеем никакой надежды на работу. Но наши собесы и созданные недавно общества инвалидов этими вопросами не занимаются. Работникам собесов сейчас зарплату повысили в два раза, но, увы, отдачи ника-

кой. Разве они способны понять инвалидов?

Три месяца назад надел протез. Но привыкнуть к нему не могу, культу растираю до крови. Решили с женой, что хотя в долги влезем, а транспорт надо покупать. Поставили меня на очередь в облсобесе, а вскоре пришло приглашение на учебу. Я по дому-то едва хожу, а мне, чтобы получить водительские права, надо ехать в Калугу за 300 километров. И жить там три месяца в гостинице и, конечно, все за свой счет. Прикинули мы с женой — права обойдется рублем в пятьсот. Но это же издевательство, а не милосердие! Больно все это, но не подумайте, что мне нужно какое-нибудь частное вмешательство — эти проблемы есть во всех семьях, подобных нашей. А как быть одиноким инвалидам?

Инвалидом в наш век техники может стать любой человек. Ему, как, пожалуй, никому, нужна социальная защищенность. Считаю, что в любом обществе привилегиями должны пользоваться в первую очередь инвалиды и дети.

ОЛЕЙНИК Н. Б.,
инвалид второй группы,
г. Киров
Калужской области

В «Смене» № 23 за 1988 год была опубликована статья Николая Черкашина «Реквием по линкору». Речь шла о гибели линкора «Новороссийск» в конце октября 1955 года в Севастопольской бухте.

Государственная комиссия под председательством заместителя Председателя Совета Министров СССР тов. Малышева пришла тогда к выводу, что наиболее вероятной причиной

гибели линкора был взрыв немецкой мины, оставшейся на грунте со времен войны. Одновременно допускалась и вероятность диверсии.

Николай Черкашин считает причиной взрыва диверсию и «н согласен с версией о связке ящичных мин, которые якобы ушли в грунт...». Причиной неверия в возможность «минной версии» послужили мнения некоторых моряков, служивших тогда на флоте.

Ряд их высказываний совершенно не соответствует тому, что было изложено государственной комиссией в обоснование «минной версии». В статье, например, говорится о часовом приборе (приборе срочности) с тройной пружиной. Однако в рассматриваемом типе мин (ящичных) его применение невозможно. Такие приборы применялись в другом типе немецких мин.

Запуск часового механизма прибора срочности производился при прожиге диска гидростата давлением воды. При этом происходило растопорение часового механизма и толкание его волоска. Это могло быть выполнено, если при изготовлении мины был предварительно взведен рычаг толкания. При невзведенном рычаге толкание волоска не происходило и часы могли не пойти.

Каким образом могла взорваться мина?

В 1944 году при уходе из Севастополя немцы произвели постановку мин в бухте. Носитель, производивший постановку мин вдоль левого берега бухты, имел, вероятно, на борту мины, в которых запальное устройство было присоединено к электрической схеме замыкателя. Это предположение основано на том, что одна из этого ряда мин взорвалась под тралящиком в 1945 году. У мины, по

ставленной в районе бочки № 3, прибор срочности не запустился, видимо, потому, что не был взведен рычаг толкания. Запуск прибора мог произойти и через 11 лет, когда мину задел («толкнул») якорь (или цепь якоря) линкора.

Николай Черкашин пишет, что «Новороссийск» отдал якорь примерно в 19.00—19.30. Якорь-то и мог задеть мину. От «толчка» запустился прибор срочности и, отработав 6—6,5 часа, в 1 час 30 минут подключил электрическую батарею мины к электрической схеме замыкателя. Замыкатель мины, имея над собой огромную магнитную массу, сработал и подал питание на запальное устройство, которое взорвало мину.

В статье приводится выдержка из письма тов. Тусменко, рассказывающего, что «по заданию комиссии была произведена серия экспериментов: поочередно взрывали все известные мины, состоявшие на вооружении немецкого флота». Но у нас на флоте не имелось ни одного образца немецких мин!

По заданию госкомиссии были произведены взрывы двух мин отечественного образца, имевших аналогичное немецкой мине количество взрывчатого вещества в тротиловом эквиваленте. Одна мина была взорвана на грунте на глубине, равной той, где стоял линкор; вторая — на поверхности. Из разговора с членами комиссии мне стало известно, что воронка от мины, взорванной на грунте, похожа на воронку под линкором. Говорили и то, что сейсмограмма при этом была аналогична взрыву под линкором.

Дня через два после взрыва линкора производилось обследование грунта в районе взрыва. Однако никаких деталей от мины было обнаружено. Да практи-

чески это было невозможно сделать.

Второй взрыв с яркой вспышкой тогда объяснили тем, что взорвался находившийся на верхней палубе линкора катер, полностью заправленный топливом.

Возможность «минной версии» подтверждается следующим. Летом 1956 года в севастьяпольской бухте «Южная» была обнаружена ящичная мина. Ее приподняли понтоном до углубления 5 метров и отбуксировали в бухту «Камышевая». После разоружения мины инженер-капитан-лейтенантом Заблюдским Б. А. было установлено, что прибор срочности работал и ему осталось работать еще двое суток; следовательно, во время подъема мины (в момент ее толчка) запустился прибор срочности. Значит, если бы эту мину (когда она была на грунте) ударило якорем, то ее прибор срочности запустился бы и схема мины сработала бы на «взрыв».

Нельзя согласиться и с утверждением Николая Черкашина о том, что «минная версия» очень удобна для командования флота. Как раз наоборот. Наличие в бухте мин свидетельствует о низком качестве траления и обследования водной акватории, которые производились в течение 11 лет после освобождения Севастополя.

Возможность взрыва линкора от мины, конечно же, не означает, что следует исключить диверсию, даже если комиссия и не располагала тогда данными на этот счет. Но «минная версия» даже в настоящее время требует особого внимания к тем местам, где когда-либо производились постановки мин, пренебрежение этим недопустимо.

И. ДАВЫДОВ,
капитан 2-го ранга, инженер
в отставке, Севастополь

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ
ФОТО АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

НА ВЫЖ

БАЕМОСТЬ

Давно не было вестей из Тынды. После бурных выборов 1987 года штаб ЦК ВЛКСМ на Байкало-Амурской магистрали почти не давал о себе знать, будто в подполье ушел...

БАМ не избежал участи многих грандиозных проектов семидесятых годов — из «стройки века» превратился в «самый длинный памятник эпохи застоя». Можно понять обиду старых бамовцев: вчера газеты наперебой славил их героический труд, а сегодня убеждают строителей в том, что проложили они убыточную, никому не нужную дорогу. Дорогу в никуда... Что ж получается — под сомнение поставлен многолетний труд в тяжелейших условиях? Зря надрылись в стужу, кормили гнус в тайге, теряли здоровье? Понапрасну, на пустое дело выкинули лучшие молодые годы?

На подобные «эмоции» у критиков БАМа — неотразимый аргумент: дорога приносит многомиллионные убытки. Да и с чего взяться прибылы? 10—11 пар поездов в сутки — мизер в сравнении, скажем, с Транссибом. Но по воле министерства и БАМ перешел на хозрасчет. В этом году дороге установлен план прибылы — 138 миллионов рублей. Некруглая цифра прозрачно намекает: не с потолка взята! А откуда же? Бамовцы поднатужились и за полгода перевезли столько же грузов, сколько за весь прошлый год. И то — почти тридцать миллионов убытка! Начальник дороги ежемесячно спрашивает у министра деньги на зарплату... Результат слишком плачевен, чтобы списать его только на бамовских железнодорожников. Не раз слышал от них: «Перевели нас на самовыживаемость»...

Не так давно МПС выступило

с радикальной инициативой — разделить БАМ на три самостоятельные дороги, но железнодорожники и штаб ЦК единодушно восстали. В самом деле: как ни режь пирог, больше он от этого не станет, МПС отступилось — пока. Но главная проблема даже не в этом. «Вдруг» выяснилось, что возить по БАМу... нечего. А потому, стало быть, он никому и не нужен.

— Помню, в разгар стройки сколько министров приезжало к нам, сколько давалось обещаний! Многие министерства и ведомства обещали вкладывать средства в освоение зоны БАМа, развивать здесь промышленность, добычу полезных ископаемых, строить заводы и фабрики, города. Все забыто. Что сейчас возим? Уголь да лес-кругляк.

Так говорил нам в Тынде заместитель начальника дороги Сергей Гуков. Он, конечно, со своей «кляузою» — ему возить нечего. Ну, допустим, не нужна дорога — это б еще полбеды. Ненужным оказались люди — вот беда!

Предполагалось — молодежь проложит дорогу и разъедется тогда по домам, то ли по другим стройкам. А она, молодежь, решила остаться на БАМе навсегда. Многим и возвращаться-то некуда: ни кола ни двора на Западе.

Анатолий Шебов, нынешний председатель Северобайкальского райсовета, приехал из Белоруссии. Рассказывает:

— Вообще-то планировался здесь года два-три поработать как в ЦК комсомола просился. А жизнь все планы поломала. Женился, дети пошли. Получил квартиру, взял пять соток земли — хозяйствую... В Могилеве у меня что осталось? Койка в общежитии... Да если б и была квартира детей туда, после Чернобыля не повезу. Из нашего белорусского

града около 130 семей закрепился на БАМе. Живем как? Работа пока есть. Но перспективы очень туманные...

Около 70 процентов строителей БАМа хотят остаться в Северобайкальске. Но в городе уже сейчас больше 500 безработных. Что будет через некоторое время, когда строительство БАМа закроется? Город безработных?

...Ситуация прогнозировалась плохо. Еще лет пять назад северобайкальцы подготовили конкретные предложения и внесли их Совмин Союза. Я видел перечень предприятий, которые они предлагали построить в Бурятии, — тем самым решив и проблему занятости, и обеспечения людей постоянным жильем. Ни одно предложение не прошло. Почему? Обратная сторона хозрасчета. Договорились было с Минлегпромом о строительстве швейной фабрики (из-за больших трудностей с работой женщины), уже земельный участок выделили, но минлегпромовцы поехали на попятную: извините, говорят, мы тут еще раз посчитали — дорого обойдется фабрика: золото там у вас, сейсмичность... Точно так же провалился проект с радиозаводом. Понятно, дешевле строить в обжитых местах, где меньше трат на жилье и прочий социальный быт. Можно ли сказать ведомствам, что стали считать затраты? А если можно, то это равно бессмысленно: они нынче больше заняты самосохранением, чем освоением какой-то далекой зоны...

Положение еще не взрывоопасное, но... Прошла пора безоглядого оптимизма, появилась неуверенность в завтрашнем дне — это той или иной степени характерно для любого бамовского города, поселка. Все труднее выпускникам приходится находить работу; появились ограничения на прописку...

Чара, центр Каларского района Читинской области. БАМ прошел километрах в двадцати от этого села. Выстроен здесь поселок — Новая Чара.

Каковы перспективы этого района?

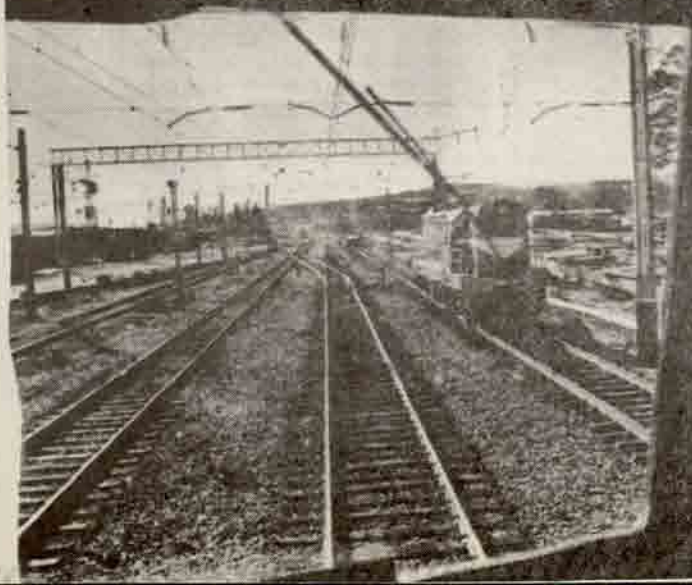
Есть тут уголь, железная руда, медь, планировалось строительство территориально-производственного комплекса сметной стоимостью 16—20 миллиардов рублей. Но, как и при проектировании БАМа, расчет ТПК велся на основе ошибочных цифр: полагали, что молодые строители дадут обет безбрачия, и вдвое снизили потребность в жилье. Сейчас ясно, что фактическая стоимость комплекса увеличилась бы почти вдвое! Местные власти предлагают более реальный компромиссный вариант — развивать экономику района по отраслям, взяв за основу что-то одно: уголь, руду либо санориты — калийные удобрения... Но требуются технико-экономические обоснования по каждому месторождению — это минимум триста тысяч. У райисполкома таких денег попросту нет. (Правда, предварительно договорились с двумя проектными институтами, но на составление ТЭО в лучшем случае уйдет не менее двух лет. И еще неизвестно, сулят ли выгоду эти предложения...)

Экономика района фактически держится на одном предприятии — управлении строительства «Бамстройпуть». Представим, уйдет оно отсюда — что останется? Убыточная дорога, полунищая Советская власть...

Два года назад начальником управления был избран 36-летний Виктор Абдурахманов. «Неформальный» хозяин района ворочает миллионами, имеет мощную производственную базу. Даже снабжение рабочих продуктами взял на себя: превратил ближайший сов-

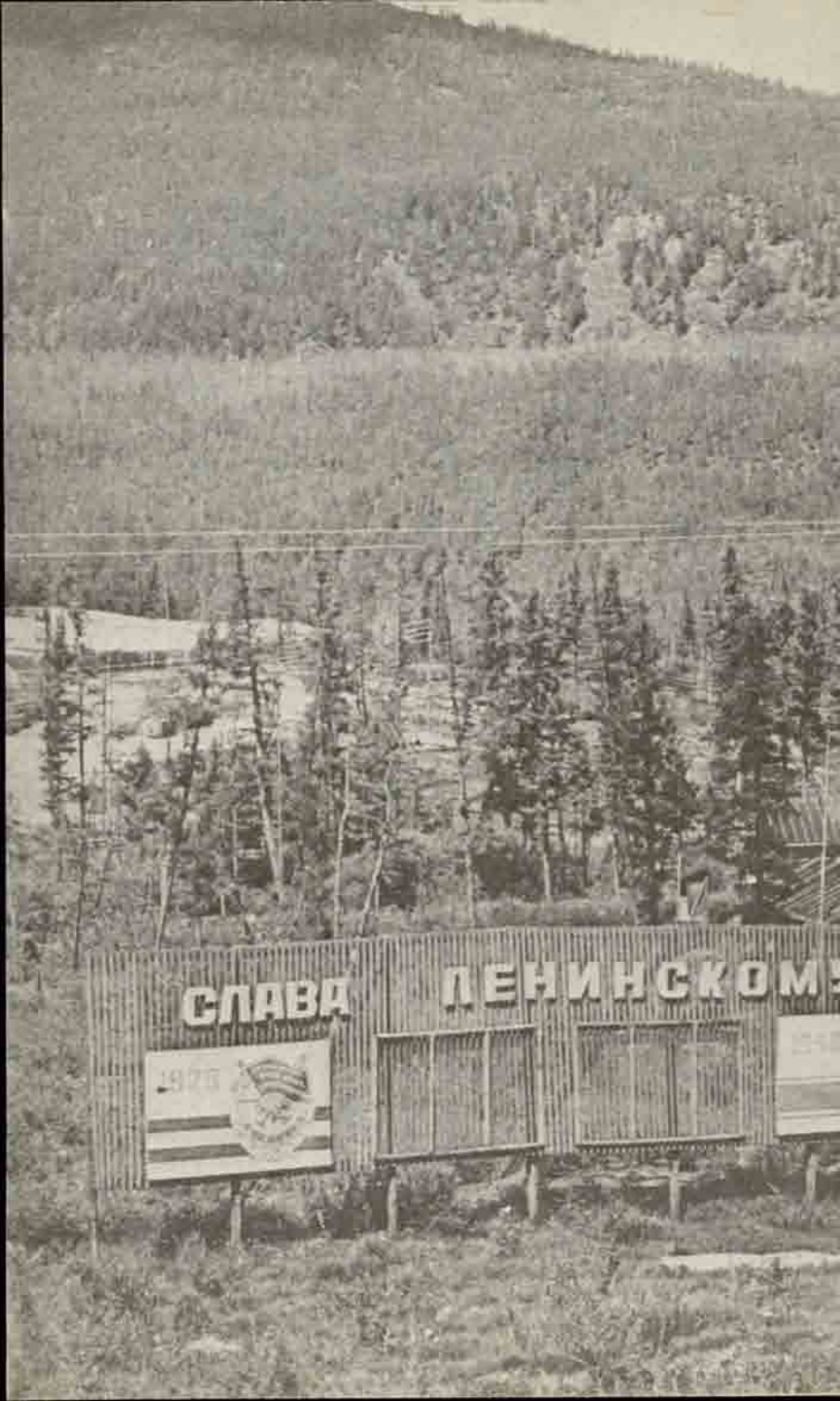

В бурше

Вокзал «на вырост».

СЛАВА ЛЕНИНСКОМУ

Что дальше?

хоз в собственное подсобное хозяйство, вложил четыре миллиона в строительство жилья на селе, закупку коров, свиней. Не его вроде дело, но как иначе? БАМ давно снят с гособеспечения. Это раньше в магазинах лежало мясо разных сортов; нынче в Чаре талоны почти на все, включая детское питание...

Абдурахманов на БАМе человек не новый. Даже родился в Амурской области — отца сослали сюда из Узбекистана. По образованию и призванию — «чистый», как он сам выразился, минтранстреовец, то есть сознательно избрал кочевую жизнь. О чем сегодня болит голова у молодого начальника? Похоже, термин «самовыживаемость» в ходу не только у железнодорожников. Основная забота — сохранить крепкий коллектив.

— Работы до окончания технического проекта БАМа много, — говорит Виктор. — Но, как известно, стране не хватает средств на производственное строительство. Сметы сокращаются. Вот и нам на этот год выделено всего 34 миллиона рублей. То есть составлен перечень объектов БАМа и открыто финансирование лишь на эту сумму. Что это для нас означает? Работой в своем районе мы обеспечены на треть мощности. Ищем объекты по всей Читинской области, Амурской, в Якутии. До некоторых точек добираться несколько суток. Поэтому приходится работать вахтовым методом. Рабочий там, семья здесь. Это жизнь?..

В стране на мно-огое денег не хватает. В поисках финансовых источников депутаты дружно указывают на военно-промышленный комплекс, космонавтику, партапарат и незавершенку в строительстве — поумерить бы их аппетиты, так на все про все хватит...

Что ж, можно, наверное, поискать деньги и в космосе. Ну,

а если иногда опускать взор от звезд под ноги — в буквальном смысле?

...— Вы вчера были в Чапа-Олого?

Да, ездили мы в то звенкийское село. Шофер райкомовского «уазика», давно там не бывавший, еще слегка беспокоился: не застрянем ли? К его собственному удивлению, домчались меньше чем за час: оперативно работают строители «Бамстройпути». Дорожное полотно отсыпало; скоро, глядишь, по асфальту будут ездить.

— Кто будет ездить? — озадачивает нас Абдурахманов. — Кому нужна эта дорога?! Говорят, звенкам. А их спросили? Восемь миллионов рублей ухлопаем. Да на эти деньги можно каждому звенку по вертолету купить! Все должно быть экономически обосновано: допустим, кто-то докажет — звенки заготавливают столько продукции, что ее невозможно вывезти без автодороги. Но возить-то по ней нечего! Или там поток машин, как на трассе Москва — Тула? Две машины в час... Может, лет через десять, когда начнется разработка Удокана, дорога пригодится. Но сегодня мы разве так богаты? Восемь миллионов... Да еще миллионы уйдут на содержание пустующей дороги.

— Вы не пробовали доказать ее ненужность?

— Однажды выступил в облисполкоме. Мне сказали: «Ты против звенков!» А может быть, им нужнее школа, детсад? По идее, отдать бы местному сельсовету те миллионы. Пусть он скажет, что требуется, а мы построим. Прямо скажу — в групповых интересах мне эта дорога выгодна! Рабочие заняты, деньги идут... Но в принципе эта стройка — глупость...

Мы припомним вчерашнюю поездку. Удобно ехать в легковой

машине по пустынной дороге! Мелькнула, правда, мысль: сколько же новых карьеров вскрыто в многострадальной окрестной тайге, какое неисчислимое количество грунта выслано в болота и мари под дорожное полотно! Но логического продолжения сей мысли, признаюсь, не последовало, хотя рельсы БАМа ни на минуту не скрывались из виду на протяжении всей поездки. Ходят дальние поезда, ходят местные — всего-то дел: поставить платформу близ села, раз уж такая забота об звенках.

Припомнили и бытовую неустраиваемость, бедную школу, тесные жилища в Чапа-Олого. Десятой доли бессмысленных трат хватило бы на создание людям нормальных условий жизни. А разве в самой Чаре нет работы? Этой зимой снова круглые сутки будут чадить локомотивы под открытым небом — депо-то не построено. «Нахаловку» со склона сопки убирать давно пора, благоустройством заниматься... Почему нельзя употребить государственные средства с пользой? А потому, что нет у нас государственных денег — есть ведомственные. Засыпать в болото — пожалуйста. Потратить на хорошее дело — это не по нашему ведомству.

Привел я только один факт с безвестной автодорогой, а если посмотреть хозяйски по каждому району, каждому ведомству и предприятию? Уверен, на второй БАМ наберем. Конечно, куда легче мыслить глобально, указывая вслед за многими пальцем в космос...

Штаб ЦК комсомола — частица БАМа. Надо представить, в каких условиях он работает...

Раньше задачи комсомола были более или менее ясны: набирать добровольцев, формировать отря-

ды, организовывать молодежные коллективы и соцсоревнование между ними. Теперь новые рабочие руки на БАМе не нужны — свои бы чем-то занять; соцсоревнование почило естественной смертью, комсомольские коллективы «состарились». Кроме того, какие-то льготы и привилегии коллективам по возрастному признаку и партийному составу отпали напрочь — хозрасчет всех поставил в равное положение. (Оговарюсь, особо тепличных условий для КМК и раньше не создавали, но комитеты комсомола следили за ними особо, кое в чем помогали — хотя бы по части снабжения.)

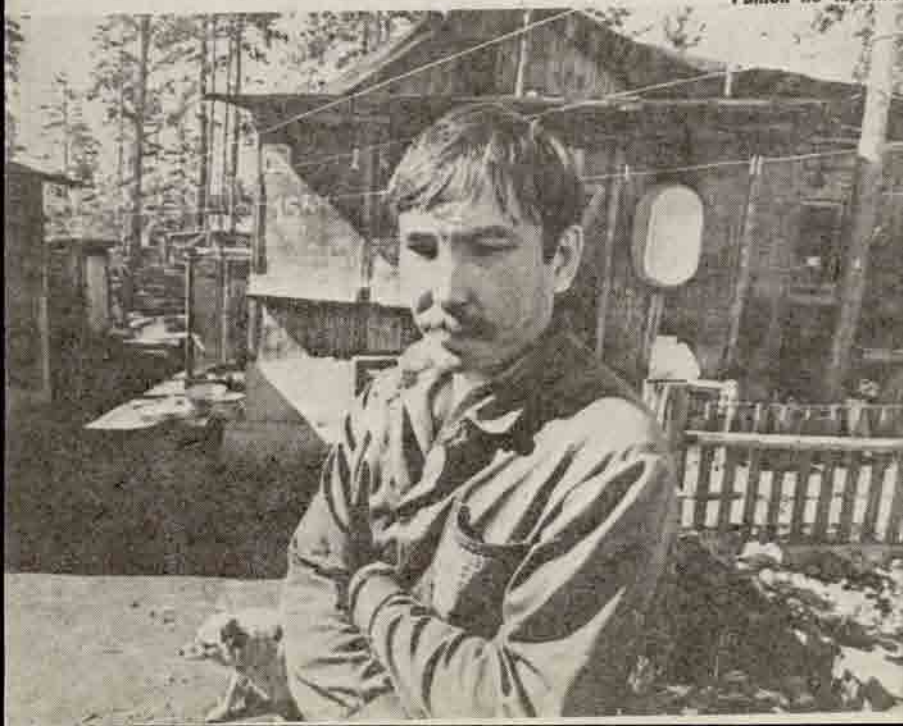
Предполагалось, что освоение зоны БАМа пойдет параллельно со строительством. Этого, как мы уже знаем, не произошло. Значит, рухнули надежды на скорое создание новых рабочих мест, не будет новых строек, новых предприятий!

Не раз слышали здесь: «БАМ — окно в будущее». Рано или поздно истощатся подземные запасы на Западе, добыча станет нерентабельной до разорительности — вот тогда поневоле вспомнят о Сибири и Дальнем Востоке, нужда заставит. Но к тому времени могут развалиться, разъехаться с таким трудом созданные строительные подразделения. И все придется начинать на пустом месте. Эти будущие затраты кто-нибудь просчитывал?

Как продержаться? Для этого, очевидно, нужно знать хотя бы ближайшую перспективу. Весной штаб ЦК направил в правительство ряд вопросов по проблемам развития зоны и шефства со стороны ВЛКСМ. Получил бумагу за подписью заместителя председателя Госплана СССР А. Трошина. Общее мнение бамовцев: ответы расплывчатые, уклончивые, ничего обнаде-

Рынок по-чарски.

живающего — «разрабатывается концепция», «задания программы уточняются», «проект рассматривается», «инициатива ЦК ВЛКСМ заслуживает поддержки» и т. п. Если учесть, что принятая в 1987 году «Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года» не выполняется, а новая концепция развития еще в стадии разработки. — рассчитывать приходится опять-таки на «самовыживаемость». А за счет чего может выжить зона БАМа в новых условиях хозяйствования?

— Регион совершенно не готов к переходу на рыночную экономику. — говорил нам председатель Северобайкальского горсовета Владимир Янковский. — Нам нечем торговать, кроме леса! Самая большая ошибка — за время строительства БАМа вокруг него не создано никакой собственной экономики. Ходим по золоту — живем в нищете...

Напомню, чем закончились выборы начальника штаба ЦК три года назад — избрали шесть (!) членов совета штаба во главе с председателем. Из того состава на БАМе осталось двое (причины ухода четверых разные и к делу в данном случае отношения не имеют) — нынешний председатель Геворг Шахназарян и Сергей Писарев. Геворг — в Тынде, столице БАМа; Сергей — в Северобайкальске, начальник ЭКСО (что это такое — чуть позже). Сразу предупреджаю: отношение к новой деятельности штаба даже среди ветеранов-бамовцев неоднозначное. «В коммерцию ударилась» — говорят некоторые с оттенком осуждения.

Подождем ссуждать, разберем-

ся лучше, чем занимаются молодые коммерсанты.

...На окраине Тынды нашли одно из молодежных предприятий. Называется спортивно-технический клуб «Авангард». Штат — четыре человека. Начальник «Авангарда» Виктор Корнилов и трое водителей грузовиков — Владимир Корнилов-младший, Эльдар Гайфулин, Миша Дылдин. Виктор с товарищами работал на отсыпке полотна БАМа, а когда работы там закончились, решил свое дело организовать. Закупили ребята пяток разбитых, списанных «Магиров» (по четыре-пять тысяч драли с них за груды металла!), восстановили — теперь зарабатывают на перевозках различных грузов. Доход за прошлый год — 107 тысяч. Обогащаются ребята? Оклад начальника — 220...

Куда же идут деньги?

За 60 тысяч построили гараж. В гараже том же «Магирусы» стоят — три десятка чешских кроссовых мотоциклов. После работы водители превращаются в тренеров по спорту.

Клуб создан для подростков (многих из них, кстати сказать, направила милиция). «Да какие они «трудновоспитуемые»? — изумляется Корнилов. — Обычные нормальные парни». Команда юных кроссменов ездит на соревнования по всей Сибири и Дальнему Востоку. В планах клуба — открытие секции багги, мотodelьтапланизм (два летательных аппарата уже собраны в гараже). Удовольствие недешевое, но для подростков абсолютно бесплатное. А «Авангарду» каждый пацан «стоит» две с половиной тысячи в год: средняя цена одного мотоцикла — полторы тысячи, да запчасти, да бензин... Интересная деталь: создавая свой клуб, Корнилов на всякий случай обратился за финансовой поддержкой в два

десять тындинских предприятий: для ваших же детей стараемся, товарищи! Почти никто не дал ни рубля — хозрасчет.

...Водитель автобуса Анатолий Гончаренко пришел в штаб, когда его индивидуальную аренду в государственном автопредприятии под формальным предлогом прикрыли. Получил в штабе шесть тысяч уставного фонда и открыл собственное предприятие междугородных перевозок «Сервис». Тындинское АТП просчиталось; теперь вместо одного конкурента-арендатора — двенадцать.

— Ни одна государственная структура конкуренции на дух не переносит, — говорит Шахназарян. — Как, эти салаги пытаются отбить у нас пассажиров?! У наших водителей ГАИ даже права отбирало: дескать, не согласован маршрут с нерюнгринской властью. Мы поехали туда. Торговкин, мэр Нерюнгри, нам так сказал: «Ребята, я вам разрешаю проезд, проход, пролет по нашей территории! Только показывайте класс, уровень обслуживания».

И они показывают. В междугородных рейсах — горячие обеды, музыкальная программа — это входит в стоимость билетов. Намечают оснастить автобусы персональными плеерами, видео. Планируют дополнительные услуги пассажирам: бронирование мест в гостинице, билетов на самолеты, поезда, доставку билетов на дом. И, конечно, постоянно изучают спрос, «подлаживают» расписание под запросы пассажиров. По выходным возят детей на экскурсии — бесплатно.

Да, я не сказал о цене на билеты. Цены колеблются в зависимости от наплыва пассажиров, но не более 10 процентов сверх госрасценок. А иногда бывают и ниже!

Летом Гончаренко имел всего три автобуса и еще три ожидал в ближайшем времени. А если сдержит замминистра обещание, парк «Сервиса» возрастет сразу на тридцать машин.

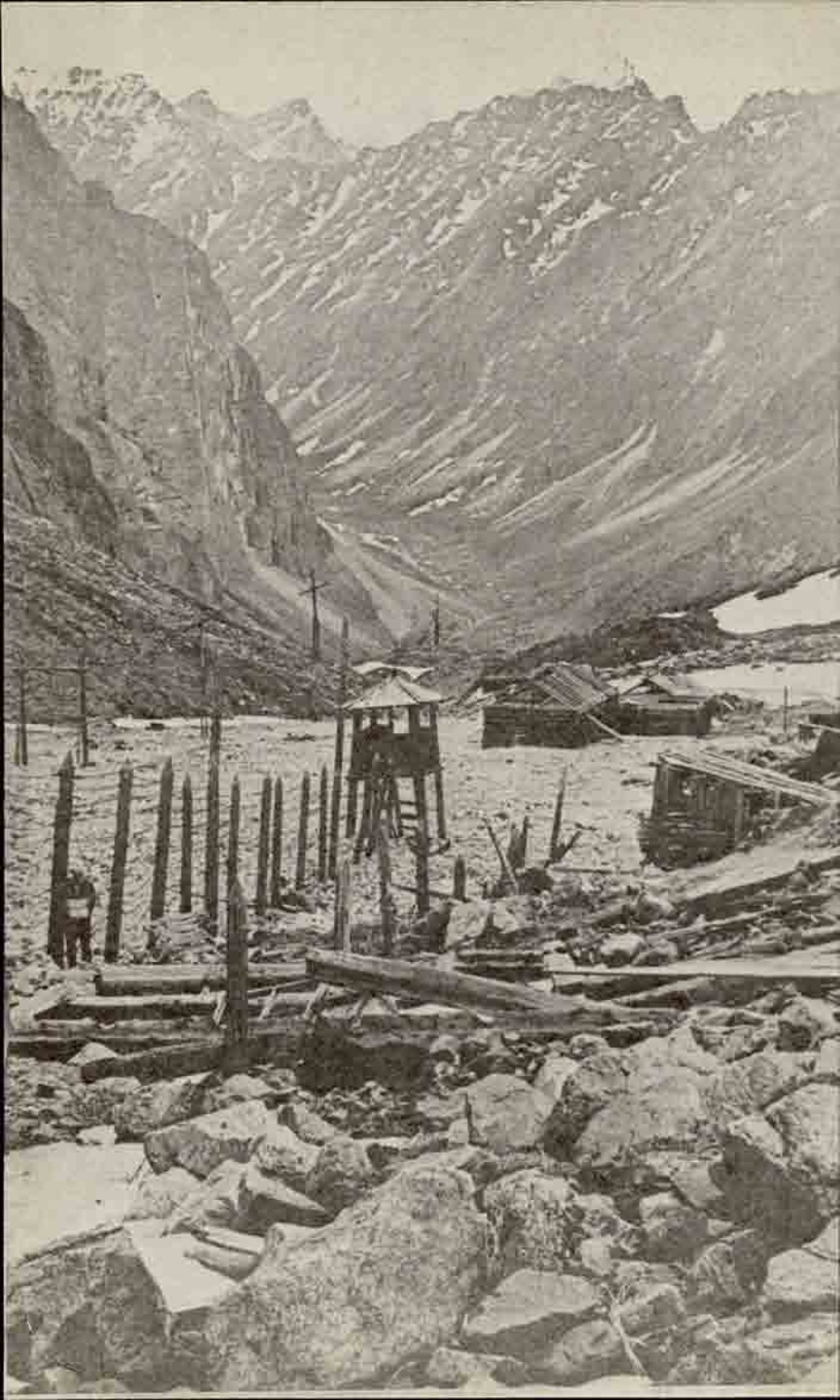
Есть еще в Тынде ремонтно-строительное молодежное предприятие; создан региональный коммерческий банк «БАМ кредит». С председателем правления банка Борисом Юсфиным мы познакомились в штабе. Раньше он работал управляющим Промстройбанком. Те банки, по мнению Юсфина, оживают свое — работают по старым, «запретительным» инструкциям.

— Во всем видят местничество! — уточнил Борис. — А наша цель — вложения в развитие региона. Мы сможем финансировать свою базу переработки, небольшие мобильные производства...

Каждое молодежное предприятие перечисляет штабу десять процентов прибыли. Потом здесь сообщают решают, на что потратят вырученные от коммерции деньги. Могут, как в случае с Гончаренко, выделить начальный капитал. Но чаще деньги идут на общегородские нужды. На балансе штаба — стадион; 10 тысяч выделяют на содержание футбольной команды; финансируют спортивные мероприятия, Дни молодежи, бамовские фестивали, пушкинский праздник поэзии. Один только фестиваль песни стоил 20 тысяч! За 50 тысяч купили типографию — хотят выпускать бамовскую молодежную газету.

Нужны будут средства и на создание новых предприятий в сфере обслуживания, переработки отходов, древесины, выпуска товаров народного потребления...

Немаловажная деталь: штаб зоны БАМа не пытается стать таким региональным молодежным

Островок архипелага ГУЛАГ в Мраморном ущелье. Орудия труда
остались от эков. Банки — от «диких» туркистов.

«министерством» и не диктует, кому чем заниматься. Комсомольские штабы Читинского, Бурятского участков БАМа сами определяют тактику и стратегию хозяйственной деятельности.

В Чаре зональный штаб учредил с Каларским райисполкомом совместное предприятие — молодежное территориально-производственное объединение «Калар». Основное, что привлекает туда людей, — полная экономическая самостоятельность входящих в объединение молодежных предприятий. О «Каларе» стоило бы поговорить отдельно, обстоятельней, но, — увы, — журнал не безразмерен... Поэтому коротко об основных направлениях.

Работает швейное производство. Платья, куртки, спортивные костюмы сдаются в магазин, но есть и индивидуальные заказчики.

Идет наладка станков в мебельном цехе — здесь будут выпускать мягкую мебель, паркет.

В Куанде построен швейный цех и закуплено сырья на два года работы. Унты, куртки из овчины весьма популярны в этих местах.

Взяли в аренду целебный источник Горячий Ключ — совместно с медиками организуют бальнеологический курорт. Спортивно-туристический центр «Калара» начал осуществлять идею, впервые высказанную в «Смене» года три назад: на БАМе можно успешно развивать туризм, в том числе и международный. (Красоту здешних мест я описывать не рискну — надо видеть.)

В дни нашей командировки заместитель директора СТЦ Александр Ерушевич как раз принимал группы туристов из шести городов БАМа, организовывал их доставку к горной реке Средний Са-

кукан — месту соревнований. Присоединились к ним и мы... Конечно, участвовать в соревнованиях по преодолению водных преград, альпинизму поостереглись, а вот в бывший сталинский лагерь, что в Мраморном ущелье, поднялись.

— Мы не только в Мраморное вводим группы, — рассказывал потом Ерушевич. — И на Кодар, на Горячий Ключ. Пытаемся как-то разнообразить жизнь бамовцев, вывести в горы, дать хоть воздухом подышать... после загазованных поселков.

Не стану лукавить: не из чистого альтруизма водят туристов-альпинистов инструкторы спортцентра. Но все стоит денег. На Сакукан мы добирались вахтовкой, купленной где-то Ерушевичем. Центр имеет сегодня «КамАЗ», «Урал», «ГАЗ-66», два ГТТ, два грузовика — а это десятки тысяч! А еще шестьдесят ушло на пробивку дороги к горам. Где брали финансы?

Тысяч сто инструкторы заработали на высотных работах — например, мы сами видели, как они трубы ТЭЦ в Тынде красили. 40 тысяч одолжил комсомол. Абдурахманов выделил солидную сумму.

Перспективы туризма в Каларском районе очевидны. Горы, тайга, источники, знаменитая пустыня — Чарские пески... Тут можно и валюту на иностранцах зарабатывать — если, конечно, заняться бытовым обустройством: к бамовским гостиницам, сервису, продовольствию только наш человек привычен. Правда, у «Калара» есть договоренность (устная пока!) с Северобайкальским ЭКСО и железнодорожниками об организации туристических поездов для иностранцев. А чем черт не шутит? Вдруг и тут комсомол составит конкуренцию? Интуристу, например? Во всяком

случае, центр социального проектирования «Калара» ищет наиболее эффективную модель объединения — будет ли это консорциум, акционерное общество или еще что-то; определяет экономический потенциал района, прорабатывает возможности на внутреннем и внешнем рынках.

Писарев в Северобайкальске тоже всерьез на международный туризм «нацелился». Но здесь у него и председателя горсовета Владимира Янковского серьезные проблемы с районным Советом.

— У нас есть туристическое предприятие «Эгос», — говорил Сергей. — Мы добились, чтобы север Байкала включили в схему международного туризма. Готовы найти спонсоров и взяться за строительство трехзвездочной гостиницы в Северобайкальске, мест на 350, построить ряд небольших баз на 20—30 человек, обустроить тропы, кострища, места для отдыха. Словом, хотим организовать туризм по высшему классу, экологически абсолютно чистый. Что это даст городу и району? Во-первых, такой туркомплекс — это 3—5 тысяч рабочих мест, в основном для женщин. Во-вторых, в район пойдут деньги, валюта — не надо объяснять, как много это значит. Мы и заповедникам байкальским поможем финансами. Но без разрешения райисполкома ничего в районе строить нельзя. А райисполком отказывается выделять нам участки! Более того — он уже начал отвод земли «Байкалтуристу». Мы объясняли, что при таком варианте район и город почти ничего не получат — все налоги с прибылей туристического предприятия уйдут в Улан-Удэ! Нас не слушают...

— Отчего же?

— Я вижу только одну причину: за деятельность «чужой» рес-

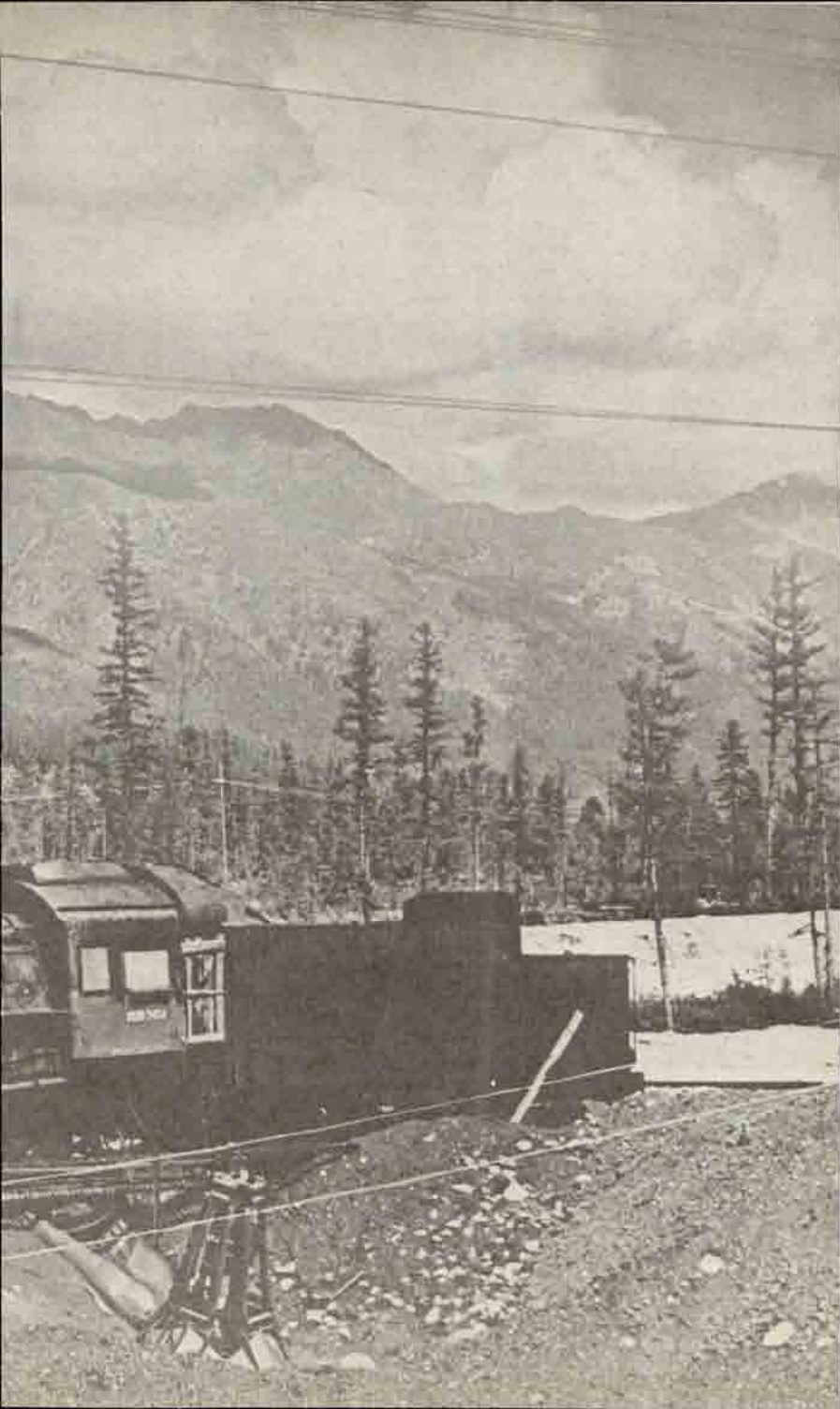
публиканской фирмы никто в исполкоме не будет нести ответственность.

Может, Писарев — прожектор, несерьезный подрядчик? Но за время его работы в Северобайкальске сделано не так уж мало. Работает лесозаготовительное перерабатывающее предприятие; в поселке Таксимо строится завод на 25 миллионов штук кирпича; СП «Недра» ведет разведку и бурение скважин с питьевой водой; созданный на базе кооператива ОКС приступает к строительству шестисот индивидуальных домов из местных материалов... Сетью малых предприятий Писарев хочет обеспечить как нужды города и района, так и торговлю с другими регионами — продавать кирпич, черепицу, плитку, пихтовое и эфирные масла, ДВП, ДСП. Причем Писарев не просит под свои нужды и планы ни рубля у государства! Обходится собственными заработками, ищет спонсоров.

И тут пора расшифровать, что же такое ЭКСО. Вначале так называлось экспериментальное объединение «Байкал», генеральным директором которого Писарев и являлся. Занимался в основном экологическими проблемами. Но по мере разрастания сети молодежных предприятий, им стало тесновато в этих рамках. И тогда штаб ЦК и Северобайкальский Совет учредили при горисполкоме новый экономическо-социальный отдел. Аббревиатура осталась прежней — сфера деятельности расширилась. Буквально при нас был утвержден протокол о намерениях создать совместное предприятие с трестом «Нижнеангарсктрансстрой»: трест передает в СП производственные мощности, кадры, фонды на лес, строит дорогу к лесным делянкам, — а ЭКСО финансирует предвари-

...На БАМе остановка.

тельные работы по заготовке леса, выделяет оборудование для глубокой переработки древесины.

...Не знаю, чем закончится противостояние гор- и райсоветов. Полагаю все же, верх возьмет концепция Писарева и Янковского: только собственная экономика обеспечит нормальную жизнь Baumwским городам и поселкам.

Самые неприятные для Шахназаряна вопросы я оставил напоследок.

— Геворг, а ты что скажешь по поводу «коммерциализации» комсомола, и штаба в частности?

— Создавать новые рабочие места для молодежи — прямая обязанность комсомола, об этом и в новом уставе говорится. Теоретически выпускник школы или ПТУ имеет право на труд. Практически их почти нигде не берут! Везде сейчас принимают в основном уже опытных специалистов. А без средств новые рабочие места не создашь.

— Тындинская городская газета недавно писала о «дельцах» из одного вашего строительного предприятия...

— А разве в госсекторе нет жуликов? Так и мы от них не застрахованы...

— Говорим, все предприятия должны быть в равных условиях. Почему же комсомольские имеют налоговые льготы? Это обстоятельство вызывает пересуды — комсомол обирает государство...

— Вопрос понятен. Но льготы — то мнимые. На слух, конечно, впечатляет: освободили от налогов на прибыль! И от налогов на производственные фонды! Блеф чистой воды. Ведь полностью отсутствуют система снабжения, материально-техническая база. А это приводит к дополнительным затратам: все надо доставать на обмен, помотаться по командиров-

кам, потерять массу времени — и потерять в конечном счете возможную прибыль. Если б мы были в равных стартовых условиях с госпредприятиями, тогда налоговые льготы были бы действительно чрезмерными. И не забудь, что почти все комсомольские предприятия начинали с нуля, часто не имея даже уставного фонда.

— Но и кооперативы начинали с нуля. И у них те же трудности со снабжением.

— Не могу объяснить почему, но когда руководители госпредприятий решают, кому продать или передать технику, оборудование, приоритет всегда за кооперативами. Мы на приобретение тратим гораздо больше времени, средств. Кроме того, давай сравним, как мы тратим прибыль. К Корнилову пришел кооператор, спрашивает: «Сколько у вас идет на зарплату? 10 процентов? Бросай ты свои мотоциклы, иди к нам — у нас 30 процентов!» Но ты, наверное, еще не знаешь последнюю новость? Наши предприятия на грани полного разорения и закрытия. Новая организация — налоговая инспекция — требует платить в госбюджет 35 процентов! Причем, хотя закон о налогообложении предприятий вводится в действие с 1 января 1991 года, требуют и за нынешний, и даже за прошлый! Пришли к Корнилову, говорят — с тебя 24 тысячи долгу. За что? А у тебя, мол, основная деятельность — автомобильные перевозки, это к комсомолу отношения не имеет. И никак не докажешь, что основная деятельность у «Авангарда» вовсе не перевозки! Перевозки — лишь средство для развития мотоспорта, багги, дельтапланеризма. Воспитания подростков, наконец. А у налоговой инспекции одна фискальная функция: «найти

и обезвредить» нашу прибыль. И никто не хочет учитывать социальную направленность нашей работы и то, куда идут деньги. Мы готовы отчислять в местный бюджет, но начинать надо с пяти — десяти процентов, а не с тридцати пяти...

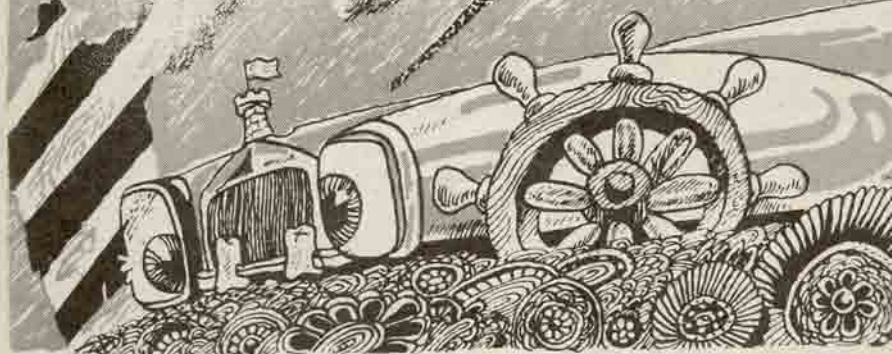
Кто прав? Молодые предприниматели или те, кто считает их ловкими грабителями государства? Аргументы Шахназаряна убедительны. Но, поскольку молодежное предпринимательство — дело для нас новое, я хочу обратить внимание и на зарубежный опыт.

По сведениям НИЦ института молодежи, многие страны Запада отдавали приоритет именно развитию молодежного предпринимательства. Предоставляли льготный режим, безвозмездные ссуды, не требовали платить налоги в течение ряда лет. При том, что не было там проблем со снабжением, приобретением материалов, оборудования. Наши же молодые создают свою экономику в условиях всеобщего хаоса, бедности, дефицита.

Вот так и губим еще одно хорошее дело — нам к потерям не привыкать...

АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ

ВСЕ ОЧЕНЬ ПРОСТО

82

В 1976 году случилось событие, открывшее новые горизонты в жизни «Машины времени», — нас вдруг пригласили в Таллинн на фестиваль «Таллинские песни молодежи-76». Организовал это ЦК ЛКСМ Эстонии, и название фестиваля носило отпечаток эдакого комсомольского камуфляжа — это, конечно, был рок-фестиваль, — но слово пока было запрещенное. Не помню, с помощью какого финга мы заполучили бумагу, где говорилось, что нас командируют на фестиваль. Мы ехали туда, как на самый главный праздник в своей жизни. К радости примешивалась робость: мы слышали, что в Эстонии музыкальная жизнь куда свободнее, чем в России, и что там очень сильные группы.

Поразило сразу все: красота и чистота таллиннских улочек, вежливость и серьезность местных комсомольцев, покрытых сильным рок-н-ролльным налетом, — очень они были не похожи на привычных, в галстуках и с бегающими глазами. Еще поразило то, что у входа в зал Таллиннского политехнического института, где проходил фестиваль, нет толпы: оказывается, билеты давно проданы, а воспитанная эстонская молодежь не станет без толку ломиться, раз билеты все равно кончились. Это казалось невероятным. У нас-то в Москве все было иначе: самый верный способ создать толпу — это сказать, что билетов уже нет.

Мы приехали в Таллинн позже остальных участников, оказалось, что все гостиницы уже заняты, и нас повезли в какое-то студенческое общежитие, оставленное как резерв. Мы по гостиницам еще никогда не жили и никаких претензий не имели: настроение было необыкновенно приподнятое, во всем ощуща-

лось преддверие какого-то счастья — настоящий рок-фестиваль и почти за границей. Ехали мы в эту общагу почему-то троллейбусом, в котором нам представили необыкновенно интеллигентного юношу в овчинном тулупе, явно студенческого вида, с милой спутницей и гитарой в матерчатом мешке. Звали юношу Боря Гребенщиков.

В общагу мы приехали сильно продрогшие и тут же предложили ему согреться нервно-паралитическим — наш звукорежиссер Саша Катамахин производил это адское пойло путем настаивания чистого медицинского спирта на большом количестве стручкового красного перца, привезенного специально для этой цели из Ташкента. Он всегда возил этот динамит с собой — якобы на случай простуды кого-нибудь из нас. Повод был достойный. Согрелись мы основательно и, кажется, заснули по дороге к койкам, а Борька — по дороге к своему номеру, которого у него, кстати, так и не оказалось. Борька нам очень понравился. Мы ему, по-моему, тоже. Он со своим «Аквариумом», который тогда представлял собой милый акустический квартет, явился в Таллинн без всяких приглашений и чуть ли не пешком. И им разрешили выступать! По законам московской жизни это было невозможно себе представить. Собравшиеся с разных концов страны на фестиваль хиппи рассказывали просто уже фантастические вещи — их встречали на вокзале (руководствуясь их внешним видом), предлагали комнаты в общежитии и по окончании фестиваля — обратные билеты, и все бесплатно! (Естественно, откуда у хиппи деньги?) Это вместо того, чтобы волочь

в кутузку, стричь и выяснять, откуда и зачем. Мы чувствовали, что попали в другую страну.

Грянул фестиваль. Эстонские группы оказались действительно сильными, но какими-то замороженными, что ли. В их музыке было все, кроме того, что заставляет тебя притопывать ногой в такт, помимо собственной воли. Москву представляли мы: блюзово-рок-н-роллное «Удачное приобретение», Стасик Намин с группой из двух человек (Слизунов и Никольский). Из Ленинграда приехали «Орнамент», тот же «Аквариум», кто-то еще, из Горького — группа «Время». Остальные команды — из Прибалтики. Концерты шли днем и вечером — по три-четыре группы в каждом. Мы выступали вечером первого дня. Не знаю уж, в каком приподнятом состоянии духа мы пребывали, но зал аплодировал минут десять — было ясно, что это победа (к полной нашей неожиданности, кстати: у нас ведь до этого не было возможности сравнить себя с другими командами, кроме московских). Не знаю, что тут сработало — то ли наши песни, сделанные из очень простой музыки, то ли слова, то ли странное сочетание бит-группы со скрипкой, а может, наш завод, у прибалтов отсутствовавший. Наверно, все вместе. Назавтра днем состоялось второе наше выступление. Оно прошло похуже из-за нашего состояния — очень уж нас накануне все поздравляли, — но это уже было не важно. Сережа Кавагое, постоянно ратовавший за профессиональное поведение на сцене, договорился с нами, что в случае какой-либо технической поломки во время выступления следует не ковыряться в проводах, стоя спиной к залу, а быстро и с достоинством покинуть сцену, пока все не починят. И когда на второй песне что-то у меня отключилось (дело обычное), Сережа бросил палки и с такой скоростью усвистел за кулисы, что зал испуганно притих: все решили, что это какая-то творческая наша задумка.

Уезжали мы из Таллина, пьяные от счастья и коктейля «Мюнди», увозя с собой бесценную бумагу, подписанную секретарем ЦК ЛКСМ (ну и что, что Эстонии?), где говорилось, что мы не враги народа, а, напротив, художественно и идеологически выдержанные и заняли первое место на советском молодежном фестивале. Эта бумага виделась нам спасательным кругом, на котором еще долго могла продержаться наша безопасность в московских джунглях. Еще мы увозили обещание Борьки пригласить нас сыграть в Питер: по его рассказам, там шла подпольная, но совершенно роскошная рок-н-роллная жизнь.

В Питере мы оказались очень скоро. Нас встретили, как героев. Это было приятно. Дружное хипповое, какое-то немосковское подполье, очаровательный, едва уловимый ленинградский акцент, кофе в «Сайгоне» — все было великолепно. По первому ощущению питерская тусовка чувствовала себя куда свободнее московской и всяма этим гордилась. К вечеру, уже несколько набравшиеся, мы большой волосатой толпой двинули на сейшн в ДК Крупской. Он оказался где-то почти на окраине (как мне показалось), но — фантастика! — милиции не было! Первой играла команда с названием «Зеркало» — и никаких особых впечатлений ни у нас, ни у зрителей не оставила.

Мы приободрились — народ уже знал, что мы должны играть, и посматривал на нас с плохо скрываемым восторгом. Представляю, как уже успела расписать наши достоинства хипсовая молва. Вслед за «Зеркалом» вышел «Аквариум»: Играли они чистую акустику и, следовательно, прямой конкуренции составить нам тоже не могли. Их принимали тепло, но без остервеения. Потом на сцене появились «Мифы». Их я уже видел пару лет назад в Москве — не знаю, каким ветром их туда занесло. Уже тогда в них все было шикарно: мощный, какой-то фирменный вокал Юры Ильченко, издевательские тексты, тяжелые аранжировки, волосы до плеч и драные джинсы — все чуть-чуть свободнее, чем в Москве. А теперь они вышли на сцену с духовой секцией — трубой и саксофоном! Дудки победно сверкали. С первыми аккордами я понял, что нам конец — если два года назад они меня поразили, то я не знаю слов, чтобы описать теперешнюю реакцию. Я был растоптан. Помимо всего прочего, у «Мифов» напрочь отсутствовала сценическая зажатая старательность, столь характерная для московских групп и, наверно, для нас самих. На сцене стояли абсолютно отвязанные, жизне-радостные нахалы, явно торчавшие от собственной музыки. Пианист Юра Степанов время от времени оставлял инструмент и пускался вприсядку. В зале творилось невообразимое. Маргулис уже задвинул свою бас-гитару ногами куда-то под кресла и заявил, что если после «Мифов» я хочу видеть его на сцене, то для начала придется его убить. Поздно! «Мифы» доиграли свой последний хит, пригласили на сцену «Машину времени», и их трубачи грянули какой-то бравурный марш. Не выйти было нельзя. Не помню, как мы с Сережей выволокли Маргулиса за кулисы. Занавес закрыли на пять минут — ровно на столько, чтобы попытаться настроить гитары, воткнуть их в аппарат и выяснить, какая песня первая. Тряпку раздернули, я зажмурился, и мы грохнули «Битву с дураками». Я выжимал из себя и из гитары все. Я не раскрыл глаз до конца песни — мне было страшно. Последний аккорд потонул в таком реве, что глаза открылись сами собой. Впоследствии я никогда не видел, чтобы пятьсот человек могли издать звук такой силы. Страх улетучился мгновенно. Были сыграны «Ты или я», «Флаг над замком», «Черно-белый цвет», и я почувствовал, что надо уходить, потому что у человеческих эмоций есть предел и следующую песню зал уже с таким накалом встретить не сможет просто физически.

Потом мы шли разгоряченной толпой во всю ширину какой-то темной улицы. Кажется, от нас валил пар. Мы двигались в сторону Московского вокзала, особенно, впрочем, не заботясь о направлении. Откуда-то возникли бутылка водки и крохотная хрустальная рюмочка, которую всякий раз перед тостом торжественно ставили на асфальт посреди улицы и наполняли. Местные менеджеры бежали за нами, на ходу выкрикивая предложения, все это уже было не важно. Это вот ночное ленинградское счастье живо во мне до сих пор. А в Питер мы вернулись скоро. Ровно через неделю.

И началась наша гастрольная жизнь. Конечно, гастрольями это

в сегодняшнем смысле назвать никак невозможно. Гастроли — это что-то такое длительное, профессиональное. Нам же звонили уже знакомые организаторы из Питера либо друзья-музыканты, мы покупали билеты, грузили свой аппарат в купе «Стрелы» и отправлялись в колыбель революции. Когда я сейчас пытаюсь представить себе, как это мы перли все наши ящики по платформе, затаскивали их в вагон, невзирая на вопли проводницы, умещались между ними и на них в купе, утром выволакивали все это на питерский перрон, везли к какому-нибудь безумному нашему фану на квартиру, задыхаясь, поднимали на пятый этаж — ленинградские подъезды не баловали нас лифтами, — а через пару часов уже спускали наши драгоценности вниз, чтобы закидать в пойманный левым путем автобус и разгрузить все это уже в рискнувшем принять нас Доме культуры, науки или техники, настроить звук, потом, выжатые концертом, пьяные от успеха и общения с питерской тусовкой, опять все развинтить, собрать, довести на чем придется до вокзала, покидать в поезд, невзирая на вопли проводницы, и ничего не потерять по дороге — я не понимаю, сколько сил в нас бурлило и какой магический завод нами двигал. Понятие «техперсонал» тогда отсутствовало начисто, и рассчитывать приходилось только на фанов, мечтающих проскочить на заветный сейшн. По окончании они, как правило, исчезали либо находились в состоянии, не позволявшем нам допускать их до аппарата. Пожалуй, на тот период достойных конкурентов, кроме «Мифов», в Питере у нас не было. Бешеный прием ленинградцев грел нас, как доброе вино. Были и другие причины наших миграций — в родной Москве мы уже задыхались в кругу знакомых сейшеновых лиц, а новые не могли нас увидеть, хоть застрелись, — из-за проклятой конспиративной системы распространения билетов. Круг устроителей сузился до нескольких человек, у которых обломы случались не каждый раз, а, скажем, через два на третий. А ехать по приглашению какого-то новичка, зная, что потом придется долго и нудно давать показания, да еще тащиться ради этой радости, скажем, в Электросталь крайне не хотелось. Питер стал для нас спасением, правда, тоже ненадолго.

С первых же приездов я слышал постоянно имя какого-то легендарного Коли Васина. Произносилось оно с особенным уважением и чуть ли не трепетом. На одном из сейшенов мне сообщили, что Васин будет. Я, между прочим, волновался. После нескольких песен на меня налетел, смял и поднял в воздух здоровенный мальчуган в бороде и хитровых атрибутах. Между поцелуями он оценивал нашу игру словами, которые я здесь при всем желании и торжестве гласности привести не могу. По глазам окруживших меня ленинградских друзей я почувствовал, что их «отпустило». Потом я узнал, что Коля Васин, как правило, в оценках строг, а с мнением его очень считались. Этим же вечером мы оказались в его доме. Мы долго тряслись на трамвае, друзья-музыканты, загадочно улыбаясь, поглядывали на нас, и я понимал, что нас ожидает какой-то шок. Я даже предвидел, что связано это будет с битлами. Но такого я, конечно, не ожидал. Какой там дом! Какой музей! Мы вдруг очутились

внутри волшебной шкатулки, заполненной битлами. Не было ни квадратного миллиметра без битлов. Пространство уходило в полумрак и хотя, как я понимаю сейчас, было небольшим — казалось безбрежным и многомерным. Битлы смотрели с фотографий, постеров, картин самого различного художественного достоинства, со значков на портьерах, с самих портьер, с книжных полок и полок для пластинок и кассет. В углу даже располагалось чучело Ринго Старра в натуральную величину, показывающего всем «козу», то есть «лав». И все это горело безумными красками и дышало истинным хипповым духом. Может быть, на свете есть несколько человек, не уступающих Коле Васину в информированности о жизни «Битлз». Какой-нибудь Хантэр Дэвис. Не знаю. Но всезнание Коли меня поражало. Поражало, как он все это собрал по крохам, живя в Ленинграде, и на какой любви все это было замешено. Его можно было спросить, что, скажем, делал Джон 11 августа 1964 года часов в восемь вечера, и в ответ шел немедленный рассказ, причем, произнося имена битлов, Коля заикался от нежности. Его хата надолго стала моим любимым местом в Питере. Я мог оставаться там на несколько дней, и когда Коля уходил на работу, брал один из его альбомов и читал до вечера. Альбомы Коля делал сам. Их невозможно описать — их следует видеть. Это были неподъемные фолианты, где содержалась жизнь битлов в статьях, текстах песен, фотографиях, его же, Колиных, картинах и картинках, а также комментариях. Это великий труд, пропитанный такой неподдельной любовью, что от осевшей в альбомах Колиной энергетике они чуть не светились в темноте.

Коля был максималист. Он или любил до удушения в объятиях, или не любил совсем, отводил глаза, не мог физически сказать что-то хорошее, если ему не нравилось. Да что я все «был» да «был». Жив Коля Васин, слава Богу, и давно переехал с дикой Ржевки в центр Питера и перевез свой музей, только вот смерть Джона Леннона сильно его согнула, и, может быть, от этого оставил он себя во всем том, что было до восьмидесятого года. Может, так оно и надо. Я его вижу иногда и очень его люблю.

Четыре раза в год — в дни рождения Джона, Джорджа, Пола и Ринго — Коля устраивал грандиозные, чисто питерские сейшны в их честь. Энергия его не знала границ. Художники рисовали плакаты и картины, музыканты разучивали песни именинника специально к этому дню. И все это происходило абсолютно без участия каких-либо денег, что приводило в изумление и неверие бдительных ленинградских ментов. Сейшна проходили с огромным количеством групп, в конце они обычно играли что-то вместе — дух праздника приближался к религиозному. Даже портвейн в туалете пился одухотворенно, только за битлов, и ни в какое безобразие это не переходило. Я пару раз побывал на этих днях рождения и унес грустное чувство, что питерская музыкальная тусовка как-то дружнее московской (хотя и в столице все мы были друзья). Я не мог представить себе такого по-детски чистого, альтруистического всеобщего собрания людей, такого общего просветления в столице. А может быть, у Москвы просто не было своего Коли Васина.

Мы не оставались в долгу и по мере сил вытаскивали питерские команды в Москву. В качестве спонсора использовался Архитектурный институт, где я как-никак все еще учился. Таким образом в Москве были показаны «Аквариум» и «Мифы». Московско-питерская музыкальная дружба доросла до того, что по окончании одного из наших наездов на Ленинград солист «Мифов» Юрка Ильченко отказался расставаться и вместе с нами укатил в Москву. Причем решение было принято прямо на вокзале минут за пять до отхода поезда, а так как все имущество Ильченко состояло из гитары, которую он притащил с собой, никаких проблем не возникло. Юрка вообще был (да, наверно, и остался) необыкновенно легким человеком. Я, пожалуй, легче и не встречал. Он был настоящий человек рок-н-ролла. Деньги у него тогда в принципе не водились, а если случайно и появлялись, то расставался он с ними с радостью, граничащей с отвращением. Места проживания он менял так часто, что домом его ни одно из них назвать было нельзя. От его паспорта, сложенного обычно вчетверо, милиционеры падали в обморок. Хипповое начало было у него не элементом моды, как у девяносто процентов тусовки, а росло где-то внутри, как небольшое дерево. Комплексами он не страдал вообще, и это как раз затрудняло длительное общение с ним людей, комплексы имеющих, то есть всего остального человечества. Он подтверждал собой ту истину, что если человек талантлив, то талантлив во всем. Брал в руки карандаш — и оказывалось, что он прекрасно рисует. Пробовал шить — и через неделю уже делал это лучше и быстрее всех остальных, и половина Питера ходила в построенных им клешах. Делал гитары, на которых сам и играл. Не было в нем только стержня, без которого невозможно ни одно дело довести до конца. Я это очень чувствовал, когда он писал какую-нибудь новую песню. После того, как он находил что-то для себя главное — удачное четверостишие, музыкальный ход — в общем, феньку, — вся остальная работа по доделке теряла для него всякий интерес, и я безуспешно пытался заставить его что-то подчистить. Хотя песни он писал отличные, на гитаре играл именно так, как надо — не поражая скоростью, но очень вкусно и с удивительным ощущением стиля — то, что у большинства наших виртуозов отсутствует. Про его манеру петь я уже не говорю. Вообще петь по-русски умели тогда единицы, не кореза русский язык английским прононсом (меня от этого могло стошнить прямо на сейшене). У нас и сейчас от этого далеко не все отделались, а уж тогда это, видимо, казалось единственным способом сблизить свои беспомощные поэтические опыты с как бы проверенным американским роком. Юрка пел удивительно — абсолютно по-русски, легко и свободно, и это был настоящий рок. В жизни он слегка заикался и говорил голосом, отнюдь не наталкивающим на мысль, что этот парень может петь. Думаю, что был он одним из лучших вокалистов нашего рока вообще — по тем временам, во всяком случае.

Мне трудно сейчас оценить музыку, которую мы играли вместе с Ильченко. Коля Васин считает, например, что это был самый сильный состав «Машины». Мы с Юркой совместно ниче-

го не написали — просто играли и его, и мои песни и помогали друг другу доводить их до ума. Наверно, был хороший контраст — при массе общего мы с ним все-таки были очень разные. И в музыке тоже. Но нам нравились песни друг друга, и из этого, видимо, что-то вышло.

Продлился наш альянс около полугода. Жил Юрка все это время у меня на кухне, и совместное наше проживание лишний раз доказало мне, что все на свете относительно, и не такой уж я хиппи, как мне самому казалось. Ничего в жизни не обременяло Юрку, кроме музыки, и он мирно спал, когда я, опухший и злой, бежал на работу в постылый «Гипроттеатр». Где-то к обеду я ломался и засыпал. На этот случай в столе под чертежами была проделана дырочка, куда вставлялся грифелем твердый карандаш, после чего на него можно было опереть кисть правой руки.левой рукой подпиралась голова, и образ архитектора, задумавшегося над проектом, был налицо. В этой трудной позе я чутко спал до семнадцати тридцати, после чего летел в институт засветиться, узнать, когда и какие зачеты, и, наконец, к девятнадцати ноль-ноль оказывался на репетиции, где меня уже ждал свеженький, только что проснувшийся и заботливо накормленный моими родителями Ильченко. Беспомощная зависть смешивалась во мне с праведным гневом труженика. Конечно, Юрка ни в чем не был виноват. Скорее всего мы просто за полгода сыграли вместе все, что нам хотелось. Но сейчас кажется мне, что это было долго и хорошо, а летом мы еще устроили с Борзовым путешествие в дику Карелию, а потом рванули с Ильченко в Гурзуф — любимое мое место тогда. Золотое это было время! И Гурзуф был еще Гурзуф, и в «Чайнике» рядом с причалом продавали волшебный ялтинский портвейн, от которого делаешься только лучше и добрее, и море было хрустальной прозрачности, и не существовало еще слова «СПИД», и городишко Чернобыль ничем не выделялся на карте страны.

Расставание с Ильченко случилось не вдруг. Мы чувствовали, что к этому как-то шло. И все же, когда он сказал, что истосковался по Питеру и не в силах более бороться с зовом родной земли, стало грустно. Расстались мы друзьями, но «Машина» ваша за эти полгода приобрела такое плотное звучание, что возврат в трио был уже невозможен. Мы как-то вяло поиграли втроем, съездили в Таллинн во второй раз — теперь уже фестиваль проходил не в зале ТПИ, а во Дворце спорта «Калев». Мы никогда еще не играли на такой большой аудитории. Выступили мы хуже, чем в первый раз, нас уже ждали, как героев, а я накануне отъезда простудился так, что ни петь, ни говорить, ни шептать не мог. Меня шатало от аспирина, меда, коньяка, и прошли мы во многом благодаря прошлогодней славе. «Високосное лето», приехавшее в Таллинн впервые, нас явно затмило. Было обидно, но не очень: все-таки наши, московские! Вернувшись домой, мы поняли, что дудочное звучание «Мифов» не дает нам покоя.

И мы кинулись искать духовую секцию. Меня лично привле-

кал совсем не джаз-рок, входивший тогда в моду. Мы хорошо относились и к «Чикаго», и к «Blood, sweat and tears», и к Леше Козлову, но шли не за ними. В сверкающих дудках было что-то победоносное и необъяснимо жизнеутверждающее. Мне наша духовая секция виделась почему-то в парадных никелевых пожарных касках. Жаль, что за год ее существования я этих касок так и не смог достать.

Надо сказать, что у нас практически не было знакомых в духовом мире, который не очень-то пересекался с рок-и-роллным. За помощью мы обратились к нашему другу Саше Айзенштадту, человеку из джаз-роковой прослойки. Очень скоро он прислал к нам саксофониста Женю Легусова, эдакого смешного блондинистого парня, который неожиданно оказался очень деловым, уяснил задачу, нами поставленную, и обещал духовиков в ближайшие дни набрать. Так как у нас не было опыта в аранжировках духовых, мы в порядке испытания дали ему песню «Посвящение хорошему знакомому» с условием вписать туда дудки. Буквально дня через три Женя позвонил и доложил, что задание выполнено. Через час мы собрались на нашей базе в жэке номер пять. Женя и два незнакомых малых вынимали из чехлов сверкающие золотом инструменты, что-то там подвинчивали, вставляли, поплевывали — так готовят оружие к бою. У меня по спине шли мурашки от ожидания. Потом появились листочки с нотами. Это нас потрясло. Мы за все время существования «Машины» нотами как-то не пользовались и вообще считали нотную запись продажной девкой официальной эстрады. Мы грянули «Посвящение», и я от восторга не мог петь. Пришлось раза три или четыре начинать сначала. Это было потрясающее чувство, когда слышишь свою песню в совершенно новом звучании и становится ясно, чего же ей не хватало все это время. Как будто за нашими спинами появилась артиллерия, поддерживающая нашу атаку мощными медными залпами. Ничто не заменит звук живых дудок!

Третий духовик — тромбонист — через несколько дней куда-то исчез, но это было не важно, вполне хватало саксофона и трубы. На трубе играл Сережа Велицкий — человек с ангельским взором и мягким южным говором. Родом он был из Керчи, имел прекрасный классический звук. В команду нашу он в отличие от Легусова как-то сразу не вписался. Я часто раздумывал над этим явлением — такое происходило у нас частенько с новыми людьми. И никогда не случалось, чтобы, скажем, сначала не вписался, а потом ничего, подошел. Это было ясно с самого начала, и в конце концов человек всегда уходил. Не могу объяснить, в чем тут дело. И уж никак не в том смысле, что, мол, мы хорошие, а он плохой. Какие-то очень тонкие вещи из области юмора, взаимопонимания, поведения, вкуса, не знаю чего еще. Нам никогда не приходилось объяснять это друг другу — но «наш — не наш» было ясно всем троим сразу (это при том, что Кава, Гуля и я всегда были очень разными людьми). И это вот «наш — не наш» бывало порой важнее всех музыкальных талантов новобранца. Но на этот раз оказалось не до того — слишком захватил сам звук, новые возможности. Мы

с Кавой кинулись сочинять аранжировки для духовых. Это нас настолько увлекло, что техника записи этих аранжировок на нотную бумагу далась нам за несколько дней. Меня, правда, поразило, что для духовых существуют различные ключи записи, и для трубы, например, следовало всю партию записывать на тон ниже. Жуткая глупость!

На носу маячило лето, и нас тянуло играть на юг. Это уже было как наркотик — команда, однажды съездившая поиграть на юг, оказывалась навсегда отравленной этим сладким ядом и готова была идти на любые, самые унижительные условия, лишь бы оказаться там вновь. Условия, впрочем, были практически везде одинаковы — «будка и корыто». Правда, одно дело — «Буревестник» с роскошными коттеджами, чешским пивом, столовой ресторанный типа и всем женским светом страны, и совсем другое — палаточный лагерь какого-нибудь тамбовского института связи с перловой кашей по утрам и обязательным обходом в 23.00. Но даже это было не важно. Бесплатная счастливая жизнь, возможность играть и репетировать, не прячась в подполье, и высокий авторитет в глазах женской части отдыхающих — за это можно было пойти на всё. И когда вначале июня мне позвонил какой-то массовик-затейник и сообщил, что нас ждут в такой-то точке Кавказа в таком-то пансионате с такого-то числа, — я лично принялся считать дни до отъезда. Дальше случилось непредвиденное — на южной станции нас никто не встретил. Чувствуя неладное, но не теряя надежды, мы поймали грузовик, закидали туда колонки и с большим трудом отыскивали в темноте южной ночи нужный нам пансионат, где нам хмуро сообщили, что массовик такой-то в отъезде, а оркестр для танцев у них уже есть. На чем беседа и закончилась. Ночевали мы на лавочках того же пансионата, стараясь во сне прикрывать какой-либо частью тела часть аппарата, стоявшего тут же. Утром на оставшиеся деньги были куплены яблоки, и мы с Легусовым двинулись вдоль побережья в поисках работы. Баз отдыха и пансионатов вокруг располагалось хоть отбавляй. К сожалению, все они уже имели своих музыкантов. Прошагав целый день и вдоволь наунижавшись, мы набрали на палаточный лагерь в поселке Джубга. Не помню, какому ведомству он принадлежал. Кажется, МВД. Во всяком случае, начальник лагеря в недавнем прошлом был начальником совсем другого лагеря, о чем нам сразу сообщили. Но музыкантов у них не было. К счастью, наше название, уже вызывавшее трепет в хиппово-студенческой среде, оставалось еще совершенно неизвестным административной прослойке черноморского побережья, и нас взяли на неопределенный испытательный срок. Очень скоро завкультсектором лагеря (он же баянист-затейник) почувствовал, что совершена крупная идеологическая ошибка. «Опять одни шейки! — в ужасе кричал он после очередных танцев. — Слишком много шейков!» Мы попробовали перейти на блюзы, но сметливый работник культуры справедливо заметил, что блюз — тот же шейк, только медленный. По побережью шныряли разного рода комиссии — проверить идеологически-художественный уровень отдыха трудящихся, а заодно выпить

и отдохнуть «на шару», и баянист понимал, как лицо ответственное, что его южная жизнь висит на волоске. Честно говоря, мы сами были не в восторге от Джубги — место оказалось глухое, наша публика отсутствовала начисто, а мрачный престапельный туристский контингент базы никак не врубался в нашу музыку. Не помню уже, кто посоветовал нам, не дожидаясь взрыва, сложить свои пожитки и двинуть в Ново-Михайловку на турбазу «Приморье». После скучной плоской Джубги место показалось райским. Дорога, идущая вдоль моря, упиралась в ворота базы и заканчивалась. Дальше шли дикие скалы. С другой стороны база была ограничена лагерем Ленинградского политеха, наполненным милыми девушками. Сама база стояла на крутом склоне горы, утопая в зелени. Между деревянными домиками бродили куры, чудом удерживаясь на склоне. Место было что надо. Старшим инструктором оказался могучий человек по фамилии Черкасов — любитель походов, Высоцкого, туристской песни. Не знаю, чем мы ему понравились. Знаю, что он принял на себя несколько атак всяких идеологических комиссий, но нас отстоял. На счастье, в ларьке «Союзпечати», стоявшем прямо на территории базы, продавалась наша пресловутая пластиночка с трио Линник, то есть «Зодиак», подтверждавшая наше, так сказать, официальное существование.

Южная жизнь наладилась. Единственное, что слегка огорчало, — это постоянное чувство голода. Кормили на базе скромно, к тому же наш жизненный распорядок шел в полный разрез с установленным расписанием. Спать мы ложились примерно за час до завтрака и, естественно, попасть на него никак не могли. Так что обед у нас переходил в завтрак, ужин в обед, а вечером мы уже кусали локти. У ворот базы торговали люля-кебабами. Запах бесил нас, но денег не было. Расхаживающие по территории куры, толстые, как свиньи, не давали нам покоя. Принадлежали они, видимо, обслуживающему персоналу базы, и было их много, из чего возникло предположение, что пропажу одной из них никто не заметит. Духовая секция разработала несколько планов покушений. Хитрые куры, спокойно гулявшие под ногами, проявляли небывалую прыть при попытке просто поймать их руками. Первым делом была испробована мышеловка. Она щедро усыпалась крошками хлеба и заряжалась. При этом делалось предположение, что если курицу и не прихлопнет, то, во всяком случае, неожиданный удар по голове лишит ее на мгновение бдительности и тем самым позволит ее пленить. Терпеливый Легусов полдня просидел в кустах, но догадливые птицы склевывали все, кроме последнего кусочка непосредственно на мышеловке. Было предложено использовать мое ружье для подводной охоты, но я не мог позволить осквернить честное оружие таким образом. Наконец однажды путем сложных уговоров Легусов заманил курицу в душевую. Душевая представляла собой бетонный бункер с единственным дверным проемом — впрочем, без двери. В качестве вратаря в этот проем встал трубач Велицкий, и Легусов медленно пошел на птицу. Когда курица осознала, что попала в скверную историю, она закричала страшным голосом, вышибла худенького Велицкого из дверей на

манер ядра и унеслась в южное небо. Я и сейчас вижу ее, дерзко парящую над зелеными кипарисами и лазурным морем.

Год семьдесят восьмой ознаменовался заменой в секции духовых. Вместо Сережи Велицкого в команду пришел Сережа Кузьменок, человек с могучим здоровьем, тонкой поэтической натурой и трубой граненой, как стакан. Пытались сделать запись с помощью нашего тогдашнего звукорежиссера Игорька Кленова и двух бытовых магнитофонов. Ютились мы в то время на территории красного уголка Автодормехбазы № 6 (куда только не заносило!). Запись производилась ночами, когда за окнами не ревели грузовики и никто нами не интересовался. Получилось лучше, чем можно было ожидать, но запись эта у меня не сохранилась.

Весной случилась еще одна занимательная история. Мне позвонил Артем Троицкий, ныне известный критик и авангардист, и сообщил, что по его рекомендации мы приглашены в Свердловск на рок-фестиваль «Весна УПИ», где он пребывает в составе жюри. Окрыленные таллинскими победами, мы махнули в Свердловск. Фестиваль обещал быть грандиозным — около шестидесяти групп. Но с первых же минут мы поняли, что попали куда-то не туда. Таллинном тут не пахло. Шел типичный комсомольский смотр патриотических ВИА. Исключением была группа Пантыкина. Они играли совершенно заушную музыку, но без слов, и это их спасало. Все остальное находилось на идеологическом и музыкальном уровне «Гренады». Хитрый Троицкий подложил бомбу в виде нас под комсомольское мероприятие. В нас самих проснулся нездоровый азарт ударить московским роком по всей этой клякве. Не знаю уж, в каких живых розовых красках расписал Артем «Машину» организаторам, но, когда они увидели наши концертные костюмы, они заметались — все остальные выходили на сцену либо при комсомольских значках, либо в военной форме, либо и в том, и в другом. Наше первое выступление должно было состояться вечером. По мере приближения назначенного часа росла паника комсомольцев и аксиотаж зрителей. К началу зал был заполнен минимум дважды — люди стояли у стен, толпились в проходах, сидели на шеях у тех, кто стоял у стен и в проходах. К тому же все музыканты шестидесяти групп-участников потребовали мест в зале, а когда им попытались объяснить, что мест нет, они заявили, что приехали сюда не комсомольцев тешить, а посмотреть «Машину», и если их не пустят, они сейчас запросто двинут домой. Согласитесь, это было приятно. Музыкантов запустили в оркестровую яму, в боковые карманы сцены и за задник. Концерт задержали почти на два часа. Последней запрещающей инстанцией оказался обезумевший пожарник, который, наверно, никогда в вверенном ему зале не видел такой пожароопасной обстановки. Я не помню, как мы играли. Видимо, хорошо.

Вечером состоялся банкет для участников — последнее место, куда нас пустили. Дальше фестиваль уже продолжался без нас. Члены жюри хлопали нас по плечу и улыбались, музыканты жали руки, комсомольцы обходили стороной. В конце вечера они, отводя глаза, сообщили, что лучше бы нам уехать с их

праздника. Возражений, собственно, не возникало — мы уже выступили и доказали, что хотели. Правда, трусливые и мстительные комсомольцы не выдали нам денег на обратную дорогу, и не помню уж, каким чудом мы их наодалживали.

В Москве до меня дошли слухи, что «Высокое лето» нашло какую-то студию и пишет там альбом! Это было невероятно. Вскоре детали прояснились. Кутиков, после лопнувшей тульской затеи вновь оказавшийся в «Высоком лете», устроился на работу в учебную речевую студию ГИТИСа. Устроился не без задней мысли задействовать данную студию по назначению. Работал там также веселый и легкий человек Олег Николаев, спокойно позволявший в свободное от занятий время всякие безобразия. Оборудование студии было бедным — два СТМа, тесловский пульт, и все. Зато это была настоящая студия со звукопоглощающими стенами и режиссерской кабиной за двойным стеклом. Мы о таком не могли и мечтать. Естественно, я попросил Кутикова оказать содействие старым друзьям. Кутиков, не прекращавший питать к нам симпатии, пообещал все уладить с Олегом и через пару дней сказал, что можно начинать. Он же вызвался быть звукорежиссером.

Я странно волновался весь день. Первым делом я отпросился на работе, на сколько это было возможно, пообещав, что потом, в какой-нибудь трудный для «Гипротейра» момент, все отработаю — за мной не заржавеет. Получилась целая неделя. Писать предстояло ночами. То есть с утра в студии шли всякие занятия, часа в четыре они заканчивались, и до вечера студия превращалась в этакый театральный клуб. Там еще была третья комната, большая, с длинным столом, покрытым зеленым сукном. И вот в ней собирались выпускники, какие-то молодые непризнанные и признанные режиссеры, сценаристы. Они спорили, читали сценарии, пили дешевое арбатское вино. Я слушал их раскрыв рот. Они все казались мне такими гениальными! Это уже было неофициальное время, но нам начинать было нельзя, так как на звуки музыки мог заскочить какой-нибудь засидевшийся в институте педагог или, скажем, пожарник. К тому же мне очень не хотелось останавливать беседу об искусстве за зеленым столом. Да я, в общем, был и не вправе. И только после десяти, когда здание института вымирало, мы распаковывали аппарат и начинали. Первый день, то есть ночь, ушла на настройку. Назавтра работа пошла. У нас не было определенной концепции альбома (мы в этом отстали от ленинградцев — они сразу начали мыслить альбомами). А мы просто хотели записать по возможности все, что у нас есть. Ночи через три студия представляла собой удивительное зрелище. Хипповая Москва прознала, что «Машина» пишется в ГИТИСе, и в комнате с зеленым столом собиралась тусовка. В принципе это были наши друзья и знакомые, и, в общем, они нам почти не мешали. Они сидели довольно чинно и тихо, интеллигентно выпивали что у кого было, гордые своей приобщенностью к сокровенному акту искусства, творившемуся за дверью. Тут же на них можно было проверить качество свежей записи. А если вдруг они начинали шуметь, Кутиков их легко выгонял. Мы

работали как звери. Может быть, с тех самых пор мы на студии постоянно работаем быстро, и это, кстати, не всегда идет на пользу конечному результату. Но тогда у нас были все основания спешить — никто не знал, сколько еще ночей у нас впереди, а успеть хотелось как можно больше. Помню странное ощущение, когда мы, измученные, опухшие и небритые выходили на Арбатскую площадь часов в восемь утра (примерно в это время приходилось заканчивать) и я с удивлением видел свежих, выспавшихся людей, спешащих на работу, и всякий раз не мог отделаться от мысли, что у них уже сегодня день, а у нас еще вчера, так как мы не ложились и отстали на сутки.

Запись получилась отличная. Оригинал ее утерян, и копия, которая осталась у меня, не лучшая. Но сейчас, слушая ее, я удивляюсь, как мы добились такого звука при такой убогой аппаратуре. Технология была проста. Сначала на первой СТМ писалась болванка, то есть, скажем, барабаны, бас и гитара. Если все получилось, то эта запись переписывалась на второй СТМ с одновременным наложением дудок и еще одной гитары. Если опять все получилось, то все переписывалось обратно на первый магнитофон с наложением голосов. Какое-либо микширование исключалось, вернее, оно происходило в момент записи, и если кто-то сжал, то приходилось начинать заново. Все приборы обработки состояли из сиротского пленочного ревербератора «swissecho», купленного случайно по газетному объявлению. Кутикову, конечно, за работу в таких условиях следовало тут же в студии поставить памятник. Помню, как мы записывали посвящение Стиви Уандеру («Твой волшебный мир»), и я как-то очень удачно и проникновенно спел и возрадовался, потому что тональности тогда выбирал запредельные и пел на грани возможного, а помощник по записи Наиль нажал не на ту кнопку и стер мое гениальное исполнение, и я потом корячился всю ночь, бился об стену, гасил в студии свет для состояния, выпил почти бутылку рома для связок, чуть не сорвал голос, но так хорошо уже не получилось.

Мы не предполагали, что эта запись принесет нам такую известность. Мы даже не думали, что она будет кому-то нужна, кроме нас самих, — ну, может быть, самым близким друзьям. Но деловые ребята в ларьках звукозаписи настригли из нее альбомов по своему усмотрению, и машина завертелась. Я до сих пор не знаю, как эта пленка у них очутилась. Может быть, практичный Олег подсуетился. Лично я помню одного мальчика откуда-то из Сибири. Он приехал специально за этой записью, долго искал нашу студию (как он вообще узнал?). Мы никогда не были против распространения наших песен, а то, что за это можно просить деньги, нам вообще не приходило в голову. К тому же у мальчика был совершенно немеркантильный вид. Но я не могу себе представить, чтобы из одних рук песни разлетелись в таком количестве. Через месяц эта запись игралась уже везде.

А потом опять настало лето, и нас вновь потянуло на юг. На этот раз предложение поступило от Московского авиационного института, который имел лагерь в Алуште. Не помню, по какой причине Кава не смог поехать с нами, и я позвонил Алику

Сикорскому. Образ его в моей душе и до сих пор занимает одно из самых светлых мест — не дай он нам сыграть тогда, в шестьдесят девятом, что бы с нами было? Алик слегка покочевряжился, мотивируя тем, что уже сто лет не играл на барабанах, впрочем, упорствовал недолго.

В Алуште нам не понравилось. Лагерь оказался палаточным, стоял он на совершенно голом глиняном откосе над мутноватым морем. Контингент авиационных студентов при почти полном отсутствии студенток тоже особой радости не обещал. И когда в лагере появился деловой человек из Гурзуфа и предложил переехать к нему на танцплощадку, мы, не раздумывая, согласились. К тому же у нас нарабаталась роскошная танцевальная программа — вся классика блюза и рок-н-ролла. Алик замечательно пел и барабанил, сейчас уже так не поют и не барабаният — это уходит, как время. А в Гурзуфе к нам еще присоединился истосковавшийся по нас Кава.

Поселили нас в Гурзуфе совершенно замечательно. Бывавшие там, конечно, знают узенькую древнюю лестницу, спускающуюся от центральной площади, где автобусы, к морю. В самом ее узком и древнем месте слева оказывается бывший дом Коровина, а ныне Дом творчества художников, а справа — двухэтажное здание, на втором этаже которого в те времена был расположен ресторан, а на первый этаж вела загадочная дверка, выходящая прямо на вышеуказанную лестницу. Сколько я помню, дверка эта всегда была заперта. Так вот, за ней обнаружился самый настоящий клуб с фойе, залом и даже каменным Лениным на сцене. Клуб занимал весь первый этаж и не функционировал, видимо, никогда. Ловкий человек, пригласивший нас, оказался директором этого самого клуба. Нам был вручен ключ от заветной дверцы. Когда эйфория от возможности круглосточно владеть самым центральным в Гурзуфе зданием прошла, мы робко осведомились, на чем, собственно, спать. Директор задумался, и к вечеру на грузовике подвезли полосатые солдатские матрасы — штук тридцать. Это было все. Матрасы, видимо, списали в казарме по истечении двадцатипятилетнего срока годности. Это был настоящий рок-н-ролл.

Танцплощадка наша находилась (и находится) в другом конце городка, возле «Спутника». Аппарат убирать было некуда, поэтому один из нас еженощно оставался спать на сцене под южным небом во избежание кражи. Обещались нам за работу деньги в размере шестидесяти процентов сбора. Мы были возрадовались, но зря. Ловкие ребята на контроле забирали у входящих билеты и тут же продавали их вновь, поэтому танцплощадка была полна, а по количеству проданных билетов нам едва выходило по червонцу на рыло. Впрочем, мы не голодали. Приличная уже известность группы, древний родной Гурзуф, друзья и подруги из Москвы, Киева, Питера, дикие ночи с ними на сцене клуба под бесстрастным монументом в темноте — свет нам включать не рекомендовали, — утреннее пиво в тени кустов туи под шум моря и восхитительную валеную ставридку — это была наша последняя настоящая южная поездка. Мы и потом ездили на юг, играли там (это уже называлось — гастролирова-

ли), но вот этот святой беспшашный хиппово-рок-и-рольный дух — он остался там, в Гурзуфе семьдесят восьмого.

Я не поеду больше в Гурзуф. Нет больше того Гурзуфа, и постоянное сопоставление картин, бережно хранимых памятью, с реальностью вызывает мучительное чувство. Кто-то безобразно расширил мою набережную, понатыкал бездарных зонтиков, как будто это какая-нибудь Ялта, и нет пива в «Стекляшке» и портвейна в «Чайнике», и дело вовсе не в пиве или портвейне, а в том, что дух — дух ушел, умер, стал другим. В «Спутнике» вместо озорных иностранных студентов живут унылые семейные комсомольцы, и пьют они теперь не в «Тарелке», а в номерах под одеялом, и с катеров, подходящих к пирсу, звучит совсем другая музыка, и над клубом нашим соорудили какой-то немислимый стеклянный переход из дома Коровина по второму этажу, и что там теперь, внутри, я даже боюсь подумать. И только танцплощадка наша цела и невредима, и так же точно мажет кто-то дегтем верх решетки, ее окружающей, чтобы, значит, не лазили бесплатно, — маленький нелепый островок прошлого. Так нам и надо. Ничего не бывает вечно.

Осенью мы расстались с дудками. То ли мы наигрались в духовые, то ли ребята слишком любили выпить, но скорее всего нам захотелось чего-то нового. Видимо, захотелось синтезаторов. Они тогда были в большой моде, постоянно доходила информация о каких-то новых невероятных клавишных, долетали волшебные слова «Мелотрон», «Поддмуг», «Клавинет Д6». Электроника вошла в «Машину» в лице Саши Воронова. Саша Воронов делал сам приличные синтезаторы и играл на одном из них. Саша не был нашим человеком. Я не могу сейчас вспомнить, почему мы его все-таки взяли. Честно говоря, после Игорька Саульского играть с любым клавишником казалось мучением. Самое тяжелое — объяснить человеку, как здесь следует сыграть (если он сам, конечно, не чувствует). Нот, я уже говорил, мы принципиально не писали, и если вкус человека отличался от нашего, добиться от него двух нужных нот было пыткой и для нас, и для него.

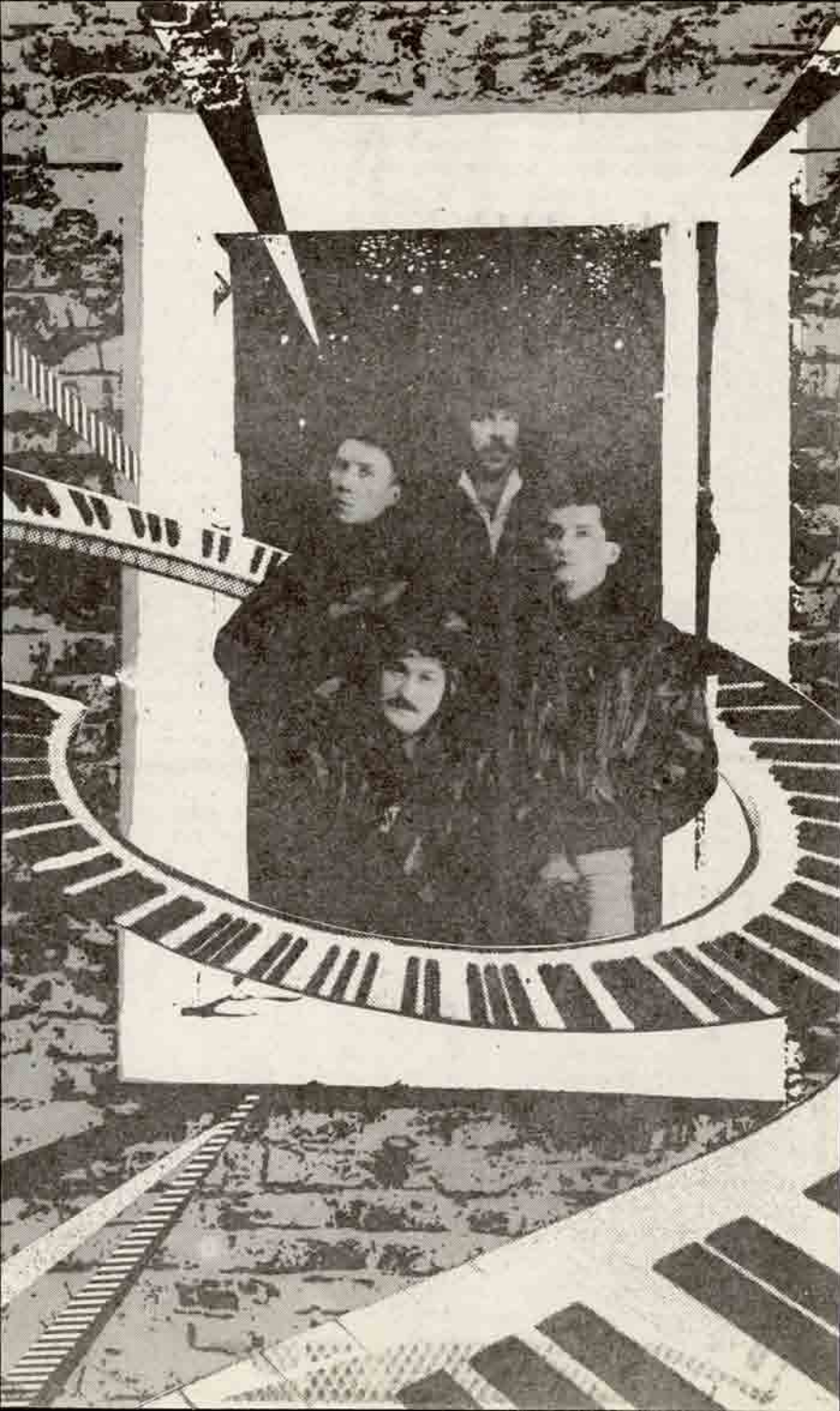
Вообще в группе было нехорошо. Зрели внутренние напряжения, и все мы чувствовали, что сделать тут ничего нельзя. Может быть, мы сыграли вместе все хорошее, что могли, и нужна была какая-то ломка. Впрочем, одна из причин напряжения мне известна. Сережу очень задевало, что мое имя все чаще и чаще звучало в связи с «Машиной времени», а имена остальных — соответственно реже. Сережа был сторонником святого равенства во всем — как у битлов (мы тогда не знали, что и у битлов такого равенства не было). Я тоже выступал за это самое равенство всей душой, и меня огорчало то, что проеходило, но происходило это само собой, и, естественно, из-за того, что я писал песни, я же их и пел. Никаких усилий для роста своей персональной популярности я, конечно, не прилагал — скорее наоборот. Но Сережа страдал ужасно. Разумеется, эта была не единственная и, думаю, не основная причина. Что-то не клеилось у нас с музыкой. Мы теряли наше взаимопонимание — главное, на чем мы держались. Маргулис в наших спорах занимал, как правило, молчаливую

опять **ОДНИ**

шейки!

**СЛИШКОМ
МНОГО ШЕЙКОВ!**

ПОВРЕМЕННИТЬ

нейтральную позицию, ждал, пока мы перейдем на личности, после чего заявлял, что мы оба дураки.

Думаю, он переживал за нас обоих. Мы с Сережей видели, что корабль тонет, специально вдвоем ездили на рыбалку, чтобы поговорить, все выяснить и сделать, как было раньше, и на словах все сходилось и должно было получиться, а на деле разваливалось в прах. Может быть, поэтому нам уже не важно было, наш или не наш человек Саша Воронов. Речь шла уже о нас самих.

Мы дотянули до весны семьдесят девятого. Последней каплей, переполнившей мою чашу, был концерт «Машины» в горкоме графиков на Малой Грузинской. А случилось вот что. Художники-авангардисты (как их тогда называли) наконец-то добились права учредить свой комитет и получили помещение с выставочными залами. У всех еще на памяти была «бульдозерная» выставка в Измайлове. Я постоянно тогда ошивался на их полуподвальных вернисажах то на ВДНХ, то по квартирам, очень за них болел, и виделась они мне все если не героями, то, во всяком случае, людьми, делающими одно с нами дело. И когда они попросили меня о концерте «Машины» для них всех в их же новом зале, я, конечно, согласился. Ни о какой оплате, естественно, речь не шла — у меня и язык бы не повернулся говорить со своими братьями о каких-то деньгах. Кава встал на дыбы. Он заявил, что, если им интересно, пусть приходят к нам на концерт и там слушают, а специально для них он играть не поедет. Центрист Маргулис, накануне давший мне согласие, включил задний ход, и я оказался в одиночестве. Я не помню, как я их уговорил. Концерт состоялся, но прошел отвратительно. Если можно представить себе ситуацию, когда музыканты, играя, издеваются над зрителем, то именно так все и выглядело. Очень надеюсь, что честные художники ничего не поняли. Мне еще никогда не было так стыдно. Вдобавок оказалось, что Сережа со свойственной ему восточной логикой решил, что я собираюсь вступать в члены горкома графиков, и для этого мне нужно устроить для них концерт, и я таким образом заставляю группу работать на себя. Такой глупости я ему уже не мог простить. Это был конец. Я попросил всех ребят после концерта заехать к Мелик-Пашаеву (он уже работал с нами в это время). У него на кухне я и объявил, что из данной группы ухожу, и всех, кроме Сережи Кавагое, приглашаю следовать за собой. Сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы. Все молчали. Я сказал, что немедленного решения от каждого не жду, и уехал домой. Случались у нас в команде напруги, приходили и уходили люди, но такого не было еще никогда.

Маргулис обещал думать три дня. Думал он три, четыре, пять, шесть дней, и я никак не мог его поймать. Наконец случайно я отловил его в Лужниках на каком-то концерте, и он, отводя глаза, сказал, что, пожалуй, останется с Сережей, потому что, дескать, у меня и так все будет хорошо (с чего бы это?), а Сереже нужна поддержка. Это был тяжелый удар. Я очень рассчитывал на Женьку. Зря. Так я остался один.

Я упомянул здесь Мелик-Пашаева, который проработал

с нами несколько лет и в подполье, и в Росконцерте, и даже одно время считался нашим как бы художественным руководителем. Многие удивятся, почему о нем так мало. Дело в том, что я стараюсь рассказывать про всех честно. В этом случае мне пришлось бы рассказывать честно и о Мелик-Пашаеве, а мне бы этого не хотелось.

Впрочем, к музыкальной стороне дела он отношения не имел.

Не помню, сколько прошло дней. Вероятно, немного. Думаю, слух о нашем расколе уже облетел музыкальную общественность. Это бывает очень быстро. Кстати, это для меня большая загадка. Радостные слухи расходятся гораздо медленнее или не расходятся вообще. Пусть, скажем, кто-нибудь слух, что «Машину» наградили, например, медалью за спасение утопающих, — и не пойдет такой слух гулять, заглохнет в самом начале пути. Зато если команда развалилась или у кого-нибудь что-нибудь сперли — такой слух летит впереди звука, и завтра все уже знают все, включая детали.

Не помню, почему шел я среди солнечного теплого дня вниз по улице Горького и столкнулся с Сашей Кутиковым. Я просто пожаловался ему на жизнь. У меня и в мыслях не было звать его с собой, так как играл он к этому времени в «Високосном лете» и дела у них вроде шли в гору, а одним из моих принципов было никогда не воровать и не переманивать людей из других команд. Кутиков, однако, имел вид человека, который все уже давно знает, все решил и организовал (хотя клянется, что идея пришла ему в голову именно в ту минуту). Оказывается, у «Високосного лета» свои сложности, вследствие коих Ситковецкий расходится с Крисом (из чего вскоре вышли «Автограф» и «Рок-ателье»), а Кутиков под это дело забирает Ефремова и идет ко мне.

Ефремов мне очень нравился. Был он молчалив, играл плотно и правильно (он, собственно, таким и остался). Работал Ефремов в каком-то химическом институте, расположенном над Парком культуры и отдыха имени Горького, точнее, над тем его местом, где торгуют пивом. Мы приехали прямо в обеденный перерыв. Пиво оказалось кстати. Переговоры прошли непосредственно за ним и много времени не заняли. Нас стало трое. Четвертый, вообще говоря, был на примете. Звали его Петя Подгородецкий.

После нашей записи я продолжал частенько забегать в студию ГИТИСа, где работал Кутиков. Забегал под разными предлогами — мне просто там было интересно. Я мог провести там час, два, три — в зависимости от свободного времени. И все это время в соседней комнате кто-то играл на пианино. Игра производила странное впечатление. Это был некий музыкальный поток сознания — видимо, богатого, но крайне безалаберного. Куски джазовых пьес, рэгтаймов, какой-то жуткой советской эстрады с сильным запахом кабака соседствовали с цитатами из классики, причем выбор был более чем произвольный. Паузы практически отсутствовали. На третий раз меня заело любопытство, и я тихонько приоткрыл дверь. За пианино сидел стройный молодой мальчик с гоголевским носом и выюцимися волосами. Он, казалось, думал о чем-то своем, а может, вообще ни о чем не думал. Руки играли сами. Петя только что вернулся из армии

и буквально жил в студии. Разговоры об искусстве его, в отличие от меня, не интересовали. Тут просто можно было играть с утра до ночи. Иногда просили помочь музыкой в каком-нибудь учебном спектакле. Петя с радостью соглашался. Он мог играть двадцать четыре часа в сутки. Я еще никогда не видел такого человека. Кандидатура была подходящей.

Мы бросились репетировать. Свежая кровь — это великое дело. Я сразу почувствовал, как мы привыкли друг к другу в предыдущем составе и сколько в этом было минусов (а я-то видел только плюсы). У меня к этому моменту накопилось довольно много вещей — мы с Кавой и Гулей просто не знали, как их делать. Мы чувствовали друг друга насквозь, играли втроем, как один, и уже не могли из этого выйти. Новых идей не рождалось. А тут на меня обрушилась лавина свежих мыслей. Удивительным в этом смысле был Петя. Он мог с ходу предложить сто вариантов своей партии, и надо было только говорить ему, что годится, а что нет, потому что сам он не знал. Обычно Кутиков, как всегда, переполненный мелодиями, но плохо знавший расположение клавиш, напевал Пете на ушко что-то такое, и это немедленно находило воплощение в конкретных звуках. Программа получилась ударной — «Право», «Кого ты хотел удивить», «Свеча», «Будет день», «Хрустальный город». Почти сразу мы написали «Поворот» и «Ах, что за луна». Все шло на колоссальном подъеме, мы очень нравились друг другу и чувствовали себя на коне. Первые сейшена прошли с успехом и утвердили нас в наших начинаниях. Тяготило только одно — полнейшая замкнутость сейшенового круга зрителей. Когда в очередной раз мы приезжали в какую-нибудь Малаховку и я не мог найти в зале ни одного незнакомого лица (они все, как и мы, тащились туда из Москвы), у меня пропадало всякое желание играть. К тому же после истории с неудавшейся конфискацией аппаратуры контроль за нами осуществлял не кто-нибудь, а непосредственно горком партии в лице инструктора по культмассовой работе т. Лазарева, и я понимал, что рано или поздно все это плохо кончится. Я бешено завидовал группе «Аракс», которая неожиданно обрела как бы профессиональный статус, оказавшись в Театре Ленинского комсомола. Во-первых, театр с приходом Марка Захарова заставил заговорить о себе всю Москву (собственно, взять в театр группу и ввести ее в действие и было идеей Захарова). Я ходил на «Тили» раз пять, и мне очень нравилось. И группе было совсем не стыдно в этом участвовать — никакой вокально-инструментальной проституцией здесь не пахло. Но самое главное — что, помимо всего этого, можно было спокойно заниматься своей музыкой и своими песнями, и тогда уже сейшн становился не криминально-подпольным мероприятием, а вполне легальной творческой встречей с артистами известного театра. Я понял, что в этом наше спасение. Мы лихорадочно стали искать театр. Возможности для поисков были, так как мы теперь практически жили в студии ГИТИСа и все ее посетители готовы были нам помочь. Говоря слово «жили», я не грешу против истины. Мы проводили там все время — даже если не репетировали. Я часто отираивался из

дома на ночь под тем предлогом, что надо, дескать, стеречь хранящийся на студии аппарат. Это была неправда — просто очень уж на студии было интересно и уходить не хотелось вообще. Итак, театр для нас искался общими усилиями. Велись, помню, даже переговоры по нашему поводу с Театром на Таганке, но Любимов сказал, что пока наличие группы в театре в его планы не входит. И вот однажды вечером к нам в студию приехал настоящий театральный режиссер. Имел он внешность более чем режиссерскую, руководил Московским гастрольным театром комедии при Росконцерте, и фамилия его была Мочалов. Он тут же принялся читать нам отрывки из комедии Шекспира «Озорницы из Виндзора» в какой-то своей новейшей интерпретации. Он просто весь горел. Я плохо слушал трансформированного Мочаловым Шекспира. Я видел, что фортуна преподнесла нам волшебный шанс и что с завтрашнего дня и навсегда жизнь наша пройдет по совсем другим, неведомым и радостным рельсам. Мочалов ушел в ночь, унося наше согласие.

Мне предстояла небольшая формальность — увольнение из «Гипротейра». Прощание было трогательным. Меня провожали, как старика на дембель. Ровно месяц спустя, когда мне понадобилась какая-то бумажка, я заехал в «Гипротейтр». Время было обеденное, и я, никого не встретив, поднялся на третий этаж, зашел в свою комнату и сел за чертежный стол, за которым просидел шесть лет. Шесть лет! И мне стало страшно, что я мог бы сидеть за ним и дальше. Простите меня, братья-архитекторы.

Началась наша трудовая жизнь в театре. Сейчас мне будет сложно. Я совсем тогда не разбирался в театрах. Я и сейчас-то в них не очень разбираюсь. Хотя очень люблю. И поскольку относительно редко в них бываю, каждый поход в театр для меня уже праздник. А тогда это была первая встреча с театром изнутри. И все было в новинку, все интересно. Во мне с детства жило жуткое любопытство — как же это все делается: кино, театр. И тут у меня есть одно серьезное оправдание. Если человек никогда в жизни, скажем, не видел птицу, то можно показать ему комара и сказать, что это птица и есть, и он так и будет думать, пока, конечно, не встретит птицу настоящую. А может и не встретить.

Театры бывают разные. Бывают хорошие, бывают не очень, бывают плохие и очень плохие. Наш был какой-то совсем особенный. Я это понял не сразу. Где-то через полгода. Примерно столько мы в нем и проработали. Наверно, в каждом театре живут склоки. В каждом театре артисты, скажем так, выпивают. Ничего нового. Дело, видимо, в степени. Степень в нашем театре была превосходная. Но и не это главное. Главное в любом деле — результат. Начались читки текста пьесы. Мне велено было присутствовать с целью рождения музыкальных идей (мы ведь были композиторами спектакля!). Ах, как все это сначала было мне интересно — читки! Когда пошли репетиции, у меня кое-где возникли сомнения по поводу безупречности режиссуры. Но жила во мне святая уверенность, что все люди, занимающиеся творчеством, относятся к своему делу так же, как мы

к своему, и если, скажем, мы не можем позволить себе схалтурить, то и они тоже. Я, честно говоря, и сейчас, как ни странно, пребываю практически в этом же заблуждении. Может быть, просто не у всех получается (часто я с этой уверенностью садился в лужу). Так что я без особых усилий свои сомнения отогнал, мотивируя, что режиссер — это режиссер, и ему, стало быть, видней.

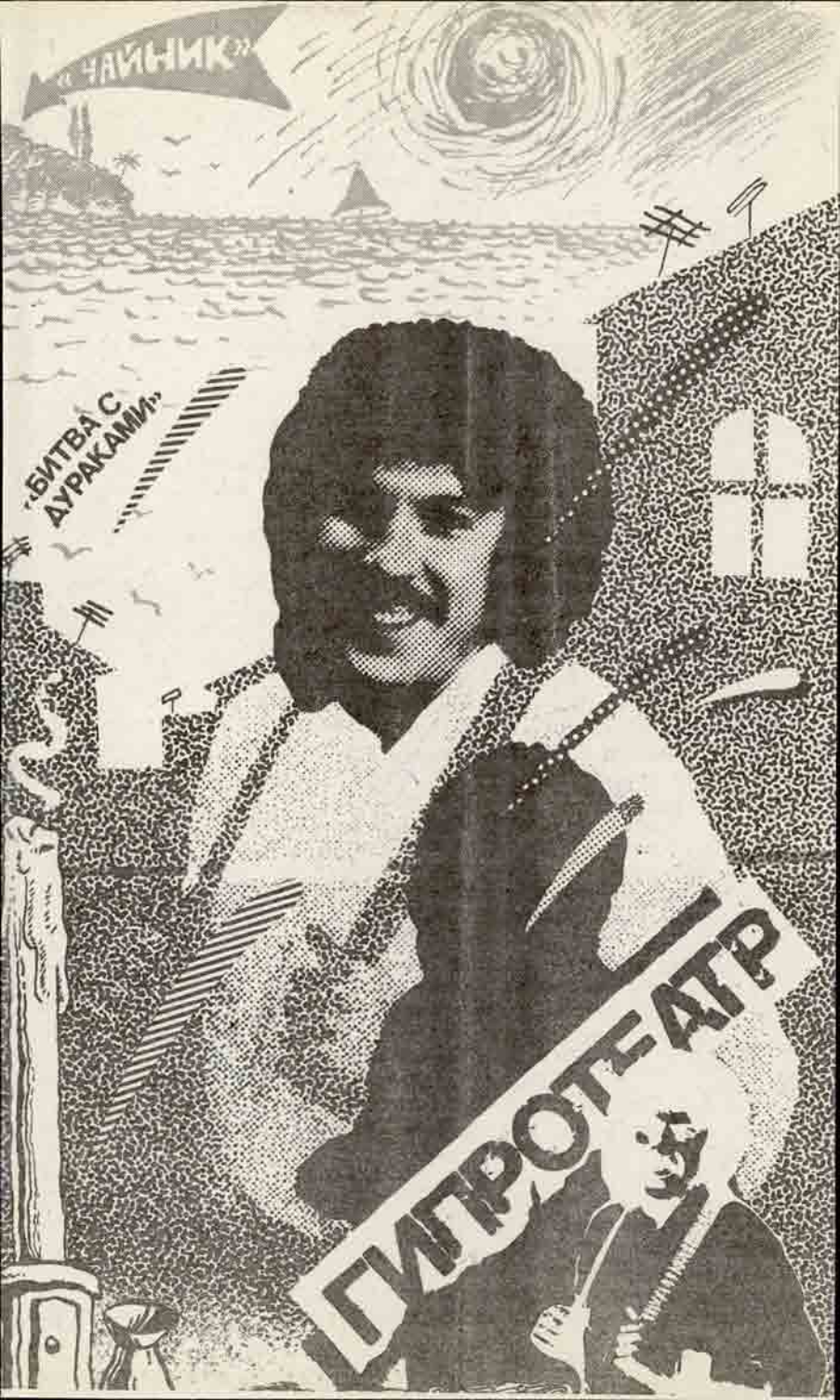
Мы довольно легко написали музыку и несколько песен на стихи Шекспира и Бернса. Настало время сценических прогнозов. В конечном счете режиссерская концепция комедии выглядела так. Посреди сцены, чуть в глубине, на небольшом возвышении, располагалась группа «Машина времени» в грубых шарфах, что должно было тонко намекать на причастность действия к семнадцатому веку. Действие происходило непосредственно на нашем фоне. По ходу его мы должны были время от времени играть музыку, но так, чтобы не заглушать голоса актеров, которые работали, естественно, без микрофонов. Получалось тихо до отвращения. На этом же уровне громкости мы исполняли написанные нами песенки, честно стараясь не нарушить художественной ткани спектакля.

Сдача спектакля худсовету Росконцерта и Министерства культуры прошла на «ура». Очень, кстати, помог нам куратор из горкома партии, который дал нам блестящую словесную характеристику и выразил чувство глубокого удовлетворения по поводу того, что мы прибились, наконец, к серьезному берегу. Как я понимаю, он был просто счастлив, что мы, став профессиональными артистами, уходим из его культмассового ведомства под бдительное око совсем другого куратора.

104

Когда я увидел афишу, что-то нехорошее во мне зашевелилось вновь. Афиша выглядела так: очень крупно наверху — «Ансамбль «Машина времени», и дальше мелко — «В спектакле Московского театра комедии «Виндзорские насмешницы» по пьесе В. Шекспира». Обезумевший молодняк, впервые увидев наше подпольное имя на официальной афише, ломанул на пьесу. Они действительно увидели любимую команду на сцене. Мало того, могли любоваться на нее два с лишним часа — но все время мешали какие-то актеры со своей чепухой. В первом акте наши честные фаны еще надеялись, что мы одумаемся и сбациаем если не «Поворот», то хотя бы «Солнечный остров». Мы же вместо этого играли совершенно неизвестные песенки на грани разборчивости звука. У меня все время было ощущение, что мы участвуем в каком-то обмане, хотя, когда я пытался разобраться — вроде никакого обмана не получалось. Кстати, спектаклю хлопали — вот что поразительно! Загадочен и непредсказуем наш зритель.

Потом случилась зима. Театр наш не имел тогда своего помещения — базировался он во Дворце культуры «Серп и молот», а вообще считался гастрольным. И вот в декабре мы с театром отправились на двадцатидневные гастроли в Сочи (я до сих пор не могу постичь глубины этой затеи — почему в декабре и в Сочи? Можно ведь было и в Арстику). Странная это была поездка, как, впрочем, и все, связанное с нашим театром.

«БИТВА С
ДУРАКАМИ»

ДИПЛОМ

Я вспомнил все до мелочей, когда посмотрел фильм «Асса». Мы привыкли видеть Сочи жарким и пыльным, доверху наполненным народом. Город был пуст, насколько может быть пуст город. Пальмы от холода спрятали внутри странных конструкций из досок и мешковины, и они торчали вдоль набережной, как диковинные истуканы. Двери кофеен, забегаловок, ресторанов были открыты — и никого. А сквозь облака проглядывало солнце, и трава хранила зеленый летний цвет, и море гуляло по безлюдному пляжу, и что-то в этом было нереальное и совершенно замечательное. Из всех двадцати дней пьеса с нашим участием шла дважды — в первый день и, кажется, в последний. Мы были предоставлены сами себе.

На самую середину гастролей пришелся мой день рождения. Все мы очень ждали выдачи зарплаты к этому моменту. Зарплаты не случилось. И тогда мы сделали самое, казалось бы, нелогичное в этой ситуации — взяли шапку и выгребли из карманов все, что оставалось, до копейки. Хватило на два ящика замечательного молдавского ординарного «Каберне» и почему-то на мегафон (кажется, мне в подарок). Мегафон доставил нам немало радости. Оказывается, психология нашего гражданина устроена таким образом, что команда, звучащая через мегафон, обретает просто магическую силу. Во всяком случае, самые причудливые распоряжения, отдаваемые нами с балкона четвертого этажа гостиницы «Ленинград», выполнялись людьми и автомашинами беспрекословно. В лучшем случае человек мог начать исподтишка озирается — откуда это им командуют. Но наверх посмотреть не догадался никто. Сильная вещь мегафон!

106

По возвращении в Москву случилась история, совсем уже укрепившая меня в мысли, что театр мы выбрали не тот. Режиссер Мочалов, потерявший, видимо, голову от сборов, наконец-то поливших в кассу театра с нашей помощью, решил убить слона. С этой целью был объявлен спектакль в городе Воскресенске. Состояться ему надлежало в местном Дворце спорта. Рукописная афиша была выполнена еще более произвольно, чем обычно, и, кроме нашего присутствия, понять в ней вообще ничего было нельзя. Посреди громадного Дворца спорта сверкало льдом хоккейное поле. Прямо за воротами, в торце, располагалась сцена. Стояла лютая зима. Из рта у актеров валил пар. Актеры, надо сказать, за два часа автобусной тряски до Воскресенска сильно замерзли и попытались в дороге «согреться». Возможно, они переусердствовали. Я не могу их осуждать. Во всяком случае, путали они уже не слова и фразы, а свои роли и в процессе спектакля почти все поменялись друг с другом. Иногда они падали не к месту. Впрочем, все это не имело никакого значения, так как слова все равно не долетали до трибун. Трибуны были полны. Терпеливые воскресенские хлопцы молча сидели и ждали, когда кончится вся эта бодяга и будет обещанная «Машина времени». Молчание зала становилось все более недобрым. К антракту стало ясно, что будут бить. Прибежал режиссер в слезах и просил ради спасения жизни сыграть хоть маленький концерт. Это было невероятно — мы возили на спектакли ровно столько аппарата, сколько нужно для

того, чтобы не заглушать голоса артистов. Но я понял, что выхода нет. Второй акт Шекспира отменили. Вместо него состоялся импровизированный концерт «Машины времени» на комарином, правда, звуке, зато на большом подъеме. Воскресенцы кидали вверх шапки и требовали «Поворот». Гроза миновала.

Не думаю, чтобы мы долго еще оставались в театре после этой истории. Но помогло нам следующее. В Росконцерте, видимо, решили, что с нас можно стричь значительно больше, если, скажем, отделить от театра и задействовать на полную катушку. Вследствие чего нам и было предложено показать нашу собственную программу худсовету. Мы долго отстраивали аппарат, стараясь уловить ту середину, которая позволит сохранить приличное звучание и в то же время не напугает комиссию. Задача оказалась невыполнимой. Получалось или громко, или плохо. Я был в отчаянии. В назначенное время в зал вошли несколько благообразных филармонических старичков, и нас попросили начинать. Я понял, что мы пропали. Мы никогда еще не играли на пустом зале. То есть репетировали, конечно, но это совсем не то. Поддержка зала, его дыхание были нам необходимы. Зал щерился на нас пустыми креслами, старички примостились где-то во мраке. И тут меня взяла злость. Мысль «пропадать — так с музыкой» наполнила меня детским восторгом, и мы грянули. Я целился в невидимых старичков каждым словом, каждой нотой. Очень страшно, когда заканчивается песня и вместо шума, крика, аплодисментов — мертвая тишина. Никакой артист, я уверен, в подобной обстановке хорошо работать не сможет. Но мы старались. Мы сыграли так, как нравилось нам.

Я ждал чего угодно. Разноса, вежливого отказа, увольнения из театра и прочих мерзостей. Выходя из зала, старички по очереди нам улыбались. Я ничего не понимал. На следующее утро нас пригласили в Росконцерт. Мы, робея, вошли в дверь с тяжелой доской золотом по черному: «Директор — художественный руководитель объединения художественных коллективов Росконцерта Холопенко В. М.». Худсовет был в сборе. На нас поглядывали радостно и плотноядно. Называли ласково и фальшиво «ребятками». Я понял, что вопрос уже решен. Тут же сидел на стуле онемевший от горя режиссер Мочалов. У него только что отобрали курицу, несущую золотые яйца. Он слабо пытался удержать уходящий поезд. На него цыкали довольно бесцеремонно.

Через несколько дней мы получили ЛИТ на нашу программу (настоящий ЛИТ, а не липовую печатку Дома народного творчества), и сам министр культуры РСФСР утвердил наши ставки. Ставки были десятирублевые, и в вокально-инструментальном жанре, к которому нас отнесли, это являлось потолком. (Одна из многочисленных загадок законотворчества Министерства культуры — почему просто вокальные ставки могли быть и 12, и 14, и 16 рублей — то есть если ты просто поешь, то, видимо, затрачиваешь труда больше, чем когда поешь и еще сам себе аккомпанируешь. Вообще обо всех этих чудесах стоило бы написать отдельную книгу.) Наличие у нас ставок говорило о том, что за выход на сцену в концертном зале мы получаем по 10 р. на

рыло, за выход на сцену Дворца спорта или стадиона — двойную ставку, то есть 20 р. «За выход» — это тоже гениальное изобретение Минкульта. Сколько ты работаешь на сцене — одну песню, пять, десять или целый концерт — не имело значения. Это все был «выход». Поэтому, скажем, конферансье, появившийся перед нами и торжественно произносивший: «А сейчас — «Машина времени», получал больше нас, так как имел разговорную ставку 17 р. Произнеся заветную фразу, конферансье шел пить кофе, а мы пахали час за свои вокально-инструментальные 10 р. В принципе нас никто не заставлял работать целое отделение. Но зритель шел на нас, воспринимая все остальное как нагрузку. Без нагрузки нас тоже не пускали: должен же был кто-то эту нагрузку кормить! А обмануть зрителя, пришедшего на нас, — спеть три песни и поклониться, — мы не могли.

Итак, прошло несколько дней с момента, определившего нашу самостоятельную профессиональную судьбу, и мы уже ехали на первые гастроли в город Ростов. Теперь это были самые настоящие гастроли, а не подпольная вылазка на сейшн. Многие поражало — и то, что билеты на поезд тебе кто-то покупает, и что тебя уже ждет гостиница, и ты живешь в ней, как человек, а не мыкаешься по квартирам друзей-музыкантов. И что самое поразительное — это то, что и с вокзала до гостиницы, и от гостиницы до Дворца и обратно тебя везут на специальном автобусе. Служа в «Гипротеатре», я все время ездил на работу на метро, и мне как-то не приходило в голову, что у артистов существует другой способ передвижения. Я еще некоторое время шарахался по привычке от милиционеров во Дворце — прошла пара месяцев, пока я привык к мысли, что теперь они приходят нас не вязать, а охранять.

108

Нам повезло — в первую поездку с нами отправился ансамбль эстрадного танца «Сувенир» под управлением Тамары Головановой (третье гениальное изобретение Минкульта — сольные концерты во Дворцах спорта были запрещены. Место имели так называемые «сборные» — может быть, кто-то еще помнит? Этакий концерт, в котором сразу все: акробаты, цыгане, медведи, Кобзон, искрометный юмор конферансье и, скажем, мы. Ничего нельзя было поделаться). С «Сувениром» нам тем не менее действительно повезло: они были лучше многого из того, что нам могли навязать. Мы сразу влюбились и друг в друга: такие они все были замечательные, веселые, дружные — какие-то прямо инкубаторские — и очень самостоятельные. Они на нас тоже смотрели с восторгом, как на героев из некоего параллельного мира. Вообще в том, что мы вдруг оказались на легальной эстраде, было что-то невероятное. У «Сувенира» имелся уже богатый гастрольный опыт с поездками за рубеж, и мы слушали их нескончаемые истории раскрыв рты. Общались артистки и артисты «Сувенира» на совершенно отдельном языке, ими же созданном. В общем, в основе лежали русская фонетика и морфология, но отличался он от ортодоксального русского в корне. Жалко, никто не составил словаря этого языка — он ушел в прошлое, как санскрит. Танцевали в «Сувенире» тогда здорово, вкалывали как звери, получая еще меньше нас (песенка моя

«Заполнен зал, в котором было пусто» как раз относится к тем временам). Могу добавить, что проехали мы с ними долго, и наша нынешняя балетная группа как раз из того «Сувенира» — восьмидесятого года.

Помню животный свой страх на первом концерте в Ростове — «Сувенир» отплясал свое, объявили антракт, и нам предстояло за пятнадцать минут выставить аппарат на сцену. На сейшине этот процесс занимал гораздо больше времени и всегда что-нибудь не работало. Дворец спорта превышал по размеру любой наш сейшеный зал раз в десять, и я не представлял себе, что делать, если что-то откажет. В первый день все обошлось. Сломалось, когда я уже успокоился, — на третий. Профессионализм — вот чему нам предстояло учиться. За Ростовом последовал Харьков, потом Одесса, потекла гастрольная жизнь, пока светлая и безоблачная.

В это время случился знаменитый фестиваль в Тбилиси — «Весенние ритмы-80». Устроен он был с истинно грузинским размахом: приглашена масса групп, концерты идут целую неделю, напечатаны плакаты, значки, присутствует пресса, даже иностранная, — по тем временам все это выглядело невероятно. Участвовали и профессиональные, и любительские команды на равных. Это было принципиально ново. В жюри председательствовал Юрий Саульский, и дух фестиваля обещал быть радостным и демократичным. Одна, правда, вышла накладка — как всегда, с аппаратурой. Всем участникам было обещано, что в Тбилиси их ждет комплект «Динакорда» — по тем временам недостижимая мечта любой команды. Поэтому никто практически с собой ничего не привез. Так вот, «Динакорда» на месте не оказалось. Пришлось выходить из положения подручными средствами. В каждом концерте играли по три группы, и они вынуждены были вкладчину выставлять на сцену все, что найдется. Кто с кем и когда играет — решала жеребьевка. И нам опять повезло: нам выпал день с группой «Интеграл», которая приехала в Тбилиси прямо с гастролей и чисто случайно привезла полный трейлер аппаратуры. Удача! Мы сыграли где-то в середине фестиваля, кажется, на третий день. Чувствовали мы себя, конечно, уверенней, чем четыре года назад в Таллинне, но на такой успех не рассчитывали. Очень уж много участвовало групп — хороших и разных. И, кстати, всех принимали блестяще, кроме, пожалуй, «Ариэля» и группы Стаса Намина. И не потому, что они плохо сыграли — сыграли они отлично, — а потому, что «Ариэль» со своими как бы народными перепевами и Стасик с песней Пахмутовой «Богатырская наша сила» совершенно не попали в настрой фестиваля. Это была не «Красная гвоздика» и не «Советская песня-80». Призрак оттепели летал над страной, легкий ветерок свободы шевелил наши головы. В воздухе пахло весной, надвигающейся Олимпиадой и всяческими послаблениями, с ней связанными. Нам-то, дуракам, казалось, что это надолго. Конечно, степень этого ветерка свободы переоценивать не надо — Боря Гребенщиков, игравший тогда в панк (никаким панком он, конечно, никогда не был),

огреб за это телегу от Оргкомитета фестиваля, вследствие чего и вылетел из славного Ленинского комсомола, а заодно и из института. Вообще после фестиваля было много разборов — и в Москве тоже. Но это уже было потом. Итак, мы выступили, и повторилась таллиннская история семьдесят шестого года — по реакции зала было ясно, что все уже хорошо. На первое место мы, ей-Богу, не рассчитывали — нам достаточно было этой реакции. Все музыканты нас поздравляли. Нервное напряжение спало, начался праздник.

Надо сказать, мы ехали в Тбилиси с некоторой опаской: это был наш не первый визит в столицу солнечной Грузии. Первый визит прошел весьма криминально и хорошо закончился просто чудом. Еще в семьдесят втором году один грузинский музыкант пообещал нам устроить в Тбилиси комплект «ВИГа». «ВИГ» — это была наша золотая так и не сбывшаяся мечта. Этаким пионерский комплект аппаратуры производства ВНР, куда входило сразу все: усилители, акустика, микрофоны, стойки для них, даже специальная подставка на колесиках для звукооператора, куда ставились все усилители. То есть один такой комплект — и уже не надо ни над чем ломать себе голову. Думаю, о «ВИГе» тогда мечтали все команды. Магазиной цены этот волшебный комплект не имел, так как распределялся только по организациям, и на черном рынке тянул где-то четыре тысячи, или, как тогда объявляли, четыре куса, — деньги по тем временам немалые. Вот за четыре куса нам и пообещали такой «ВИГ» в Тбилиси. Полетели мы втроем: я, Кутиков и бывший скомороший оператор Женя Фролов — он тогда собирался работать с нами. Не буду описывать всех перипетий нашего путешествия. Скажу только, что нас собирались, напоив по грузинским законам гостеприимства, швырнуть. Причем первая часть программы удалась приглашающей стороне на славу, и я до сих пор не понимаю, как это у них сорвалась вторая. Сорвалась благодаря случайной помощи совершенно посторонних людей, доблести Кутикова и крайней безалаберности швыряющих. В общем, мы вернулись в Москву сильно потрясенные, но живые, не побитые и даже со своими деньгами. Так что теперь, восемь лет спустя, нам предстояло сломать в своих головах сложившийся стереотип коварного восточного человека. Это произошло, надо сказать, довольно безболезненно. Сразу же после нашего выступления нас стали приглашать в гости. Причем приглашавших было значительно больше, чем нас. Между ними возникали перебранки, переходящие в драки. Во избежание кровопролития нам приходилось максимально делиться, чтобы каждому досталось по маленькому кусочку «Машины». Молодые мы были и очень, видимо, выносливые. Сейчас бы мы такого гостеприимства не выдержали. Сугубо мужское грузинское застолье, заворачивающие древние тосты, молодое кахетинское, шашлык во дворике, заверения в вечной дружбе — все это обрушилось на нас шквалом. В гостиницу мы возвращались под утро из разных мест на неверных ногах, распевая битлов и грузинские песни. Фестиваль между тем подходил к концу. Попасть в здание филармонии было невозможно: его окружало двойное кольцо милиции. В зале сидели зрители исключительно мужского пола,

женщин до таких серьезных дел не допускали. По мере приближения к финалу ажиотаж нарастал. Все ждали решения жюри. Спусти несколько лет я с изумлением узнал, что во всем мире фестивали (в отличие от конкурсов) вообще не предполагают раздачу каких-либо мест. Какие места могли быть, скажем, на Вудстоке? Тогда мне это не приходило в голову. Силен все-таки во всех нас дух соперничества.

Жюри заседало долго. Музыканты томились у дверей, как школьники на экзамене. Зал ждал. То и дело доходили сведения о том, что из Москвы звонит высокий чиновник от культуры и требует определенных мест для определенных артистов. Но жюри, растроганное отечественным рок-н-роллом и опьяненное призрачным ветерком свободы, решило по-своему. Мы поделили первое место с «Магнетик бенд».

Я сейчас вижу, что эти мои записки превращаются в список сплошных побед, удач, радостей и вообще эдакого безостановочного счастья. Конечно, все было не так гладко, постоянно и весело. Просто, видимо, голова моя устроена таким образом, что светлые моменты сохраняются в ней значительно лучше, чем все остальные. Тут уж ничего не поделаешь.

В Москву мы вернулись на коне, лопаясь от скромности, увешанные грамотами, призами и подарками. «Советская культура» напечатала какую-то маленькую, растерянную, но в общем позитивную заметочку о нашем лауреатстве. Тогда попасть в «Советскую культуру» — это было что-то. В те времена газеты еще о ком попало не писали. Впереди рисовалась гладкая, счастливая жизнь. Так нам казалось.

Веселая это была жизнь, но какая-то странная. Популярность наша достигла апогея. Под словом «популярность» я понимаю не количество людей, которые нас знают и хорошо к нам относятся, — сейчас таких людей больше, чем тогда, — а степень буйности помешательства на нашей почве определенного круга молодых ребят. Во Дворцах спорта творилось невообразимое, количество милиции приближалось к количеству зрителей, а единственным рупором, кроме концертов, оставались наши бедные самостийные записи. Да, пожалуй, еще недавно возникшая радиостанция «Radio Moscow» крутила нас постоянно. Прослушивалась она на средних волнах не хуже, чем «Маяк», музыку передавала каждые тридцать минут из шестидесяти, а англоязычные комментарии можно было опускать. Я усматривал во всем этом дальновидную внешнюю радиополитику — дескать, показать миру накануне Олимпиады, что у нас все есть. Теперь я понимаю, что объяснялось все проще — личными симпатиями младшего состава редакции, безграмотностью руководства и общим бардаком. В общем, топтать нас еще не взялись, пока просто не замечали. Большой идеологический слон только начал поворачивать свою удивленную голову в нашу сторону.

Мы тем временем готовили так называемый «сольный концерт в двух отделениях» — категория, которая позволила бы нам хотя бы в концертных залах выступать без нагрузки. Мы восстанавливали «Маленького принца». Впервые он был сделан

КОЛЯ
ВАСИЛ

«МИФЫ»

«ЗЕРКАЛО»

«АКВАРИУМ»

«ЗОЛОТОЕ»
БЫЛО
ВРЕМЯ...

«ТЫ ИМ
Я»

«Call»
TODAY

«COME THE FROG»
NORME THE FROG

МАШИНА ВРЕМЕНИ

года полтора назад и пережил несколько редакций. Литературную часть исполнял некто Фагот — старый наш приятель по хипповой тусовке, человек весьма своеобразный и колоритный. Сделаны были специальные декорации в виде черных и белых ширм, костюмы шил не кто-нибудь, а сам Вячеслав Зайцев. Мы готовили триумф. Непосредственно после успешной сдачи программы предполагались сольные концерты в самом Театре эстрады, и билеты уже поступили в продажу. Слово «поступили» здесь не годится. Они исчезли, не успев возникнуть. Несколько суток у касс ночевали молодые люди. По ночам они жгли костры.

А закончилось все очень быстро и просто. На сдачу нашей программы приехал товарищ из ЦК КПСС с очень популярной русской фамилией. Не знаю уж, чем мы обязаны были столь высокому вниманию — видно, докатился до верха шум от тбилисского фестиваля. Товарищ посмотрел нашего «Маленького принца», произнес магическое слово «повременить» и уехал. Больше мы с ним не встречались. Мы, собственно, и тогда не встречались — обсуждения происходили при закрытых дверях. А «временили» нас после этого лет шесть. Не разгоняли, не сажали, не увольняли по статье, а именно «временили». И это, наверно, было самое противное. Олимпиада просвистела в один момент, не оставив никаких особенных следов в нашей жизни. И гайки со скрипом закрутились в обратную сторону.

В «Московском комсомольце» примерно в это время появился хит-парад. Первого января 1981 года песня «Поворот» была объявлена песней года. Она продержалась на первом месте в общей сложности восемнадцать месяцев. И все эти восемнадцать месяцев мы не имели права исполнять ее в концертах, потому что она была, видите ли, не залитована, а не залитована она была, потому что редакторы Росконцерта и Министерства культуры не посылали ее в ЛИТ, так как имели сомнения относительно того, какой именно поворот мы имели в виду. То, что «Поворот» звучал на «Radio Moscow» по пять раз на день, их абсолютно не волновало.

114

Это было потрясающее время! Я пытаюсь вызвать в памяти атмосферу тех дней, и это мне уже почти не удастся. Как легко все забывается! Время это казалось вечным: оно не двигалось. Три генеральных секретаря отдали Богу душу, шли годы, а время стояло, как студень. Время какого-то общего молчаливого заговора, какой-то странной игры. И, как это бывает в полусне, все вяло, все не до конца, все как в подушку. Наверняка в тридцатые годы было страшнее. А тут и страшно-то не было. Было безысходно уныло. Один шаг в сторону, и, нет, никто в тебя не стреляет, просто беззвучно утыкаешься в стену. Солженицын считал, что стена эта на соломе нарисована — ткни, и рассыплется. Мне она всегда представлялась сделанной из студня. Студень очень трудно проткнуть. В нем легко увязнуть.

В восемьдесят втором году «Комсомольская правда» грянула по нам статьей «Рагу из синей птицы». В принципе по нам уже постреливали и раньше — то Владимов затевал полемику на тему «Каждый ли имеет право?» (выходило, что мы не имеем), то кто-то еще, но все это размещалось на страницах газет типа

«Литературной России», и никто к этому, конечно, серьезно не относился. А «Рагу» было уже рассчитано на добивание. И общепатетический тон в лучших традициях Жданова, и подписи маститых деятелей сибирского искусства (половина этих подписей потом оказалась подделкой) — все это шутками уже не пахло. Если бы стены были из более жесткого материала — нас бы по ним размазало. Или бы мы пробили их собой и оказались с той стороны. Но студень амортизировал. И мы остались живы. А может быть, помогла защита миллионов наших поклонников. Я видел в редакции мешки писем под общим девизом «Руки прочь от «Машины»». Время от времени мешки сжигали, но приходили новые. Писали студенты и солдаты, школьники и колхозники, рабочие и отдельные интеллигенты. Коллективные письма дополнялись рулонами подписей. Я не ожидал такого отпора. В газете, по-моему, тоже. Поэтому они тут же разулыбались и свели все это дело к такой общей беззубой полемике: дело, дескать, молодое, и мнения тут могут быть, в общем, разные. Я писал письмо заведующему отделом культуры ЦК ВЛКСМ, как сейчас помню, товарищу Боканю, где перечислил все ляпы и ошибки статьи. А ляпов там было предостаточно. Думаю, что автор Ник. Кривомазов, дав статье подзаголовок «Размышления после концерта», на концерт наш не ходил, а выполнил социальный заказ, не покидая кабинета, прослушав кое-какие записи, часть из которых была вообще не наша, а группы «Воскресенье», а часть относилась к семьдесят восьмому году. Мне было даже обидно, что по нам так неточно и невпопад стреляют. Получил я ответ от т. Боканя, что не туда, дескать, смотрю. Что не на мелочи всякие следует смотреть, а в корень, а в корне деятели сибирской культуры вкупе с Кривомазовым правы и надо бы мне, как младшему товарищу, к их мнению прислушаться. Храню этот ответ, как память.

А Коля Кривомазов жив-здоров, очень прилично выглядит и даже получил повышение: служит нынче уже не в «Комсомольской», а в самой настоящей «Правде». Бежит времечко!

«Рагу из синей птицы» совпало с нашим очередным и последним расходом. Я уже несколько месяцев знал о том, что Мелик-Пашаев собрался валить и что ни один, а с Петей Подгородецким, Игорьком Кленовым, нашим тогдашним звукорежиссером и очень способным музыкантом, и Димой Рыбаковым — он числился у нас рабочим, но при этом писал смешные, хорошие песенки. Я знал, что они втихари репетируют, и очень мне было неприятно, что все это как бы втайне от меня. С другой стороны, расход с Мелик-Пашаевым ощущался как неизбежность — как-то не жилось нам вместе. В уходе остальных ребят была, конечно, доля его заслуг, но в то же время, если люди хотят делать свое дело, глупо на них обижаться или им мешать. Тяготило одно: с каждым разом становилось все труднее искать новых музыкантов, знакомиться с ними, репетировать старые вещи — словом, еще раз проходить уже пройденный тобой путь. На этот раз как-то никто не искался. Вечная наша беда с клавишниками! Петя умудрялся заполнять своей игрой очень большое пространство

в нашей музыке, и теперь заполнить его было нечем. Может быть, поэтому на его место пришли два человека.

Сереза Рыженко предложил себя сам. Знакомы мы были давно — знали его по «Последнему шансу». Это была самая настоящая площадная скоморошья группа — такие бродили, наверно, по городам лет триста назад. Звуки они извлекали из чего угодно — из стиральной доски, пустых банок из-под пива, каких-то дудочек. Имел место настоящий тумбофон — фанерный ящик, из которого торчала палка с единственной веревкой — струной. Кроме тумбофона, Сереза играл на скрипке, на гитаре, на деревянных флейтах, на всех видах банок и погремушек, пел, скакал и вообще очень был на своем месте и очень хорош. Меня в его предложении смущали две вещи: я не хотел разваливать «Последний шанс» и не был уверен, что скоморошья манера Серезы подойдет для «Машины». Оказалось, что из «Шанса» он и так уже ушел по своим соображениям, а образ можно попробовать и изменить. Образ он, надо сказать, так и не изменил, потому что острой необходимости в этом не возникло — оказалось, что он вполне вписывается и так. Расстались мы год спустя, и я думаю, по той причине, что Серезе приходилось исполнять у нас в музыке сплошь вспомогательные роли. То есть когда вещь была практически готова, но чего-то чуть-чуть не хватало — брался Рыженко со скрипкой, дудочкой или чем угодно, и брешь затыкалась. В «Шансе» Рыженко был одним из лидеров, и, конечно, ему стало неинтересно заниматься отделочными работами. К тому же к моменту ухода Серезы Заяц уже освоился, окреп, и мы вполне могли обходиться вчетвером.

Заяц, то есть Саша Зайцев, выявлен был в окружающей среде по наложке Вадика Голутвина. Мы договорились по телефону о встрече у меня дома, явился Кутиков, и мы принялись ждать. Заяц оказался совсем молодым человеком с небесно-голубым взором и мягкими манерами. Во взоре читалось некое просветление. Выяснилось, что вездесущий Кутиков уже знал его по какой-то его прошлой группе (меня всегда поражала эта вот способность Кутикова всюду поспевать). Что до меня, я не был потрясен манерой Зайцевой игры, но все остальное мне очень понравилось.

Поначалу Заяц с трудом замечал Петину вакансию. Если от Петинной игры смело можно было убавлять, то к Зайцевой хотелось что-то все время добавивать. К тому же в каких-то уже сделанных вещах ему приходилось просто исполнять придуманные Петей партии, а это было тяжело и физически, и морально, я думаю. Однако все встало на свои места. Все в конце концов встает на свои места с течением времени. А потом было множество поездок по большой нашей стране, а потом нас наконец пустили с концертом в Москву, и то сначала не в Москву, а в Сетунь (не так, кстати, давно — в восемьдесят шестом), а потом в Польшу, а потом вдруг сразу в Японию, а потом было еще много стран, и первая наша пластинка, которую на «Мелодии» в ознаменование перестройки спешно сляпали без нашего участия, а потом вторая, которую мы уже делали сами, и музыка для кино, и съемки, и многое другое, чему здесь не хватит

места. Кино в нашей жизни сыграло отчасти спасительную роль. Нас выручала несогласованность ведомств — этакая система удельных княжеств. В результате в тот момент, когда нас готовились дотоптать на эстраде, вдруг выходил на экраны фильм «Душа», и мы как ни в чем не бывало улыбались с афиш из-за спин Софии Ротару и Боярского, а когда три года спустя в разгар съемок «Начни сначала» до руководства «Мосфильма» доходило указание, что снимать нас все-таки не следует, мы приносили охранную грамоту, из которой следовало, что «Машина» является участником культурной программы XII Международного фестиваля молодежи и студентов в городе-герое Москве и, стало быть, топтать нас опять-таки не за что. А когда месяц спустя мы получали плюху от Министерства культуры за то, что что-то там не то на этом фестивале спели, кино уже было снято и поздно было махать руками.

Все эти тактические игры вспоминаются сейчас как дурной сон. Позвонил мне недавно один знакомый литератор-публицист и предложил выступить с серией разоблачительных материалов о разных чиновниках от культуры эпохи застоя, которые сегодня, значит, спрятали свой звериный оскал под розовыми масками перестройщиков и перестройщиц. Я отказался, и не потому, что я кого-то боюсь или жалею, а потому, что дело не в них. Эти ребята — честные солдаты своей армии, и пока есть у нас министерства культуры, управления культуры (что, кстати, не одно и то же), отделы культуры и т. д., глупо предполагать, что вот этот у них как бы хороший, а вот этот, скажем, плохой. Все они и сегодня в едином строю и такие, какими им сегодня велено быть. Надо будет — все что угодно перестроят.

Я с трудом слушаю сегодняшнюю музыку. Нет, это не касается Тины, Стинга, Джеггера, Клептона, Коллинза и прочих стариков. Мы с ними еще из того, из иного измерения. Я до сих пор жду, что возникнет какая-нибудь юная команда и вновь перевернет мир, как битлы четверть века назад. Напрасно я жду. Видимо, с помощью музыки можно перевернуть мир только один раз. И даже «Ласковый май», как ни верти, не вызывает у меня слез умиления, и я торчу из рыдающего моря пятнадцатилетних с абсолютно сухими глазами. Я ловлю себя на том, что, если бы мне сейчас было пятнадцать и я услышал то, что слушают они, я бы совершенно точно выбрал в жизни другое занятие. Есть такое понятие: цепляет — не цепляет. Не цепляет. Когда-то еще давно я вывел для себя определение, по которому человека можно отнести к старым. Старый человек тот, кто перестает воспринимать и начинает вспоминать. Что ж, судя по тому, чем я в данный момент занимаюсь, меня смело можно отнести к этой категории. С одной только оговоркой. Я помню, сколько грязи и непонимания лили на любимых моих битлов двадцать лет назад старшие товарищи и граждане и как я отстаивал их со слезами на глазах и готов был биться до последнего. Недавно я видел девочку, грудь вставшую на защиту ее любимого «Ласкового мая», и вспомнил себя. Все, конечно, течет. Ничего не бывает вечным. Если только не забывать, что битлы и «Ласковый май» стоят чуть-чуть на разных ступеньках. С точки зрения искусства, что ли. Или Духа. Или я ошибаюсь?

ду на свидание с колоколом...

Надписи на колокольных боках сродни анкете для заграничной поездки или бессрочному рекомендательному письму: «Божие милостью и пресвятые его богоматере заступлением и помощью и всех святых молитвами в лето 7053 месяца ноября 21 день... Лит был сий колокол... а мастер преименита и славна града Пскова Андреев сын псковитин Михайло». Нынче колокол этот на Вологодчине в городе Белозерске.

В 1544 году (если перенести тогдашние даты в современное летосчисление) на берегах Чудского озера знать никто не знал, что через четверть века опричники Ивана Грозного разграбят вольный Псков, а колокол увезут с собой. Не присмотри его вовремя белозерские купцы, красоваться тогда этому звонкому диву в Опричной слободе, а в петровские времена, глядишь, и быть перелитому на пушки. Но и белозерский покой не вечен. В тридцатые годы уже века нынешнего воинствующие безбожники грохнули колокол о землю. Как он уцелел, как не извели его на ружейные гильзы или на статуи вождей, теперь и не дознайся. Да стоит ли гадать? Главное, сохранилась гулкая псковская медь: любоваться мастерством «псковитина Михайлы», затейливыми орнаментами и вязью средневековой кириллицы можно без усталости...

Про белозерских кушцов мне рассказывал Лапин, Александр Григорьевич всю жизнь преподавал рисование. А невеликий досуг свой — откуда у провинциального учителя свободное вре-

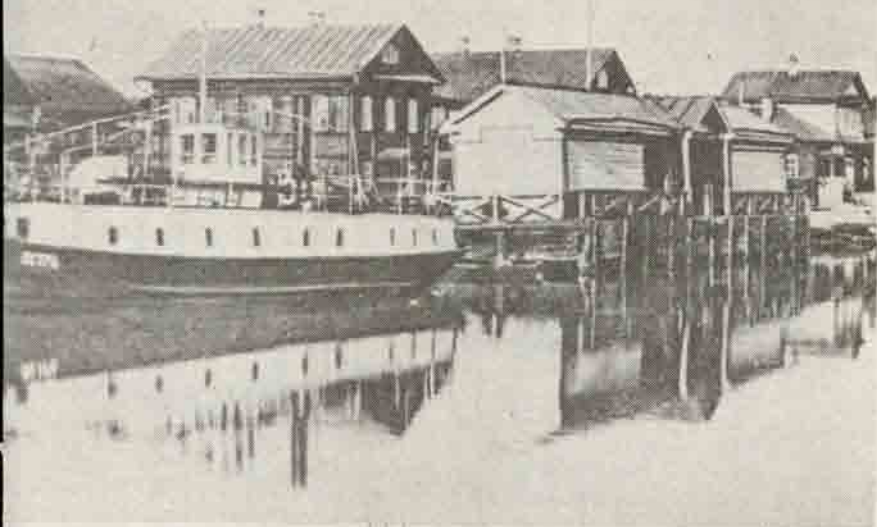
ОЛЕГ ДЗЮБА

Фото **ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ**

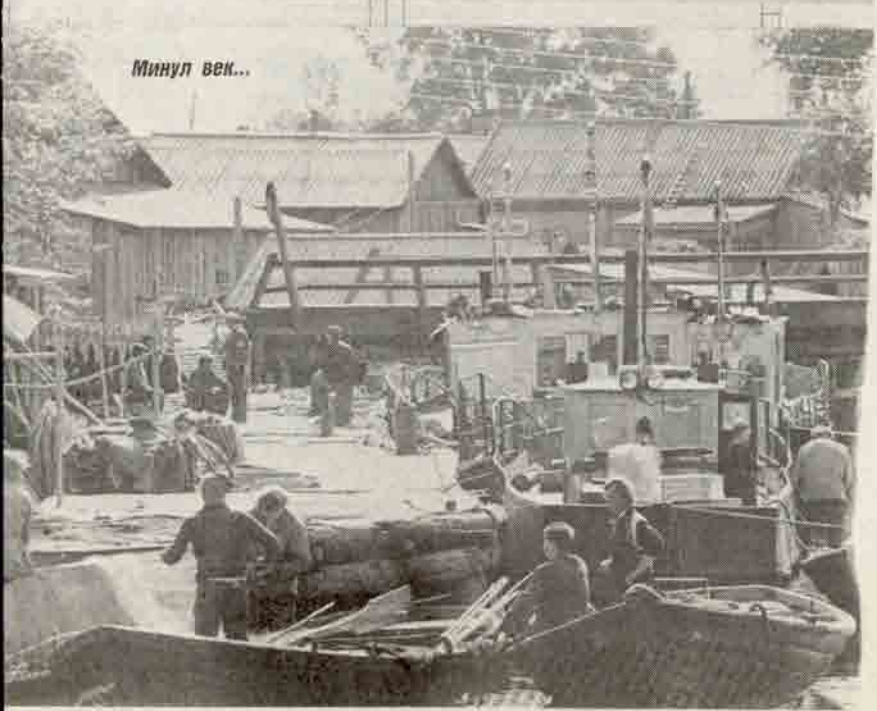
У ОЗЕРА БЕЛОГО...

Бѣлозерскъ. Набережная канала. Пароходныя пристани.

Минул век...

мя, немислимо прокормить семью без огороднических забот — отдавал собиранию всего, что хоть как-то запечатлевало белозерскую старину.

В бесчисленных лапинских альбомах, заполненных вырезками из газет и питатами из книг, рисунками, старинными открытками и фотокопиями, записями воспоминаний старожилов — славная история северного города, прослеженная до... 862 года. Белозерск горел, вымирал от мора, перекочевывал с места на место по озерным берегам, упорно сохраняя имя и родословную. С тех самых времен, когда, если верить летописцу Нестору, явился на Белое озеро княжить брат варяга Рюрика Синеус, зазвенело в летописях имя города.

О славном белозерском прошлом рад Лапин рассказывать часами без усталости. На княжеском и варяжском не особенно останавливается, полагая, что историки его забвения не допустят. А вот о меценатах и жертвователях, которым город и обязан своей неуничтоженной красотой (несмотря на все старания ревнителей доморощенного атеизма), говорит долго и увлеченно.

В самом деле, как отрешиться нам от ввевшегося в сознание — горькое «спасибо» авторам школьных учебников — понятия о российских купцах как о дуруломах с золотой или серебряной цепочкой от часов поперек необъятного брюха? Были среди них и любители кутежей на Нижегородских ярмарках, были и мучительницы близких, наподобие Кабанихи из «Грозы», но если и поверить на мгновение, что таковых в России было большинство, то все одно непонятно — было разве под силу таким забубенным гулякам и истязателям невинных душ торговать со всем светом и снабжать необъятную страну куда лучше нынешнего Минторга?

Город, еще в глубокой древности оказавшийся на знаменитом пути «из варяг в греки», богател усилиями предприимчивых торговых людей. Все эти Анаьины, Сераго и Линдкутели, оставившие на память и на усмотрение потомков изящные свои особняки, с кем бы они ни торговали и куда бы ни забирались по делам, но жили-то здесь, потому и помогали городу и украшали его, кстати сказать, пощедрей, чем сменившие их официальные благодетели нашей с вами современности. А чтобы представить, легкий ли хлеб доставался белозерскому купцу, стоит вспомнить, как украсился город одним из красивейших своих храмов — церковью Иоанна Предтечи. Одно из преданий, запечатленных в лапинских альбомах, гласит, что купец, на чьи деньги возводился храм, дал обет построить каменную колокольню, если... суждено будет ему благополучно провести по своенравным водам озера караван с товарами. Вот как ценилась удача в прошлом столетии. (Говорят же, что и само название озера появилось на картах потому, что больших глубин здесь нет и волна в сильные бури взбивает песок со дна, выбеляя поверхность воды.)

Но, увы, не повезло купцу. Шторм разметал караван. Разоренному ненастьем стало не до обета... Однако горожане все же поставили колокольню, правда, деревянную, временную, не устоявшую до наших дней.

Да и сама церковь натерпелась от потомков — здешнее проф-

техучилище устроило в здании мастерские, в одном из приделов расположили котельную, для производственных удобств прорубили новый вход, перестроив абсидную часть... Какими сложностями и злобами минувших дней ни объясняй решения прежних отцов города, все одно веселей на сердце не станет. Сейчас здание передают музею, но сколько годов, а то и десятилетий ждать, когда вернется к нему облик, недалекий от первоначального?

122

Михаил Петрович Кудрявцев бывает здесь по должности — как миновать Белозерск заведующему отделом Музея древнерусского искусства и архитектуры имени Андрея Рублева — и... по призванию, ибо переживает за город давно и страстно. На его публичной лекции в здании бывшей старообрядческой деревянной церкви я и увидел впервые план восстановления былого белозерского пейзажа. По мнению Кудрявцева, возрождение Белозерска необходимо еще и потому, что именно здесь, в краю озер и прозрачных — несмотря на все старания лесорубов и мелиораторов — рек, таятся не разгаданные еще следы древних культур. Оправдайся гипотезы Кудрявцева, придется историкам сдвигать привычные даты заселений здешних краев в эпохи... минувшие задолго до начала новой эры. И как тут не вспомнить Ушковское озеро на Камчатке, где в сороковые годы удачливый путник подобрал монеты, отчеканенные в древнем Боспорском царстве на берегах Черного моря. Или огниво новгородских ушкунников, оказавшееся в многовековой давности пластах на чукотской реке Анадырь. В иных отношениях древняя история сродни густому лесу. Шаг в сторону с торной тропы — и, говоря словами Владислава Ходасевича, «своих же следов не сыскать».

...Через несколько дней, когда Кудрявцев собрался на Базегу (кстати, на старых картах речка эта именовалась «Басика» — «басис» эллины трактовали как вещь слово, прорицание; вон куда заводит нас история Белозерска!), я отправился вместе с ним.

Выехали мы к вечеру, одним броском весь путь одолеть не удалось. В сотне с лишним километров от города заночевали на реке Шоле. Приютившая нас Клавдия Леонидовна Жогина прежде преподавала в здешней деревенской школе, а выйдя на пенсию, пошла работать в местный лесохимический участок... За вечерним чаепитием хозяйка вскользь упомянула и о семейных легендах. По фамильным преданиям в далеких предках своих она числила кого-то из шляхтичей, забредших сюда еще в недолгое царствование Лжедмитрия. Тени Смутного времени, казалось, витали за стеклами окон. (Впрочем, рев мотоциклов, на которых, не зная удержу, гоняют допоздна местные «адские водители», быстро вернул к пахнущей бензином современности.)

Росистым утром мы тронулись дальше. В самом центре поселка пришлось притормозить, пропуская стайку коз, семенящих к реке. За околлицей под колесами застелилась лесовозная бетонка. Промчав по ней около часа, мы свернули на глухой проселок и в полукилометре от трассы оставили «Ниву» на полянке. Потом еще час мерили ухабы заброшенной дороги и, наконец,

поднялись на гребень, расщепленный давнишней «лежневкой», выложенной, должно быть, еще в военные годы.

«Да не падал ли здесь метеорит», — подумал я, глядя на гигантский котлован, некогда заросший деревьями, а потом начисто обугленный лесным пожаром.

— Я и сам, выйдя сюда впервые, гадал, а не второе ли это Тунгусское чудо здесь рухнуло, — сказал Кудрявцев, угадав повод моего молчания. — Смотрите...

Опытным взглядом историка архитектуры он выделял и показывал мне следы отнюдь не хаотической, а весьма разумной и рациональной деятельности. Древние строители северного «мегаполиса» возвели надежные земляные валы, позаботились о системе внутренних водоемов таинственной крепости. Выходит, что в глуши северных лесов существовали поселения, превосходящие по размерам (а видимо, и по населению!) Киев времен Ярослава Мудрого?!

— Вы не знакомы с «Ригведой»? — спросил вдруг Кудрявцев, когда мы возвращались к машине.

Переводы из древнеиндийского собрания мифов я читал, но связи между деяниями героев далеких народов и нашим путешествием, откровенно говоря, не уловил.

— В «Ригведе», — пояснил Михаил Петрович, — встречаются не истолкованные и по сей день фрагменты. Ну, например, действие происходит в краях, где солнце полгода не уходит с неба, а потом исчезает на много месяцев. Так вот, чтобы не интриговать вас чрезмерно... Существует гипотеза — ее высказывали и у нас в стране, и в Индии — о том, что именно на севере России находилась прародина индоевропейских народов...

После прогулки по склонам северного «мегаполиса» я уже другими глазами смотрел на знаменитый белозерский «Вал» — гигантский квадрат, высота земляных стен которого достигает двадцати метров. Его принято связывать с эпохой Ивана III. Считается, что велением царя был воздвигнут Белозерский кремль. Но находки Кудрявцева, их очевидное «генетическое» родство с этой крепостью заставляют усомниться в незыблемой, казалось бы, версии. Городища на Шоле и другой здешней реке — Мегре подсказывают, что вал мог появиться задолго до пятнадцатого века.

...Ров, некогда ограждавший Белозерский вал от нападения неприятеля, давно высох. Просторная ложбина густо заросла травой, и многие белозерцы без помех запасают сено для домашней живности прямо на стенах вала или на дне рва.

По стенам любят бродить туристы, любясь безбрежьем Белого озера, далекими судами, спешащими фарватерами Волго-Балта из моря в море. Якорек, которым метят город на картах, не случаен, ибо нет в Европе моря, куда нельзя было бы выбраться, стартовав с этих берегов. Недаром, что ни лето, забредают сюда яхты из Петрозаводска или Ленинграда. Впрочем, кому-кому, а рыбакам вселенская доступность родного озера совсем не по нраву. Сухогрузы и наливные суда, снующие из нынешних «варяг» в нынешние «греки», не очень-то заботятся о чистоте вод, по которым сами и плывут. Управу найти

непросто. Угнаться за очередным «Волго-Балтом» или «Волго-Доном», как именуются наиболее распространенные типы судов для проверки их экологической подготовленности рыбинспекции, — это как не просто. Да и как усмирить любителей поплевать мазутом за борта, если до самых недавних времен вполне официальные минречфлотовские циркуляры разрешали сбрасывать «хозбытовые» стоки и в Онежское озеро, и в Шекснинское водохранилище...

Так что красота красотой, но обилие судов всех мыслимых и немыслимых речных пароходств страны на озерной глади не всем в радость. Рыбе, во всяком случае, от этого счастья не прибавляется. А ведь здешние промыслы были некогда столь славны, что иноземные гости Московии упоминали город как

вообразную столицу красной рыбы. Увы, нынче «красной рыбой» впору именовать судака, да и того белозерам видывать почти не приходится. Лимит на него установлен жесткий, и выловленная рыба почти вся уходит по московским разнарядкам. Решайте сами, смеяться или плакать, но когда реставраторы, работающие на белозерских памятниках, хотели угостить ухой своих гостей из дружественной страны, даже на высшем районном уровне раздобыть несколько судаков удалось не сразу с превеликими хлопотами. Не знаю, из каких резервов извлекли судаковую заначку, но в рыболовецком колхозе «Советский Ыбак» ничего пригодного для приличной ухи не оказалось.

Не до рыбы колхозным ловцам, ибо лето напролет все они — то механики, что капитаны, что матросы — заняты не поста-

новкой снастей в уловистых озерных водах, а сенокосом. Верно в деревне, будь она рыбацкая или земледельческая, без сена для домашней скотины не прожить. Но речь не о домашней живности и не о шефской печальной повинности, которую не могу заставить себя назвать помощью. Просто кому-то в областном агропроме показалось заманчивым поднять соответствующие показатели, обязав потомственных рыбаков, так сказать, по совместительству, заниматься еще и скотоводством. Правда древняя истина, что насильно никому мил не будешь, до плановых и директивных инстанций пусть с запозданием, но все-таки дошла. Мясо-молочную повинность с «Советского рыбака» вроде бы решили снять и в доказательство серьезности намерения лишили его сенокосных угодий. Потом события совершили загадочный и по сей день пируэт, в результате которого фермы остались, где и были, но луга к рыбакам уже не вернулись. Вот и приходится добытчикам позванивать косами за десятки километров от своей деревни Маэжсы, а колхозным экономистам считать убытки от транспортировки кормов с одного края района на другой.

Померещилась было новая возможность рыбакам заняться своим делом — решили в районе создать на основе колхозных ферм объединенное подсобное хозяйство под звучным названием «Квартет». Но первые же аккорды «Квартета» оказались по сути одноименной крыловской басне. Припомнив другой крыловский афоризм, рискну сказать, что воз и ныне там. Зато председатель то и дело мрачно отбивает атаки своих капитанов, грозящих покинуть обремененный ни в чем не повинным буренками колхозный ковчег и податься на поиски удачи в другие края.

126

...Я вышел из правления и отправился вдоль пыльной мажаринской улицы, припоминая строки из многотомника «Живая и писанная Россия», по которому в начале столетия познавал географию Отечества едва ли не все знакомые с кириллицей слои тогдашнего общества. По словам авторов труда и его редактора академика Семенова-Тянь-Шанского, своей славой город был обязан девятнадцати красивейшим церквям и «...особенно породе вылавливаемой здесь рыбы — снетков». Вкус вяленого снетка белозеры еще помнят, хотя «весь север» и «сама первая престольная» успели позабыть. Крохи, падающие в протянутую городскую ладонь от щедрот водных или лесных ведомств, те кто теперь правит бал на белозерских берегах, за минувшие десятилетия не потяжелели. Даже в условиях грядущего общерегионального вологодского областного самофинансирования, самоуправления и хозрасчета Белозерску легче не станет.

Первый секретарь райкома партии Леонид Валентинович Фригин в разговоре со мной особого оптимизма по поводу хозрасчета высказывать не спешил. Сколько ни считали экономисты, все одно выходило, что району и самому городу предстоит зависеть от унижительной дотации свыше. Да и как еще быть, если без жалости и разбора сводимые леса чуть ли не подчистую вывозятся по воле вышестоящих распорядителей ресурсов на сторону. Если сельское хозяйство особых прибылей опять-таки не приносит. Если

фонды, лимиты и прочие изобретения современной бюрократии не дают толком поддерживать даже сохранившиеся памятники, не говоря уже о восстановлении пострадавших и порушенных в пору безрассудного унижения прошлого...

Впрочем, даже не дожидаясь восстановления низведенных в прах сокровищ и возвращения увезенных достояний, Белозерск мог бы и сейчас жить куда состоятельней и сытней. Ценность его, так сказать, наследственного майората хорошо понимают предприимчивые затейщики в столицах. Речное министерство, надумавшее вроде бы конкурировать с «Интуристом» и пленять красотами края белых ночей гостей со всего света, уже берется за дело. Загвоздка, правда, в том, что обводной канал, возведенный еще в прошлом веке, слишком тесен для комфортабельных круизных теплоходов. Кажется, речники собираются останавливать такой «плавающий остров» у одного из плузов, а к искомым красотам — в том числе и белозерским — перебрасывать гостей подводнокрылыми «метеорами». Но как бы ни выкрутились организаторы круизов из неожиданного затруднения, городу от их щедрот особо разжиться не суждено — все достанется центру, ведомству...

Право же, не хочу и боюсь того, что вслед за Суздалем станут отсвечивать усердным открыточным глянцем другие славные города. Но боязнь дивидендов не приносит, одни убытки. Восторгаясь провинциальной тишиной, не стоит забывать и о том, что без присмотра, радения и бесконечного вложения все новых и новых средств можно запросто остаться вообще без материализованного в каменных или деревянных кружевах прошлого.

Рискну припомнить поднаторевшую в туризме Европу. Не ахти какой я знаток чужих краев, но там, где довелось бывать, не замечал оббитых напрочь изразцов или выпарапанных гвоздем инициалов на стенах памятников. Куда там гвоздь! В римском Коллизее не сделаешь лишнего шага в сторону, в поисках эффектного фотокадра, смотритель тут же шуганет, и спорить с ним никто не станет, ибо штрафы кусаются, а закон на стороне града и мира, владеющего достоянием, и не в последнюю очередь благодаря этому наследию окупающего множество других нужд.

Грубая реальность заставляет искать варианты доходов в чем-то ином, еще не зарегламентированном. Не вечно же гордиться современному Белозерску только лишь тем, что Василий Шукшин именно здесь снимал немало кадров для «Калины красной». Гордость-то не без горечи. Ведь, кроме прочего, прилаек Белозерск автора трагедии о Егоре Прокудине еще и лагерь на острове в стенах бывшего монастыря, всем в районе известном «Пятке», именуемом так по номеру в перечне исправительно-трудовых заведений.

От одного лагеря Белозерский район все-таки избавился. Увы, не исчезновение необходимости в ИТУ подсказало закрыть «зону», а сведенный напрочь в ближайшем радиусе лес. Придумывать колонии другой «профиль» не сочли необходимым, а решили... продать ИТК вместе со всеми ее цехами и бараками вовремя предложившему свои услуги и финансы кооперативу. Соответствующие бумаги были подписаны, деньги перечислены

на счет Министерства внутренних дел, и нововладельцы принялись за переделку «зонных» барачков под цеха по переработке клюквы, грибов и рыбы...

— Для каждого озера своя лодка нужна,— говорил мне корабельщик Николай Иванович Моршин.— Для Белого в особенности. Волна у него невысокая, пряткая...

Поколения мастеров, стучавших топором в окрестных деревнях, выверили необходимую длину лодок. Современные фабричные катера удерживаются на двух волнах, но не дотягиваются до третьей, потому и нещадно швыряет их в пору ветров. А восьмиметровые «белозерки» Моршина даже в непогоду не теряют плавности хода. Достоинство наиважнейшее, поскольку с давних пор привыкли здесь поговаривать: «Рыба ловится в бурю».

Любители охоты и рыбалки приезжают к Моршину из дальних сел Белозерья, бывают заказчики из не такого уж близкого Череловца. Всем удружить не удастся, по основной работе дел хватает, а отказывать с легким сердцем Николай Иванович за всю долгую жизнь так и не научился. Проще было бы, конечно, обучить двух-трех парней исконному здешнему ремеслу, но не спешат молодые белозеры к одинокому умельцу в подопечные...

Сосну для бортов мастер подолгу отбирает из множества стволов на леспромхозовском складе. Сам распиливает, не доверяя этой работе никому. Потом скрепляет тесины по две — для левого борта и для правого, размечает их и тогда только берется за топор. Сложнее всего закрепить на «жиле» первые тесины. Чуть перегнул их, глядишь — трещина появилась. Заделать вроде бы и нетрудно, но работа уже не та. «Как на новом пиджаке заплата»,— сказал мне Моршин про подобные огрехи. Лет двадцать назад еще встречались на Белом озере рыбацкие парусники, но теперь Моршин мачты на свои лодки не ставит, даже гнезда для нее не готовит, к чему она, у всех двигатели, да и мало кто теперь справится с парусом.

128 ...Рабочее время кончилось. Я подвез Николая Ивановича к его дому. Изба у него свеженокрашенная, ладная, как подобает жилищу умелого плотника. Окна окружены узорчатыми наличниками. Моршин оказался едва ли не единственным на всю улицу хозяином, не позабывшим давних привычек украшать избу деревянными кружевами. А причиной тому обида. Когда-то белозерский корабельщик шоферил, пол-России на своем грузовике исколесил. Однажды заметил, что нарядные, резные палисады исчезают, стоит въехать на вологодские трассы. Словно в Горьковской области или в Костромской не забыл еще народ, что жилище человеческое требует не только прочности, но и красоты, а в родных краях на это внимания не обращают. Однажды принялся за ремонт и попробовал вывести узоры по дереву. Теперь не только за лодками к нему обращаются, но просят порой и украшения для стен вырезать. Выходит, не одному Моршину надоело жить в обыкновенной избе, ничем от дома соседа не отличимой.

...Древний, незабвенный Белозерск его обитатели строили без фондовых поставок и ассигнований из столиц. Придет ли время когда и возродить его смогут без подачек свыше, на кровные, на заработанные, на свои?

*Вся жизнь
учителя
Александра Лапина
связана
с этим краем...*

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

ВЛАДИМИР ТУРБИН

РОЗАНОВ

Биография одного из самых русских писателей России начинается очень по-русски: в Ветлуге Костромской губернии 20 апреля 1856 года в семье чиновника лесного ведомства... и завершается эта жизнь опять-таки по-русски, на новый, правда, лад: 23 января 1919 года в Сергиевом Посаде Московской губернии — от голода, холода, нищеты — окончил земные свои дни Василий Васильевич Розанов. Четырех лет не прожила и могила на кладбище Черниговского скита близ Троице-Сергиевой лавры, снесенная вместе с кладбищем «могучим ураганом», с коего начались в России десятилетия, в которых не было — не могло быть — Розанову места ни для жизни, ни для памяти о нем. Слава Богу, уразуметь это имеем мы сегодня право...

— Да-а, — сказал мне однажды М. М. Бахтин, — а Розанов им, конечно, был не по зубам...

«Они», «им» — эти личные местоимения множественного числа в обиходной лексике тяжелых десятилетий обрели обширное, хотя и изменчивое содержание. Иногда оно суживалось до обозначения кучки ветхих правящих лидеров; а порою понятие «они» расширялось. Было так и в реплике Бахтина, где «они», по-видимому, означало не только хранителей догм официальной науки, но и бравадно противостоящих им либералов, сущих и прежних, доброкачественных либералов конца XIX и начала XX века, образованных, умных, деятельных, но застывших в границах своих политических и социально-этических принципов, антимонархических убеждений и добротного консерватизма в эстетике.

Либералы начала века тоже вошли во всеохватывающее местоимение, потому что Розанов их тоже шокировал: был им не по зубам. И маячил он в литературе непостижимым писателем, провоцирующим на ярость, на лихие эпитеты, на общественное недоумение. Реже — на сочувствие неопределенного толка — настроение, под знаком коего воспринимается он и сегодня.

Понимание Василия Розанова — где-то далеко вперед; и придет оно по мере издания его книг, компоновки собрания его сочинений, весь состав и порядок которого был заботливо обозначен им: он знал себе цену и, вступая в эпоху, воспринятую им как воплощенный в реальности Апокалипсис, составлял тем не менее планы предстоящих когда-то изданий. И теперь они появились, первые издания Розанова. В центре — книга, получившая издательское название «Мысли о литературе» (М., «Современник», 1989). А вокруг нее, как... Посвежее сравнения не придумаешь: как малые и большие планеты вокруг почтенной звезды, разнородные фрагментарные публикации в журналах. Понимаю, что составитель первого однотомника Розанова может быть недоволен своей работой. И действительно, Розанов, изданный современно, цивилизованно, не похож на себя самого; возникает опасение: не встали бы «Мысли о литературе» в один ряд с хрестоматиями типа «М. Горький о литературе» или «Л. Н. Толстой о литературе»; черпай мысли, вразумляйся и благоговей. Даже правописание кажется неуместным, модернизирующим; Розанов слишком уж сросся с «ятами», «ерами»: «лес» у Розанова должен быть «лѣсь», а «бес» — «бѣсь». «Бог» без ера, твердого знака в конце, — какой-то беспомощный, ма-а-аленький. То ли дело: «Богъ», полновесно, всевластно. И, однако же, что тут сделаешь? Хорошо, хотя бы прописную букву полузабытому было богу, ныне Богу вернули. И когда-нибудь, может статься, издадут Василия Розанова фототипически, совершенно таким, каким он и был. А пока... Есть у нас давно сложившаяся формула утешения: «Пусть хоть так!..» Появился текстуально подлинный Розанов, и начнем-ка его осваивать.

Как мыслителя.

Как писателя.

Как человека.

И как грандиозное социально-этическое явление. Явление, представляющее специфически русский тип литератора и общественного деятеля: тип... властителя дум.

Уникальность и актуальность Василия Розанова не в словах его и не в текстах. Эти тексты текучи. И, помимо допустимой эволюции во времени, когда поздним дополняется, а то и вовсе отменяется предыдущее, взаимно противоположные тексты у Розанова сосуществуют в пространстве: то в одном периодическом издании, то в другом, противостоящем ему. Очень может быть, что Розанов симметричен другому гиганту отечественной культуры, протопону Аввакуму, первому из претендентов на роль властителя дум. Тот — служение единой идее. Служение безраздельное, поистине пламенное. Всей идее, вплоть до одной-единственной буквы: не «Иисус»,

а «Исус». Через двести с лишним лет появляется Розанов, для которого могли бы оказаться равноправны и равно содержание, и одно написание, и другое. А призвание свое видит он в том, чтобы соразмерить многочисленные взаимоисключающие концепции, ища в каждой отблески искомой им истины. Розанов — Аввакум наоборот. И единственность его — в его социальной позиции. Ее можно, рискуя, сформулировать в одной фразе: «А вот я не хочу быть властителем дум!»

Несомненно, такая позиция вырисовывалась в русской культуре и прежде. Начиная с Пушкина, чье предсмертное стихотворение о памятнике мы когда-нибудь прочтем и с интонациями иронически выраженного в нем ужаса перед невольным грехом: не хотел, а сотворил кумир, на поклон к которому влекутся безмолвные толпы:

*И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.*

Это исповедь невольного властителя дум, не желавшего себе никаких монументов, и все же на пьедестал, словно на эшафот, возводимого: возвышаться там и быть основоположником, корифеем, непререкаемым ментором, словом, отечественным Гомером. Быть таким, каким был «божественный Омир... тридцати веков кумир» («Евгений Онегин»).

Но Гомер, Омир — кумир, допустимый в языческом мире и недопустимый в монотеистическом, а тем более в христианском. И к кумиротворению Пушкин вряд ли стремился, сознавая, конечно, что он отличный поэт, наделенный и смелым умом, и незаурядным талантом.

И Чехов. Как и Розанов, укоряемый за отсутствие цельности, попрекаемый отсутствием у него руководящих принципов, а теперь в конце концов все-таки благонамеренно поставленный в ряд борцов не с политическим деспотизмом, так хотя бы уж с пошлостью и межданством. Но вообще-то русский писатель не сделать хотя бы единого шага к пьедесталу властителя дум не мог в прошлом и не может теперь. Уж и рад бы не сделать, но какая-то сила извне побуждает, толкает его; сила эта — та же, которая побуждала вологодских архитекторов строить храм благолепнее суздальского, и его, этот храм, утверждать на правах центрального. И у нас что ни властитель дум, то надежда: а как знать, вдруг именно этот соискатель высшего в стране неофициального звания, может быть, даже и не явившись центром, образует вокруг себя центр, окажется эквивалентом Гомера?

И велик соблазн: один за другим появлялись властители дум. Гоголь. Лев Толстой, организатор огромнейшего движения, охватившей глубинные демократические слои России, отозвавшейся во всем мире доктрины. И, конечно, революционные демократы: во властители дум почему-то все больше шли у нас литературные критики. А в конце столетия явился Николай Михайловский.

И вдруг: Ро-за-нов.

И: «Не хочу быть властителем!»

Розанов — весь в диалоге с читателем. Некоторые книги его наполовину составлены из читательских писем. Так — казалось бы, ни с того ни с сего — вводит он в свою книгу последних, предсмертных лет письма своего товарища по гимназии:

Слушай, дорогой Вася, показать людям истину я не способен и не считаю себя таким гениальным и великим человеком; слагаю всю честь на тебя.

Это как бы голос вечно ищущей и вечно обманываемой молодежи, простодушно верящей, что можно показать людям истину в одночасье, как бы экспромтом: надо только найти для этого подходящего человека. Возложение этой миссии на Розанова, разумеется, шутка. Но в каждой шутке есть доля продуманной правды, и призыв приятельского письма — несомненный отголосок всегдашних исканий, надежд: «Покажи нам истину!»

Какого влияния я хотел бы писательством?

Унежить душу,—

словно бы отвечает Розанов.

Что такое «унежить душу»? Гоголь в «Выбранных местах...» унеживал ли чью бы то ни было душу, со своей начиная, с собственной? Чернышевский унеживал? Герцен? Ленин? А Александр Солженицын ее унеживает?

132 Тут наталкиваешься на занятые особенности социального бытования наших властителей дум: иногда, во-первых, они в силу печальных обстоятельств их жизни поселяются за границей и властительствуют оттуда; слово их обретает удвоенную значительность, ибо их труды провозят на родину едва ли не с риском для жизни, исхитряясь и лавируя с ловкостью прожженных контрабандистов; во-вторых, их дидактический пафос непременно обрушивается на разного рода правителей, будь то царь-батюшка или Генеральный секретарь ЦК КПСС, должностные, по-видимому, войти в круг поучаемых и изменить проводимую ими политику, причем носители высшей истины искренне не понимают, что вразумляемые ими правители на это никоим образом не способны. Но вразумления сыплются, и где уж тут унеживать души! Суровые они люди. Серьезные. Даже так: сурьезные, через «у» — выразительнее. И каждый возлагает на сограждан какие-то обязательства: главным образом, конечно, спасти Россию, а затем уж и вести ее к светлому будущему, им, властителем, прозреваемому.

Но спасают всегда от кого-то. От врага. И притом же не от врага очевидного, от очередного захватчика, потому что мало-мальски сообразительный властитель дум превосходно знает: тут-то я и сам разберусь и пойду, насколько смогу, содействовать сокрушению и изгнанию с русской земли Мамая, Наполеона или генерала Гудериана. Характерно, что во время национально-освободительных войн властители дум утихают, тушуются; появляются же люди, наделенные даром унеживать душу: Исаковский, Симонов или Сурков с их бесхитростными песнями в годы войны сделали не меньше великих учителей.

Мне в холодной землянке тепло

От моей негасимой любви.

Пели это, и вовеки спасибо Суркову. Но приходит мир, и спасти Россию, оказывается, теперь надо от врагов неопознанных, скрытых. И выстраиваются они вереницей: нерадивые царевы слуги, мздоимцы-чиновники и помещики, гонители просвещения в XVIII веке; в XIX те же помещики, но уже изощренно истязующие дворовых и кормящие щенков молоком матерей-крестьянок. А за ними — капиталисты: XX век. Низложили капиталистов. Свергли. Но традиция властвовать над думами, непрестанно при этом кого-нибудь обличая, была подхвачена государством, и за свергнутыми капиталистами последовали поцы, кулаки. Оппозиционеры-троцкисты. Командармы-шпионы. Театральные критики-космополиты. Врачи-отравители. А теперь: враги перестройки, дельцы «теневой экономики» и в конце концов заступившие на дежурство в качестве очередных врагов масоны. Боже правый, да сколько же их, врагов, от которых спасали? Причем если помещика, капиталиста или даже критика-космополита все же можно было увидеть и опознать, то никто пока не видел и не показывал ни одного живого масона, видны только последствия их деятельности: кукуруза и пшеница, плывущая к нам из-за океана; ядовитая зловонная дужка на месте Аральского моря, уходящие под снег бурты фруктов и овощей — и все это масоны набезобразили, больше некому.

Можно истреблять врагов, руководствуясь Чернышевским и Лениным. А руководствуясь Розановым?

Всем великим людям я бы откусил голову. И для меня выше Наполеона наша горничная Надя, такая кроткая, милая и изредка улыбающаяся. —

сообщает писатель в «Опавших листьях». Кстати, тут подбираешься к стилю Розанова: почему не «отрезал» бы он голову всем великим людям, не «отсек» бы, а... «откусил»?

Стиль писателя инфантилен. Инфантилен в том смысле, что для писателя, как для ребенка, слово существует прежде всего как дополнение к картинке, увиденной в книжке или нарисованной им самим. И представим себе: ходит Розанов по всемирной истории с ножом, с топором; всем подряд рубит головы. Александру Македонскому. Юлию Цезарю. Хану Батью. Петру I. Скучно, противно, потому что вырисовывается страшная фигура: палач. А Розанов, который вопреки естеству всем поименованным личностям головы одну за другой... откусывает? Фантастическая картина. Сюрреализм. Что-то сказочное: учитель провинциальной гимназии, суетливый петербургский журналист-«нововременец» в поношенном сюртуке превращается в сказочное животное и одну за другой отгрызает патлатые и лысые головы, причем сразу голову, полагаю, не отгрызешь, надо в несколько приемов, жуя и сплевывая.

И у Розанова, стало быть, есть призыв кого-то, какую-то группу людей истребить. Но такой призыв совершенно явственно пародийен: выражается он в форме, которая не усиливает содержание, а переводит его в фантастический сказочный план. Отрицает его: не скажет же Ленин, что он откусил бы голову всем капиталистам, а затем и меньшевикам-соглашате-

лям. Розанов же выражает истребительные намерения именно так. И первейшие враги для него не столько политические властители, сколько властители дум; а отсюда постоянные остро-ты его по поводу Гоголя, Герцена, Михайловского, провозгласителей всевозможных абстракций, за которыми должно поспешать осчастливленное человечество в лице горничной Нади.

Сочинения Розанова — картинная галерея, увешанная этюдами, эскизами и реже законченными полотнами в фантастическом стиле: от Франсиско Гойи до Казимира Малевича; всюду — мысль, бродящая в подсознании, рождающаяся, но еще не-сформулированная окончательно, набело.

Я весь в корнях, между корнями. «Верхушка дерева» — мне совершенно непонятно (непонятна эта ситуация).

У всех — «верхушки»: законченные, завершенные мысли. Идеи, за которыми остается только идти. У Розанова — корни. И отсюда — неповторимая находка его: фиксировать житейские обстоятельства, в которых пришла к нему мысль:

*Болят ли Б[ога] о нас? Есть ли у Б[ога] боль по человеку?
Есть ли у Б[ога] вообще боль: как по свойствам бытия
Б[о]жия...*

(еду за деньгами)

Занятия нумизматикой. Какие-то домашние, бытовые дела. Набивка папирос. Или так: «за истреблением комаров».

Мысль Розанова беззащитна. Она провоцирует на полемический хохот, язвительность; так и хочется броситься к столу, настроить фельетон. Например: «О том, что придумал В. В. Розанов за истреблением комаров». И писали, пребывая в полной уверенности: Розанов уязвлен, обличен; ретроградная сущность его и его беспринципность раскрыты, явлены миру. А Розанов жил, неуловимый, как ртуть на блюде. Могуущественный в своем отрицании идеологического монументализма: кто ж знает, а может быть, мысли, ведущие к истреблению целых классов, сословий и партий, тоже рождались за набивкою папирос да за истреблением комаров? Но когда об условиях рождения мысли сказано столь откровенно, она становится безопасной: не пойдет человечество за мыслью, возникшей так несолидно. А Розанову только того и надо.

Совершенно бессмысленно пытаться опровергнуть Василия Розанова: его мысли — какие-то черновики, отброшенные версии мыслей, мелькавших, возможно, у многих из нас, но тут же забытых. Но Розанова можно пытаться дополнить, достроить.

Христианство — первейший и постоянный предмет размышлений Розанова. Недостаточность христианства в сравнении с Ветхим Заветом.

Христианство так же выразило собою и открыло миру внутреннее содержание бессеменности, как юдаизм и Ветхий Завет раскрыли семенность.

Там — все семя, от семени начато, к семени ведет, семя собою благословляет.

Здесь все отщипывает от семени, как само лишено его.

Или так:

В грусти человек — естественный христианин. В счастье человек — естественный язычник.

Христианской аскезе, бестелесности христианского мира посвящены книги-монологи «Около церковных стен», «Темный лик». В общем-то, казалось бы, все это банальности: испокон веков христианство донимают его заунывностью, отторжением духа от жизни тела. Но банальности Розанов переживает так, словно он только что, впервые открыл их: с тревогою, с болью. И всегда у него — отчаянные попытки скорректировать христианство: идет новая серия фантастических картин Розанова. Например, сделать так, чтобы молодожены проводили брачную ночь в церкви, у алтаря — в знак священности их соединения, священности пола, секса. Или пуще того: проституция морально легализуется, и в определенные дни возле каждого дома на определенной же улице рассаживаются девицы. В руках оных — цветы. И томящийся вожделием выбирает ту, что ему приглянулась, уединяется с ней... Снова хохот в ответ, разумеется, мог бы раздаться. И поделом: семейные спальни во храме; а на улицах — окруженные всеобщим почетом красотики с георгинами и с незабудочками. Вообразите такое в современном городе, где-нибудь у кинотеатра «Космос», на проспекте Юрия Гагарина или Мира, между универмагом и Главпочтамтом, — обхохочешься, да и только! И опять беззащитность Розанова, неустойчивость его мыслей — не мыслей, а видений каких-то, мелькающих в сознании образов, куда-то стремящихся так же, как стремятся куда-то плывущие по небу облака.

А мысли у Розанова глубокие, и стремятся они, туманности эти, в направлении праведном: пол, секс связан со страданием, с болью, со смертью — как прямой ответ на нее. А тем самым он связан и с мирами иными; и брачные ночи давно уже протекают там же, где несомненно, хотя, может быть, и незримо присутствует распятие, где звучали и будут звучать панихиды. Рисуя свои фантастические картины, Розанов лишь выявил то, что существует от века и что не однажды запечатлевала литература.

Дон Гуан в «Каменном госте» Пушкина домогается ласк Лауры в комнате, где лежит только что заколотый им соперник: и та изумленно вскидывает на него глаза: «Друг ты мой!.. Постой!.. при мертвом!..» В том-то и дело, что именно так, «при мертвом»: Дон Гуан и Лаура всего только до зримого завершения доводят то, что делают все, потому что присутствие страдавшего и ушедшего из жизни, пусть неосознанное и незримое, в соединении «его» и «ее» обязательно. Оно может сказываться в названии города, улицы, в висящей на стене репродукции, не говоря уже об иконе. А у Чехова в водевиле «Медведь» традиционная ситуация комически снижена: вдовушка принимает своего соседа, кредитора-помещика, на фоне... фотографии усопшего мужа. Эротика религиозна. Неосознанно, но неизменно религиозна; и Розанов стремится выявить ее религиозную сущность, показать ее крупным планом, отчетливо, преотлично сознавая неосуществимость рисуемых им панорам с девицами, восседающими с цветками в руках на лавочках, расставленных вдоль улиц шумных.

Очень может быть, что священная сущность пола в дальнейшем станет раскрываться не так прямолинейно, как это предполагалось у Розанова, а через ряд опосредований. Опосредований, сакральность которых долгое время будет оставаться неузнанной и воспринимаемой как кощунство. Не исключено, что в числе их окажется и рок-музыка, потому что в конечном счете это музыка переживаемых человеком страданий, социальных, а в немалой степени и религиозных. Рок-музыка контрастирует с музыкой храма, но это — контраст-продолжение: так мистическая живопись храма продолжалась в лубочных картинках, на которых евангельские сюжеты повторялись в обыденной жизни, применительно к самым обыкновенным людям. Получалось, казалось бы, и примитивно, и вульгарно, и едва ль не кощунственно. Но критерии, принятые у нас в обиходе, нельзя считать абсолютными; и вполне возможно, что, исчезнув из живописи, простодушное и простонародное осмысление истин храма мигрирует в музыку. Рок-музыка — лубок XX века, и судьба ее — та же, что у лубка: церковь ее едва терпит, просвещенное сознание ее отвергает; но народ преемлет ее, ощущая в ней частицу какой-то искомой им правды. В том числе и правды о христианстве.

136

Никакого аскетизма в сущности христианства нет. Нет бессемности. Богу, думается, было вполне по силам создать посланного людям Сына «из ничего», из разрозненных атомов и свести его с неба на Землю готовым, в виде, так сказать, препарата. Он, однако, избрал другой путь: Дух Святой по-земному оплодотворил Избранницу — эпизод, неизменно вызывавший ликование просветителей-атеистов и блистательно запечатленный в «Гаврилиаде» Пушкина. И одно лишь воплощение Бога в человека, оплодотворение Им земной девушки — полное отрицание «бессемности», благословение пола и прямое указание на связь самых деликатных сторон человеческой жизни с мирами иными. Впрочем, человек располагает возможностью свободно выбирать формы космических связей. Он волен идти и в монахи. Волен, но отнюдь не обязан; и на протяжении всей своей жизни Розанов, таким образом, спорит не с нормой, а с отклонениями от нормы, с извращениями христианства толкователями-догматиками или изуверскими сектами.

Но главное свойство ошибок и промахов Розанова — их плодотворность. Обращаясь к религиозной доктрине или к творчеству какого-либо художника слова, он находит в них зоны заброшенные, запущенные, нуждающиеся в прояснении. Пустоты, которые надо заполнить. И тогда, рано или поздно, появляется некто, их заполняющий.

Не будь в предреволюционной России Розанова и распри его с христианством, не было бы, наверное, и созданной Михаилом Бахтиным концепции карнавальной природы народной культуры античности, средневековья и — неожиданно — Достоевского. Концепция эта, сложившаяся еще в 30-е годы и явленная нам на тридцать лет позже, в 60-е, оказалась совершенно непонятой. Ею любовались. Ее приспособляли к борьбе различных тенденций в политике, в идеологии: карнавал укладывался в привыч-

ные для нашего политизированного мышления рамки протеста против косности, идеологического террора, какой бы то ни было духовной неволи. Его либерализовали. Его обнаруживали у писателей, в творчестве коих его не было и быть не могло. Потом от игры с пикантной концепцией отказались, и сейчас на нее уже ложится слой пыли. К тому же и ортодоксальная церковь отвергала ее. «Этой книги не должно быть в доме христианина», — говорила Мария Юдина, великий музыкант и глубоко верующий человек, держа в руках тогда только вышедший из печати трактат Бахтина о Рабле.

Но концепция карнавальской природы определенного типа культуры не приспособлена для того, чтобы служить орудием наших суетных споров и пререканий. Да и греховности нет в ней, а есть в ней, как это ни странно, немалая праведность: эта концепция имеет в виду осознание человеком своего места в живом многомерном пространстве.

Карнавал возникает на грани миров: того, из которого мы пришли, и того, в который мы ввергнуты, то есть земного, здешнего. Духовная основа его — священное недоумение перед земным, материальным миром. Перед его красотой. Его плодородием. Перед всем материальным и прежде всего перед собственным телом: там, где пребывали мы до рождения, подобного тела не было. И возникает сознание неуклюжести тела. Его странной громоздкости и в то же время его уязвимости. Прекрасное в нем сочетается с безобразным, природное же — с искусственным: обыгрываются различного рода деформации, замены естественных частей тела или лица протезами; на них построена повесть Достоевского «Дядюшкин сон». Обладание телом — великая опасность, но и великое благо: в царстве теней не едят и не пьют; мужчины не знают женщин, женщины же — мужчин, ибо там и пола нет, вероятно.

И карнавал — изумленное приятие тела как дара Божьего. Как блага. Как знака особого доверия, проявленного к человеку Богом: на какое-то время души посланы в уготованный для них причудливый мир, и, воплотившись, ставши людьми, они осваивают его, утрируя его неповторимые странности. Всецело, казалось бы, сосредоточенный на теле, карнавал с начала и до конца духовен. И он невозможен в атеистическом обществе. В обществе, утратившем религию как мироощущение, хотя и пытающемся, допустим, уважительно трактовать ее как средство исправления нравов.

Христианство унаследовало карнавал от язычества так же, как унаследовало оно от язычества и философские откровения Платона. Однако оно привнесло в карнавал радикально новые свойства: уверенность там, где были только догадки, и сознание солидарности с Богом; уж ежели Он воплотился и принял обличье человека, то плоть и свята, и угодна Ему. И дело не в том, что в Новом Завете нет связанных с плотской жизнью сюжетов, а в Ветхом Завете их много. Христианство — это не подборка подлежащих истолкованию сюжетов, а уникальная методология: оно указывает человеку место его в многомерном мире, а цель методологии в том-то и состоит, чтобы обозначить

место исследуемого явления — в ряду явлений, с ним сходных или контрастных ему.

Импровизации Василия Розанова в его суждениях о литературе скоропалительны и эскизны; но в том-то и заключается их обаяние.

Дался ж ему Гоголь! Но он собирает на Гоголя компрометирующий материал всюду где только можно.

«— Это просто пошлость!»

Так сказал Толстой в переданном кем-то «разговоре», о «Женитьбе» Гоголя.

И Розанов продолжает — уже от себя:

Вот год ношу это в душе и думаю: как гениально! Не только верно, но и полно, так что остается только поставить «точку» и не продолжать... Он хотел выставить «пошлость пошлого человека». Положим. Хотя очень странная тема. Как не заняться чем-нибудь интересным. Неужели интересного ничего нет в мире? Но его заняла, и на долго лет заняла, на всю зрелую жизнь, одна пошлость.

Удивительное призвание.

А далее — пересказ воспоминаний о Гоголе, вполне достоверных, однако таких, в которых Гоголь предстает неприглядным: и высокомерен, и надменен, и по-генеральски чванлив.

Понятно, что Розанов, настороженно относясь к всевозможным властителям дум, не мог упустить подобных пассажей из жизни Гоголя; и нет ни одного властителя дум, которому не досталось бы в «Уединенном», в «Опавших листьях». Как личность, допустим, был Гоголь и назойливо дидактичен, и нетерпим. Но и творчество Гоголя оказывается предметом колкостей, язвлений: герои Гоголя — куклы; красота изображенных им девушек — мертвая красота. И опять-таки сказано так, что спорить тут невозможно. Зато Розанов снова обозначает пустоты, которые надо заполнить. И заполнить не словами о реализме, о сатире и о гротеске, а анализом действительно существующих странностей Гоголя.

И снова возникают концепции, по сути своей являющие ответ Василию Розанову. Дельные. Умные: уже не о реализме и не о сатире речь, а о том, что творчество Гоголя опирается на русскую лубочную графику, на лубочные картинки, те самые, непринужденно, весело и обобщенно трактующие проблемы общественной и индивидуальной морали, показывающие насущность евангельских истин. И странно, что Розанов не узнал себя в Гоголе; а Гоголь-то живописен, принципиально, по сути своей живописен, и недаром же в произведениях его то и дело — картины. Картина разверзшегося ада становится эпилогом «Ночи перед Рождеством»; в «Портрете» картина вообще оказывается героем повествования. Картины — и в «Мертвых душах». Миниатюрные портреты на табакерках, изображения генералов на стенах помещичьих резиденций: слово великого писателя постоянно взаимодействует с графикой, с живописью; и гоголевские герои, глядя на произведения живописи, как бы и сами уподобляются персонажам некоей фантастической пано-

рамы. Читая Гоголя, немисливо руководствоваться теми критериями, которые приложимы к Тургеневу. Гоголь требует своих, индивидуальных критериев, а такие могут сложиться лишь при радикальном пересмотре методологии изучения истории русской литературы.

Василий Розанов своими *capriccio* — капрично, импровизациями — ставит перед русской религиозной и литературоведческой мыслью вопросы, в ответ на которые слагаются глубокие и серьезные монографии. «Мастерство Гоголя» Андрея Белого — книга, которая опять-таки могла родиться как ответ на недоумения и на филиппики Розанова. Поэтика Гоголя оказалась в сфере внимания Бахтина, хотя его этюды о Гоголе, осмелюсь думать, и не принадлежат к его бесспорным удачам. Конечно, присутствие в творчестве Гоголя карнавальных начал несомненно, и Рабле отзывается в нем. Но скрадывается своеобразие Гоголя в пределах карнавальной традиции: его карнавальность связана с трагическим опущением начала эпохи утраты контактов человечества с Богом. Мир почтительно встречает Лжехриста, Хлестакова; и хотя наступает прозрение, оно запоздало; люди уже превратились в кукол: немая сцена.

Андрей Белый с его «Мастерством...», Бахтин. Проницательные работы о Гоголе Юрия Манна, Сергея Бочарова. Молодой и пока не очень торопящийся стать известным специалист по творчеству Гоголя Владимир Воропаев; одно лишь открытие им особенной, капитальной роли в творчестве Гоголя русских пословиц — какая-то добротная подлинность. А Гоголь действительно весь в пословицах, и они — отнюдь не факультативные вкрапления в его монологах; они организуют его сюжеты, группируют героев, перебрасывают мостики со сцены в партер, на галерку: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

Капитальные историко-литературные работы Василия Розанова сейчас, хотя это странно, читаются с меньшим напряжением, чем «Уединенное» и «Опавшие листья», не говоря уже об «Апокалипсисе нашего времени». «Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария» может справлять столетие: 1891—1991. Конечно, и здесь есть подлинно розановская тревога о судьбах России и человечества; но еще лет двадцать, даже десять назад работа воспринималась как-то острее, чем ныне. Возможно, причина ее приглушения — фон, на котором ее воспринимаешь сейчас: только ленивый не пишет о политологии Достоевского, не помавает цитатами из «Бесов», соотнося их с реалиями последующей русской истории. Оно хорошо, разумеется; однако, высказывая самые смелые мысли, мы все еще не можем отделаться от позитивизма XIX столетия. Не мог отрешиться от него и Василий Розанов.

Прочтение Розановым Достоевского остается на уровне того позитивизма, с которым он уже начал войну. Но позитивизм — осьминог какой-то: протягивает к мыслителю, к писателю щупальца, присасывается; отрубил их, наготове другие. Их отсеешь, а сзади, сбоку тянутся новые. Борьба Василия Розанова с позитивизмом — поединок водолаза с придонным чудовищем. За кем осталась победа? В конечном счете писатель пробился

к постижению высших, метафизических сторон бытия, прозревая их там, где мы все еще видим по преимуществу скучное, тусклое, — в быту, в обиходе. В собственной частной жизни. На улице, наконец. Но в 1891 году, комментируя Достоевского, он судит его, руководствуясь нормативами «реальной критики»: литература — свидетельство; она запечатлевает характеры, типы, из жизни взятые; а дело критики — корректировать меру достоверности этих характеров и примысливать им новые связи, достраивать их биографии.

Розанов есть Розанов. Он приметлив, он стилистически свободен. Но суждения его о Тургеневе и о Достоевском не выходят за рамки трюизмов типа:

Достоевский прежде всех других заговорил о жизни, которая может биться под самыми глубокими формами, о человеческом достоинстве, которое сохраняется при самых невозможных условиях.

Что-то удерживает Розанова от банальных восклицаний о том, каким великим психологом был Достоевский; и все-таки Достоевский от него ускользает. Увидеть ядро Достоевского его комментатор не смог: не все сцены осязаемы в конце XIX столетия были обрублены им. Он беспечен тогда, когда речь заходит о жанрах:

Четырнадцать книг, составляющие четыре части (с эпилогом) «Братьев Карамазовых», представляют выполнение, уже доведенное до конца, первого отдела обширной художественной эпопеи,—

140 утверждает розановский комментарий: «Братья Карамазовы»... эпопея. А коли сказано «эпопея», то тут, аки бес из болота, тотчас же выныривает и эпитет: «обширная». Но определять жанровую природу произведения его «обширностью», а проще сказать, объемом включенного в него материала не-мыслимо! Жанр начинается с воззрения на предмет; но уж чего-чего, а эпического воззрения на жизнь у Достоевского не было и быть не могло. Достоевский романен; а роман испокон веков противостоял эпопее: в нем выражается совершенно антиэпический ей тип воззрения на реальность; и не в романе же чувствовал себя, скажем, Александр Македонский, отправляясь в свои походы; в эпопее он себя чувствовал.

Русская литература XIX столетия создала три эпопеи: «Тарас Бульба» Гоголя, «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова. Но романное мышление в ней брало верх над эпическим. Более того, роман спорил с эпосом. Опровергал его, порою жестоко пародировал. И «Братья ...» Достоевского принципиально антиэпичны: когда-нибудь спокойный анализ покажет, что этот роман пронизан пародиями на «Тараса Бульбу» Гоголя; и пророческий смысл его не в каких бы то ни было изложенных в нем доктринах. Роман предвидит опасность проникновения эпического мышления в жизнь, а оно-то и осуществилось в России буквально на наших глазах: уже приблизительно с 1918 года, с переноса столицы в Москву, мы начали строить гигантское... эпическое государство. Роман, романное мышление оно беспощадно отбрасывало; отвергнуты и растопта-

ны были Платонов, Булгаков, Пастернак с его «Доктором...». И это понятно: роман вопрошает; он создает контroversы, он задает вопросы. Романый мир дискуссионен, неясен. А неясности, они-то для эпоса и опасны. Поэтому история нашего государства до середины 50-х годов — эскалация эпоса. Эпического мышления с его всепобеждающей ясностью, неопровержимостью его изначальных доктрин. С гармонией поколений. С незублемостью пространства и устойчивостью времени.

Ниспровержение ставшего привычным для нас эпического мышления происходит только сейчас; и переход огромной страны от ясности эпоса к контroversам романа — процесс болезненный, трудный, хотя и необратимый. Конфронтация сугубо различных типов мышления неизбежна, хотя в конечном счете возможно и примирение их; достиг же такого примирения Пушкин в романе «Евгений Онегин», значит, оно достижимо и в жизни.

Винить Василия Розанова в том, что эстетика воспринималась им всего лишь как некое дополнение к жизни, конечно, нельзя. Она и сейчас так воспринимается, и перспективы создания социальной эстетики лишь едва-едва намечаются. Но нельзя и пройти мимо его явной ошибки, как все другие ошибки его, плодотворной.

Много лет мы делаем центром нашей культуры наиболее достойного претендента на эту роль: Пушкина.

Сакрализация Пушкина — процесс, длившийся с 1880 года по 1937-й; у него есть ясно очерченные границы: нижняя — открытие памятника в Москве, речь Достоевского; верхняя — зима 1937 года, столетие со дня смерти, по злобной иронии судьбы совпавшее с роковыми событиями. Полстолетия заполнены пропагандой Пушкина и его академическим изучением: появляется плеяда выдающихся пушкинистов, идет всестороннее проникновение в жизнь поэта. Расшифровываются все его тексты и — реже — намечаются экскурсы в глубины его поэтики. После 1937 года — уже только величание Пушкина при естественной убыли корифеев, его изучающих: не видеть нам нового Щеголева, новых Томашевского, Цявловского, Бонди. Пушкин признан, утвержден в роли уникального центра русской культуры; и в какой-то мере с ним происходит то же, что и с Гомером: он всепроникающ, всеорганизующ. Он — на почтовых марках, в названиях улиц и площадей, в монументах, в настольных бюстиках, в нагрудных значках, в медалях, в литературных премиях и в стипендиях для студентов. Можно, думается, отыскать даже и следы влияния Пушкина на архитектуру, не говоря уж о музыке. И не только Чайковского, но и далее: Прокофьева, Шостаковича. Словом, гомеризация Пушкина осуществилась вполне — в той мере, в какой она оказалась возможной в пределах страны, испытавшей огромные и малые войны, революции, тотальный террор: у древних греков было рабовладельчество, но не было коллективизации; было убиение Сократа цикутой, но не было 1937 года; а сражение в Фермопильском ущелье не может соперничать со Сталинградской битвой. Им было легче. Но и мы расстарались: сделали все что могли.

Розанов оказался деятельным участником гомеризации Пушкина.

Наперерыв вся Россия думает, как еще и еще увенчать своего Пушкина? Италия, страна художеств, давала капитоллийское венчание избранникам; смотря на всероссийские сборы к торжеству столетия рождения великого поэта, невольно приходит на ум, что Россия впервые дает избраннику ума и муз что-то похожее на капитоллийское венчание,—

пишет Розанов, включаясь в празднование столетия со дня рождения Пушкина.

И далее:

Скажем более: если Россия в некоторых исключительных своих душах, составляющих нить исторического вперёд ее движения, конечно, вечно будет обогащаться исключительностями, ... то в заурядных своих частях, которые трудятся, у коих есть практика жизни и теория не стала жизнью, она спокойно и до конца может питаться и жить одним Пушкиным. Т. е. Пушкин может быть таким же духовным родителем для России, как для Греции был ... Гомер.

(«О пушкинской академии»)

Сопоставление Пушкина с Гомером осуществляется напрямую, и Розанов предвидит дальнейшее: внедрение Пушкина в каждый дом, в так называемую массовую культуру, в контактах с которой для классика, право же, нет ничего зазорного. Но многого предвидеть не мог даже Розанов.

142
Сделавши Пушкина Гомером, на страже Пушкина поставили ражких охранников: случилось то, что когда-то возмутило поэта, увидевшего «в ружье и в кивере двух грозных часовых», поставленных у иконы («Мирская власть»). В часовых у нас никогда недостатка не наблюдалось, а ныне наступила эпоха вооруженной охраны Пушкина. От чего? От зпатажа, пусть, по правде сказать, и неумного. От непочтительных школьников. Да просто даже и от излишне кропотливого анализа. Пушкина охраняют писательские пленумы, армия учителей-словесников и даже студенты, молчаливо противящиеся аналитическому усердию своих профессоров и доцентов.

Понятие эллинами Гомера носило достаточно свободный характер; но гомеризация Пушкина попала под неусыпный контроль государства. К январю 1937 года он стал Госгомером, Партгомером. По отношению к нему предписывалась сугубая почтительность, однако и его нельзя было выпускать из рук. Нельзя было отторгнуть поэта от революции, и началось навязывание ему декабристских идей и программ. Шла и дехристианизация Пушкина, в свою очередь, таящая в себе угрозу реакции на нее; и нетрудно предвидеть: косяком пойдут статьи, монографии и диссертации о христианских основах творчества Пушкина.

Сложившаяся у нас методология предполагает: любое явление монистично, оно должно быть сведено к чему-то единому, одному. А Розанов идет по пути построения более гибкой мето-

дологии; и он пишет, рассуждая о Пушкине:

Но только было бы напрасно искать у него одного господствующего тона, но совершенно очевидно, что этого тона и не было; что он пришел на землю не чтобы принести, но чтобы полюбить: полюбить эту прекрасную землю и, ничем исключительным новым не утолив ее богатств, — скорее вознести ее к небу, и уж если обогатить, то самое небо — земными предметами, земным содержанием, земными тонами.

Равномерность, равнонаправленность интересов; взаимная уравновешенность разного. Я бы сказал, симфоничность, согласованность революции и религии, христианства, язычества и ислама — подобная симфоничность намечена Розановым в качестве направления изучения Пушкина. И такой Пушкин в часовых не нуждается: слово способно утвердить себя своею собственной силой.

Я ввел в литературу самое мелочное, мимолетное, невидимые движения души, паутинки быта, —

пишет Розанов в одной из автохарактеристик.

Он — весь дома, в своей комнате: за набивкою папирос, за разглядыванием коллекций древних монет. Жена, дочери. Домашние прозвища, сценки из быта семьи. Семья — и сцена, на которой разыгрываются интеллектуальные мистерии Розанова, и призма, сквозь которую рассматривает он сущее и прозревает будущее. И сквозь призму быта рассматривает Розанов вопросы социальные, национальные.

Вообразить легче, чем работать: вот происхождение социализма (по крайней мере ленивого русского социализма), —

пишет Розанов, развивая мысль свою так:

Как раковая опухоль растет и все прорывает собою, все разрушает, — и сосет силы организма, и нет силы ее остановить: так социализм. Это изнурительная мечта, — не осуществимая, безнадежная, но которая вбирает все живые силы в себя, у молодежи, у гимназиста, у гимназистки... Именно мечта о счастье, а не работа для счастья. И она даже противоположна медленной, инженерной работе над счастьем.

— Надо копать арык и орошать голодную степь.

— Нет, зачем: мы будем сидеть в голодной степи и мечтать, как дети правнуков наших полетят по воздуху на крыльях — и тогда им будет легко летать даже на далекий водопой.

(за «Современником»)

Прав или нет в данном случае Розанов; но в социализме, даже в чисто теоретическом виде его заложена какая-то причудливая... мучительность. Впоследствии она реализовалась в трактовке труда «Рассказ о Кузнецкстрое...» Владимира Маяковского, «Как закалялась сталь» Николая Островского: трудиться — с надрывом, яростно изнемогая и все время будто бы что-то кому-то доказывая. Происхождение этой мучительности очевидно: она — от всепроникающей идеологизации каждого шага,

жеста, движения. Субботники — классический случай того, что труд перестает быть просто трудом, становясь демонстрацией: мечтатели не просто мечтают, а, похватав кетмени и лопаты, бросаются рыть арыки. А в результате таких демонстраций арыки, оказывается, рыли не там, где надо, и ведут они не туда, куда надо. Но арыки, грезящиеся мечтателям, растут и растут, превращаясь в каналы, уводящие северные реки в пустыню.

Уж не знаю, кто как, а я склонен простить Розанову его скептицизм. Социализм для него — неизбежность, на которую он смотрит с точки зрения, запретной для анализа столь масштабных свершений, — с точки зрения одной-единственной достаточно обыкновенной семьи. Не хотят здесь ничего демонстрировать, с песнями и плясками выходя на субботники. Хотят просто трудиться. Но сии благие намерения год за годом подвергаются все более ожесточенной идейной бомбардировке.

Жест Розанова — особенно в последние годы — съезжиться, сжаться в комочек. Прильнуть к своим дочерям, к памяти «мамочки», скончавшейся недавно жены, — жест, менее всего подходящий для властителя дум. Реакционер? Но весь облик Розанова толкает к пересмотру стереотипа «прогрессивный — реакционный», ибо все-таки трудно понять, почему образ мыслей, предполагавший язвительные суждения о деспотизме великих людей, критику христианства и мирное пребывание на лоне семьи, должен считаться реакционным, а образ жизни, предполагавший расстрел в подвале большого отрока и четырех девочек-царевен, уничтожение цвета нации и развал экономики, — прогрессивным.

144
Розанов жил в... идиллии. В идиллии со всеми ее атрибутами: тесный круг близких, душевное спокойствие, неспешные пристойные споры, не нарушающие ничего согласия. Умиротворенное творчество. И близость к Богу, без ощущения присутствия которого в каждом явлении повседневного быта идиллия невозможна.

Стремление к жизни в идиллии проходит через русскую литературу двух последних столетий: Карамзин, Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет. Она есть даже у Достоевского и у Льва Толстого. Потом — Чехов: дом в подмосковном Мелихове, дача в Ялте. Без жажды идиллии немыслимы ни Михаил Булгаков, ни Пастернак. Русский писатель — это сплошные попытки идиллически устроить свою личную жизнь и привести к идиллии своих измученных и натерпевшихся тягот героев.

Влечение к идиллии — открытие западноевропейского и русского сентиментализма. Его завет, осуществить который не удалось никому. Удастся ли сейчас, на исходе XX века? Дать каждой семье отдельную квартиру, дать крестьянину землю, а интеллигенту предоставить возможность сказать все, что он хочет, — в переводе с языка экономики и политики на язык социальной эстетики это и значит: открыть человеку дорогу к идиллии.

Дорогу к подобной идиллии и торил Василий Розанов: что хочу, то и говорю; а если вокруг взаимно противоборствуют,

яются и пререкаются сто политических партий, то позволю себе предположить, что у каждой из них есть одна сотая доля правды, и буду искать эту сотую долю: сложивши все вместе, приду к обладанию правдой,— подобное Розанов утверждал не однажды. Конечно, посмеиваясь. Эпатируя.

Идиллию бедный Розанов распространял на весь мир, видя его как продолжение дома с жаркой печкой, с лампадой перед иконами. Какими бы зигзагами ни петляла его прихотливая мысль, касаясь вопроса о русских и об евреях, окончил — благословением:

...Я в конце концов вижу, что... евреи уважительно, трогательно и любяще относятся к русским, даже со странным против европейцев предпочтением. И на это есть причина: среди «свинства» русских есть правда одно дорогое качество — интимность, задушевность. Евреи — то же. И вот эту черту они ужасно связываются с русскими. Только русский есть пьяный задушевный человек, а еврей есть трезвый задушевный человек,—

пишет Розанов в «Апокалипсисе нашего времени». Пишет, уже слабея от голода. Замерзая и приутоворяясь к уходу в мир, связь с которыми он никогда не переставал ощущать.

И идиллии, идиллии ему хочется. Чтобы пьяный задушевный человек задал задушевному же, но трезвому канонический свой вопрос:

— Ты меня ув-в-важаешь?

И ответ получил бы утвердительный. И, конечно же, искренний.

Верил Розанов в осуществимость подобной сцены — трогательной семейной — в межнациональном масштабе.

Неужели он ошибался?

И нахлынула силища, сокрушающая какие бы то ни было идиллии. С порога их отметающая: содружество единомышленников-поэтов, философский кружок, крестьянский хутор или вольно сложившийся кооператив, артель мастеров-умельцев, церковный приход — все это стояло на пути грандиозной эпопеи. Поначалу рассчитанной на всемирный масштаб, а затем ограничившей себя рамками одной, отдельно взятой страны.

Идиллия была сметена с лица земли. Вместе с нею был сметен с лица земли и Василий Розанов.

Тихая борьба за восстановление идиллии в жизни, в душах наших измученных и в подавленных было умах тем не менее началась. И да пребудет с нами великий русский писатель, порывавшийся наши души унеживать...

протоиерей
АЛЕКСАНДР МЕНЬ

СЫН ЧЕЛОВЕЧЕС- КИЙ

Глава тринадцатая
ВИНОГРАДНИК ОТЦА
2—4 апреля

146

ПОРА ПРОЧЕСТЬ

Шум у восточных ворот привлек любопытство многих горожан. Увидев Человека, Который ехал во главе процессии, распевавшей гимны, они с удивлением спрашивали: «Кто это?» Паломники с гордостью объясняли им: «Это Иисус, Пророк из Назарета Галилейского...»

Иерархия пришла в полную растерянность. Такого бурного проявления народной любви никак не ожидали. «Мир пошел за Ним», — в тревоге говорили друг другу старейшины. Казалось, все их усилия пропали даром. Пока нельзя было предпринимать никаких открытых действий против Назарянина. Это значило бы самим толкнуть народ к мятежу. В Иерусалим на Пасху

Продолжение. Начало в №№ 6—10.

сехались сотни тысяч иудеев; в переполненном взбудораженными людьми городе любой неверный шаг мог привести к взрыву.

Между тем Иисус проехал по праздничным улицам и, сойдя с осла, вошел с учениками в ограду Храма. От него ждали каких-нибудь необычайных слов и поступков, но Он молча осмотрел святилище, как царь, желающий проверить свои владения, а с приближением ночи отправился обратно в Вифанию.

Спутники Иисуса испытали, вероятно, некоторое разочарование. Ничего не случилось, не было никаких знамений. Однако они надеялись, что, приняв царские почести, Иисус должен скоро проявить Свою мессианскую власть и открыть им Свои дальнейшие намерения.

Утром в понедельник Христос снова пришел в Храм. Но вместо того чтобы призывать приверженцев к борьбе с язычниками, Он сделал то же, что три года назад велел торговцам покинуть пределы Дома Божия. Продающие и покупающие начали было возмущаться, однако Иисус, не слушая их, опрокинул столы менял с деньгами и скамьи с птицами, предназначенными на продажу. Он потребовал, чтобы перестали нарушать Закон, воспрещающий носить товары через двор Храма. Повидимому, большинство тех, кто находился на площади, одобрило столь решительный натиск.

Это было первым деянием Мессии, открыто явившегося народу. Оно было обращено против унижения веры и профанации культа. Ведь многие думали, что, принеся жертву и отдав ее священникам, можно считать себя чистым от грехов. Поэтому рынок близ алтаря не смущал их.

Вторым делом стало исцеление больных, которые со всех сторон облепили Иисуса. Спаситель страждущих, Он пришел возвестить о новой жизни, о милосердии Отца...

Священники не знали, как поступить, и только спросили Иисуса: кто дал Ему право распоряжаться в Храме?

— Спрошу вас и Я об одном: если скажете Мне, то и Я вам скажу, какою властью это делаю. Крещение Иоанново откуда было: с Неба или от людей?

— Не знаем,— последовал уклончивый ответ. Ведь они называли Иоанна бесноватым, но сейчас, в присутствии народа саддукеи не рискнули открыто поносить казненного пустытника.

— И Я вам не скажу, какою властью это делаю. Иисус не случайно упомянул о Крестителе, в лице которого духовенство и книжники отвергли вестника Божия.

— Пришел к вам Иоанн путем праведности,— продолжал Он,— и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему, вы же, увидев, не раскаялись после, чтобы поверить ему!

Все пророки встречали противодействие и ненависть лжепастырей. Гордость и властолюбие ополчались на избранников Духа. Тем более трудно было ждать, что старейшины поверят Человеку, Которого простой народ называл Мессией.

По обыкновению Иисус пояснил Свою мысль притчей, сюжет которой был навеян Исайей, любившим сравнивать Израиль с виноградником, а Бога — с хозяином.

Однажды, рассказывал Иисус, владелец большого виноградника отлучился, надеясь на усердие своих работников. Когда же пришло время уборки урожая, он послал слуг «взять плоды свои». Но работники иных, избив, прогнали, а иных утервили. Так происходило несколько раз. Наконец господин отправил к ним собственного наследника, говоря: «Устыдятся сына моего». Однако виноградари не одумались. Они теперь решили завладеть всем имением, и едва юноша пришел к ним, вытаскали его из виноградника и убили.

— Итак,— спросил Иисус служителей храма,— когда придет господин виноградника, что он сделает с виноградарями теми?

— Предаст их, как злодеев, заслуженной ими злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды в свои сроки,— отвечали они.

— Разве никогда не читали вы в Писании:

Камень, который отвергли строители,

он сделался главою угла:

От Господа это,

и дивно в очах наших?

Старейшины поняли, что в притче говорится о них, что у них будет отнят виноградник народа Божия. «И намеревались,— говорит Марк,— Его схватить, но побоялись народа». Иисус же после этого объявил уже без иносказаний: «Царство Божие будет отнято у вас и дано приносящему плоды народу»². Господь не только лишает власти духовных вождей Израиля, но и делает чадами Царства всех исполняющих волю Его, независимо от происхождения.

И как бы в ответ на пророчество пришла неожиданная новость — Филипп и Андрей сообщили: какие-то греки-прозелиты, приехавшие в Иерусалим на богомолье, узнали о Христе и попросили Филиппа свести их с Ним.

«Пришел час быть прославленным Сыну Человеческому»,— сказал Иисус. Но, чтобы ученики не подумали, что Он говорит о земной славе, снова вспомнил им, какая участь ждет Его. «Истинно, истинно говорю вам: если зерно пшеничное, упав на землю, не умрет, оно останется одно. Если же умрет — принесет много плода»³. Ради Своего искупительного подвига Мессия отказывается от всего, что дорого людям в этом мире, от самой жизни...

А прозелиты? Откликнулся ли Христос на их просьбу? Евангелия об этом не говорят, но, очевидно, беседа состоялась, и они, быть может, стали первыми Его последователями из числа иноплеменников. Это косвенно подтверждается словами Иосифа Флавия, которые можно считать подлинными. Он пишет, что Иисус «учил людей, схотно принимавших истину, привлекая к Себе многих, в том числе и эллинов»⁴.

Но радость Христа и Его учеников, вызванная появлением этих «новых овец», омрачала мысль о самодовольных вождях, которые завладели виноградником Отца. Они не желали внять призыву Господню, и вновь мрачная тень нависла над народом Божиим. Между двумя Заветами прошла трещина.

Христос не скрывал Своей скорби от апостолов: «Душа Моя

смущена сейчас. И что Мне сказать: Отче, спаси Меня от часа сего? Но ради этого Я пришел — на час сей...»

Когда Он произнес эти слова, в небе раздался звук, подобный раскату грома. Некоторые решили, что приближается весенняя гроза, но остальных охватил мистический ужас. Им слышался голос незримого вестника Божия.

«Отче, прославь имя Твое!» — молился Иисус. Обратившись к людям, Он говорил о Судном дне, о дьяволе, который будет свергнут Сыном Человеческим со своего престола. Однако Мессия обретет победу над ним, только став Жертвой. «Когда вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе»⁵.

Во дворце Кайафы тем временем словно забыли об Иисусе. С часу на час ждали прибытия Пилата с большим отрядом. Вообще в пасхальные дни у клириков бывало много забот. Но на самом деле Синедрион не оставил мысли расправиться с опасным Пророком. Было только решено: во избежание смут отложить дело, покуда не минет праздник. Сам Иисус, удалив базар из Храма, больше никак не проявлял Себя. Это успокаивало саддукеев, позволяло им не спешить.

Однако группа лиц, настроенных наиболее непримиримо, продолжала плести паутину вокруг Иисуса. Удобнее всего было спровоцировать Его на какой-нибудь политический шаг или высказывание, чтобы привлечь к Нему внимание прокуратора; тогда Пилат сам займется Галилеянином, а церковные власти останутся в глазах народа неповинны.

150
Осуществить это намерение взялись «иродиане», сторонники партии, опиравшейся на римлян. К ним присоединились и слушатели фарисейских школ, несмотря на то, что всегда враждовали с «иродианами». Придя к Иисусу, эти люди сделали вид, что относятся к Нему уважительно и хотят знать Его мнение о налоге, выплачиваемом императору. Само по себе такое обращение к Учителю казалось вполне естественным. На Востоке мудрость наставников измерялась тем, как они разрешают спорные проблемы, предложенные на их рассмотрение. Но в данном случае явно готовилась западня. Если Иисус скажет, что платить дань следует, — значит, Он враг Израиля, если же нет, — Его можно будет изобразить перед Пилатом как одного из подстрекателей против Рима.

— Учитель, — вкрадчиво заговорили подосланные, — мы знаем, что Ты истинен и не считаешься ни с кем, ибо не смотришь на лица людей, но воистину учишь пути Божию. Можно ли платить подать кесарю или нет? Платить нам или не платить?

— Что Меня испытываете? — сказал Иисус. — Покажите Мне динарий.

Ему подали монету, одну из тех, которые шли на подати. На ней был профиль императора и слова: «Тиберий, кесарь, сын Августа бога».

— Чье это изображение и надпись?

— Кесаря.

— Отдавайте же кесарю кесарево, а Божие Богу⁶.

Ответ изумил их. Они поняли, что устроить ловушку не

удалось. Иисус поставил в тупик их самих, указав на языческую монету. Поскольку иудеи употребляют императорские динарии, то для этих денег нет лучшего применения, чем отдавать их неверным. А что же принадлежит Богу? Это явствовало не только из учения Иисуса, но из всех книг Ветхого Завета. Богу человек должен отдавать **всего себя**.

Впоследствии слова Христовы о Божием и кесареve понимали в расширительном смысле, относя их к вопросу о церкви и государстве. Но такое толкование едва ли обоснованно⁷. Единственное, что могло вытекать из ответа Христа «иродиянам», — это отказ от зилотского пути к свободе. Положение было иным, нежели во времена Маккавея. Рим не вмешивался в духовную жизнь народа. Восстание же могло только принести Израилю новые беды. Это стало очевидным сорок лет спустя, когда вовлеченные «ревнителями» в безнадежную войну иудеи лишились и храма, и государства.

С каждым днем апостолы все яснее сознавали, что, несмотря на триумфальную встречу, Мессия находится в Иерусалиме как во враждебном лагере. Они чувствовали себя спокойно только под вечер, когда, миновав Кедрон, поднимались на Елеонскую гору.

Ночь проводили в разных местах: чаще в Гефсимании, иногда в доме Лазаря или его друзей. Но по утрам Иисус снова приходил в шумный город, где Его ждали слушатели и подстерегали противники.

Законники из саддукеев считали ниже своего достоинства говорить с Галилеянином. Лишь один раз, встретившись с Ним в Храме, эти надменные люди решили смутить Его каверзным вопросом. Они знали, что Иисус, как и фарисеи, признает грядущее воскресение мертвых, вера в которое была для них пустой фантазией. По мнению саддукеев, вера в воскресение противоречила Писанию; те же книги Библии, где о нем было сказано, они отвергали.

Что будет, спросили саддукеи, с женщиной, если она пережила семь мужей, умиравших один за другим? Чьей женой она должна считаться в грядущем веке?

Уверенные, что поставили мужицкого Равви в тупик, они уже приготовились было смеяться, но Иисус сказал: «Не потому ли вы заблуждаетесь, что не знаете ни Писаний, ни силы Божией? Ведь, когда из мертвых воскреснут, не женятся и замуж не выходят, но пребывают, как ангелы на небе. О мертвых же, что они воскреснут, разве не читали вы в книге Моисея, в повествовании о купине, как сказал ему Бог: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Он не есть Бог мертвых, но — живых. Вы весьма заблуждаетесь»⁸.

Бывшие тут фарисеи не могли не порадоваться, что их старых соперников заставили замолчать. Иисус показался им теперь Учителем, вполне достойным уважения. Фарисеи собрались вокруг Него и вступили с Ним в беседу. Когда же Иисус сказал им, что основа Закона — любовь к Богу и к ближнему, некоторые из них почти готовы были признать в Нем единомышленника.

Однако те, кто не спешил менять своего мнения о галилейском Пророке, захотели подвергнуть Его еще одному испытанию. Они привели к Иисусу женщину, уличенную в измене мужу, и спросили: следует ли побить ее камнями, как повелевал древний Закон?

В то время обычай этот едва ли соблюдался; его могли защищать лишь саддукеи, сторонники суровых уголовных наказаний. Но фарисеи хотели воспользоваться инцидентом. Они надеялись, что Иисус, проповедник милосердия, теперь недвусмысленно выступит против Закона.

Учитель долго не отвечал им и, опустив в задумчивости голову, чертил что-то на песке. Но поскольку они продолжали настаивать, сказал: «Кто из вас без греха — первый брось в нее камень», а потом снова стал писать на земле какие-то знаки. Воцарилось молчание. Когда же немного погодя Иисус вторично поднял глаза, то увидел, что женщина стоит перед Ним одна. Обличаемые советью обвинители незаметно скрылись.

— Женщина, — спросил Иисус, — где они? Никто тебя не осудил?

— Никто, Господи.

— И Я тебя не осуждаю. Иди, отныне больше не греши.

Никто из фарисеев не смел после этого испытывать Иисуса. Казалось, они были даже согласны примириться с Ним. Неприемлемым для них осталось лишь одно: как может Человек из народа считать Себя Мессией или хотя бы допускать, чтобы так называла Его толпа? Зная об этих недоумениях, Иисус подошел к Себе фарисеев и спросил:

— Что вы думаете о Мессии? Чей Он Сын?

— Давидов, — отвечали они.

— Как же Давид в Духе называет Его Владыкой, говоря:

Сказал Господь Владыке моему:

воссядь по правую руку Мою,

доколе Я не положу врагов Твоих

под ноги Твои?

Итак, если Давид называет Его Владыкой, как же Он — сын его?⁹

Тем самым вопрос о человеческом происхождении Мессии отодвигался на второй план. Мессинская тайна заключена не столько в принадлежности к царскому дому, сколько в том, что Избавитель пребывает одесную Отца и является Сыном Божиим, Господом мира.

Фарисеи ничего не смогли возразить. Слова псалма действительно были загадочны. Но сказанное Иисусом им было принять еще труднее.

Глава четырнадцатая

СУД МЕССИИ

5 апреля

День спустя Иисус появился на внутренней площади Храма, именованной «Двором женщин», и сел под навесом у кружека для пожертвований. В пасхальные дни люди обычно совершали

ежегодный церковный взнос. Многие, проходя, сыпали деньги горстями, но внимание Иисуса привлекла убого одетая женщина, которая опустила в кружку две мелкие монеты. Подозвав учеников, Он сказал: «Истинно говорю вам: эта бедная двоя положила больше всех, клавших в сокровищницу. Ибо все от избытка своего положили, она же от скудости своей все, что имела, положила. Все, что у нее было на жизнь»¹. Жертва бедной женщины — единственное, что порадовало и тронуло сердце Христа в Иерусалиме.

Находясь в самом центре церковной жизни, Он видел ее болезни, замаскированные показным благолепием. Мимо Него, снисходительно отвечая на поклоны, **шестьствовали надменные законники**. Их «тефиллин», повязки на лбу с текстами Торы и другие атрибуты набожности каждому бросались в глаза, но как мало соответствовали они духовному состоянию этих людей! Иисус видел и ученых, которые часами обсуждали ничтожные оттенки устава; видел и фарисеев, спотыкавшихся на пути о камни, чтобы продемонстрировать свою полную отрешенность от мира. Иисус знал, как легко проникают в эту среду честолюбцы, которые потом упиваются властью над душами. О подобных пастырях еще пророк Иезекииль говорил, что они «пасут самих себя». Казалось, даже свет библейского Откровения тускнел в этой затхлои атмосфере самодовольства и ханжества.

Почему еще в Галилее большинство книжников противилось Иисусу? Ведь тогда Он скрывал Свое мессианство. А благовестие об Отце, взыскующем заблудших детей, должно было пробудить всех, кто остался верен учению пророков. Следовательно, книжники утратили главный смысл пророческой проповеди. Признавая на словах, что основа Торы — любовь к Богу и к человеку, они продолжали подменять дух Закона Божия системой формальных обязанностей и культовых правил.

Пророк Михей учил:

Тебе сказано, человек, что есть добро

и что Господь требует от тебя:

Только поступать справедливо,

и любить милосердие,

*и в смирении ходить перед Богом твоим*².

Между тем фарисеи, особенно ученики Шаммая, с головой погрузились в дебри ритуализма и казуистических толкований. Знатоки канонов, они обратили их в орудие господства над «невеждами». На этой почве возникало множество злоупотреблений, доходивших почти до цинизма.

Христос хотел предостеречь Церковь от этого соблазна, от «закваски фарисейской», и показать на примере пастырей Израиля, *какая опасность может ей угрожать*. Обращаясь к ученикам, Он заговорил:

На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи.

Итак, что они скажут вам, — исполняйте и храните, по делам же их не поступайте.

Ибо, говоря, они — не делают.

Связывают ноши тяжелые и неудобноносимые

и возлагают на плечи людей;
сами же пальцем своим не хотят двинуть их.
Все же дела свои совершают с тем,
чтоб видели их люди.
Расширяют «тефиллин» свои и увеличивают кисти;
любят же первое место на званых обедах,
и первые сидения в синагогах,
и приветствия на площадях,
и чтобы звали их люди: «равви»...
Поедающие дома вдов и для вида молящиеся,
эти примут большее осуждение...

Вас же пусть не называют «равви»,
ибо один у вас Учитель, вы же все — братья.
И отцом своим не называйте никого,
ибо один у вас Отец — Небесный.
И пусть не называют вас наставниками,
потому что Наставник у вас один — Мессия.
Больший из вас да будет вам слугою.
Ибо, кто вознесет себя, тот смирен будет,
а кто смирит себя, тот вознесен будет³.

Отказавшись от авторитарной власти над людьми, Иисус и Своим апостолам завещал лишь одну власть — власть любви и служения.

154 Но это не значило, что Он был готов на компромисс с двуличием и неправдой. Когда Христос въехал в Иерусалим под крики «Осанна», Он явил Себя кротким Царем примирения; отвечая на вопросы богословов — действовал как мудрый Наставник; теперь пробил час, когда Он должен был выступить как Пророк-обличитель.

В Своей речи Он не стал касаться зилотов и саддукеев, дни которых и без того были уже сочтены. Первые сами готовили себе гибель, раздувая пламя войны, вторые представляли собой горстку богатых клерикалов, с каждым годом терявших поддержку народа. Подлинными представителями ветхозаветной Церкви были книжники, раввины, толкователи, принадлежавшие к фарисеям. Иисус не отрицал и не умалял их заслуг; Он прямо говорил, что апостолы сеяли на почве, вспаханной прежде наставниками веры: «Другие потрудились, и вы вошли в труд их»⁴. Но именно это призвание книжников возлагало на них величайшую ответственность и делало их грех тяжким вдвойне.

Обличение Христово было подлинным судом Мессии над теми, кто хотел «откупиться» от Бога с помощью обрядов и даров, кто считал себя кастой, которая одна владеет ключами спасения.

Над городом и столетиями, над религиями и церквями прозвучало слово Сына Божия, разящее как меч:

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что затворяете Царство Небесное перед людьми!
Вы и сами не входите,
и входящим не даете войти...

Горе вам, книжники, и фарисеи, лицемеры,
что обходите море и сушу,
чтобы сделать хотя бы одного прозелитом;
и, когда это случается,
делаете его сыном геенны,
вдвое худшим, чем вы...

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что даете десятину* с мяты, аниса и тмина
и обошли более важное в Законе:
правосудие, и милосердие, и верность.
Это надлежит исполнять,
и того не опускать.
Вожди слепые!
Отцеживающие комара
и проглатывающие верблюда!

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что очищаете снаружи чашу и блюдо,
внутри же они полны хищения и невоздержания.
Фарисей слепой!
Очисти прежде чашу и блюдо внутри,
чтобы и снаружи они стали чисты.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что вы подобны гробницам побеленным,
которые снаружи кажутся красивыми,
внутри же полны костей мертвых и нечистоты.
Так и снаружи кажетесь людям праведными,
внутри же наполнены лицемерием и беззаконием.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры,
что строите гробницы пророков
и украшаете памятники праведных,
и говорите:
«если бы мы жили во дни отцов наших,
мы не были бы сообщниками их в крови пророков».
Тем самым вы свидетельствуете против себя,
что вы — сыновья тех, которые убили пророков.
Доведите же до полноты меру отцов ваших!
Змеи, отродье змеиное,
как бежать вам от осуждения в геенну?
Поэтому и Премудрость Божия сказала:
«Вот Я посылаю вам пророков, и мудрых,
и книжников.
Иных вы убьете и распнете,
иных будете бичевать в синагогах ваших
и гнать из города в город.
Да придет на вас вся кровь праведная,
проливаемая на земле:

* Церковный налог

от крови Авеля до крови Захарии, сына Варахии, которого вы убили между храмом и жертвенником».

Истинно говорю вам: все это придет на род этот⁵.

Со страхом, затаив дыхание, должны были слушать люди Иисуса. Удар, нанесенный по маске, расколол ее, и за ней открылась духовная пустота.

Ни о ком еще Иисус не говорил с такой резкостью. Он сострадал грешникам и заблудшим; впоследствии Он простит ученикам их малодушие, а Петру — отречение. Он не упрекает и самого Иуду. Даже «хула на Сына Человеческого», по словам Иисуса, может быть отпущена. Лишь к одному не знает Он снисхождения: к фарисейской карикатуре на благочестие, которая равносильна кощунству против Духа Божия...

Евангелие не говорит, как восприняли ученики обличительную речь Господа, но, по-видимому, она вселила в них тревогу. Хотя и раньше апостолы слышали от Учителя нечто подобное, но одно дело говорить это в Капернауме, а другое — здесь, в Иерусалиме, где фарисеи были влиятельной партией. Теперь трудно было надеяться даже на частичное примирение.

Но может ли быть, чтобы Мессия навсегда остался в конфликте с признанными вождями народа? Или пророчество об Иерусалиме как столице Грядущего — ложно? Для чего же тогда Иисус пришел в этот город?

Апостолам так хотелось верить, что святое место и Дом Божий станут уделом Христа, где утвердится Его Царство! Ведь Он Сам оградил Храм от святотатцев и назвал «домом молитвы».

Не решаясь признаться в своих сомнениях, они завели с Иисусом разговор о Храме. Один из Двенадцати надеялся вызвать у Него восхищение видом грандиозных построек святилища.

— Учитель, посмотри, какие камни и какие здания!

— Видишь ли эти великие здания? — сурово сказал Иисус. — Не останется здесь камня на камне, который бы не был опрокинут⁶.

Апостолы были поражены; меньше всего они ожидали такого ответа. Им стало ясно, что это — приговор, и приговор последний.

Подавленные, не говоря ни слова, вышли они вслед за Христом из ворот. Мрачные мысли владели ими, а в душе Иуды, вероятно, поднялся настоящий бунт. Если раньше в нем уже едва теплилась искра веры в Учителя, то теперь она окончательно погасла. Человек, Который пророчит гибель Храму, не может быть Мессией! Он обещал Своим ученикам торжество, а на деле лишь оскорбил блюстителей Закона и восстановил против Себя весь город. Он либо безумец, либо обманщик! Рано или поздно власти расправятся с Назарянином. Но что будет с ними, Его сторонниками? Их, разумеется, тоже не пощадят. Нужно как можно скорее обезопасить себя и помочь архиереям задержать Иисуса...

Тем временем Христос стал подниматься на Елеон. По дороге Он остановился и сел на склоне. Большинство учеников, не

дождавшись Его, ушли; с Ним остались только Симон, Андрей и сыновья Зеведеевы.

Иисус молчал, глядя на засыпающий город, который раскинулся у Его ног. Вечерняя тишина царила над холмами; отблеск заката пламенел на гребне Храма, золотил башни; в воздухе стоял запах весенних трав и свежей листвы.

Ученики догадывались, что Иисус думает об Иерусалиме. Им было страшно и тоскливо. Город, где каждый камень мог рассказать о мудрецах и пророках, о казнях и боях, о горячих молитвах и упованиях,— как долго ждал он Избавителя и, дождавшись, не узнал Его!..

Наконец апостолы нарушили молчание. Когда это будет? Когда свершится суд над Храмом? Быть может, после этого наступит День, которого они страстно желали: Сын Человеческий явит славу Свою и воздвигнет над миром вечный мессианский Храм.

И тогда Христос заговорил о Конце.

«Образом да будет вам смоковница,— сказал Он.— Когда ветвь ее становится уже мягкой и пускает листья, вы знаете, что близко лето». Так и близость катастрофы ветхозаветного мира обозначится цепью примет⁷. Появятся лжепророки и лжемессии, увлекая многих. «Предстоит же вам в будущем слышать о войнах и военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо это должно произойти. Но это еще не конец». Верные Иисусу подвергнутся жестокому преследованиям. «И тогда соблазнятся многие, и будут друг друга предавать и ненавидеть друг друга... И от умножения беззакония во многих охладет любовь».

И наконец явится последний зловеющий признак: «Где будет труп, там соберутся орлы». Труп — это обреченный Иерусалим, не нашедший в себе сил духовно возродиться, а орлы — имперские знамена Рима.

Быть может, в этот самый момент, когда Иисус говорил о них, к западным стенам уже стягивались отряды Пилата, которые обычно прибывали в город на Пасху. Среди них были и солдаты, чьи руки два дня спустя притвоздят ко кресту Сына Человеческого, и, быть может, даже некоторые из тех, кому через сорок лет суждено будет совершить казнь над градом Давида...

«Когда же увидите,— продолжал Иисус,— что Иерусалим окружен войсками, тогда знайте, что близко запустение его. Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы». На месте алтаря, оставленного Богом за грехи людей, явится «мерзость запустения», о которой говорит книга Даниила: идолопоклонники захватят и осквернят святыню⁸. Их власть будет длиться до тех пор, пока не окончатся «времена народов»^{*}.

Крушение цитадели Ветхого Завета увидят сами апостолы и их современники. «Истинно говорю вам: не пройдет род сей^{**}, доколе все это не сбудется».

Но не одна Иудея испытает великое потрясение. «После скорби дней тех» весь мир будет охвачен бурями. Христос

* То есть язычников.

** То есть нынешнее поколение.

изобразил их красками апокалипсических писаний. Наступят времена беспросветного мрака, ужаса и агонии. «Восстанет народ на народ и царство на царство. Будут и великие землетрясения, и по местам мор и голод. Будут страшные явления и с неба великие знамения... и на земле томление народов, и смятение от шума морского и волнения***, когда люди будут бездыханны от страха и ожидания того, что надвигается на вселенную, ибо силы небесные будут поколеблены».

Как гибель Иерусалима есть «начало мук рождения», так всемирные катаклизмы — лишь предвестие последнего Суда. Он приходит внезапно. Никто, даже ангелы, не знает ни дня, ни часа его. Сам Сын Божий, умаливший Себя, отказался от этого знания. Верным же следует не высчитывать «времена и сроки», а стоять на страже, пребывая в постоянной молитве и готовности дать отчет Господу. Для них приход прославленного Иисуса означает радость встречи, окончательное соединение с Господом. «Увидите Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою. Когда же начнет это сбываться, встаньте и поднимите головы ваши, ибо приближается избавление ваше».

Пророчество Христа, произнесенное на Елеоне, — одна из труднейших загадок Евангелия. Первые христиане под влиянием иудейской апокалиптики решали ее просто; через короткий срок после падения Храма Христос явится, чтобы царствовать над миром. Даже когда убедились, что слова Его были поняты неверно, многие верующие продолжали жить под знаком близкого конца мира. Несчетное число раз появлялись сектанты, которые возвещали наступление Страшного Суда и даже указывали его срок. Люди бросали работу, дома, уходили в леса и пустыни, охваченные мистическим ужасом. Порой эсхатологическое чувство заражало почти всю Церковь⁹. Однако неизменно сбывалось слово Христово о тайне последнего часа, ведомой только Отцу.

Что же породило это многовековое недоразумение?

Некоторые экзегеты думают, что пророчество о конце принадлежит не Христу, а евангелистам, или, вернее, тем источникам, из которых они черпали; что слова Иисуса об участии Храма слились в умах первых христиан с идеей светопреставления. Действительно, Евангелия — не стенограммы, и при передаче речей Господних в них могли отразиться верования ранних общин. Но что породило сами эти верования? Только ли народная фантазия? И разве могли бы они удержаться столь прочно, если бы Христос не дал для них основания? Вспомним, что уже начало Его проповеди в Галилее было связано с вестью о приходе Царства Божия. Вычеркнуть эсхатологическую тему из Его учения — значит зайти слишком далеко.

Иные богословы, считая, что Иисус Христос по-человечески мог заблуждаться, склонны видеть ошибку у Него Самого. «Иисус, — говорят они, — жил чаянием скорого конца». Но такой взгляд неприемлем для христианского сознания и противоре-

*** Волны моря — библейский символ сатаны.

чит Евангелию. Благовестие Иисуса, взятое *во всем объеме*, подразумевает впереди длительное время, предваряющее явление Царства. Это видно, как мы уже говорили, хотя бы из притчи о зерне, нивах, дереве, закваске. Да и сама Елеонская речь Господа включает эту перспективу. «Времена народов», указанные Им,— период совершенно неопределенный. Разорение Иерусалима и всемирные бедствия названы Им «началом мук рождения». Слова «близко при дверях» скорее следует понимать в масштабе пророчеств, которые обычно рисуют «тысячу лет как один день». Это не земные, а божественные масштабы.

По словам Христа, Он явится во славе не раньше, чем «будет проповедано это Евангелие Царства по всей вселенной во свидетельство всем народам»¹⁰. Трудно представить себе, чтобы Христос в данном случае имел в виду всего несколько десятилетий. Мы знаем, что условие это и через двадцать веков далеко не исполнилось. Ведь даже страны, казавшиеся бы, христианизированные, нередко остаются в неведении о сущности Евангелия.

Но если Христос говорил об отдаленном будущем, для чего призывал Он учеников быть в готовности? Какое отношение к ним имело то, что свершится через тысячи лет?

Ряд авторитетных современных толкователей полагает, что в Евангелии мы имеем дело с «осуществленной эсхатологией»¹¹.

То, что Христос называл «явлением Сына Человеческого», судящего мир, есть Его собственная жизнь, смерть и воскресение. Приход Сына Божия поистине был судом, который продолжается в веках.

Эту мысль можно, по-видимому, подтвердить многими изречениями Иисуса: «На суд пришел Я в мир сей»; «*Ныне* суд миру сему...»¹². И все же те, кто внимательно читает Евангелия, должны признать, что Христос говорил о Суде не *только* в смысле Своего служения. Его благовестие неотделимо от ветхозаветных пророчеств, которые указывают на путь человечества к полноте времен, к совершенному торжеству Царства.

Почему в Евангелии тема конца Ветхого Завета переплетена с темой Суда и темой конца истории? Вероятно, Христос сознательно сблизил их, ибо существует таинственная связь между тремя событиями: Воплощением, гибелью Храма и последним кризисом мира.

Явление Спасителя было началом «мессиянской эры»: Бог вошел в жизнь человечества, приблизился к нему столь непосредственно, как никогда прежде. Эта встреча и явилась Судом, который вступил в силу с того момента, когда уничиженный Мессия, вестник любви и правды, поставил людей перед выбором: принять или отвергнуть Его.

Ветхозаветная Церковь как носительница Откровения уже не раз была судима Богом. Когда люди отказывались слушать Его слово, возвещенное через пророков, они лишались небесного покрова и попадали в рабство к язычникам. В 70 году этой трагедии суждено будет произойти вновь, ибо «Иерусалим не узнал времени посещения своего». Но — жребий Иерусалима есть прообраз длящегося Суда Божия; его испытает на себе и христианский мир: Рим, Александрия, Константинополь...

Новый народ Божий, приняв Завет Христов, несет ту же ответственность, что и древний Израиль. Поэтому он будет постоянно переживать «судные дни», доколе борьба добра и зла не достигнет высшей точки напряжения, и тогда произойдет последний Суд, перелом, прорыв истории за свои пределы, очищение и преображение мира...

Древние люди не могли представить себе Богоявления иначе, как в ореоле космических катастроф. Поэтому, следуя обыкновению пророков, и Сам Иисус говорил о гаснущем Солнце и падающих звездах. Однако символику этой апокалиптической иконы не всегда следует принимать за точное описание событий.

По существу, евангельская эсхатология не сосредоточена на **явных** знамениях Суда. Он совершается «неприметным» образом. С того времени как Бог стал человеком, судится каждая душа. Беспечные и праздные застигаются врасплох, как были застигнуты старейшины Иерусалима. Говоря об этом, Иисус указывает не на отдаленное будущее, а на то, что происходит сегодня и всегда. «Наблюдайте же за собою, чтобы сердца ваши не отягощались хмелем, и опьянением, и заботами житейскими и чтобы не настиг вас внезапно день тот, как сеть». Близость Господа открыта лишь бодрствующим, прочие же остаются слепыми и неподготовленными. «Как во дни Ноя перед потопом ели и пили, женились и выходили замуж до того дня, как Ной вошел в ковчег», так и в любую эпоху люди живут, не подозревая о близости Судии¹³.

160 Заповедь быть постоянно собранными и готовыми предстать перед Господом Иисус выразил в нескольких притчах, которые рассказывал вслед за пророчеством о Конце¹⁴. Их главный мотив: приход или внезапное возвращение Того, Кто отсутствует. Это относилось и к ожиданию Мессии, и к Суду над миром после Его земного служения. Христос как бы готовил учеников к разлуке, во время которой они не должны поддаваться расслабленности и духовной спячке.

«Если бы,— говорил Он,— ведал хозяин дома, в какую стражу* придет вор, он бодрствовал бы и не позволил подкопать дома своего». Человек должен быть также подобен слуге, которого господин оставил распоряжаться в доме. Благословен он, если будет исполнять волю господина в его отсутствие. «Если же скажет дурной раб в сердце своем: «медлит господин мой» и начнет бить других рабов, таких же, как он, есть и пить с пьяницами,— придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, которого не знает, и рассечет его надвое**, и подвергнет его одной участи с лицемерами: там будет плач и скрежет зубов».

Царство Божие, приходящее неожиданно, Христос уподобил в другой притче жениху, которого ждали однажды подруги невесты. По обычаю им нужно было встретить его с горящими светильниками. Но из десяти девушек лишь пять запаслись маслом для ламп. Жених задержался в пути, и они заснули.

* Т. е. время суток.

** Т. е. изобличит.

В полночь раздавался крик: «Жених идет!» Предусмотрительные вышли к нему навстречу, а у остальных светильники погасли: в них кончилось масло. Когда же они поспешили купить его и вернулись, дверь была уже заперта, и жених не впустил их.

Быть готовым — значит трудиться для Господа. Об этом учит четвертая эсхатологическая притча. Хозяин, уехав в далекую страну, оставил трем слугам разное количество талантов*. Двое постарались приумножить полученное, а третий зарыл талант в землю. Вернувшийся господин по достоинству оценил труд рачительных слуг, а нерадивого наказал.

В чем же заключается этот труд? Ответ на вопрос содержит притча о Царе, Сыне Человеческом, Который отделяет злых от добрых, как пастух отделяет белых овец от черных коз**.

Тогда скажет Царь тем, кто по правую сторону Его:

*«Придите, благословенные Отца Моего,
наследуйте Царство,
уготованное вам от основания мира.
Ибо голоден был Я, и вы дали Мне есть,
жаждал, и — напоили Меня,
наг, и — одели Меня,
странником был, и — приняли Меня,
болен был, и — посетили Меня,
в тюрьме был, и — пришли ко Мне».*

Тогда ответят Ему праведные:

*«Господи, когда мы Тебя видели голодным, и накормили?
Или жаждающим, и напоили?
Когда же мы видели Тебя странником, и приняли,
или нагим, и одели?
Когда же мы видели Тебя больным или в тюрьме,
и пришли к Тебе?»*

И ответит им Царь:

*«Истинно говорю вам:
сделав для одного из братьев Моих меньших,
вы для Меня сделали».*

Тогда скажет и тем, кто по левую сторону:

*«Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный,
уготованный диаволу и ангелам его.
Ибо голоден был Я, и вы не дали Мне есть,
жаждал, и — не напоили Меня,
странником был, и — не приняли Меня,
наг, и — не одели Меня,
болен и в тюрьме, и — не посетили Меня».*

Тогда ответят и они:

«Господи, когда мы видели Тебя голодным,

* Талант — мера, равная 26 кг серебра.

** В Палестине козы обычно черного цвета.

*или жаждущим, или странником, или нагим,
или больным, или в тюрьме, и не послужили Тебе?»*

*Тогда Он ответит им:
«Истинно говорю вам:
не сделав для одного из этих меньших,
вы и для Меня не сделали».*

*И пойдут эти в муку вечную,
праведные же в жизнь вечную.*

Итак, если для мира в целом время Суда скрыто непроницаемым покровом будущего, то каждый человек и сегодня уже стоит перед Сыном Человеческим и каждый испытывается Им. Царство Его здесь, «среди нас». Тонкая грань отделяет нас от горнила Божия. «Не знаете,— говорит Христос ученикам,— когда придет господин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или утром. Чтобы, придя внезапно, не нашел вас спящими: и что вам говорю — всем говорю: **ВОДРСТВУЙТЕ!**»

Глава пятнадцатая

ПАСХА НОВОГО ЗАВЕТА

С вечера 5 апреля до ночи на 7-е

В то самое время, когда на Елеоне Христос вел с учениками беседу о последних днях, Иуда тайно проник во дворец Кайяфы, чтобы встретиться с представителями власти. Он предложил саддукеям свой план: схватить Иисуса ночью вне города, не привлекая внимания толпы. Иуду, конечно, стали расспрашивать о замыслах Учителя и Его приверженцах. Вероятно, Искарriot сообщил, что Иисус, по его мнению, намерен провозгласить Царство Божие в день Пасхи¹.

Опасаясь, что это будет какой-нибудь новый дерзкий акт, вроде изгнания торговцев из Храма, иерархи ухватились за возможность своевременно предотвратить соблазн. Хотя арест был сначала отложен на послепраздничные дни, содействие Иуды заставило Синедрион изменить решение, тем более что он вызвался сам провести стражу к месту, где обычно укрывался Иисус.

Раз вступив на путь предательства, Искарriot не мог остановиться. Теперь уже он был намерен извлечь и выгоду из своей измены. «Что хотите дать мне?» — спросил он, после чего архиереи немедленно заплатили ему за помощь². Получив деньги, Иуда как ни в чем не бывало вернулся к Учителю.

Утром в четверг Иисус велел апостолам готовиться к седеру, пасхальной трапезе. По уставу ее следовало начинать вечером 14-го нисана, которое в том году приходилось на пятницу; но Господь знал о предательстве, знал, что Ему осталось быть на свободе меньше суток, и поэтому хотел успеть встретить Пасху в кругу учеников. Он придавал особое значение этому последнему в Его земной жизни празднику.

«Великим желанием возжелал Я вкушать эту пасху* вместе с вами прежде Моего страдания,— сказал Иисус,— ибо говорю вам: не буду вкушать ее, доколе не исполнится она в Царстве Божиим»³. Апостолы поняли эти слова по-своему. Даже когда накануне Он говорил: «Вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие», они не верили в трагическую развязку и продолжали думать, что нынешний седер станет кануном Его торжества⁴.

— Где нам приготовить пасху? — спросили ученики. Было бы надежней оставаться в Вифании, но Иисус послал их в город к одному из Своих тайных последователей⁵. Пасха должна была совершиться по Закону — в Иерусалиме.

— Идите в город к такому-то,— велел Он Петру и Иоанну,— и скажите ему: «Учитель говорит: время Мое близко. У тебя Я совершу пасху с учениками Моими».

Оберегая эти драгоценные часы, Он принял меры предосторожности. Имя владельца дома было названо только двоим. Христос дал им знак: у ворот они встретят человека с кувшином, который и проводит их.

Обстановка секретности начинала беспокоить учеников: двое из них даже вооружились на случай внезапного нападения.

Неизвестно, можно ли было приобрести ягненка и совершить положенное жертвоприношение за день до праздника. Не исключено, что обычай позволял это, ибо тысячи и тысячи паломников желали принять участие в обряде⁶. Во всяком случае, неведомый друг Учителя позаботился обо всем.

164 На исходе дня Иисус с учениками пришел в Иерусалим. Впервые за эту неделю Он готовился провести там ночь. Хозяин уже ждал их. Большая верхняя комната была выметена и выстлана циновками. Все остатки квасного хлеба, по обычаю, были уничтожены. На столе находились лишь глиняные тарелки с опресноками, кувшины с вином, кубки. Об агнце, или самой «пасхе», евангелисты не упоминают, но, если наше предположение правильно, было подано и это традиционное блюдо. Каждая трапеза, сопровождавшаяся молитвами, считалась у иудеев своего рода обрядом. В ней участвовали только члены семей или маленькие братства, «хабурот». Места во время таких вечеров занимали по старшинству, которое строго соблюдалось. Поэтому апостолы, войдя, стали спорить: кто будет ближе к Учителю. Однако Иисус напомнил им, что не только в эту торжественную минуту, но и в любое время они должны побеждать всякое честолюбие.

Ветхозаветные пророчества нередко изображали мессианское Царство в виде пира. Если судить по многим притчам Христа, Он дорожил этим символом. Для Него собравшиеся за праздничным столом братья олицетворяли мессианскую общину, Главой которой был Он Сам.

По тогдашнему обыкновению все возлегли на низких ложах: Иоанн рядом с Господом, Симон — напротив Него; поблизости находился и Иуда.

* В данном контексте — синоним пасхального агнца.

Священное событие Великого Четверга, которому предстояло жить в Таинстве Литургии, стать средоточием Церкви и которое будет запечатлено в молитвах и гимнах, в творениях Джотто, Дионисия, Леонардо, происходило в обстановке непритязательной простоты. Только присутствие Искарюта, если бы апостолы знали о предательстве, могло омрачить вечерю. Но они пока ни о чем не догадывались.

Хотя законный срок седера наступал лишь на другой день, Христос, вероятно, во всем следовал пасхальному чину. Это был Его праздник, Его «новая Пасха», знаменовавшая уже не исход на свободу и усыновление Богом одного народа, а искупительный дар всему миру.

В начале вечера полагалось в знак благоговения омыть руки. После этого Христос неожиданно встал и, сняв верхнюю одежду, опоясался полотенцем. Двенадцать замерли в недоумении. Он же налил воду в кувшин и приготовился мыть ноги ученикам. На Востоке это делали слуги, встречавшие гостей после путешествия по пыльной дороге; но в Общине Христовой слуг не было и не должно было быть. Обязанности раба исполнил Сам Господь.

Невозможно описать крайнее смущение, в которое Иисус поверг присутствующих. Кифа, когда Он приблизился к нему, воскликнул:

— Ты ли мне моешь ноги?

— Что Я делаю, ты не знаешь теперь, но поймешь потом.

— Не умоешь ног моих вовек! — протестовал Симон.

— Если не умою тебя, ты не имеешь части со Мною.

Петр огорчился еще больше:

— Господи, не ноги мои только, но и руки, и голову!

— Омытого, — ответил Иисус, — нет нужды мыть, разве только ноги, но он чист весь. И вы чисты. Но не все⁷.

Это был первый в тот день намек на изменника, находившегося рядом с ними.

Когда Иисус вернулся на Свое место во главе стола, Он сказал: «Знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом и правильно говорите, ибо Я действительно Учитель и Господь. Итак, если Я умыл ноги вам — Я, Господь и Учитель, — и вы должны друг другу умывать ноги. Ибо Я дал вам пример...

Я посреди вас — как служащий... Но вы — те, которые пребыли со Мною в испытаниях Моих, и Я завещаю Вам — как завещал Мне Отец Мой — Царство, чтобы вы ели и пили за трапезою Моею в Царстве Моем»⁸.

По обыкновению вино смешали с водой, и каждый, наполнив свою чашу, читал над ней благодарственную молитву: «Благодарствен Ты, Господи Боже наш, Царь Вселенной, создавший плод лозы виноградной». Затем слушали пасхальное славословие, рассказ об Исходе и ели агнца с горькими травами.

Спустилась ночь. В горнице зажгли светильники. Все заметили, что Учитель погружен в глубокую скорбь. Когда Он произнес слова псалма: «Ядущий со Мною поднял на Меня пяту»,

апостолы поняли, что Ему грозит неведомая, но близкая опасность. Наконец Иисус сказал прямо: «Один из вас предаст Меня. Он ест со Мною». В горестном смятении и страхе все стали переглядываться. «Не я ли?» — посыпались вопросы. Иуда, которого раздирали противоречивые чувства, тоже осмелился спросить: «Не я ли?..»

Что ответил ему Господь, никто не слышал, но Иуда понял его замысел раскрыт. Иисус же, обратившись к остальным, сказал: «Сын Человеческий идет, как написано о Нем. Но горе человеку тому, через которого Сын Человеческий предается. Лучше было бы не родиться человеку тому».

Неизвестность томила Петра. Не выдержав, он сделал знак своему молодому другу, возлежавшему рядом с Учителем, чтобы тот спросил, кто предатель. На вопрос Иоанна Иисус чуть слышно ответил: «Тот, кому Я дам этот кусок хлеба, обмакнув его».

Кусок был протянут Искарриоту. Этот жест считался на трапезах признаком расположения и любви. Господь в последний раз хотел спасти гибнущую душу. Однако Иуда ожесточился еще больше. «Вошел в него сатана», — говорит евангелист. Теперь предатель уже ненавидел свою Жертву.

«Что делаешь, делай скорее», — твердо сказал Иисус, глядя на Иуду. Все подумали, что Он посылает его купить необходимое к завтрашнему празднику. Иуда встал и молча вышел. Ночной мрак поглотил его. Мосты были сожжены. Архиереи уже ждали своего сообщника.

Тревога не покидала Петра и Иоанна с того момента, как за Иудой закрылась дверь; но мрачная туча, нависшая над учениками, несколько рассеялась. Может быть, и Сам Иисус ощутил облегчение.

Вновь были омыты руки и разлито вино. Христос произнес молитву над лежащим перед Ним опресноком: «Благословен Ты, Господи Боже наш, Царь Вселенной, выводящий хлеб из земли». В тот миг, когда Он преломил его, на апостолов словно повеяло ветром Галилеи. Казалось, они не в ночном Иерусалиме, а на берегу моря, где Иисус насытил пять тысяч. Но обряд напоминал и о другом. «Это хлеб страдания, который ели отцы наши в земле Египетской», — повторил Учитель традиционные слова седера. На сей же раз Пасха возвещает о страдании Служителя Господня, Мессии. Как разломлен этот священный хлеб, так будет отдана Его плоть в руки палачей.

«Возьмите — это тело Мое, ломимое за вас», — проговорил Христос и добавил: — Это делайте в воспоминание обо Мне...»

С трепетом принял каждый свою часть пасхального опреснока. Потом, стоя, пропели начало «халлела»:

Хвалите слуги Господа, хвалите имя Господне!

*Да будет имя Господне благословенно
отныне и вовек,*

*От восхода солнца до заката
да прославится имя Господне.*

*Высок над всеми народами Господь,
над небесами слава Его...*

Но вот Христос взял в руки «общую чашу благодарения», которую обычно пили в конце вечери.

— Благословим Бога нашего,— произнес Он.

— Благословен Господь Бог наш, Бог Израилев, Бог Саваоф, восседающий среди херувимов, за пищу, которую мы приняли,— отвечали по уставу апостолы.

— Благословим Того, Чью благодать мы вкушали.

— Благословен Ты, Чью благодать мы вкушали и Чьей благодатью мы живем...

В заключение славословия Иисус сказал:

— *Эта чаша есть Новый Завет в Моей крови. Пейте из нее все. Это есть кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая для отпущения грехов... Делайте это всегда в воспоминание обо Мне.*

Апостолы передавали чашу по кругу...

Так совершилась Пасха Завета, заключенного в крови Агнца. Иисус не случайно сохранил в обряде жертвенную символику, ибо все древние алтари были призывом к небу и означали жажду общения с Высшим; последняя же трапеза Христова соединила верных с Ним, с воплощенным Сыном Божиим*.

Кровь в Библии считалась символом жизни, над которой властен один Творец. Именно поэтому ее запрещалось употреблять в пищу. Между тем теперь Сам Спаситель мира отдавал Свою жизнь, Свою кровь людям.

Издавна заключение Завета сопровождалось окроплением верующих кровью животного, посвященного Богу. Все, на кого падали ее капли, обретали новое духовное родство и связь с Богом. Таков был смысл заклания пасхального агнца. Подобные обряды знал не только Израиль, но и большинство древних народов. Христос заменяет кровь жертвы соком виноградной лозы, вином трапезы, которая знаменует богочеловеческую жертву, страдания и торжество Мессии-Искупителя.

Пасхальное воспоминание об Исходе было перенесением прошлого в настоящее. Мудрецы Израиля говорили, что *каждая* Пасха есть освобождение от рабства, совершающееся вновь и вновь. Точно так же и новозаветная Евхаристия означает причастность к спасению, которое Христос приносит людям, пребывание Господа с любящими Его. «Всякий раз,— скажет позднее апостол Павел,— когда вы едите хлеб и пьете эту чашу, вы смерть Господа возвещаете, доколе Он придет».

Время побеждено. Остается лишь таинство Воплощения, Присутствие Бога, явившегося в мир...

Только глубокая укорененность Евхаристии в культовой традиции Ветхого Завета позволила апостолам пережить ее в ту великую ночь как священнодействие, как таинство. Пусть они не могли еще выразить этого словами, но полнота единения с Господом и между собою стала для них реальностью.

* На языке Библии «кровь и плоть» — синоним живого существа.

«Дети Мои,— сказал Иисус,— еще недолго Я с вами... **Заповедь новую** даю вам: да любите друг друга. Как Я возлюбил вас, и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»⁹.

Это звучало как прощание. Тоска охватила апостолов. Они долго не решались задавать вопросы, но сегодня, во время седера, сам Закон повелевает спрашивать. Первым осмелился Петр.

— Господи, куда Ты идешь?

— Куда Я иду, ты не можешь **теперь** последовать за Мною, но последуешь после.

— Господи, почему я не могу за Тобою последовать теперь?

— Симон, Симон, вот сатана добился того, чтобы просеять вас, как пшеницу; но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя, и ты, некогда обратившись, утверди братьев твоих.

— Господи,— со свойственной ему горячностью вскричал Петр,— с Тобой я готов и в тюрьму и на смерть идти! Я душу мою за Тебя положу!

— Душу твою за Меня положишь?— печально отозвался Иисус.— Истинно, истинно говорю тебе: петух не пропоет, как ты отречешься от Меня трижды.

Другие ученики тоже задавали вопросы. Иисус отвечал каждому. Он ободрял Своих растерянных друзей: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В Доме Отца Моего обителей много. А если бы не было, разве Я не сказал бы вам: иду приготовить место вам? И когда пойду и приготовлю место вам, снова приду и возьму вас к Себе, чтобы, где Я, и вы были. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете».

168 — Господи,— сказал Фома,— мы не знаем, куда Ты идешь, и как нам знать путь?

— Я — путь, и истина, и жизнь. Никто не приходит к Отцу иначе, как через Меня. Если бы знали Меня, то и Отца Моего знали бы. И отныне вы знаете Его и видели Его.

— Господи, покажи нам Отца, и этого довольно нам,— сказал Филипп.

— Столько времени Я с вами, и ты не познал Меня, Филипп? **Кто Меня увидел, увидел Отца...** Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне... Если любите Меня, заповеди Мои соблюдете. И Я умолю Отца, и другого Утешителя даст вам, чтобы был с вами вовек,— Духа Истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает. Вы же знаете Его, потому что Он с вами пребывает и в вас будет. Не оставлю вас сиротами, приду к вам. Еще недолго, и уже мир Меня не увидит, но вы увидите Меня, потому что Я живу, и вы жить будете.

Иуда-Фаддей спросил:

— Господи, что это, что Ты нам хочешь являть Себя, а не миру?

— Если кто любит Меня, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит его, и к нему мы придем и обитель Себе у него сотворим. Не любящий Меня слов Моих не соблюдает. А слово Мое, которое вы слышите,— не Мое, но пославшего Меня Отца. Это Я сказал вам, с вами пребывая. Утешитель же, Дух Свя-

той, Которого пошлет Отец во имя Мое, Он вас научит всему и напомянит вам все, что Я сказал вам.

Действительно, только много позже им открылась вся глубина слов Учителя. Он знал, что они понимают Его лишь сердцем, что разум их в смятении, а воля поколеблена. Он хотел подготовить их. Времена изменились, впереди борьба и искушения.

— Когда Я посылал вас без мешка, и сумы, и обуви,— спросил Он,— имели ли в чем недостаток?

— Ни в чем,— признали ученики.

— Но теперь, у кого есть мешок — пусть возьмет его; также и суму. И у кого нет — пусть продаст одежду свою и купит меч.

— Господи, вот здесь два меча...

— Довольно,— прервал Он, видя, что они не понимают.— Я уже не буду много говорить с вами, ибо идет князь мира и во Мне не имеет ничего... Вставайте, идем отсюда.

С пением псалма они покинули дом и по спящим улицам города направились к воротам.

«Все вы соблазнитесь из-за Меня в эту ночь,— сказал по пути Иисус,— ибо написано: «Поражу пастыря, и будут рассеяны овцы». По восстании же Моим Я предварю вас в Галилее».

Петр продолжал настаивать:

— Если и все соблазнится, я никогда не соблазнюсь.

Точно так же и другие говорили Учителю о своей преданности.

Глава шестнадцатая

НОЧЬ В ГЕФСИМАНИИ

С 6 на 7 апреля

170

Покидать дом в ночь пасхальной трапезы не полагалось, но Иисус нарушил это правило, вероятно, заботясь об учениках. В горнице их легко могли взять вместе с Ним. Не исключено, что Иуда сначала удостоверился, что дом опустел, и лишь потом повел стражу в глухой сад за Кедром, где Учитель часто уединялся с Двенадцатью.

По пути Христос продолжал беседовать с учениками. Он объяснял им смысл таинства Чаши, которое слило причастников в единое целое. «Я — истинная виноградная лоза,— говорил Господь,— и Отец Мой — виноградарь. Всякую ветвь на Мне, не приносящую плода, Он удаляет, и всякую, приносящую плод,— очищает, чтобы больший плод приносила... Как ветвь не может приносить плода сама собой, если не пребывает на лозе, так не можете и вы, если во Мне не пребываете. Я — лоза, вы — ветви»¹.

Иисус говорил о Духе — Заступнике и Утешителе, Чья сила преобразит апостолов, когда Сына Человеческого не будет с ними. «Еще многое имею вам сказать, но теперь вам не под силу. Когда придет Он — Дух Истины, Он введет вас во всю истину».

Церкви предстоит, как и Христу, пройти через крещение скорбью и испить чашу страданий. Но разлука будет временной. Ученики не должны унывать, расставаясь с Христом. Он вер-

нется к ним. «Истинно, истинно говорю вам: вы будете плакать и рыдать, а мир будет радоваться. Вы печальны будете, но печаль ваша в радость обратится. Женщина, когда рождает, печаль имеет, потому что пришел час ее. Когда же родит дитя, уже не помнит скорби от радости, что родился человек в мир. И вы теперь печаль имеете, но Я снова увижу вас, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас. И в тот день вы не спросите Меня ни о чем».

Посланцы Мессии избраны для великого служения, и Он приведет их в Царство Отца. «Сам Отец любит вас, потому что вы Меня возлюбили и уверовали, что Я от Бога исшел; исшел от Отца и пришел в мир. Снова оставляю мир и иду к Отцу».

Им показалось, что они начинают прозревать.

— Вот теперь Ты открыто говоришь и притчи никакой не говоришь. Теперь мы знаем, что Ты знаешь все и не имеешь нужды, чтобы кто Тебя вопрошал*. Поэтому веруем, что Ты от Бога исшел.

— Теперь веруете? — сказал Иисус. — Вот приходит час — и пришел, что вы рассеетесь, каждый сам по себе, и Меня оставите одного. Но Я не один, потому что Отец со Мною.

Он не упрекал учеников, напротив, хотел вселить в них стойкость. «В мире скорбь имеете, но дерзайте: Я победил мир».

Когда проходили близ Храма, Иисус остановился. Безмолвно застыли темные громады крепости и святилища. Утром здесь будет совершаться богослужение, и тысячи людей принесут пасхальных агнцев к алтарю. Но спящий город не подозревал, что в эту ночь у стен Дома Божия, окруженный одиннадцатью робкими галилеянами, молился вселенский Первосвященник и Спаситель. Он просил Отца сохранить Свое малое стадо среди враждебного ему мира. «И не только о них молю. — говорил Он, подняв глаза к звездному небу, — но и о верующих в Меня по слову их, чтобы все едины были, как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, чтобы и они в нас были. Чтобы веровал мир, что Ты послал Меня». Грядущий храм Церкви Христовой озарялся лучами божественного Троиинства...

В Иерусалиме до наших дней сохранились стертые ступени древней каменной лестницы. Быть может, именно по ней спускался Иисус, направляясь из города к Елеону. Перейдя Кедронский овраг, Он не пошел в Вифанию, а предпочел остаться в Гефсиманском саду. Это было небольшое частное владение, обнесенное стеной, где находилась оливковая роща.

Полная луна серебрила листву и рождала отблески на изогнутых стволах деревьев. Ничто не нарушало молчания холодной весенней ночи. Ученики, войдя в ограду, стали располагаться на отдых. «Посидите здесь, а Я, тем временем, пойду туда и помолюсь», — сказал Иисус, указывая в глубину сада.

Петр, Иаков и Иоанн, которых Он взял с Собой, не могли не

* То есть подвергал испытанию, как испытывают того, в чьей мудрости сомневаются.

заметить внезапной перемены в Учителе. Только что Он был исполнен силы и просветленного покоя, теперь же весь Его облик выражал безмерную муку. «Душа Моя скорбит смертельно,— проговорил Он.— Побудьте здесь и бодрствуйте». Впервые апостолы ощутили, что Ему нужна человеческая поддержка, но были не в состоянии исполнить просьбу Иисуса. Как это порой бывает в момент крайней тревоги, дремота, похожая на оцепенение, сковала их.

Христос отошел в сторону и, упав на колени, начал горячо молиться. Ученики находились недалеко, как говорит Евангелие, «на расстоянии брошенного камня», и отдельные слова Иисуса долетали до них. «Авва, Отче,— слышали они в полудрабьти,— все возможно тебе! Пронеси эту чашу мимо Меня. Но не чего Я хочу, а чего Ты... Не Моя воля, но Твоя да будет».

Он молился. Апостолы спали.

А на улицах Иерусалима уже раздавались шаги стражи.

Что испытал Сын Человеческий, когда лежал на холодной земле в томлении духа? Мог ли то быть лишь естественный страх перед пытками и смертью? Но ведь его побеждали и более слабые. Почему же поколебался Тот, Кто будет опорой для миллионов?

Нам не дано проникнуть в глубину смертного борения, свидетелем которого был старый оливковый сад. Но те, кому Христос открылся в любви и вере, знают самое главное: Он страдал за нас, Он вобрал в Себя боль и проклятие веков, мрак человеческого греха, пережил весь ужас и ад богооставленности. Ночь, лишенная надежды, обступала Его; Христос добровольно спускался в пропасть, чтобы, сойдя в нее, вывести нас оттуда к немеркнущему свету...

Что проносилось перед Его мысленным взором? Картины будущего? Гонения, войны, насилия? Отступничество Его последователей, их неблагодарность и маловерие, их жестокосердие и фарисейство? Это было искушение более тяжкое, чем то, через которое Он прошел в пустыне. Никогда еще человеческое сознание Христа с такой силой не противилось ожидавшему Его кресту, как в час Гефсиманской молитвы. Вот почему Он просил любимых учеников не оставлять Его.

«Симон, ты спишь? — пытался разбудить Иисус Петра.— Не мог ты один час пободрствовать?» Тот поднимался, видел лицо Учителя, изможденное, покрытое, как кровью, каплями пота, но дремота вновь одолевала его. Другие попытки оказались тоже напрасными.

Так, всеми покинутый, страдал Иисус один на один с надвигающимся мраком. Евангелист Лука говорит, что лишь ангел укреплял Его. Это значит, что, не найдя земной поддержки, Он обрел ее в Небе.

Наконец Иисус поднялся. Любовь к Отцу восторжествовала и утвердила в Нем согласие человеческой и божественной воли. Теперь Его заботили только апостолы. Подойдя, Он заставил их стряхнуть с себя сон. «Что вы спите? Встаньте и молитесь,

чтобы не впасть вам в искушение... Идем. Вот предающий Меня близко». Они встали, ошеломленно озираясь.

В это мгновение сад осветился фонарями и факелами, послышались шум и голоса. У входа показалась толпа людей. Впереди шел римский трибун с солдатами, за ними — вооруженные храмовые служители.

Иисус двинулся навстречу.

— Кого ищете? — спросил Он.

— Иисуса Назарянина.

— Я есмь, — ответил Христос священной формулой имени Божия.

Иудейская стража, услыша ее, шарахнулась в сторону. Он же сказал:

— Если Меня ищете, оставьте этих, пусть идут.

Тогда вперед протиснулся Иуда. Он обещал дать знак, чтобы при аресте в ночном саду не произошло ошибки.

— Приветствую Тебя, Равви! — сказал он, целуя Учителя.

— Друг, вот для чего ты здесь! — промолвил Иисус. — Поцелуем предаешь Сына Человеческого?

Стража немедленно окружила Христа.

— Господи, что если мы ударим мечом? — сказал Петр и, не дожидаясь ответа, бросился на одного из тех, кто начал вязать Учителя. Удар вышел неловким. Рыбак лишь отсек ухо архиерейскому слуге. Его, конечно, тут же схватили бы, но все внимание было сосредоточено на Христе.

«Оставьте, довольно! — сказал Он апостолам. — Чашу, которую дал Мне Отец, неужели Я не стану пить ее?» Он повернулся к отряду: «Как на разбойника вышли вы с мечами и кольями задержать Меня. Каждый день сидел Я и учил в Храме, и вы не взяли Меня. Но этот час ваш, и власть — тьмы».

Быть может, ученики ждали в этот момент чуда, но чуда не произошло.

Грубые руки скручивали Иисуса веревками...

Иуда, боясь, что шум привлечет ненужных свидетелей и может подняться возмущение, торопил воинов: «Возьмите Его и ведите под надежной охраной». После этого пытались задержать и остальных, но они, воспользовавшись темнотой и сумятицей, разбежались.

Когда Иисуса выводили из сада, все, казалось, было спокойно. Замысел врагов удался вполне. Однако неожиданно появился какой-то юноша. Он шел сзади, завернувшись в покрывало. Конвойные, думая, что это один из учеников, схватили его, но он вырвался и, оставив покрывало, убежал нагой. По-видимому, он только что встал с постели. Не был ли тем юношей сам Иоанн-Марк, будущий евангелист? Только он упоминает об этой подробности.

Согласно славянской версии «Войны» Иосифа Флавия, при аресте Иисуса погибло множество народа². Не оказались ли вблизи некоторые галилеяне, сделавшие попытку отбить Учителя? Однако в Евангелиях без всякого смягчения сказано, что, когда Иисус был схвачен врагами, все друзья Его скрылись. При виде Учителя, Который покорно дал увести Себя, их охватила

паника, и они забыли, как обещали идти за Ним на смерть. Только Петр и Иоанн, придя в себя после первого потрясения, осмелились последовать за стражей на безопасном расстоянии.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕРЕЗ СТРАДАНИЯ И СМЕРТЬ К ВЕЧНОМУ ТОРЖЕСТВУ

Глава семнадцатая САДДУКЕЙСКИЙ ТРИБУНАЛ

Ночь и утро 7 апреля

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как первосвященник Ханан бен Шет был смещен римлянами, тем не менее фактически все это время он находился у власти. Национальное правительство Иудей поочередно возглавляли его сыновья и родственники. Кайафа, зять Ханана, стал игрушкой в руках тестя. Влиятельный саддукейский клан подчинялся только прокуратору.

В народе Ханан не завоевал популярности, архиереев вообще недолюбливали. Они же, в свою очередь, с подозрением относились к любым признакам оппозиции. Появление Иисуса в городе и встреча, устроенная Ему богомольцами, были расценены саддукеями как начало беспорядков, которые следует подавить в зародыше.

Проще всего, казалось, было донести Пилату о новой мессианской секте и предоставить ему расправиться с Галилеянином. Но Ханан, видимо, боялся выпустить инициативу из рук и хотел действовать наверняка, подготовив заранее все улики. Чтобы арест Иисуса не выглядел самоуправством, о нем сообщили Пилату, и тот послал свой отряд в помощь храмовым служителям. Эти меры предосторожности были вызваны опасением властей, думавших, что приверженцы Назарянина будут сопротивляться.

В эту ночь Ханан, вероятно, не сомкнул глаз, ожидая исхода акции, организатором которой он был. Он успокоился лишь тогда, когда конвой доставил к нему связанного Узника.

До сих пор саддукеи мало интересовались самой проповедью Иисуса. Они слышали от фарисеев, что Он нарушал некоторые религиозные обычаи, но с такими обвинениями вести Его к прокуратору не имело смысла. Поэтому Ханан стал спрашивать Иисуса «об учениках Его и об учении Его»¹. Старому жрецу хотелось знать подробности, чтобы быстрее составить план следствия и завершить его до начала пасхального богослужения.

— Я все открыто сказал миру, — ответил Иисус. — Я всегда учил в синагогах и в Храме, где все иудеи собираются, и тайно не говорил ничего. Почему ты Меня спрашиваешь? Спроси слышавших, что Я говорил им. Они знают, что сказал Я.

Стоявший рядом слуга ударил Иисуса по лицу:

— Так-то отвечаешь Ты первосвященнику?

— Если Я плохо сказал, свидетельствуй о том, что плохо. Если хорошо, почему ты Меня бьешь?

Ханан знал, что обычай разрешает только публичный допрос, и отложил дознание до утра, когда можно будет собрать Синедрион во главе с Кайафой.

Остаток ночи Иисус терпел издевательства архиерейской челяди. Ему плевали в лицо и развлекались тем, что били Узника, закрыв Ему глаза, а потом спрашивали: прореки, кто ударил Тебя?..

Между тем Петр и Иоанн подошли к дому первосвященника. Юноша, которого здесь знали, попросил, чтобы и Петра пропустили с ним во двор. Там находилась жаровня, около нее сидели, греясь, слуги. Продрогший Симон присоединился к ним. Привратница стала подозрительно вглядываться в его лицо.

— И ты с Назарянином был, с Иисусом,— внезапно сказала она.

— Не знаю и не понимаю, что ты говоришь,— пробормотал Петр и отошел в другое место².

Наступило утро. Город просыпался. У Кайафы был собран «Малый Синедрион», состоявший из двадцати трех человек³. В него входили священники и старейшины. На «Великий Синедрион» допускались и представители фарисейской партии, но сейчас судьями были только саддукеи. Поэтому мы напрасно стали бы искать в талмудических кодексах подробностей, которые помогли бы увидеть процесс в деталях. О саддукейском же праве известно только одно: оно отличалось неумолимой жесткостью.

В присутствии фарисеев речь обязательно зашла бы о субботе и толковании Торы; кроме того, в их среде были колебания относительно Иисуса. Год спустя глава фарисейского Совета Гамалиил скажет об апостолах: «Если от людей начинание это или дело это — оно будет разрушено. А если от Бога, то вы не можете одолеть их. Как бы вам не оказаться богоборцами». Позднее фарисейская партия в Синедрионе открыто выступит в защиту апостола Павла. Но совершенно иной была атмосфера на экстренном заседании «Малого Синедриона» утром 7 апреля 30 года. Судьба Назарянина была предрешена заранее при полном единодушии всей коллегии.

Вероятно, трибунал хотел одновременно соблюсти видимость законности и дискредитировать Иисуса в глазах иудеев. Если бы Он оказался виновен только перед римскими властями, это привлекло бы к Нему симпатии народа.

Разбирательство началось с допроса свидетелей. Но тут Синедрион постигла неудача. Требовалось согласное показание хотя бы двух лиц, но именно этого не смогли сразу добиться. Очевидно, поспешность ареста все же помешала тщательно подготовить сценарий суда. Лишь одно обвинение сочли доказанным: Иисус обещал «разрушить Храм рукотворный». Но подобные слова были явно недостаточны для осуждения, тем более для ходатайства перед Пилатом о смертной казни⁴.

Кайафа надеялся, что Сам Обвиняемый, защищаясь, невольно даст улики против Себя. Но Иисус не произнес ни слова. Тогда первосвященник вышел на середину зала и спросил:

— Ты не отвечаешь ничего? Что они против Тебя свидетельствуют?

Иисус продолжал хранить молчание.

Ждать дольше Кайафа не мог.

— Заклинаю Тебя Богом Живым, — воскликнул он, — скажи нам: Ты ли Мессия, Сын Благословенного?

— Я, — был ответ. — Но Я говорю вам: отныне увидите Сына Человеческого, восседающего по правую сторону Силы и грядущего на облаках небесных⁵.

Это было беспрецедентное свидетельство. Редко когда Иисус говорил столь прямо о Своем мессианстве. Он скрывал его даже в те дни, когда народ готов был венчать Его на царство. Но сейчас, в этот страшный миг, связанный, подвергнутой оскорблению, жертва живого судилища, Он открыто возвестил о неземном торжестве Сына Человеческого, Которого искупительные страдания возведут на престол...

Кайафа, как и все саддукеи, не очень-то верил в мессианские пророчества, да и вообще нельзя было вменить человеку в вину только то, что он объявил себя Мессией. Однако повод для приговора был найден. Подсудимый произнес сокровенное имя Господне — «Я есмь». Но кто Он такой? Безвестный простолоудин, бунтовщик, хулитель Храма, несущий ответ перед Законом! И Он притязает на божественную власть! Это ли не насмешка над святыми чаяниями народа?

— Итак, Ты — Сын Божий? — спросил Кайафа.

— Ты сказал.

Называть Мессию Сыном Божиим вполне допускалось, но первосвященнику этих слов было достаточно, чтобы обвинить Иисуса⁶.

Разодрав одежды, как принято было делать при горестном известии или кощунстве, Кайафа вскричал в лицемерном ужасе:

— Какая нам еще нужда в свидетелях? Вы слышали хулу? Как вам кажется?

— Повинен смерти, — решили члены Синедриона.

Таким образом, приговор саддукеев был подведен под параграф о святотатствах. Виновного полагалось добивать камнями, но архмерейский Совет не имел права казнить кого бы то ни было. Оставалось передать Иисуса в руки Пилата для суда по римским законам.

Все это время Петр не покидал двора. Но напрасно надеялся он остаться в тени; слуга, приходивший в Гефсиманию с отрядом, узнал его.

— Не тебя ли я видел в саду с Ним?

— Точно ты один из них, — подтвердили стоявшие рядом, — и говор твой обличает тебя: ты ведь галилеянин?

Безумный страх овладел Симоном. Он стал клятвенно уверять, что «не знает Человека того». В эту минуту наверху по галерее проводили Иисуса. Его глаза встретились с глазами Кифа. Стыд и боль пронзили апостола. Еле сдерживая рыдания, он поспешил на улицу...

Среди людей, ждавших у ворот, был еще один из Двенадцати. Что пережил он, когда увидел дело своих рук? Все было

кончено. Холодная озлобленность ренегата сменилась неподдельным отчаянием. Пусть Иуда и обманулся в своих ожиданиях, но заслужил ли Иисус те мучения, которые ждут Его, заслужил ли смерть?

Быть может, Иуда втайне ждал, что сторонники освободят Христа или Он Сам чудом ускользнет от врагов. Но ничего подобного не произошло. От слуг бывшему ученику стал известен приговор, мог он и видеть, как связанного Учителя повели в резиденцию прокуратора. Не вынеся этого, Иуда отправился к тем, кто вручил ему деньги, чтобы вернуть их.

— Согрешил я, предав кровь невинную,— заявил он. Но в ответ услышал равнодушные слова:

— Какое нам дело? Смотри сам.

Иуда, бросив деньги в Храме, выбежал вон. Вскоре, как сообщает евангелист Матфей, он сам вынес себе приговор и сам его исполнил.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 13

¹ Мф 21, 23—27, 32; Мк 11, 27—33; Лк 20, 1—8.

² Мф 21, 33—46; Мк 12, 1—12; Лк 20, 9—19. Аналогичной притчей, но в форме «символического действия», принятой у пророков (ср., напр., Ис 8, 1—4; Иер 19, 1—15; Иез 4, 4—8), было проклятие бесплодной смоковницы — символа тех, кто не принес «плода покаяния» (Мф 21, 18 сл.; Мк 11, 12 сл. ср. Лк 13, 6—9).

³ Ин 12, 20—24.

⁴ И. Флавий. Арх. XVIII, 3.

⁵ Ин 12, 27 сл.

⁶ Мф 22, 15—22; Мк 12, 13—17; Лк 20, 20—26.

⁷ «Это привычное толкование,— замечает еп. Кассиан,— успокаивает нашу ленивую мысль, да и нашу христианскую совесть, когда она встречается лицом к лицу с запросами государственной власти, по большей части равнодушной, а то и прямо враждебной Церкви. Мы склонны утешать себя тем, что и кесарь, о котором говорит Господь, был язычник и возглавлял языческое государство... Слово Христово... касается частного вопроса и отвечает на него в общей форме... Но если Господь и признает за вопрошавшими Его обязанности по отношению к государству, Он говорит о государстве как о некоей чуждой силе... Господь проводит различие между Божиим и кесаревым». Еп. **Кассиан** (Безобразов). Царство кесаря перед судом Нового Завета. Париж, 1949, с. 10 сл. См. также **С. Аскольдов**. Христианство и политика. Киев, 1906, с. 15 сл.

⁸ Мф 22, 23—33; Мк 12, 18—27; Лк 20, 27—40.

⁹ Мф 22, 41—45; Мк 12, 35—37; Лк 20, 41—44.

Глава 14

¹ Мк 12, 41—44; Лк 21, 1—4. О жертве на Храм см. Исх 30, 12; 2 Пар 24, 4—10; Неем 10, 32; Мишна, Шекалим, 1 сл.

² Кн. пр. Михея 6, 8.

³ Мф 23, 1—12; Мк 12, 38—40; Лк 20, 45—47. Прямая заповедь, воспрещающая титул «отец», осталась, по-видимому, неизвестной в большинстве церквей, в эпоху устного Евангелия. Около 57 г. ап. Павел пишет: «Даже если вы имеете тьму наставников во Христе, вы имеете, однако, не многих отцов, ибо родил я вас во Христе Иисусе через Евангелие» (1 Кор 4, 15). Впоследствии этот обычай именовать руководителей Церкви «отцами» утвердился, несмотря на слово Господне. Бл. Иероним пытается объяснить такое противоречие следую-

шим образом: «Подобно тому, как по естеству один Бог и один Сын не препятствует другим, чтобы они назывались богами и сынами, и единый Отец и Учитель не препятствует другим, чтобы они назывались несвойственными им именами».

Вл. Иероним. Толкование на Матфея, IV.

⁴ Ин 4, 38.

⁵ Мф 23, 13—36; Лк 11, 42—52. «Десятина» распространялась на все виды пищи, в том числе и на специи (Маасрот, 141). «Премудрость Божия» есть, вероятно, название не дошедшей до нас апокалипсической книги; ср. 3 Ездр 1, 32. Авель и Захария — первый и последний праведники, павшие жертвами убийц, которые фигурируют в Библии.

⁶ Мф. 24, 1—2; Мк 13, 1—2; Лк 21, 5—6.

⁷ Эсхатологическая речь Христа находится у Мф 24, 3—42; Мк 13, 3—32; Лк 21, 7—36. По мнению многих современных экзегетов, она входила в отдельный сборник («Малый Апокалипсис»), из которого черпали евангелисты.

⁸ Напомним, что в Кн. Даниила (12, 11) «мерзостью запустения» назван языческий алтарь, поставленный в иерусалимском храме царем Антиохом IV. СР. I Мак 1, 54.

⁹ См. I Фес, 5, 1—6. В первые века христианства было множество эсхатологических движений (напр., монтиансты). В средние века конец света ожидали в 1000 г., 1033-м, 1260-м. Многие бедствия (эпидемии, междоусобицы) воспринимались как знамения Конца. Эсхатологичными были при своем возникновении анабаптизм, русское старообрядчество, адвентизм, иеговизм и др. Несколько раз сроки Второго пришествия «назначались» в XIX и XX вв.

¹⁰ Мф 24, 14.

¹¹ Эту мысль впервые четко сформулировал Чарльз Додд. «День Сына Человеческого, — говорит он, — означает вневременной факт. Он связан с историей, поскольку укоренен в историческом кризисе приходом Иисуса». С. Н. Dodd: *The Parables of the Kingdom*, p. 81.

¹² Ин. 9, 39; 12, 31; ср. 3, 19.

¹³ Мф 24, 37—42; Лк 17, 26—30.

¹⁴ Мф 24, 43—51; 25, 1—46; Мк 13, 32—37; Лк 12, 35—48; 19, 12—27; 21, 34—36. Притча о минах у Лк. очевидно, есть лишь вариант притчи о талантах.

Глава 15

¹ Христос много раз говорил ученикам о страданиях и славе, которые ждут Его в Иерусалиме на Пасху. Апостолы, как это видно из просьбы Саломеи, ожидали лишь Его торжества. Иуда мог сообщить членам Синагоги о том, что Учитель хочет «провозгласить Царство Божие» именно в день праздника. Этим, вероятно, объясняется неожиданное изменение их планов в отношении Иисуса.

² Мф 26, 3—5; 14—16; Мк 14, 1—2; 10—11; Лк 22, 1—6. Согласно Мф, цена, которую заплатили Иуде, равнялась тридцати сребренникам. В дохристианские времена это считалось стоимостью раба (Исх 21, 32). По мнению одних толкователей, архиереи назначили такую цену в знак презрения к Иисусу; по предположению других — это символическая цифра, означающая религиозное отступничество (ср. Зах 11, 12—13). См. прот. **С. Булгаков.** Иуда Искариот Апостол Предатель. — Путь, 1932, № 26, с. 30—31.

³ Мф 26, 29; Лк 22, 15, 16. Ἐπιθυμία ἐπιβόλη, «желанием возжелал», — иудейский оборот речи, выражающий высшую степень желания. Согласно трем первым евангелистам, Тайная Вечеря совпала с Пасхой и была седером, т. е. праздничной трапезой. Но из IV Евангелия, хронология которого, по видимому, более точна, явствует, что Вечеря произошла 13-го нисана, **накануне** самой Пасхи. Все же и у синоптиков есть косвенные указания на то, что вечер четверга не был пасхальным. Утром в пятницу Симон Киринейский шел с поля, где едва ли мог находиться в пасхальную ночь (Мк 15, 21). В Иудее, по свидетельству Талмуда, вечером перед седером прекращалась всякая работа (Мишна. Песахим, IV, 5). Совершенно невероятно, чтобы Синагога назначил арест на вечер седера. В пасхальный день (до захода солнца) Иосиф Аримафей-

ский не мог бы сделать закупок для погребения. Проф. СПб. Духовной Академии Д. Хвольсон выдвинул предположение, что совпадение дня Пасхи с кануном субботнего покоя заставило Синадрийон перенести обряд заклания агнцев на четверг (*Д. А. Хвольсон. Последняя пасхальная вечеря Иисуса Христа в день Его смерти.* — ХЧ, 1878, III—IV, с. 352 сл.). Но еще за несколько десятилетий до н. э. Гиллель объявил, что ради субботы обряды Пасхи не переносятся (Тосефта, Песахим, IV, 1а). Попытки отрицать пасхальный характер тайной вечери ведут к отрицанию всех синоптических свидетельств. А Жюбер предположила, что Христос пользовался старым календарем, по которому Пасха приходилась на среду (A. Saubert. *The Date of the last Supper.* New York, 1965). Этот календарь употребляли ессеи и родственные им группы. Но мы знаем, что в других случаях Христос никогда не отвергал общепринятого церковного календаря. К тому же нет оснований сближать Его с ессеями (см. выше с. 337 сл.). Пока наиболее вероятным остается мнение, что Христос намеренно совершил Пасху до ее наступления, зная, что скоро будет взят под стражу. См. *И. Златоуст. Беседы на Матфея*, 81, 1.

⁴ Мф 26, 2.

⁵ Мф 26, 17—19; Мк 14, 12—16; Лк 22, 7—13. Возможно, что дом, где совершилась Тайная Вечеря, принадлежал родителям Иоанна Марка; см. Деян 12, 12.

⁶ По И. Флавию (Иуд. война, VI, 9, 3), однажды, в 60-х годах I в., было заколото 256 500 пасхальных агнцев. Хотя обряд совершали сами богомольцы, технически он был трудноисполним, если не предположить разрешения начинать его заранее. Этот аргумент в пользу того, что агнец мог быть приготовлен уже 13-го нисана, впервые выдвинул *Филарет* (Гумилевский), архиеп. Черниговский; см. его кн.: *Беседы о страданиях Господа нашего Иисуса Христа*, ч. I, с. 10—11.

⁷ Ин 13, 1—11.

⁸ Ин 13, 12 сл.; Лк 22, 27—30. Дальнейшее повествование о Тайной Вечере основано на Мф 26, 20—29; Мк 14, 22—25; Лк 22, 15—20; Ин 13, 18—38; I Кор 11, 23—25 и талмудических свидетельствах о пасхальном седере. До сих пор вопрос, участвовал ли Иуда в Евхаристии, не решен. Однако многие косвенные данные говорят в пользу того, что он покинул Вечерю до нее. См. Изложение различных мнений в кн. прот. *А. И. Алфеева. Иуда предатель*. Рязань, 1915, с. 52 сл.

⁹ Прощальная беседа Христа с учениками на Вечере и после нее содержится в Ин 13, 31—38; 14, 1—31; также в Мф 26, 30—35; Мк 14, 26—31; Лк 22, 31—38. Самое раннее свидетельство о Евхаристии приведено в I Кор (ок. 57 г.). Вариации в «установительных словах» показывают, что первые христиане придавали большее значение духу таинства, нежели точности словесных формул.

Глава 16

¹ Беседа Христа с учениками на пути в Гефсиманию приведена в 15—17-й гл. Ин. У синоптиков ее нет. Иоанново предание отразило те стороны учения Христа, которые в синоптическом не сохранились. О причинах этого см. с. 368.

² *И. Флавий. Иудейская война* (древнерусский перевод), IX, 3.

Глава 17

¹ Христос был сначала отведен к Анне (Ханану), что явствует из Ин; однако и в других Евангелиях есть указания на два допроса, из которых второй был утром в помещении Синадрийона. Мф 26, 57—68; 27, 1—2; Мк 14, 53, 55—65; 15, 1; Лк 22, 54, 63—71; 23, 1; Ин 18, 12—14; 19—24.

² Рассказ об отречении Петра содержится у всех четырех евангелистов. Из него можно заключить, что допрос Кайяфы и суд Синадрийона происходили в одном и том же дворце. Мф 26, 69—75; Мк 14, 66—72; Лк 22, 54—62; Ин 18, 15—18; 25—27.

³ Великий Синадрийон состоял из 70 членов. В римскую эпоху он был целиком

во власти саддукеев (*И. Флавий*, Арх. XX, 2, 1). Малый Синаедрион созывался в экстренных случаях. Он состоял из 23 человек, см. Санхедрин, 1, 1—6.

⁴ Разрушение храма предсказывали многие пророки. В 64 г. некий Иисус бен Ханан ходил по Иерусалиму, предрекая гибель городу и храму. Прокуратор допросил его и отпустил (*И. Флавий*, Война, VI, 5, 2). Ессеи также верили, что на месте прежнего Бог воздвигнет новый храм, см. так наз. «Свиток храма» — Тексты Кумрана, т. 1, с. 393.

⁵ Очевидно, в словах Христа подразумевается не второе пришествие, а явление Мессии перед миром согласно пророчеству Даниила (7, 13).

⁶ Ни один из лжемессий той эпохи не предавался иудейскому суду, а Бар-Кохба (ок. 130 г.) был признан Мессией таким выдающимся раввином, как Акиба. В связи с этим возникает вопрос: на каком основании был вынесен приговор Иисусу Христу? Из Евангелия можно заключить, что в преступление Ему было вменено не просто провозглашение Себя Мессией, а утверждение, что Он — Сын Божий (Ин 19, 7). Титул этот иудеи могли толковать двояко: как царский и как указывающий на сверхчеловеческую природу Мессии (о библейском понятии Сын Божий см. выше с. 183 сл.). Первое толкование еще не считалось преступным, но в глазах Синаедриона лжеучитель не мог претендовать на роль Мессии. Второе толкование могли легко изобразить религиозным преступлением. Хотя в иудейском праве таких прецедентов не было. Кайафа построил все обвинение на словах Иисуса, признавшего Себя Сыном Божиим. В обстановке враждебности этого было достаточно. Следует помнить, что участь Подсудимого была решена заранее и утром 14-го нисана имел место не объективный суд, а совершалось настоящее юридическое убийство.

Сведения, содержащиеся в Мф 27, 3—9 и Деян 1, 16—20, согласовать пока довольно трудно. Вероятно, в Новом Завете приведена лишь молва о конце Иуды, которая ходила по Иерусалиму.

Окончание следует.

ИТАЛЬЯНСКИЕ НАБРОСКИ

1. ТЕЛЕСТРИПТИЗ

Десятка два программ,
Все дарованья
От спорта и реклам
До раздеванья...

В отеле «Шератон»,
Вблизи Палермо,
Гляжу, ошеломлен,
Что дело скверно.

...Всю ночь телестриптиз
Идет в охотку:
У каждой свой каприз,
Своя походка,

Свой шарм, изгиб, азарт.
И бесподобны
Любой фасад и зад,
Любые бедра!

Ни тайны, ни греха —
Лишь горы теста...
И только для стиха
Нет больше места.

Какой блестящий ад!..
И, в кнопки тыча,
Шепчу: — Прощайте, Дант
И Беатриче,

И Лермонтов, и Блок,
И ты, Есенин...
Пришел последний срок,
И нет спасенья.

2. СОБОР

В монреальском* соборе
Я увидел Хрвста.
С настоящей болью,
Два поднявши перста,

* Монреале — городок под Палермо.

Он смотрел из апсиды
Прямо над алтарем,
И тоска, и обида
Были в Нем, как в живом.

Был хитон Его ярко-
Синим, как небосклон,
Словно взятый от Марка,
От Шагала хитон.

...Лет семьсот этой церкви
Или все восемьсот...
Если встать в самом центре,
Вверх тебя вознесет.

А когда к Нему слева
Подойдешь, не дыша,
От печали и гнева
Содрогнется душа.

Но зато, если справа
Встанешь, тотчас поймешь,
В чем вселенская слава
И небесная мощь.

...Я глядел на Иисуса,
Может быть, минут сто:
Все искал, где искусство
Перешло в божество.

3. РЫНОК

На итальянской барахолке,
На нескончаемой жаре
Я весь, от пяток аж до холки,
В восторге трясся, как желе.

Я очумел, я взмок и вымок,
Досадуя: не воспою
Гулящий стадионом рынок,
Как Гоголь ярмарку свою.

О, Бог мой, тут всего навалом
На вкус любой, карман любой!
И каждый горд своим товаром,
А главное, самим собой.

Негр белому кричит: — Амиго!
И этот миг неповторим!
Не ради ли такого мига
Создали рынок, мир и Рим?

Во все века — была ли кровной,
Междоусобной ли — вражда,
Утихомирена торговлей,
Не перла супротив рожна.

И оттого погибли обры,
Что одуревшая их знать
Решила, дабы жить удобно,
Все поровну распределить.

4. СЧАСТЬЕ

Как в Первый День Творенья,
Под солнечным дождем,
От самоповторенья
Был Рим освобожден.

Расхищенный всем миром,
Но вечно новый все ж,
Он чем-то был с Шекспиром
И с Хлебниковым схож.

Непостижимый город,
Отстроенный давно,
Раскован был и молод,
И я с ним заодно.

Гнала меня свобода
В шестом часу утра
От площади Народа
До площади Петра.

И в теле в одночасье
Созрело вещество —
И это было счастье,
А больше ничего.

ЭСТРАДА

Нелегкое дело — эстрада.
Попробуй пойдя подрядись:
Естественных качеств растрата,
Почти что душевный стриптиз.

Нерадостно в клубах и залах
Корезить себя напоказ.
И жизнь доживу, как прозаик,
Не корчась и не торопясь.

Но если не в тягость — в охотку,
Тогда, брат, берись веселей,
Работай и в полную глотку
Разумное-доброе сей,

Вовсю громозди перехлесты,
Давай за мою немоту,
Где надо, потворствуй, покорствуй,
Актерствуй — а я не могу.

Оттого, что дела никакого
Нету никому ни до кого,
Стало тускло, холодно и голо,
Как в кино, где кончилось кино.

Где подруги добрые, как феи,
На звонок спешащие друзья?
Всем уже до лампочки, до фени,
Даже и поплакаться нельзя.

Жизнь осиротела, опустела,
Выстыла, как сельское кино,
Потому что никакого дела
Нету никому ни до кого.

Иллюстрации АЛЕКСЕЯ МЕРЗЛОВА

СЕБАСТЬЕН ЖАПРИЗО

**БЕГ ЗАТЪМНА
ЧЕРЕЗ ПОЛЯ**

Любовь моя, мы всего лишь постаревшие дети, что суетятся, перед тем как обрести покой.

Льюис КЭРРОЛЛ

Однажды — я имею в виду один-единственный раз для каждого из нас — перед глазами предстает залитый предвечерним солнцем Старый порт Марселя.

Это могло быть и в другом месте — в Барселоне, в Неаполе или в Гонконге, — но я родился именно в Марселе.

Рядом со Старым портом — собор Мажор, в бедных кварталах за ним — одна улица, а на этой улице — фургон для перевозки мебели и двое мужчин, которые выносят из него зеркальный шкаф. Грузовик стоит напротив опустевшего помещения, где некогда располагалась книжная лавка, о чем теперь напоминают лишь поблекшая вывеска да еще приклеенная к грязному стеклу афиша. На афише — сидящий на дереве кот, который улыбается до ушей.

Под этой улыбкой — мальчуган лет десяти, вид у него праздничный и меланхоличный.

Одет по-воскресному, в пиджачок из фиолетового вельвета с большими белыми пуговицами. Он стоит, прислонившись к дверному косяку, рядом со своей матерью и семилетней сестренкой. Его мать, блондинка лет тридцати, прижимает к себе дочурку. Девочка тоже светловолосая, на ней нарядное белое платье.

Переезжает именно она, эта одинокая мать двоих детей, на лице которой следы житейских невзгод.

Пропуская грузчиков, она отходит в сторону и тянет за руку мальчика. На мгновение все трое отражаются в зеркале.

Потом она наклоняется к мальчугану:

— Титу, иди погуляй. Может, с кем подружись.

Мальчик неохотно повинуется. Он идет по тротуару, в правой руке сжимает мешочек с шариками и не отрываясь смотрит на пустой спичечный коробок, который валяется на асфальте.

Вот он наклоняется за ним. Но тут чья-то нога наступает на коробок и расплющивает его.

Титу выпрямляется и видит перед собой троих мальчишек его возраста или чуть постарше. Одеты они бедно, и кожа у них очень смуглая. У самого старшего в ухе золоченая серьга.

Перед явно превосходящим противником Титу отступает. Поворачивается к ним спиной и удирает. Бегом взбирается по лестнице переулка, крепко держа в руке мешочек с шариками.

И почти сразу останавливается: на последних ступеньках, перегораживая путь, сидят ребята из другой шайки.

Их шестеро: четверо мальчиков и две девочки. Одна из девочек держит на руках куклу, другая ест кусок пирога. Один из мальчиков забавляется резиновым мячиком.

Все они пристально смотрят на чужака в фиолетовом пиджачке. Титу подходит ближе, и мальчики поднимаются один за другим, обступая его вплотную.

Титу останавливается напротив старшего в этой компании — судя по всему, верховодит здесь он — и силится улыбнуться. Главварь изучает его безо всякой доброжелательности, как, впрочем, и без неприязни. В нем угадывается спокойный паренек, привыкший решать свои проблемы самостоятельно и требовать того же от других.

В наивной надежде быть принятым в компанию Титу протягивает ему свой мешочек с шариками.

Тот смотрит на своих приятелей, достает из кармана перочинный ножик с красной ручкой и вместо ответа кончиком лезвия вспарывает мешочек.

Разноцветные шарики высыпаются к его ногам. Когда они с дробным стуком достигают ступенек и отскакивают в разные стороны, мы уже не в Марселе.

Мы находимся в бревенчатом здании вокзала, на границе Соединенных Штатов и Канады. Вокруг огромное пространство. Стоит раннее утро, и солнце — красный диск на горизонте.

На платформе трое мужчин. Они совершенно неподвижны. Все вокруг до ужаса неподвижно.

Один из троих привалился спиной к стене и играет на чем-то вроде дудки. Ему двадцать лет, одет он как нищий, его длинные волосы падают на плечи, и кожаная повязка с золочеными заклепками охватывает лоб.

Два его товарища стоят на краю деревянного настила. Один в черной шляпе с круглым верхом. Другой, в полинявших джинсах, увешан побрякушками.

У всех троих смуглая, с медным отливом кожа.

Это все те же вездесущие цыгане, разница лишь в том, что во Франции их зовут «житан», а здесь — «джипси».

Они ждут с невозмутимостью индейцев.

И тут в пейзаже замечается какое-то движение. Еще ничего не слышно, в воздухе разносятся лишь звуки дудки, но у горизонта на путях показывается поезд.

Грохоча, он быстро приближается, и гудок локомотива на время заглушает мелодию.

Пока поезд плавно замедляет ход, въезжая на станцию, и останавливается, растянувшись вдоль перрона, цыгане не двигаются со своих мест. Они следят за дверями вагонов, оглядывая весь состав от головы до хвоста, явно ожидая кого-то, кто должен сойти. Но никто не сходит.

По крайней мере на ту сторону, где они стоят.

С противоположной стороны открывается одна-единственная дверь. Чья-то рука выбрасывает на пути чемодан и пиджак, затем появляется мужчина.

Ему лет тридцать, и у него вид затравленного зверя. Это Тони Кардо.

Едва он успевает сыркнуть на насыпь и нагнуться, чтобы поднять чемодан, как перед его глазами со щелчком выскакивает лезвие ножа.

Тут оказывается еще двое цыган. Тот, у которого в руке нож, одет побогаче: штаны из черного бархата, расшитый жилет, в ухе золотое кольцо. Второй держит руку на кармане заношен-

ной куртки. Нетрудно догадаться, что сквозь ткань он наставляет на Тони револьвер.

Цыган с ножом спрашивает:

— Антуан Кардо?

Тот мотает головой — впрочем, недостаточно убедительно.

Кончиком лезвия цыган приоткрывает у Тони рубашку: грудь забинтована, на повязке пятно высохшей крови.

— Наши нью-йоркские братья сработали неудачно. Но здесь завершается твой долгий путь, Тони.

— Выслушайте меня. Это был несчастный случай! Это признал даже суд!

— У нас разные законы, Тони. Мужайся, пошли.

Тони инстинктивно пятится, но его придерживает другой цыган. Те трое, что были с другой стороны, стоят теперь здесь, у головы поезда. За ними, на насыпи, огромный лимузин. На дверце у него нарисована стилизованная желто-розовая маргаритка.

— Пошли. Не вынуждай меня делать это здесь, — повторяет цыган с ножом.

Тони порывается подобрать с земли чемодан и пиджак, но цыган останавливает его:

— Вещи тебе больше не понадобятся.

Стиснутый с боков стражами, Тони шагает к голове поезда. В эту минуту состав трогается. В окнах проплывают лица ни о чем не подозревающих пассажиров.

Дверь, из которой спускался Тони, по-прежнему открытая, поравнялась с ним. Неожиданно для цыган он вырывается и запрыгивает в вагон.

Пересечь тамбур, рвануть на себя противоположную дверь и выскочить из нее — все это заняло считанные секунды. Тони кубарем скатывается по насыпи и в траве вскакивает на ноги. Вокруг, насколько хватает глаз, простираются поля и леса.

Поставив все на карту, он не оглядывается, а опрометью бежит по прерии. Мчится во весь дух, перемахивает через изгородь, за которой луг идет под уклон.

Наконец, едва не падая с ног, входит под багряную листву леса.

Спустя какое-то время он уже шагает по обочине автострады в сорока милях от Монреаля, отчаянно жестикулируя, безуспешно пытается остановить какую-нибудь из пронесшихся мимо автомашин. В конце концов притормаживает тяжелый грузовик — ровно настолько, чтобы Тони успел открыть дверцу и заскочить в кабину.

Чемодан и пиджак Тони с размаху брошены на землю у ног мужчины с ножом. Цыган, усыпанный драгоценностями, гневно восклицает на родном языке:

— Нас пятеро! Пятеро! И он от нас удрал!

— Нас не пятеро. Нас десятки, нас сотни, нас тысячи!

Подхватив чемодан Тони, цыган распаковывает его и вываливает содержимое на землю.

— Ну, чего ждете?

Остальные принимаются методично уничтожать пожитки беглеца.

— Куда бы он ни подался, мы там будем! Его песенка спета.

И, чтобы придать своим словам больший вес, он раздражает надвое пиджак Тони.

ДЕТСКАЯ КРОВАТКА

Барабаны и трубы.

На обширной лужайке, окруженной красными строениями викторианской эпохи, посреди разноцветных знамен проходит парад майореток¹.

У той, что их ведет, в правой руке шпага. Это яркая блондинка, исполненная сознания собственной значимости, в белых сапожках, белой мини-юбке и кивере с золотыми галунами.

Она по-военному чеканит шаг, делает резкий поворот — так, что в воздух взметается ее роскошная грива, но лицо хранит каменную неподвижность. Она не смотрит ни на свой отряд, ни на собравшихся по краям лужайки зевак. Она смотрит лишь внутрь себя.

Это происходит в Вестмаунте, одном из фешенебельных кварталов Монреаля.

А Тони Кардо в эту минуту находится на другом конце огромного города. Подобранный его водитель, должно быть, высадил его на южном берегу реки Св. Лаврентия, потому что последние мили, оставшиеся до города, Тони приходится преодолевать пешком. Изнуренный, в потемневшей от пота и пыли белой рубашке, со сбившимся набок галстуком, он в одиночестве шагает по исполинскому мосту Жака Картье, переброшенному над рекой.

Далеко впереди сквозь металлический настил моста виднеются высокие здания Монреаля. Внизу, на острове Святой Елены, блистает в лучах солнца огромный стеклянный шар — павильон, построенный Соединенными Штатами для выставки «Земля Людей».

Тони делает вялые попытки остановить автомобилиста в плотном потоке, но уже не верит в удачу.

Внезапно около него затормаживает автомобиль. Это лимузин с маргариткой.

Распахивается задняя дверца, из нее выскакивает мужчина с ножом, уже готовый метнуть свое оружие. Тони пригибается и стремглав бросается назад, оставляя за спиной Монреаль и концерт автомобильных гудков.

Чтобы поймать его, цыганам остается одно-единственное: доехать до конца моста и там развернуться — это больше двух миль.

Когда они нагоняют Тони, тому едва хватает сил, чтобы повернуть и устремиться в обратном направлении.

¹ Майоретка — девушка в военной форме, участвующая в параде.

Цыгане рвут машину с места, доезжают до другого конца моста, снова возвращаются.

Силы Тони на исходе. Спинай он чувствует приближение лимузина с маргариткой и леденящий холод лезвия.

Ответвление дороги посреди моста плавной кривой спускается к острову Святой Елены. Тони устремляется туда. Ноги несут его, выдохшегося, к сверкающему гранями шару.

Автомобиль с цыганами сворачивает на эту же дорогу.

Подтянувшись, Тони перемахивает через металлическое ограждение.

Когда лимузин с маргариткой тормозит у этого ограждения, Тони ныряет в открытую в гигантской сфере дверь.

Внутри тишина, гулкий простор покинутого, мертвого храма будущего.

Тони слышит только чудовищно усиленный звук своих шагов. Он взбирается по ступенькам одного из эскалаторов, идет вдоль поручней на втором ярусе. Он бежал бы и дальше, но куда?

Тут его и настигает выстрел.

Он ждал этого выстрела в спину и удивился лишь тому, что еще жив. Стреляли не в него.

Повернув голову, он обнаруживает на другом эскалаторе мужчину с револьвером в руке, который пошатывается от пуль, выпускаемых по нему с первого этажа.

Он скатывается по лестнице, как кукла, и приземляется у самых ног Тони.

Снова тишина — тревожная, напряженная тишина.

Незнакомец роняет револьвер. Он стонет и открывает глаза. Преодолев смутение, Тони склоняется к нему.

Незнакомец говорит слабым, бесцветным голосом:

— Вы врач?

— Нет.

— Тогда уходите. Послушайте... Чарли хочет быть хитрее всех! Тобогтан уже мертва. (Его пальцы стискивают руку Тони.) Вы слышите? Тобогтан покончила с собой!

— Погодите, я вам помогу.

— О Боже! Нет!.. Бумажник... В кармане...

Тони достает из кармана раненого бумажник. Из него высовывается конверт.

— Откройте конверт.

Тони повинуется. Внутри три пачки новеньких банкнот.

— Возьмите их.

Издали доносится полицейская сирена, Тони сует деньги за пазуху. Куда деть бумажник и конверт, он не знает. В конце концов запикивает их за пояс.

— Повеселитесь на них... от души.

Голова незнакомца откидывается назад.

Совсем рядом раздаются шаги. Тони устремляется к лестнице и слышит позади себя крик:

— Стой!

Тони повинуется, оборачивается. И правильно делает. Их двое, в легких костюмах; один, что помоложе, держит его за

мушке логера, другой, высокий брюнет, достает из кармана наручники. Тони спускается с приподнятыми руками.

— Вы заблуждаетесь. Это не я его убил.

Молодой человек с логером — на вид ему от силы лет двадцать — посылает своему спутнику ироническую улыбку.

— Слышишь, это не он его убил!

Высокий брюнет склоняется к убитому, подбирает лежащий рядом револьвер и обыскивает его карманы. Ничего не найдя, он выпрямляется.

— Где бумажник?

— Вот.— Тони показывает на свой пояс.

Высокий вытаскивает из-за пояса бумажник с вложенным туда пустым конвертом и, не глядя, сует его себе в карман. Снова раздается полицейская сирена — уже ближе.

— Я не брал его. Он сам мне дал.

Высокий подталкивает Тони к эскалатору.

— Потом объяснишь.

У выхода из стеклянной сферы стоит большая черная машина.

Открывается задняя дверца, Тони бесцеремонно заталкивают внутрь. Молодой человек с револьвером садится рядом, а высокий брюнет уже за рулем. Автомобиль срывается с места.

У едущего по шоссе черного автомобиля верх сдвигается назад, убираясь в глубь кузова.

Тони стоит на коленях, лицом к заднему сиденью. Молодой человек рядом с ним спрятал свой револьвер и теперь с наслаждением втягивает воздух.

— Так лучше?

Высокий прибавляет газу.

Автомобиль катит по пустынному, проложенному сквозь лес шоссе где-то в Квебеке. Стоит бабье лето, погожее предвечернее время.

— Вы не из полиции! — обращается Тони к молодому.

— Что он говорит?

— Он хочет, чтобы я его придушил.

— Пока нельзя. Его должен увидеть Чарли!

Поток воздуха уносит их слова, и они вынуждены перекрикываться.

Молодой, взяв сигарету, осторожно поднимается и перегибается вперед, чтобы достать прикуриватель.

Тони поворачивает голову и наблюдает за его действиями.

С проворством зверя, увидевшего перед собой разверзшуюся западню, он подныривает под молодого и резко выпрямляется, отрывая его от пола.

Потеряв равновесие, молодой вываливается из автомобиля с воплем: «Ришио!..»

Тони уже повернулся к переднему сиденью и пытается забросить руки за голову высокого, чтобы задушить его наручниками, но это ему не удается. До упора выжав тормоз, водитель одной рукой стискивает его за запястье.

Машина идет юзом, виляя от одной обочины до другой, наконец останавливается поперек дороги.

Тот, которого зовут Риццо, наставляет на Тони револьвер.
— Выходи!

Чувствуется, что он с большим трудом удерживается, чтобы не нажать на спусковой крючок.

Он выходит, вытаскивает Тони из машины, толкает его впереди себя, и они бегут к тому месту, где выпал его напарник.

Молодой стоит на коленях в кювете. Пиджак на нем порван, руки сжимают окровавленную голову.

— Пол!.. Пол!.. А ну-ка, ты, помоги! — Риццо зло смотрит на Тони, потом наклоняется к Полу.

Поддерживаемый с двух сторон, Пол встает на ноги и тотчас отпихивает помощников.

— Да ладно, все в порядке!..

Тони в наручниках пятится по дороге. Пол смотрит на него с ненавистью, ловит свой люгер, но Риццо удерживает его от выстрела.

— Нет! Решать будет Чарли.

Пол с яростью отворачивается и, хромя, шагает к машине.

Черный автомобиль тормозит, и все трое выходят из него одновременно.

Они неподалеку от шлюза на одном из рукавов реки Св. Лаврентия.

Тут несколько домиков, понтонный причал, к которому пришвартованы катера, две старенькие бензоколонки, а вокруг река и деревья.

Приехавшие направляются к причалу. Тони и Риццо поддерживают Пола, который успел вытереть лицо, но на ногах уже не держится.

В нескольких шагах от них, сидя на корточках, мужчина в синем рабочем комбинезоне возится с колесом и смотрит, как они приближаются.

— Он болен?

Риццо отрицательно мотает головой.

Они сходят в обшарпанную моторную лодку у причала. В ней два сиденья. Риццо снова садится за руль, двое других — сзади.

Мужчина с колесом продолжает наблюдать за ними. Но теперь все его внимание обращено на Тони Кардо. Он провожает взглядом удаляющуюся от причала лодку. В его ухе блестит большое золотое кольцо.

Он поднимается, то и дело оглядываясь в сторону лодки, входит в стеклянное здание заправочной станции и снимает трубку телефона.

Тони косится на сидящего рядом Пола — тому явно нехорошо.

Он осторожно, почти незаметно придвигается к нему. — вероятно, в надежде вытащить из кармана его пиджака люгер.

Лодка идет быстро, вздымая высокий бурун. Река усеяна

зеленеющими островами, где под деревьями вьются редкие домишки.

Риццо оглядывается.

— Пол!

Встрепенувшись, Пол устремляет взгляд на Тони. Тот не шевелится.

Рукава реки становятся все уже.

— Тут полным-полно уток... Я бы не отказался как-нибудь поохотиться на уток,— мечтательно произносит Риццо.

Пол все так же пристально, с нескрываемой ненавистью смотрит на Тони.

— Поганый французишка.

— Да, уток здесь видимо-невидимо.

На деревянном причале стоит рослый, мускулистый мужчина с перебитым носом боксера: это Маттоне. Он смотрит на приближающуюся моторку.

Риццо, заглушив мотор, бросает ему швартов.

Маттоне принимает его, разглядывая Тони.

— Все, кокнули Реннера,— сообщает Риццо.

— А это кто?

— Свидетель.

Место, куда они приехали,— уединенный островок на реке Св. Лаврентия. Зеленая лужайка поднимается к выкрашенному белой краской деревянному домику с верандой, постройки прошлого века. Невдалеке виднеется неподвижный силуэт часового в шляпе и с винтовкой.

Дом стоит среди деревьев. Тут же рига и несколько вывесок, указывающих, что это трактир, но поверх них укреплены таблички на двух языках — английском и французском.

CLOSED — ЗАКРЫТО

Все это Тони успевает увидеть, пока выходит из лодки и делает первые шаги по причалу.

Маттоне подталкивает его к веранде.

— Чарли будет недоволен.

У них за спиной Риццо помогает Полу выбраться из моторки и поддерживает его при ходьбе. Полу явно стало хуже.

— Иди-иди, от этого не померишь.

— Ставлю десять долларов, что помру.

— Заметано.

Из окна кухни на приближающуюся четверку смотрит женщина. Ей лет тридцать пять, у нее хищная красота и много повывавшие глаза. Поверх юбки полотняный передничек. Ее зовут Шугар.

Отвернувшись от окна, она открывает духовку, достает пирог и ставит его на стол.

Маттоне грубо вталкивает Тони в кухню. Позади них Риццо и Пол ступили на деревянную лестницу, ведущую на второй этаж.

Шугар равнодушно осматривает вошедшего.

— Кто это?

— Так, один тип, который скоро помрет.

Шугар продолжает смотреть на измочаленного Тони.

— Но прежде он выпьет чашку кофе.

Она снимает с одной из плит подогревавшийся кофейник и наполняет чашку. плит здесь много, ведь это кухня трактира.

— Что приключилось с Полом?

Она ставит чашку с кофе на стол. Молчание. Тони садится.

— Эй! Тебе говорят! Что приключилось с Полом?

— Сошел на ходу.

С этими словами Тони берет налитую ему чашку. Руки его по-прежнему скованы наручниками. Когда он подносит чашку к губам, сверху в нее падает дымящаяся сигарета.

Он ставит чашку на место. Поднимает глаза. Над ним стоит высокий мужчина и рассматривает его — внимательно и спокойно, без тени враждебности. словно козявку.

Это Чарли.

С неожиданной грубостью он отрывает Тони от стула, швыряет его лицом к стене и профессионально, с головы до ног, обыскивает.

Весь его улов — платок и ключ с брелоком в форме сердечка.

Он отходит. На лице никакого разочарования. Вообще ничего. Тони поворачивается и прислоняется к стене спиной.

Чарли показывает на ключ:

— Что он открывает?

— Мою комнату.

— И где она, твоя комната?

— В Париже.

Позади Чарли, на другом конце кухни, стоят Шугар, Маттоне и только что вошедший Риццио.

— Где именно в Париже?

— На улице Нотр-Дам-де-Шан.

Молчание.

Шугар снимает передник и направляется к двери.

— Схожу проведу Пола.

В кухне остались одни мужчины. Чарли показывает Тони бумажник Реннера с конвертом внутри.

— Где деньги?

— Какие деньги?

— Реннер дал тебе этот бумажник пустым?

— А кто такой Реннер?

Чарли, сдерживаясь, опускает голову. У него за спиной Маттоне щелкает костяшками пальцев.

— Отдай его мне, Чарли.

— Нет. У него наша касса.

— Ну хоть на полчаса.

— Я же сказал: нет. — Чарли обращается к Тони: — Что ты делал в этом шаре?

— Спал и видел сон, будто меня там нет.

Чарли, по-прежнему сдерживаясь, качает головой. Возможно, он даже отдает должное отваге Тони.

В этот миг снаружи доносится выстрел. Чарли и его люди оборачиваются и прислушиваются.

— Это Пеппер! — кричит Маттоне.

Все трое, привыкшие жить начеку, действуют стремительно. Чарли хватается Тони и тащит его за собой из кухни. Двое других уже на пороге.

К кухне примыкает обеденный зал трактира. Чарли выталкивает Тони на середину и обращается к Риццио:

— Привели на хвосте фараонов?

— Мы фараонов не видели! Только слышали их сирену!

Чарли уже у пирамиды оружия, запертой на висячий замок. Он отпирает ее, хватается две винтовки, бросает одну из них Риццио, и тот выбегает из дома. Чарли устремляется вслед за Риццио.

В зале воцаряется тишина. Зал велик — больше двух третей всей площади этажа — и обставлен добротной мебелью в стиле эпохи покорения Америки.

В глубине стоят бильярд, игорный стол, игровой автомат. Центр занят четырьмя диванами, окружающими низенький столик. Пол устлан индейскими коврами.

Как и в кухне, здесь чувствуется некоторая заброшенность. Похоже, посетителей не принимали давненько.

Гнусно ухмыляясь, Маттоне приближается к Тони, щелкая суставами огромных пальцев.

— Моральная проблема! Можно ли бить пленного?

Тони пятится, прикрываясь скованными руками.

— Чарли тебе уже сказал.

— Вот именно. — Маттоне ударяет Тони в живот, и тот летит на пол. — Так что там сказал Чарли?

Тони поднимается, опираясь о стену, и снова отступает перед боксером.

— Ты у нас смазливенький. Должно быть, бабам нравишься. Это несправедливо. — Маттоне наносит еще один удар — на сей раз в лицо, и Тони опять на полу.

Пленник встает, цепляясь за бильярд. Губы у него разбиты в кровь.

Боксер посылает очередной крюк, но Тони парирует его руками и бьет сам — коленом в низ живота.

Маттоне вопит, но на ногах удерживается, и Тони, зажав его голову, увлекает за собой на пол.

Маттоне хватается за запястья Тони и отчаянно пытается их раздвинуть, но Тони, резкими рывками усиливая хватку, помогает себе ногами и не выпускает его.

Но тут в его грудь вдруг упирается ствол винтовки. Это вернулся Чарли: стоя над Тони, он снова смотрит на него как на козлявку.

Тони отпускает Маттоне и на четвереньках отползает в сторону. Маттоне продолжает сидеть, постепенно приходя в себя.

Чарли помогает Маттоне подняться.

— Начинаешь перебарщивать, Фрогги.

— Что это означает — Фрогги?

— Frog-cater, лягушатник. Так у нас называют французов.

Маттоне собирается броситься на своего врага, но Чарли винтовкой преграждает ему путь.

— Сказано же тебе: оставь его в покое!

— Это он первый начал.

— Неправда!

Маттоне приводит в порядок одежду и, кипя злостью, выходит. Слышно, как открывается и с грохотом захлопывается за ним входная дверь.

Тони по-прежнему сидит на полу, со скованными руками. Он истратил в схватке все силы и теперь даже не пытается подняться.

Внизу лестницы появляется Шугар и молча смотрит на него.

— Что это было, снаружи?

— Нашему часовому вздумалось поохотиться.

Шугар достает из комода салфетку, склоняется над Тони, утирает ему лицо и помогает встать, широко улыбаясь при этом.

— А мне нравится этот парень!

Они с Чарли переглядываются, потом она ведет Тони на кухню и отрезает ему внушительный кусок пирога, вытасченного из духовки. Присев рядом на корточки, она наблюдает, с каким аппетитом Тони ест.

— Меня зовут Шугар. Вкусно? (Тони с воодушевлением кивает.) У меня было четверо мужей, и все любили хорошо поесть.

— Четвертый еще при вас?

— Не знаю. В последний раз я сломала ему зеркальцем в серебряной оправе левую ключицу. Нет, правую.

Тони смеется.

— Я-то думал, что Шугар — это значит «сахар».

Шугар тоже смеется и встает.

— Меня прозвали «Шугар» из-за моих пирогов. Тот здоровый амбал — Маттоне. Привез вас, Рицию. А вас как звать?

— Фроги.

Тони смотрит на стоящую перед ним Шугар: красивые ноги, чувственный рот. Взгляд ее кажется почти дружеским.

— Давно вы приехали в Монреаль? — спрашивает Шугар.

— Сегодня утром.

— Кто вас преследует?

Тони в замешательстве.

— Никто.

— Мне сказал об этом Чарли. А Чарли никогда не ошибается. После длительного колебания Тони предпочитает солгать.

— Полиция.

— За что?

Снова колебание. Они смотрят друг другу в глаза.

— Ограбление.

Шугар пожимает плечами. Это не причина, чтобы проделать такой путь.

— Я убил фараона.

Не своди с него глаз, Шугар отступает на несколько шагов. Потом спокойно зовет:

— Чарли!.. Чарли!..

В это время Чарли в большом зале, стоя у оружейной пирамиды, ставит на место винтовки, которые брал для себя и Риццо. Он на миг поворачивает голову, но продолжает заниматься своими делами. Подходит Риццо и протягивает ему еще два пистолета.

— Это Пола и Реннера.

Вошедший со двора Маттоне хмуро наблюдает за ними.

— Оружие надо бы иметь каждому.

— Ты получишь его, только когда вздумаешь застрелиться. Не раньше.— Чарли запирает пирамиду на замок, прячет ключ в карман, направляется в кухню и останавливается на пороге. Риццо и Маттоне выглядывают у него из-за плеч.

Шугар дружески беседует с Тони:

— Расскажи, Фрогги.

— Я сказал ей, что убил полицейского... Во Франции, во время налета...

На сей раз он блефует совершенно уверенно. Маттоне взрывается:

— Да врет он!.. Чарли, от него надо избавиться немедленно! Чарли!..

Он умолкает, а Чарли холодно рассматривает Тони.

— Тебя слушают.

— Я сел на грузовое судно. Вчера я был в Нью-Йорке. Полицейские меня засекли и даже стреляли в меня.

— Он врет! — кричит Маттоне.

Стесненный в движениях наручниками, Тони расстегивает на груди рубашку, демонстрируя окровавленную повязку.

Это производит впечатление. Даже Маттоне прикусывает язык. Наступает гулкая тишина.

Чарли неспешным шагом возвращается в зал, ни на кого не глядя. Подходит к лестнице и усаживается на нижних ступеньках. Размышляет. Остальные замирают в ожидании.

— Риццо, дай-ка мне сигарету.

Риццо берет из пачки сигарету и подает ему.

— Освободи ему руки.— Чарли достает из кармана ножичек с красной ручкой и бросает его Риццо. Тот подходит к Тони и отточенным кончиком лезвия отпирает замок наручников.

Тони потирает запястья. Чарли, повернувшись к нему, сквозь стойки перил протягивает десятидолларовый билет.

— Это все, что я могу для тебя сделать, Фрогги. На другом конце острова — мост. В двух милях за мостом — автострада. Желаю удачи.

Тони с недоверием берет деньги и, не сводя с Чарли глаз, пытается понять, что за ловушка приготовлена ему на этот раз.

— Я могу уходить? Прямо так?

— Ну, раз ты из наших...

Тони медленно пятится к выходу. Потом быстро поворачивается и уходит, не дожидаясь продолжения.

Все молча смотрят ему вслед.

Под ногой у Тони хрустит сучок.

Он находится в лесу, окружающем дом и играющем всеми

красками. Скоро наступят сумерки, сквозь ветви деревьев проглядывает багровый диск солнца.

Тони осторожно подходит к опушке леса и вдруг застывает.

С этой стороны остров соединяет с берегом старый деревянный мост метров пятидесяти в длину и достаточно широкий для проезда транспорта. У противоположного конца моста стоит автомобиль. Это димузин тридцатых годов со стилизованной маргариткой на дверцах.

Вокруг машины трое цыган: мужчина с ножом, игрок на свирели и тот, на голове у которого черная шляпа с круглой тульей.

Игрок на свирели, привалившись к дереву, наигрывает какую-то печальную мелодию. Остальные двое стоят в нескольких метрах от него. Они не двигаются. Курят и ждут.

Тони поворачивает назад и поспешно возвращается к дому. Красное солнце за рекой воспламенило лес.

Когда Тони открывает дверь, он обнаруживает всех, кроме Рицию, на прежних местах.

Чарли сидит на нижних ступеньках лестницы, Шугар и Маттоне стоят по другую сторону перил.

— Ты хитер, Фрогги.— Чарли кивает в сторону Маттоне.— А вот он — нет. Он поспорил со мной на пятьдесят долларов, что ты не вернешься.

— Если кто-нибудь сумеет объяснить мне, почему он вернулся, то денежки будут потрачены не зря! — бормочет с досадой Маттоне.

— Он вернулся, потому что ему понравились мои пироги.— кокетливо произносит Шугар.

В этот миг позади Тони в дверном проеме вырастает Рицию. В руке он подбрасывает бильярдный шар.

— Может, он заметил, что я слежу за ним.

Тони никак не выказывает своего отношения к тому, что здесь говорится.

— Я ему верю. Ему просто нужно спрятаться.— Чарли протягивает Тони руку, ладонью вверх.— Мои деньги, Тони.

Тони достает из-за пазухи десятидолларовый билет и кладет его на ладонь Чарли. Тот какое-то время остается недвижим, потом вздыхает.

— Мои пятнадцать тысяч долларов.

Тони по-прежнему молчит, глядя ему прямо в глаза.

Внезапно Чарли сжимает билет в кулаке.

— Если ты не знаешь, где они, то зря вернулся, Фрогги.

— Я знаю, где они. Только пытаюсь поставить себя на твое место.

— Вывод?

— Пока я молчу, ты со мной ничего не сделаешь. Я ценный кадр,— улыбается Тони.

Некоторое время Чарли молча разглядывает его. Потом, в свою очередь, улыбается, качая головой.

— Ты блефуешь. Ничего ты не знаешь.

— Это новенькие стодолларовые банкноты. Их там три пачки еще в банковской упаковке.

Улыбка сходит с лица Чарли, а Маттони взрывается.

— У нас есть способы заставить тебя заговорить!..

Все оборачиваются к Чарли.

— Точно.

— Попробуй.

Тони говорит негромко, слегка прерывающимся голосом, но по-прежнему смотрит Чарли прямо в глаза.

Чарли поднимает наручники, оставшиеся на ступеньке, и бросает их Риццо.

— Надень-ка их на него снова.

Потом он встает, словно потеряв к окружающему всякий интерес, берет из большой коробки сигару и тщательно ее раскуривает. Плюхается на диван и принимается разглаживать ладонью на бедре десятидолларовый билет, который вернул ему Тони.

— Мой дед в Мичигане — тот каждую неделю разглаживал заработанные деньги утюгом... Старым таким утюгом с угольями внутри... Уголья накладывал я.

Все замерли и слушают.

Чарли поднимает глаза и, видя, что все ему внемлют, складывает билет пополам и прячет его в карман.

— В твоём рассуждении, Фрогги, есть один изъян. Деньги не нужны мне прямо сейчас.

Он встает и включает на столе лампу. Только тут Тони обнаруживает, что уже наступил вечер.

— Ночь покажется тебе более длинной, чем мне.

— Где он ляжет? У меня нет больше ни одной кровати, — недовольно спрашивает Шугар.

— Риццо принесет железную, из сарая.

— Но это же детская кроватка!

— За десять долларов сойдет и она.

— В Париже Чарли ночевал в «Ритце», не платя ни гроша! — гордо заявляет Риццо.

Под взглядами остальных он умолкает. Но Тони благодарен ему за то, что он попытался разрядить атмосферу.

— Если кормить тут будут так, как я ожидаю, мне это подходит.

Видно, что Шугар польщена.

— Знаешь, а мне он нравится все больше и больше, — обращается она к Чарли.

Чарли в ответ лишь качает головой. С одного из кресел он берет клетчатую красную курточку и направляется к Маттоне. Остальные следят за каждым его движением.

Чарли понуждает бывшего боксера повернуться и надевает на него клетчатую курточку — спокойно, уверенно, как одевал бы сына отец. Маттоне словно не замечает процедуры и не сводит враждебного взгляда с Тони.

— Общешься лодку. Если не найдешь там денег, общешься машину у шлюза, — говорит Чарли.

Маттоне кивает и направляется к двери, все так же косясь на

Тони. На пороге он оборачивается и гневно наставляет на него палец.

— Если все это напрасно — он-то знает! Ох, и потешается же, наверно, про себя!

Лицо Тони все так же бесстрастно. Он молча опускает голову. Боксер хлопает дверью.

Комната на втором этаже.

На спинке стула — куртка Пола. Раненый лежит на кровати. Его освещает ночник у изголовья. На голове у Пола повязка. Глаза закрыты. Ему очень плохо.

Склонившись к нему, Чарли тихонько окликает его.

— Напрягись, малыш...

— Чарли?

— Да... Послушай... Мне нужно отыскать деньги... Чтобы оплатить расходы на операцию, понимаешь?

— Я сделал Реннера, Чарли... И вовсе не было страшно...

Чарли приподнимает его за плечи, хотя уже и чувствует, что ничего не добьется.

— Пол!.. Пол!..

Голова больного сваливается набок.

Чарли опускает его в кровать и выпрямляется. Смотрит на него какое-то время, слышит, как он стонет в забытьи. Потом гасит ночник у изголовья и открывает дверь.

На пороге он спохватывается и вновь зажигает ночник рядом с юношей. Чтобы не оставлять его в темноте.

Другая комната — в конце коридора, который делит второй этаж надвое. Риццо и Тони втаскивают в нее металлическую детскую кроватку. Одна кровать, большая, там уже стоит. С сигарой в зубах заходит Чарли.

Риццо окидывает критическим взором сначала кроватку, потом Тони.

— Шугар права. Ему сюда не влезть.

Чарли вместо ответа просто-напросто отсоединяет боковину от кроватки.

Пока Риццо стелит простыни и кладет подушку, Тони разглядывает шахматы на столе. Вырезанные из дерева фигурки расставлены в положении уже начавшейся партии.

— Это я их вырезал! — гордо произносит Риццо.

— Коллекционер отвалил бы за них целое состояние.

— Ты слышишь, Чарли?

Чарли смотрит на шахматы. Он впервые удостаивает их вниманием.

— Риццо у нас артист. Он еще и рисует.

Улыбка сползает с лица Риццо. Потом он, словно покоряясь, качает головой.

— Хорошо. Я иду.

Направляется к двери, напоследок бросив на Тони полный сожаления взгляд. Слышно, как он спускается по лестнице.

— А ты ловок, Фрогги. Сначала Шугар. Потом Риццо. Шустрик. — Чарли направляется к окну и смотрит на последние

блики заката на реке.— Отсюда замечательный вид. А тебе какой здесь уголок больше нравится?

— Там, у воды,— удивленно отвечает Тони.

— Годится. Если завтра утром ты не вернешь мне мои бабки, там тебе и выкоют могилку.

Труп Реннера в выставочном павильоне Соединенных Штатов. Вокруг тела стоят полицейские, суетится фотограф, поминутно щелкая вспышкой.

Голос комментирует:

— Джулиус Реннер, сорок восемь лет, был зрителем Театра на площади Искусств. Убит, конечно, грабителем. Остается лишь в очередной раз с прискорбием констатировать рост преступности в нашем городе...

Это вечерние новости по цветному каналу канадского телевидения.

Шугар выключает телевизор и возвращается к остальным, которые ужинают в большом зале.

— Отбой тревоги!

За овальным столом, где пусто всего одно место, только Тони смотрит передачу. У Риццио и у Маттоне перед глазами по иллюстрированному журналу: у Риццио — комиксы, у Маттоне — раздетые красотки. Чарли погружен в бюллетень скачек и, не переставая зевать, подчеркивает карандашом клички лошадей.

Тони по-прежнему в наручниках. Перед ним — ни тарелки, ни прибора. Есть ему не дают. Он вынужден довольствоваться зрелищем того, как едят другие.

— Реннер получил по заслугам. Никогда нельзя доверять фараону,— говорит, не поднимая глаз, Маттоне.— Вместо того чтобы повернуть с нами дельце, вздумал смяться с денежками.

— Какое дельце? — спрашивает Тони.

Наступает молчание. Шугар сидит на противоположном конце стола, и перед ней тоже журнал — кинематографический.

Все смотрят на Тони, потом Чарли переводит взгляд на Маттоне.

— Он задал тебе вопрос.

— Ему это знать не полагается.

— Тогда зачем говоришь?

Насупившись, как уличенный в недобросовестности ученик, Маттоне утыкается в журнал. Остальные тоже. Но спустя миг он не выдерживает: это сильнее его.

— Послушай, Чарли, я не виноват, что не нашел деньги! Я все перерыл!

Чарли холодно пододвигает к нему тарелку, как бы говоря: «Ешь и молчи». Маттоне повинуется. Они едят тушеное мясо с фасолью.

— Ну как, вкусно? По-моему, вкусно.— Шугар поворачивается к Тони. Тот зверски голоден, но улыбается ей, и она улыбается ему в ответ.

Совершенно неожиданно — до сих пор не было слышно ни звука — кто-то, вновь пришедший, швыряет на стол между

Тони и Шугар фазана. Великолепного красно-золотого фазана. Незнакомец направляется к пустующему месту и кладет свой винчестер на стол. Оказывается, это не мужчина, а девушка — совсем юная, но с непроницаемым лицом и ледяным взглядом.

Когда она снимает шляпу, по плечам ее рассыпаются длинные черные волосы.

— Это сестра Пола Пеннер, а это Фрогги, — объясняет Чарли.

Девушка достаивает Тони лишь беглым взглядом. Не садясь, она рукой накладывает в пустую тарелку куски мяса, отправляя некоторые из них в рот.

Наполнив тарелку, она забирает ее и винчестер и поднимается по лестнице на второй этаж. За все это время она не проронила ни слова.

— Пеннер — это значит «перец». Не обращай внимания, Фрогги.

— Ему как раз не помешало бы обратить внимание. У нее-то ружье, — с завистью говорит Маттоне.

— У нее ружье, чтобы охотиться.

— Когда она узнает, кто приложил ее брата, тогда поглядим, на кого она будет охотиться. — Чарли продолжает есть, не поднимая глаз.

Маттоне хохочет. Риццию на мгновение отрывается от журнала и бросает взгляд на Тони. Шугар, чтобы разрядить атмосферу, встает, берет фазана за лапы и взвешивает в руке.

— Я приготовлю его завтра вечером. С грибами.

И уходит на кухню.

Шугар толкает дверь в комнату Пола и входит с чашкой настоя.

Пол лежит в кровати с открытыми глазами, тяжело дыша.

Пеннер сидит подле него на стуле, с винчестером на коленях. Тарелка, которую она наполняла внизу, так и стоит нетронутой на столике у изголовья.

— Скажи, он не умрет, а?

— Да нет же. — Шугар садится на край кровати и заставляет больного выпить. Тот неосознанно повинуется.

— Ему бы доктора, — говорит Пеннер.

— Ты же знаешь, что нам нельзя.

— Когда-то у нас был свой доктор!

— Те времена прошли, Пеннер.

Подоткнув Полу одеяло, Шугар собирается уходить. Но Пеннер выпрямляется и задерживает ее.

— Кто это с ним сделал?

Перед Шугар хищный зверек, раненый, опасный.

— Реннер. Он мертв.

Шугар выходит. На лестничной площадке она смотрит на чашку — в ней осталось немного настоя. Чтобы не пропадать добру, она допивает его сама.

Ручица Маттоне выдирает из горшка цветок вместе с землей и корнями.

Бывший боксер ставит цветок на голову статуэтке, а пустой

горшок — на бильярдный стол. Потом он садится возле Риццио, который вырывает из журнала страницы и комкает их в шар.

На овальном столе, с которого еще не все убрано, Чарли раскладывает пасьянс. Тони со скованными руками сидит поодаль.

В зал входит Шугар и собирает со стола оставшуюся посуду. Она смотрит на Чарли.

— Партию в gin-rummy?¹

Чарли берет колоду.

— Десять центов очко.

Шугар усаживается напротив него. Тем временем Тони наблюдает за тем, как забавляются Маттоне и Риццио: они бросают скомканные журнальные страницы в пустой цветочный горшок.

— С кем сыграешь, Тони, с ними или с нами? — спрашивает Шугар.

Чарли, начавший сдавать карты, поворачивается к Тони, но ничего не говорит.

Тони нерешительно встает, подходит к Риццио и сует ему под нос свои наручные часы на запястье. Довольно симпатичные золотые часы — все, что у него осталось.

— Двадцать пять долларов — и часы твои, Риццио.

Риццио снимает часы с его руки, подносит к уху, слушает и достает деньги.

— Ведь у тебя уже есть часы! — возмущенно кричит Маттоне.

Действительно, у Риццио есть часы — на левой руке. Купленные у Тони он надевает на правую.

— Двадцать долларов и три сигареты. Просто чтобы поторговать, — говорит Тони.

Поначалу удивившись, Риццио достает пачку сигарет. Тони вытаскивает из нее три штуки и садится за овальный стол. Кладет перед собой купюры и прихлопывает их сверху ладонью.

— Чарли, хочешь пари на двадцать долларов?

Уверенно, несмотря на наручники, Тони ставит одну из сигарет стоймя на стол. Потом — медленней, аккуратней — ставит на нее другую, и они не падают.

Риццио и Маттоне, заинтересовавшись, подходят и смотрят из-за плеча Шугар.

Без колебаний, но с величайшими предосторожностями Тони ставит на две сигареты третью. И она стоит.

— Если сделаешь так, заберешь все, — обращается Тони к Чарли.

Все заворуженно смотрят на хрупкую башенку. Тони щелчком сбивает ее.

Чарли достает купюры, кладет их поверх денег Тони и берет со стола три сигареты.

Ему удается поставить первую, потом вторую сверху. Третья падает, едва он отнимает пальцы.

¹ Кункен, вид карточной игры (англ.).

Вздых. Какое-то время Чарли остается неподвижным, потом подбирает сигарету, подносит ее ко рту и закуривает. Риццио и Маттоне, разочарованные, возвращаются к прерванной игре.

— А у Фрогги ловкие пальцы, раз ему удалось такое. Он мог бы нам пригодиться.— Шугар явно ждет ответа. Но Чарли ограничивается тем, что сгребает со стола сорок долларов. Тони делает движение, чтобы их удержать, но опаздывает.

— В погашение того, что ты мне должен, Фрогги.

Чарли возвращается к прерванной партии.

А за мостом, привалившись к дереву, цыган с кожаной полоской на лбу, усеянной золотыми кнопками, играет на свирели.

Остальные двое сидят на земле, подле угасающего костра.

Они находятся более чем в километре от дома. Тишину здесь нарушает только песнь свирели. Цыгане не собираются убивать Тони у посторонних людей. Они ждут, вот и все. Они будут ждать столько, сколько понадобится.

Стоит очень светлая ночь, ночь полнолуния, и мелодия, та же, что была утром, теперь звучит угрожающе.

В комнате Риццио, у окна, Тони свернулся в детской кроватке. В большой кровати крешко спит Риццио.

А Тони не спится:

В доме нельзя услышать свирель цыгана, караулящего там, за мостом. Но он, Тони, слышит. Она звучит у него в голове. Надрывная и неотвязная, как воспоминания, которые мешают ему уснуть.

ПОЖАРНАЯ МАШИНА

Тысяча лесных звуков.

В окне коридора второго этажа из-за деревьев встает багровое солнце.

У самого окна чье-то затаенное дыхание. Это Маттоне, прижавшись к стене, смотрит в щель чуть приоткрытой двери. Он одет в старый, поношенный боксерский халат. На спине еще можно прочесть вылинявшую надпись: BOMBER MATTONE¹.

Подсматривает же он за Шугар в ванной комнате. Она только что приняла душ и вытирается махровым полотенцем.

Как следует насладиться зрелищем Маттоне не удается: на его плечи падает пара тяжелых рук. Это Чарли в майке — схватив бывшего боксера, он изо всех сил вбивает его головой в стену. Ловит и по-прежнему молча, безжалостно отшвыривает к противоположной стене коридора.

Это нокаут. Ошеломленный, окровавленный, Маттоне обрушивается на пол. Сцена продолжается каких-нибудь три секунды, но грохот сотрясает весь дом.

На пороге своей комнаты вырастает Тони в наручниках. Риццио, который успел спуститься на первый этаж, взбегаёт по

¹ Бомбардир Маттоне (англ.).

лестнице, спеша увидеть, что происходит. Последней появляется Шугар, завернувшись в полотенце.

На Маттоне жалко смотреть. Лоб у него в крови, и, пытаясь вытереть его ладонью, он лишь размазывает кровь по всему лицу и глядит на Чарли исподлобья, с таким видом, будто вот-вот расплачется.

— Ты не любишь меня, Чарли!.. Всегда мне достается!..

— Что он натворил? — спрашивает Шугар.

— Да ничего, Шугар!.. Немного на тебя поглазел, только и делов! И так живем здесь, как монахи!

— Встань! — кричит Чарли.

Бывший боксер поднимается и неподвижно стоит у стены. Если бы Чарли снова ударил его, он и не подумал бы защищаться.

— Ну, это не так уж серьезно... — успокаивает их Шугар.

— А если он провалит всю операцию, это будет серьезно?.. Мне нужны профессионалы! А у него пустая черепушка! Он опасен для общества!..

Заметив Тони, Чарли умолкает, ни на кого не глядя, круто поворачивается и уходит в свою комнату.

Она больше и комфортабельней, чем у Риццио. На спинке кресла аккуратно сложены юбка и свитер, которые вчера были на Шугар. Повсюду в комнате чувствуется ее присутствие.

Войдя, Чарли обнаруживает, что вслед за ним вошел и Тони.

— Ты-то чего хочешь?

— У меня нет белья. Ничего нет.

— Ты решил вернуть мне мои цапки?

— Нет.

— Тогда какая разница? Ведь меньше чем через час ты умрешь.

— Я желаю умереть чистым.

Чарли пожимает плечами, потом показывает на комод.

— Верхний ящик. Что подойдет — твое.

Сам он надевает лежавшую на кровати хорошо отутюженную рубашку. Тони выдвигает ящик и копается в нем в поисках того, что ему нужно.

На спинке стула рядом с комодом висит кожаное снаряжение с револьвером. Тони посматривает на револьвер, но схватить не пытается.

— Ты когда жил в «Ритце», не платя ни гроша, — во время войны?

— От тебя ничего не скроешь, Фрогги. В сентябре сорок четвертого.

— Ты кем был в армии?

— Туристом.

— А на гражданке?

— Вором. Я никогда не менял профессию.

За разговором Чарли открывает шкаф и достает оттуда черный кожаный футляр. Это электробритва — включив ее в сеть, он секунду-другую проверяет, как работает моторчик.

Тони выбрал себе рубашку и нательное белье. Он задвигает ящик. Над ночным столиком фотография в рамке. Скаковая лошадь.

— Кто это?

Чарли бросает взгляд на карточку.

— Одна кобылка из твоей страны. Звали ее Куропатка. Она уже умерла.— Он кладет бритву на комод.— Бери. Новая, никто не пользовался.

Тони, слегка удивившись подобному вниманию, забирает ее со всем остальным. Чарли достает красный перочинный ножичек, размыкает на его руке один из браслетов, чтобы он мог привести себя в порядок, и говорит, как бы про себя: *

— Скоро я переберусь в Париж и там скуплю всех потомков Куропатки, каких только можно будет.

— Понадобится куча денег.

— У меня их будет столько, сколько нужно.

Тони с белым под мышкой направляется к двери. На пороге он оборачивается.

— Чарли... Почему Париж?

— Потому что там каждый божий день бега.

Тони приходится довольствоваться этим объяснением. Бросив напоследок взгляд на фотографию Куропатки, он выходит.

Из своей комнаты, дверь в которую оставалась открытой, беднига Маттоне слышит весь разговор. Его тут шпыняют на каждом шагу. А этого, который невесть откуда взялся, жадуют бритвой, одеждой, ему даже рассказывают о своей жизни. Бывший боксер готов разрыдаться от ярости.

Шугар ошпынывает на кухне фазана, подстреленного Пешпер.

Она сидит в углу, одетая в шелковый пеньюар, свидетельствующий о том, что она знавала лучшие дни.

Чарли, сидя за краешком стола, пытается выстроить башенку из сигарет. Риццио и Маттоне молча пьют кофе.

И вот в кухне появляется Тони: в свежей рубашке, гладко выбритый, причесанный.

— Посмотрите-ка на этого франта! — восклицает Маттоне.

Чарли поднимает глаза лишь на миг и без комментариев возвращается к своему занятию. Риццио поднимается. Тони, не дожидаясь приглашения, протягивает ему навстречу руки.

Пока Риццио защелкивает на нем наручники, Тони обменивается с Шугар улыбкой.

— Надо будет установить правила пользования ванной. Он торчал там миллион лет,— бормочет Маттоне, но его никто не слушает. Риццио возвращается на место. Тони садится за стол, и Шугар наливает ему чашку кофе. При этом она свободной рукой быстро проводит по его щеке и шее. Эта ласка остается для других незамеченной.

— Яич хочешь?

— Джину!

Шугар отворачивается к плите, собираясь готовить яичницу.

Чарли тем временем удалось выстроить башенку из двух сигарет. При попытке установить третью все рушится.

Он вздыхает, спокойно берет налитую Тони чашку кофе и начинает из нее пить.

Шугар, которая уже приготовилась разбить яйца, теперь не

знает, что и делать. В конце концов она кладет яйца на место в корзину, но Тони протестует:

— Я хочу есть!

Реакции никакой. Он встает, отстраняет Шугар и начинает готовить себе еду сам, в ручниках.

Остальные молча смотрят на Чарли. Тот не спеша поднимается и перекрывает вентиль газопровода у окна.

Пламя под сковородкой у Тони гаснет.

Чарли усаживается на место.

— Вопрос в том, как мы его убьем.

— Но вначале мы заставим его заговорить? — добавляет Маттоне.

— Ну, разумеется.

Маттоне, ухмыляясь, смотрит на Тони. Потом наклоняется к Чарли, допивающему кофе, и шепчет ему что-то на ухо.

— Неплохо, — отвечает Чарли.

Все трое поднимаются и окружают Тони: по-прежнему спокойный Чарли, ухмыляющийся Маттоне и повинующийся скрепя сердце Риццио.

Шугар со встревоженным лицом пятится к стене. Она открывает рот, собираясь заговорить, но никто не узнает, что она хотела сказать, потому что именно в эту секунду раздается душераздирающий вопль.

Соборный квартал в Марселе.

На ясном свете клонящегося к закату дня, того самого, когда все и началось, на одном из этажей старого здания вдруг распаивается окно.

Из него высовывается наружу еще очень юная женщина в фартуке. Она выскивает взглядом своего мальчугана, который играет во дворе с другими мальчишками. Должно быть, она зовет уже не в первый раз, потому что явно теряет терпение:

— Поль!.. Поль!.. Ну все, хватит, пора домой!..

Конечно, это могло бы происходить где угодно: в Барселоне, в Неаполе или Гонконге. Но это Марсель, Соборный квартал, где улицы ступенями.

Вопль, который все еще слышен, издает со второго этажа Пеппер.

Чарли и остальные на кухне поднимают головы и прислушиваются, спрашивая себя, что случилось. Потом срываются с места.

Первыми по ступенькам взбираются Чарли и Риццио, но их останавливает ружейный выстрел.

Стреляют из комнаты Пола. Пуля проделала в двери дыру.

Чарли и Риццио пристально смотрят на эту дыру, остальные, внизу, тоже застывают.

Чарли кричит:

— Пеппер! Открой! Пеппер!

Из-за двери доносится неожиданно кроткий, похожий на стон голос Пеппер.

— Пол умер, Чарли!.. Пол умер! Чарли!.. Ты слышишь?..

— Открой!

Дверь остается закрытой. Тишина. Риццио обменивается взглядом с Чарли и с предосторожностями поднимается на одну, потом на другую ступеньку в направлении к комнате.

Еще выстрел. Еще дыра в двери, выше первой. Пуля рикошетирует о стену лестницы.

Риццио моментально отпрыгивает назад.

— Мы не вернемся туда, Чарли!.. Брат останется здесь!.. Пошли за священником, Чарли!.. Ты слышишь меня?.. Хочу священника! — раздается из комнаты крик Пепшер.

— Да что ты плетешь! Открой сейчас же дверь!

— Хочу погребение! Хочу священника! Хочу священника!

Тон становится истеричным, и сквозь дверь снова стреляют. Чарли спускается по лестнице, за ним идет Риццио. Внизу Чарли останавливается перед Шугар, но волнение мешает ему говорить. Он ограничивается тем, что пожимает плечами. И выходит из дома.

Присев на ступеньки крыльца, он закуривает сигарету. Риццио и Маттоне стоят рядом. За спиной у него — Тони в наручниках.

Чарли довольно долго молчит. Таким грустным и усталым его еще не видели.

— Сначала Реннер. А теперь Пол,— с грустью в голосе произносит Риццио.

— Да. Начало удачное.

Чарли поднимается и идет за угол дома. Остальные не двигаются с места.

Чарли возвращается с двумя лопатами.

— А кто поднимется в комнату? — спрашивает Маттоне.

Чарли бросает одну лопату ему, вторую — Риццио и указывает на Тони:

— Он.

— Почему я? — Тони обескуражен.

— Потому что мы будем копать яму! А тебе выбирать, кого положат туда первым!

В молчании они враждебно смотрят друг на друга. Потом Чарли поворачивается и идет к реке.

Две дощечки, накрест связанные красной лентой. Это импровизированное распятие Пепшер вложила в руки своего покойного брата. Она обрядила его в пиджак, который был на нем накануне.

Пепшер сидит рядом с ним, в черных брюках и свитере, с винчестером на коленях.

Вокруг все тихо, но она почему-то вдруг оборачивается к двери и прислушивается. Ничего. Тем не менее она снимает карабин с предохранителя и медленно встает, глядя в окно.

Снаружи, опершись каждый на свою лопату, внимательно наблюдают за домом Риццио и Маттоне, переставшие копать яму на лугу.

Чарли сидит на причале. Он тоже смотрит на дом.

Тони попластунски ползет по крыше веранды, бесшумно под-

бираясь к окну комнаты, где заняла оборону Пепшер. Он уже почти у цели, когда стекла в окне разлетаются от выстрела, за которым яростным залпом следуют второй и третий.

Тони с наручниками на руках отскакивает к самому краю крыши.

Шугар посылает ему лучезарную улыбку, как если бы это было самое безмятежное утро в ее жизни.

— У нее в комнате есть боеприпасы? — тихо спрашивает Тони.

— Целый арсенал. Если бы Пепшер действительно хотела кого-нибудь убить, ты был бы уже мертв. Иди смело.

Еще несколько мгновений Тони смотрит ей в глаза, потом встает и идет к окну. Ногой вышибает раму и спрыгивает в комнату.

Пепшер нацеливает на него винчестер, но не стреляет.

У нее светлые, неподвижные, очень внимательные глаза. Тони с внезапной уверенностью преодолевает разделяющие их несколько шагов и пытается отобрать у девушки ружье, но она резко отстраняется.

— Хочу священника. Хочу молитву.

— Священника никак нельзя.

Пепшер опускает ствол карабина и садится рядом с мертвым братом на кровать.

— Знаете, я на четыре года моложе его, но всегда о нем заботилась.

— А кто заботился о вас, Пепшер?

212 Пепшер поднимает глаза. Это еще совсем девчушка. Девчушка, у которой горе и которой становится легко оттого, что можно выговориться. Что она и делает — уже другим, возбужденным голосом.

— Чарли! Чарли — вот это человек! Добрый, щедрый! Однажды, когда мы были в приюте, он пришел за нами обоими ночью. Меня он унес прямо в одеяле! Увез в Новый Орлеан, и мы прожили там замечательную жизнь!.. Наш отец, перед тем как умереть, сидел с Чарли в тюрьме.

Она выкладывает все это одним духом, с детской наивностью и убежденностью.

Тони подходит к Пепшер, но та, насторожившись, снова наставляет на него винчестер.

— Молитву прочитают, Пепшер, я вам это обещаю.

— Настоящую молитву?

— Да.

Девушка встает и с карабином в руках подходит к окну.

— Они копают могилу почти у самой воды. Нужно, чтобы они выкопали ее под деревьями. Мой брат любил деревья.

Тони несколько раз кивает и опускает взгляд, чтобы посмотреть на Пола.

В следующую секунду Чарли ногой открывает дверь в комнату и остается на пороге, упираясь руками в притолоку и пристально глядя на Пепшер.

— Хочу то, что мне обещали. Молитву и под деревьями, — повторяет Пепшер.

Чарли, уставший от всех, наклоняет голову.

Машинально посторонившись, чтобы выпустить Тони, он в последний момент задерживает его.

— Фрогги!.. Даю тебе время до заката, чтобы ты вернул мне деньги.

Они смотрят друг на друга. Тони резко высвобождается и выходит на лестницу.

Шугар собирает на берегу реки луговые цветы. Она в разноцветном платье, на голове косышка.

Букет у нее получился солидный. Она возвращается с ним к товарищам, которые выстроились у края выкопанной под деревьями могилы.

Все неподвижны, за исключением Риццио, копавшего могилу,— весь в поту, он натягивает рубашку.

Шугар с букетом в руках встает между Чарли и Пешпер.

В могиле, глубиной примерно в метр, под простыней лежит мертвый Пол.

Живые чувствуют себя неловко: им явно непривычно вот так скорбеть.

— Кто будет читать молитву? — спрашивает Пешпер.

— Шугар, — отвечает Чарли.

— Женщина не может быть священником.

— Тогда Маттоне.

— Не знаю я никаких молитв! — возражает Маттоне. Все молча смотрят на него. Он же смотрит на Чарли. — У меня же пустая черепушка!

— Риццио прочтет, — продолжает Чарли.

— Он другой веры, так что не стоит! И Фрогги тоже отпадает: он нездешний.

Все оборачиваются к Чарли, который переминается с ноги на ногу. Наступает тишина.

— Так мы хороним моего брата или нет?

Шугар придерживает Пешпер за руку.

— Чарли...

Чарли до того неловко, что он даже не осмеливается взглянуть на остальных.

— Да не вспомнить мне!.. И потом, у этой штуки ничего общего с похоронами!..

Все смотрят на Чарли, словно помогая ему извлечь на свет божий слова. А он раздосадованно смотрит куда-то в сторону.

Наконец решается. Складывает ладони, наклоняет голову. И быстро проговаривает, будто проглатывает лекарство:

*Now, I lay me down to sleep
I pray the Lord my soul to keep
If I should die before I wake
I pray the Lord my soul to take
...Good night!¹*

¹ А теперь я ложусь и засыпаю
И прошу Господа хранить мою душу,
А если мне не суждено проснуться,
То прошу Господа сохранить ее навеки.
...Спокойной ночи! (англ.)

После молитвы наступает неловкое молчание. Завершающее "Good night!" Чарли произнес так, как произносил, должно быть, в детстве. И теперь он от смущения не знает, куда деваться. Остальные, чувствуя это, тоже стараются не смотреть на него.

В конце концов Чарли сгребает горсть земли, кидает ее в могилу и, медленно ступая, уходит.

Помолчав, за ним уходят и остальные. Шугар бросает в могилу свой букет. Пригоршни земли с мягким стуком падают на простыню. У могилы остаются только Пеппер и Риццо.

Риццо протягивает девушке купюру.

— Я спорил с Полом на десять долларов, что он не умрет.

— Оставь их себе. Ты копал могилу.— Риццо, уязвленный, меняется в лице.— Раз я заплатила, это как будто настоящие похороны.

До Риццо доходит, он прячет деньги в карман и, подняв с земли лопату, принимается засыпать могилу. Пеппер неподвижно стоит рядом — черный силуэт в шляпе, замкнувшийся в своем горе.

Створки ворот риги распахиваются от толчка Тони, и внутрь врывается послеполуденное солнце.

Тони с наручниками на запястьях идет вперед в большом прямоугольнике света. Посреди риги он обнаруживает пожарную машину, настоящую пожарную машину с выдвинутой лестницей.

Снаружи все тихо.

Машина когда-то была ярко-красной, но ее почти всю перекрасили в серый цвет. На земле валяются банки из-под краски и кисти.

Тони не успевает опомниться от изумления, как за его спиной раздается спокойный голос Шугар.

— Шпионим?

Прислонившись к одной из створок двери, она холодно наблюдает за Тони.

— Да ведь это пожарная машина!

Шугар молча, без особого воодушевления хлопает в ладоши, отдавая должное столь незаурядной проницательности.

— Но зачем?

— А вдруг загоримся.

Тони подходит к ней, то и дело оглядываясь на машину.

— Я приготовила пирог с розами.

— С чем пирог?

— С вареньем из роз. Из цветов!.. Очень вкусно.

— Где остальные?

— В Монреале.

— Значит, это вы меня охраняете?

— У меня даже есть ружье.

Шугар показывает вичестер Пеппер, который она прятала за спиной. Тони спокойно забирает его, и она не противится.

Со скованными запястьями он вертит в руках оружие и выходит с ним на солнце. Идет по дугу, прыжками поворачиваясь на месте и прицеливаясь то в одно, то в другое дерево.

Шугар следует за ним в нескольких шагах, медленно, не спуская с него глаз.

Тони останавливается.

— Этот трактир принадлежит вам, Шугар?

Та кивает.

— А сами вы принадлежите Чарли?

— Когда он об этом вспоминает. Мы знаем друг друга уже пятнадцать лет.

Она подходит к Тони, забирает у него карабин и уходит в дом.

Фазан, подстреленный Пешпер, на противне въезжает в открытую духовку. Он уже готов, остается только изжарить.

— ...Из этих пятнадцати лет добрых десять он сидел по тюрьмам. Я виделась с ним по четвергам через решетку. — Она говорит громко, потому что Тони в кухне нет. — Иначе говоря, он отсиживается здесь между двумя очередными делами. А для меня это было между двумя очередными разводами!

Тони сидит на одном из диванчиков в большом зале и руками ест пирог с вареньем из роз. Скорее, даже не ест, а пожирает.

— А теперь? Он заберет вас с собой в Париж?

В кухне Шугар качает головой, с таким видом, будто вопрос лишен смысла. Винчестер лежит перед ней на столе. Она снимает передник.

— Чарли может жить только один.

— А вы?

Шугар не отвечает, крутит винчестер на столе, словно играет сама с собой в рулетку. А потом со стаканом молока в руке идет к Тони.

— А я в точности наоборот.

— Чарли не ревнив?

Шугар качает головой с таким видом, будто вопрос лишен смысла, и подходит к Тони.

— Ну как, вкусно?

Тони подцепляет вилкой кусок пирога и протягивает ответить. Она склоняется к нему, но он в последний момент отводит вилку. Какое-то время она с открытым ртом смотрит на него. Затем он все-таки дает ей попробовать пирог.

Они продолжают смотреть друг на друга. Шугар опускается на колени, осторожно приподнимает его скованные руки, влезает к нему в объятия и расстегивает две пуговицы на рубашке Тони.

— Надо переменить повязку.

Их лица почти соприкасаются. Она целует Тони в губы. Он сначала просто покоряется, но потом его скованные руки сжимаются на волосах Шугар.

Маршевая музыка.

В Вестмаунте, одном из районов Монреаля.

Маттоне стоит рядом с черным автомобилем Чарли, остановившемся на краю лужайки. В руке у него покачивается большой «поляр oid», и он неотрывно смотрит на парады майореток, дефилирующих с барабанами и штандартами.

Точнее, он смотрит на одну из них, возглавляющую колонну. Это та, давешняя блондинка, в белом костюме с золотыми галунами, со шпагой в правой руке, со строгим лицом под кивером.

Маттоне видит ее одну, ее шевелюру, ее ноги, ее походку живой куклы — он заворожен ею.

А потом вдруг предвечерняя тишина.

Девушки в военной форме и зеваки уходят. На лужайке остаются белокурая майоретка и чета лет под сорок. Склонившись над большой сумкой из белой кожи, девушка складывает свои вещи.

Кивер она сняла, освободив длинные светлые волосы. Женщина помогает ей надеть поверх платья с мини-юбкой короткое белое пальто.

Вокруг разбросаны обрывки бумаги и пустые бутылки из-под кока-колы.

Поодаль, под деревьями парка, окружающего лужайку, у «форда» дожидается молодой человек в летнем костюме.

Маттоне по-прежнему здесь. Он сидит в черном кабриолете и сквозь лобовое стекло наблюдает за всем этим на расстоянии.

Дав последние наставления, чета тренеров садится в небольшой автомобильчик и уезжает. Майоретка медленно, немного устало подходит к молодому человеку.

Маттоне наблюдает за тем, как они обмениваются поцелуями. Парень открывает майоретке дверцу, а сам обходит машину, чтобы сесть за руль.

Маттоне вылезает из кабриолета. Бесшумно, неторопливо он направляется к «форду», в котором на переднем сиденье чинно бедует парочка.

Маттоне рывком открывает дверцу со стороны водителя, молниеносно хватает ошеломленного молодого человека и вытаскивает его наружу. Прежде чем тот успеет вымолвить слово, бывший боксер бьет его в лицо, между ударами тесня беднягу, в то время как тот пятится, бестолково размахивая руками.

После третьего удара молодой человек падает на лужайку и не шевелится.

Маттоне в два прыжка возвращается к «форду» и садится за руль. Белокурая майоретка пристально смотрит на него. В ее широко распахнутых зеленых глазах немой вопрос. На лице не столько ужас, сколько удивление. Она открывает рот и произносит одно-единственное слово:

— Нокаут.

Это простая констатация факта.

Маттоне щелкает костяшками пальцев. Девушка смотрит на его руки и одновременно пытается незаметно открыть дверцу со своей стороны.

Маттоне хватая ее за руку и осторожно притягивает к себе. Лапицей боксера он с восхищением гладит ее по роскошным

белокурым волосам. Как куклу. Красивенькую, чистенькую, беленькую куклу.

— Над вами кто-то есть,— неожиданно произносит майоретка.

— Что? — Маттоне застывает на месте.

— Я медиум.

Он ничего не понимает, но вскидывает голову.

В этот миг Риццио, который действительно стоит над ним, ухватывает своего напарника за руку и изо всех сил тащит из машины наружу.

— Не валяй дурака!.. Пошли!.. Пошли, говорю тебе!..

Маттоне высвобождается.

— Послушай меня! Пошли! Я никому не скажу!..

Маттоне с сожалением бредет за ним к кабриолету, то и дело оглядываясь на оставленную игрушку — майоретку. Неподвижно сидя в «форде», она провожает его своими большими зелеными глазами. Такая красивенькая, чистенькая, беленькая.

— Она, медиум!

— С теми деньгами, что мы заработаем, ты сможешь купить таких дюжину!.. Сплошь медиумов!

А над деревьями парка солнце скатывается к высоким зданиям Монреаля.

Комната Риццио.

Полуголая Шугар на коленях стоит у кровати и перебинтовывает грудь Тони новым бинтом. Лицо у нее сосредоточенное. Тони пытается привлечь ее к себе и поцеловать, но она уклоняется.

— Чарли убьет тебя.

— Ты же говорила: он не ревнив.

— Не в этом дело, Тони.

Они молча смотрят друг на друга. Шугар, влюбленная и печальная, касается его повязки пальцами.

— Тебя ранило не пулей. Это нож.

— Ты не обязана сообщать об этом Чарли.

— Не знаю. Мне надо подумать.

Тони целует ее, и мало-помалу она уступает, обвивает его руками.

В эту минуту тарахтенье лодочного мотора перекрывает звуки леса.

Тони и Шугар, переглянувшись, прислушиваются.

Шугар высвобождается из объятий Тони, но не спешит покинуть постель. Внезапно ее осеняет какая-то мысль.

— Винчестер!

Она поспешно вскакивает и натягивает на себя юбку.

Минуту спустя, кое-как одетая и причесанная, сбегает по лестнице.

Влетев в кухню, она застывает у стола, не веря глазам. Винчестер исчез.

За ее спиной раздается щелчок затвора.

Шугар стремительно оборачивается. Это Чарли, в руках у него винчестер.

— Ох, как ты меня напугал!

— Недостаточно.— Чарли переводит взгляд на недоеденный пирог с розовым вареньем.— Знал я одного типа, который дал завладеть своим оружием и не успел испугаться.

Он выходит из кухни, унося винчестер, а пристыженная Шугар провожает его взглядом.

Дверь распахивается настежь, и в комнату Риццио входит Чарли. Во рту у него сигара. За ним входят Риццио и Маттоне. Кровать наспех застелена.

Тони в рубашке сидит за шахматной доской, поглощенный разбором партии.

Чарли включает лампу.

— Солнце заходит, Фрогги. Ты выигрываешь?

— Нет. Ты забираешь мою королеву.

Чарли смотрит на доску. Действительно, он ходит одной из фигур и забирает ферзя Тони.

— Так, а чем ты еще занимался?

— Размышлял.

— Вывод?

— Реннер, потом Пол — в итоге у тебя на два человека меньше.

— Это не вывод. Это проблема

— Теперь я могу сказать, где твои деньги. Есть причина посерьезней оставить меня в живых.— Тони кивает на наручники.— Только прежде ты снимешь с меня это!

218

Чарли, широко улыбаясь, откидывается на спинку стула и выпускает клуб дыма.

— Если ты скажешь, где деньги, можешь рассчитывать на мое молчание.

— В пиджаке Пола.

Риццио и Маттоне неволью подаются вперед.

— Это было вчера, в лодке. Мне совсем не улыбалось, чтобы денежки нашли в моем кармане. Вот я и переложил их в его.

Риццио реагирует первый.

— В какой пиджак?

— В котором его похоронили!

— Придется его откапывать?

Тони протягивает руки в наручниках к Чарли.

— Ты дал слово! Вынимай свой ножичек!

Все говорят громко. Посреди этого гама бесстрастным остается один Чарли. Он сует руку в карман, но достает оттуда не ножик, а пятнадцать тысяч долларов.

Под изумленными взглядами остальных он аккуратно разглаживает пачки банкнот.

— Пеппер обнаружила их, когда обряжала брата.

На лица Маттоне и Риццио возвращается улыбка. Только Тони не улыбается.

— И ты ничего не сделал?

— А может, я пришел к тому же выводу, что и ты, Фрогги. Но все-таки говори.

Тони поднимается и идет к окну. Он уже не так уверен в себе.

— Если бы ты взял меня с собой на то дело, которое готовишь, мне было бы на что пересечь Канаду до Ванкувера. А потом Тихий океан до Австралии.

— Там, в Австралии, полным-полном кенгуру. Они хорошо боксируют. Уложат тебя одной левой.— Маттоне явно издевается.

— Маттоне, беритесь с Риццио за кисти,— сухо приказывает Чарли.

Маттоне, не тронувшись с места, продолжает смотреть на Тони, щелкая костяшками пальцев. За него отвечает Риццио:

— Хорошо, Чарли.

Он увлекает Маттоне за собой в коридор. Чарли подходит к двери и закрывает ее.

— Маттоне тоже рисует? — спрашивает Тони.

— Да. Мы здесь все банда артистов. — Чарли садится на кровать.— Твоя комната в Париже — она все еще за тобой?

Тони не понимает, зачем Чарли нужно это знать, но утвердительно кивает.

— Ставлю на нее.

— Против чего?

— Я скажу тебе, чем ты занимался сегодня днем. Если ошибусь, комната остается при тебе.

Тони, не отвечая, неподвижно стоит на другом конце комнаты.

— Сначала ты поел пирога с розовым вареньем... Потом поднялся сюда вместе с Шугар... Лично мне это противно, но Шугар имеет право проводить время так, как захочет...

Снова молчание. Тони вытаскивает из-за пояса ключи с брелоком в форме сердечка и без слов бросает их Чарли.

Чарли ловит ключи и подбрасывает их на ладони. На губах у него по-прежнему играет легкая улыбка.

— Ты защищаешься как лев, Фрогги.

Он достает свой ножичек и снимает с Тони наручники.

— Знаешь, в Австралии я бывал во время войны. Лично мне там противно... Но в конце концов это твоя жизнь.

— Есть еще одна вещь, Чарли.

— Да?

— Шугар сменила мне повязку... У меня рана не от пули, а от ножа.

— Ножа нью-йоркского фараона?

— Мы схватились. Это был мой нож.

— И зачем ты мне это говоришь?

— Чтобы все было ясно.

Реакция Чарли так неожиданна, так внезапна, что Тони не успевает сделать и жеста в свою защиту. Обими руками Чарли хватает его за воротник рубашки и бросает в сторону двери. Все так же молча, с суровым выражением лица, стискивая в зубах сигару, вытаскивает его в коридор, не давая опомниться, стаскивает с лестницы и выволакивает из дома.

На пороге кухни появляются Шугар и Пеппер и испуганно наблюдают за этим выдворением.

По ту сторону дуга Чарли открывает одну из створок двери в ригу и толчком отправляет Тони на ее середину.

Рига освещена голыми лампочками.

Маттоне и Риццио перекрашивали в серый цвет бока пожарной машины. Они опарашенно застывают с кистями в руках.

Чарли направляется напрямик к противоположной стене. Вешает на гвоздь ключи Тони и возвращается к нему, на ходу вытаскивая из кобуры револьвер.

Подбегают Шугар и Пеппер.

— Закрой дверь! — кричит Чарли Шугар.

Она послушно закрывает открытую створку.

Чарли вкладывает револьвер в руку Тони, который тоже запыхался и не понимает, что происходит.

— Тут шесть патронов! Ты должен выстрелить пять из них так быстро, как только можешь! Если ключи останутся висеть на стене, последнюю пулю я всажу тебе в голову! Понял?

Тони не в силах выговорить ни слова. Он растерянно оглядывается на остальных — те стоят неподвижно. Только Шугар переживает за него.

Тони глубоко вздыхает и прицеливается в ключи. Стреляет дважды подряд, но безуспешно. Немного погодя, третий раз, потом четвертый — с еще большим интервалом.

Ключи так же висят на гвозде.

— Осталась одна! — предупреждает Маттоне.

Тони, вытерев вспотевшую ладонь о штанину, целится с прилежностью отчаяния, но Маттоне кричит:

— Мажешь!

Вздрогнув от этого крика, Тони нажимает на спусковой крючок. И мажет.

Он тотчас поворачивается лицом к Чарли. Машинально ставляет на него револьвер.

Никто не шевелится.

— Ну что же, стреляй, — спокойно говорит Чарли.

Тони напрягает палец на спусковом крючке, но не стреляет — не может. И тут Маттоне делает резкое движение кистью. Тони мгновенно оборачивается к нему и спускает курок.

Щелчок, и все.

В наступившей тишине Чарли достает из кармана патрон с тускло-желтым наконечником и держит его в пальцах.

— Профессионалу следовало бы знать: одно гнездо в барабане оставляют пустым.

Он забирает из рук Тони оружие, вставляет в барабан патрон.

— Все равно он хотел меня убить! Он стрелял! — злобно кричит Маттоне.

— Точно. Очко в его пользу.

Резко крутанувшись, Чарли не целясь стреляет.

Ключи на стене падают с гвоздя.

Теперь видны отверстия от пуль, выпущенных Тони: они лежат кучно, в каких-то сантиметрах одно от другого.

— К тому же он не так плохо стреляет.

Шугар кладет на стол подстреленного Пеппер фазана. Теперь он обжарен, и она его разделывает.

Все, как и накануне, сидят, уткнувшись в журналы. Один Риццо не читает. Он пишет. Рядом с его тарелкой лежит листок бумаги, в руке у него карандаш. Время от времени он подносит его кончик ко рту и слюнявит.

— Чарли, как там? "My soul to keep"?¹

— Да.— Чарли бросает на него рассеянный взгляд.

Тем временем Шугар раскладывает фазана по тарелкам. Сначала Чарли, потом Пеппер, потом Тони. Пеппер ест руками. Когда очередь доходит до Маттоне, он сравнивает свой кусок с тем, что получил Тони, и, сочтя его лучшим, поднимается и меняет тарелки. Тони молчит.

— Что ты делаешь? — обращается Маттоне к Риццо.

— Переписываю молитву Чарли.

— Тебе-то она зачем? Ведь это молитва для христиан.

Риццо задумывается над этим замечанием. Потом преспокойно возвращается к прерванному занятию.

— Там этого не сказано. Там просто сказано: «Бог», — и все.

— Все равно, это же Бог христиан.

— Все равно, там этого не сказано.

Тон спора повышается.

— Придурок! Есть только один Бог!

— Вот именно.

— Тогда зачем ты это пишешь?

— Потому что моего тоже так зовут.

— Ставлю десять долларов, что это наш!

— Идет!

Оба встают и с вызовом обмениваются рукопожатием. В наступившей тишине Чарли вздыхает и вновь углубляется в чтение. Но Маттоне не успокаивается.

— Где горчица? — спрашивает он у Шугар.

— На кухне.

— Пеппер, сходи-ка принеси.

Пеппер, никак не реагируя, продолжает есть и читать.

— Пеппер, я тебе говорю.

Шугар поднимается.

— Я схожу.

— Сиди! Это ее обязанность! За это она и получает свою долю! Ты слышишь меня? Марш за горчицей!

Пеппер не двигается.

Маттоне хватается за руку и принимается выворачивать.

Пеппер больно, но она молчит. Маттоне усердствует.

Сидящий напротив Чарли, ни слова не говоря, кладет рядом с собой вилку и резким движением отправляет ее Пеппер.

Между ними такая согласованность, что остальное длится какую-нибудь секунду: свободной рукой Пеппер ловит вилку и изо всех сил всаживает ее в руку Маттоне.

Тот с воплем вскакивает со стула. Остальные тоже встают, кроме Чарли, который смотрит на Пеппер, и Пеппер, которая ни на кого не смотрит.

¹ Хранить мою душу (англ.).

— Видели, что она сделала? Все видели? — кричит Маттоне. Заметив, что рукав его рубашки начинает пропитываться кровью, он впадает в истерику.

— ...Из импортного поплина, за двадцать три доллара!
— Ну, хватит!.. Рицию, перекись водорода из ванной! — Шугар усаживает Маттоне и полотенцем вытирает кровь, текущую у него по руке.

— Не моя вина, что ее брат умер! Пусть спрашивает с того, кто выкинул его из машины!

— Замолчи, Маттоне, — успокаивает его Шугар.

Но Маттоне смотрит Пеппер прямо в глаза. И указывает здоровой рукой на Тони.

— Это он его выкинул, не я!

— Неправда! — возражает Шугар.

Пеппер долгим взглядом смотрит на Тони. Потом все так же молча встает из-за стола и выходит из кухни.

Шугар швыряет полотенце в лицо Маттоне.

— Пусть тебя перевязывает кто-нибудь другой!

— Тебе-то я что сделал, Шугар?

Шугар, не отвечая, возвращается на место.

— Поднимись наверх, Маттоне, — приказывает Чарли.

Бывший тяжеловес понуро повинуется.

— Рубашку за двадцать три доллара!..

Он грузно поднимается по лестнице, а тем временем Чарли не спускает с Шугар взгляда.

— Фрогги ты сегодня перевязывала. Так что там было?

— Ты о чем?

— О его ране.

Они смотрят друг на друга поверх разделяющего их стола. Чарли ждет ответа, который известен ему заранее, и наблюдает на лице отражение борьбы, происходящей у нее в душе. Что бы она ни ответила, она предаст или Чарли, или Тони.

Шугар поворачивает лицо к Тони, который, также зная бессмысленность ответа, избегает ее взгляда.

— Я жду, — повторяет Чарли.

— Я не могу, Чарли, не могу.

Чарли качает головой и встает.

— Так у меня скоро никого не останется, Шугар.

Он идет к буфету, достает бутылку виски, стакан и садится на диван. Шугар взглядом следит за ним.

— Не пей, Чарли. Перед делом не пьют.

— Похоже, времена изменились. Я тоже старею.

Он наливает себе добрый глоток. Шугар встает и медленно подходит к нему.

— Я сделаю все, что ты захочешь.

Какое-то время Чарли, ни слова не говоря, смотрит на стоящую перед ним Шугар. Потом протягивает к ней руку, понуждая подойти поближе.

— Забавляйся с Фрогги, если тебе это нравится. Ничего не имею против. Но я хотел бы, чтобы ты предупреждала, когда что-то может отправить меня за решетку. Потому что за решетку я в любом случае не пойду.

Он отпускает Шугар, та, потрясенная, часто кивает головой, давая понять, что она все понимает.

— Теперь я спокойно выпью стаканчик-другой. Так, чтобы до конца почувствовать себя эскимосским мужем.

Он выпивает глоток виски. Как обещал, спокойно.

В коридоре второго этажа Шугар с грохотом перетаскивает железную кровать, предназначавшуюся для Тони.

Маттоне, Риццио и Тони с легкой оторопью наблюдают за тем, как Шугар силится втащить ее в комнату Чарли. Ни один из троих не двигается, чтобы ей помочь.

Шугар, впрочем, и не рассчитывает на помощь. Она выкручивается сама, она взрослая.

В конце концов она втаскивает кровать в комнату и оставляет ее у изножья большой кровати. Потом забирает кое-какие принадлежности ей вещи и выходит.

Риццио — он стоит на пороге — удивленно смотрит на нее.

— И кто же будет в ней спать?

— И кто же будет в ней спать? — эхом повторяет Шугар и уходит на лестницу.

Ночь. Риццио, скорчившись, лежит в детской кроватке. Он не спит.

Чарли в большой кровати тоже не спит. Обоих освещает лишь луна за окном.

— Чарли, — тихо зовет Риццио.

— Да?

— Может быть, мы и втроем сумеем, а? И обойдемся без Фрогги.

— В этом деле и так уже слишком много «может быть».

Молчание. Потом Риццио вздыхает.

— А я верю. Фрогги справится.

Снова молчание. Риццио встает, забирает свое одеяло и направляется к двери.

— Нет, тут мне ни за что не уснуть.

В соседней комнате в свете ночника у изголовья лицо Шугар после любви. Она еще прижимается к Тони. Он же, заслышав в коридоре звук открываемой двери, отстраняется. Дверь закрывается, и кто-то спускается по ступеням.

— Это Риццио. Пошел спать вниз, — догадывается Шугар.

Тони окончательно отодвигается от нее, берет со столика сигарету.

— Поговори со мной. — Шугар дает ему прикурить.

— Что мне предстоит сделать вместе с Чарли?

— Об этом пусть он сам тебе расскажет. Поговори со мной про «потом».

— Я не знаю.

Тони встает с кровати. Шугар откидывается на подушку.

— А я знаю... Чарли поселится в Париже, в «Ритце». Его можно будет видеть на всех ипподромах, в обществе какой-нибудь итальянской графини, и знаешь, как он назовет своих лошадей?.. Как нас.

Она смотрит на Тони, стоящего у окна.

— Ну, а дальше?

— Риццио купит ферму в Саскачеване. У него будет преми-
ленкая жена — наполовину еврейка, наполовину индианка.
И знаешь, как он назовет своих детей?.. Как нас.

Тони курит сигарету и смотрит в окно.

— Пеппер вернется в Новый Орлеан. Обучится хорошим
манерам и больше не будет есть руками. Что до Маттоне, то он
купит себе гарем, а закончит в жалком боксерском зале с нович-
ком, у которого еще даже не поставлен удар.

— А ты?

— А мы, — мягко уточняет Шугар.

Молчание.

— Ты не согласен?

По-прежнему молчание.

— Иди ложись.

— Я не хочу спать.

С той минуты, как Тони отодвинулся от нее в постели и под-
нялся, она поняла, что любит без взаимности, но говорила,
говорила, не подавая вида. Теперь же бешенство понемногу
овладевает ею.

— Поберегись, приятель. Поберегись.

Шугар тушит ночник.

КУКЛА

224

Тони спит на стуле у окна, и сквозь стекло за ним из-за
деревьев выкатывается красное солнце. Наступает третий день.

— Тони!.. Тони!.. — Шугар трясет его за плечо.

— Что?

— Одевайся. Мы уезжаем.

Шугар протягивает ему пиджак, раньше принадлежавший то-
ли одному из ее мужей, то ли кому еще, пиджак из фиолетового
вельвета с большими белыми пуговицами.

— Куда? — Тони изумлен.

— Туда, где нас никто не найдет.

Подавая пример, Шугар собирает с кресла одежду. Тони ма-
шинально прямо на голое тело надевает пиджак.

— Я знаю одно местечко по ту сторону границы...

— Послушай, Шугар, надо подумать.

— Я уже несколько часов думаю. Мы уезжаем.

— Но почему?

— Потому что мне страшно!

Шугар высвобождается, но он забирает у нее из рук одежду
и швыряет ее в противоположный угол комнаты.

Она возмущенно кричит:

— Я не знаю, от чего ты бежишь, но только не от полиции. Во-
сне ты говоришь о каких-то мертвых детях. Твое ограбление —
вранье! Так вот, я должна рассказать об этом Чарли, но я не
хочу, чтобы он тебя убил.

Понуриив голову, она подходит к Тони.

— А если не Чарли, то Пеппер тебя убьет.

Тони устало отворачивается.

— Здесь или еще где-то — меня убьют в любом случае.

— Кто?

Тони пожимает плечами. Они смотрят друг на друга. Вдруг снаружи раздается выстрел.

Тони первый оказывается у окна.

На берегу реки в свете зари Маттоне держит Пеппер на коленях в траве. Риццио пытается его урезонить. Мужчины босы, полураздеты. Пеппер же полностью одета. На траве лежат ее винчестер и чемодан.

Охватив картину одним взглядом, Тони устремляется к двери.

— Тони! Не лезь в это дело!..

Шугар пытается его задержать, но он грубо отталкивает ее и захлопывает за собой дверь.

— Тони!..

На лугу Пеппер извивается на земле, но бывший боксер крепко держит ее за волосы.

Внезапно появляется примчавшийся из дома Тони в своем фиолетовом вельветовом пиджаке и с ходу набрасывается на Маттоне. Оба катятся по земле, одновременно вскакивают.

Оказавшись на ногах, Маттоне бьет Тони прямо в перевязанную грудь. От боли тот складывается пополам, и бывший боксер, хорошенько примерившись, ударом в челюсть сбивает его с ног.

Подойдя к своему поверженному противнику, он собирается ударить его еще, но тут вмешивается кто-то третий.

Это Чарли, запыхавшийся от бега. Он тоже босой и в пижаме. Стволем винчестера он вынуждает Маттоне отойти.

— Я сейчас все объясню, Чарли!

Чарли резко передергивает затвор карабина. В глазах у него холодное бешенство.

— Давай! Попробуй открыть рот!..

Маттоне, окаменев, молчит.

— Я не хочу больше слышать тебя ни разу до самого дележа! Понял? Ни слова!

Маттоне с готовностью кивает.

— Что произошло? — спрашивает Чарли у Риццио.

Позади него поднимается с земли растрепанная Пеппер. Тони в окровавленной повязке по-прежнему лежит.

— Пеппер хотела уехать. Я не дал ей взять лодку.

— В кого она стреляла?

— В Маттоне.

Теперь и Тони с трудом встает на ноги.

— Риццио, Маттоне, идите в дом. И прихватите этот чемодан!

Бывший боксер порывается что-то сказать, но Чарли останавливает его, качнув карабином. Маттоне подбирает лежащий в траве чемодан и бредет вслед за Риццио к дому. Чарли обращается к Пеппер:

— Тебя бы сцапали за бродяжничество, и ты все бы им выложила.

С залепленным волосами лицом, вся такая несчастная, Пеппер энергично мотает головой: нет, нет.

— Или я проверну это дело, или мне крышка. Так что за спиной у себя я не оставлю никого. Даже тебя, Пеппер.— Чарли говорит спокойно, но карабин нацелен теперь на девушку.— Так ты остаешься или нет?

Пеппер поворачивается к Тони, и слезы мгновенно высыхают у нее на глазах, выражение лица становится суровым и жестким.

— Или он, или я.

Тони, стоящий в нескольких шагах от них, видит, сколько ненависти во взгляде Пеппер.

— Дай ей карабин, Чарли. Покончим с этим раз и навсегда.

— Может быть, ты думаешь, что он не заряжен?

Подняв винчестер, Чарли стреляет в воздух. Выстрел стонет с ветвей всех пернатых в окрестном лесу.

— Дай ей карабин,— повторяет Тони.

Чарли бросает винчестер Пеппер. Та наставляет его на Тони.

— Это правда, что вы убили моего брата?

Тони как бы с сожалением кивает. Пеппер передергивает затвор винчестера, досылая патрон в патронник. Тони не сводит глаз с оружия до тех пор, пока девушка медленно подходит к нему и не оказывается совсем близко. Тогда он смотрит уже на нее, чувствуя, что ствол карабина упирается ему в живот.

Так они стоят несколько мгновений, а потом что-то вдруг беззвучно лопается в сердце Пеппер, слезы снова навертываются на ее глаза, руки опускаются и, разжавшись, роняют карабин на землю.

Не отрывая от девушки взгляда, Тони усаживается на траву и глубоко вздыхает. Чарли подбирает винчестер, но Пеппер даже не замечает этого.

— Еще очко в твою пользу, Фрогги.

Повеселевший Чарли уходит к дому.

Пеппер продолжает смотреть на Тони, и из всех чувств в ней остается лишь удивление, как у человека, не понимающего, что с ним происходит. Она медленно опускается на колени и вытирает ладонью кровь в уголке рта Тони.

Он улыбается:

— Меня зовут не Фрогги... Тони!

Девушка тоже улыбается. Во всяком случае, пыгается улыбнуться. Неуверенно, побаиваясь нарождающегося в ней и еще незнакомого чувства.

— Меня зовут не Пеппер... Мирна!

На остров, грохоча по плохо подогнанным доскам моста, на полном ходу въезжает большой американский автомобиль цвета слоновой кости.

Вздымая за собой пыль, он катит по дороге через лес.

Мужчине за рулем лет сорок, физиономия у него фальшивая, костюм слишком бросается в глаза, в зубах зажата спичка. Это Мастратос.

Из-за деревьев выходят главный цыган и двое его спутников. Терпеливые, сосредоточенные, они провожают взглядом удаляющийся автомобиль.

Спустя несколько минут машина останавливается перед вышедшим из дома Чарли. Остальные — на веранде.

Мастрагос хлопает дверцей.

— Привет, Чарли.

— Привет.

Не обращая особого внимания на приехавшего, Чарли обходит автомобиль, открывает багажник. В нем два ящика. Чарли монтировкой отдирает крышку одного из них.

В ящике три обреза, одна винтовка и две гранаты.

— А патроны?

— В другом ящике.

Чарли вскрывает и другой. Потом берет в руки одну из гранат. Это лимонка с кольцом.

Он кладет ее на место и закрывает ящик. К нему подходят Риццио, Маттоне и Тони. Мастрагос, открывая дверцу, настойчиво смотрит на Тони, и Чарли объясняет:

— Это Фрогги. Он с нами.

Мастрагос достает из машины черные смокинги на вешалках, покрытые чехлами. Вешалок оказывается четыре.

— Реннер убит,— внезапно сообщает Мастрагос.

— Я узнал по телеку.

— Тебя это не трогает?

— А почему должно меня трогать? Все планы, что он должен был достать, у меня.

Мастрагос делает вид, что удовлетворен этим объяснением. Чарли изучающе смотрит на его фальшивую физиономию. Потом направляется к веранде. Мастрагос с вешалками в руках идет за ним следом. Остальные тоже.

У машины остается Тони и смотрит, как они уходят.

Под навесом Маттоне надевает пиджак одного из смокингов и смотрится, как в зеркало, в стекло входной двери. Похоже, он себе нравится.

Риццио тоже примеряет доставшуюся ему пару. Чарли, получив свою, кладет ее поперек перил веранды. В руках у Мастрагоса остается еще одна.

— Где Пол?

— В городе.

Мастрагос бросает взгляд на моторку, пришвартованную к причалу. А потом смотрит на Пешпер. Какое-то время слышно лишь монотонное поскрипывание качалки, в которой сидит Шугар. Он протягивает Пешпер смокинг:

— Твоему брату, Пешпер.

Пока Риццио и Маттоне снимают смокинги, Чарли достает пятнадцать тысяч долларов. Мастрагос берет их с недоверчивым видом: что-то ему не нравится.

— Пятнадцать тысяч. Как договаривались.

Мастрагос спускается по ступенькам веранды, на ходу пересчитывая банкноты. Для своего довольно плотного сложения двигается он проворно и ловко.

— Еще ты должен был доставить мне машину, Мастрагос,— останавливает его Чарли.

— Ты ее получишь.

— Когда?

Мастрагос не отвечает и отходит на несколько метров. Теперь все с одной стороны, а он — с другой.

Поворачиваясь к ним, он кладет деньги в задний карман брюк: за пояс у него засунут черный автоматический пистолет.

— Я беспокоюсь, Чарли.

На другой стороне молчание. Продолжает тихонько поскрипывать качалка Шугар. Чарли переводит глаза на Риццио, и их взгляды встречаются. Риццио, сидящий на ступеньке, достает из кармана белый бильярдный шар и, опустив глаза, начинает подбрасывать его на руке.

— Реннер убит, Пола нет — все это мне не нравится... Я ведь тоже здорово рискую.

Мастрагос смотрит в направлении ямы, которую Риццио и Маттоне выкопали у самой воды, прежде чем вырыли другую, под деревьями. Лопата Маттоне так и лежит на бугорке выкопанной земли.

Лицо Мастрагоса застывает в вымученной улыбке.

— Решил перекопать лужайку, Чарли? Можно взглянуть?

Он направляется к яме. Риццио сходит со ступенек, вразвалку идет следом за ним и в метрах пятнадцати от него останавливается.

Мастрагос осматривает яму, которая явно велика для одного человека. Носком ботинка расковыривает бугорок земли.

В этот миг Риццио изо всех сил бросает свой бильярдный шар.

Он попадает Мастрагосу прямо в затылок, пробивая череп. Мастрагос, не успев поднять руки к затылку, падает на колени и растягивается во всю длину, убитый наповал.

Риццио подходит к нему, забирает пятнадцать тысяч долларов и ногой сталкивает его в яму. Отдает подошедшему Чарли деньги, хватая оставленную на бугорке земли лопату и тотчас принимается засыпать могилу.

Все происходит с непостижимой быстротой.

Чарли некоторое время наблюдает за ним, засовывая деньги в карман, потом широким шагом направляется к машине Мастрагоса, упирается в капот, пинает куда-то вниз ногой, присаживается на корточки, внимательно рассматривает бампер, надавливая на него.

Машина почти новая и вполне крепкая.

Затем он возвращается к веранде. Обе женщины молчат, потрясенные увиденным. Чарли берет из рук Пеппер смокинг Пола и протягивает его Тони.

— Примерь.

Тони надевает пиджак. Ему неловко так явно занимать место Пола, и он неотрывно смотрит на Пепшер.

Ей тоже не по себе. Но она кивает, давая понять, что смокинг ему как раз.

Шугар присутствует при этом. Лицо ее бесстрастно, но от нее ничто не ускользает.

А на берегу реки Риццио и Маттоне продолжают засыпать могилу Мастрагоса.

Ближе к вечеру. Рицци сидит на ступеньках веранды и держит в руках внушительных размеров «поляроид». На нем грубошерстная куртка — он собрался в город.

Из дома выходит Шугар.

— Остался последний кадр. Может, снимемся все вместе?

— Замечательная идея.

Шугар направляется к Чарли.

На нем тоже куртка — и он собрался в город. Придирчиво осматривая обрезы, Чарли по одному укладывает их в багажник машины Мастрэгоса.

Приближающуюся Шугар он видит через ствол последнего, подбрасывает его в руке, оценивая вес и объем.

— Это будет твой?

— Да.

Шугар берет у него обрез, снимает со своего пальца перстень. Большая синяя стекляшка красиво сверкает на солнце. Кольцо не замкнуто — годится для любого пальца.

Она насаживает перстень на ствол и продвигает до самого магазина.

* Чтоб легче было узнавать.

Прежде чем забрать оружие назад, Чарли долго смотрит на нее. Потом улыбается, кладет обрез к остальным и закрывает багажник.

Спустя несколько минут все, кроме Рицци, выстраиваются в ряд на дугу. Вид у них несколько принужденный, лица преувеличенно серьезные. «Поляроид» стоит на капоте машины Мастрэгоса. Рицци осторожно нажимает на кнопку автоспуска и бежит к остальным.

Они стоят слишком далеко и не слышат, как в предоставленном самому себе аппарате раздаются легкие щелчки.

И вот с очередным, более громким щелчком снимок сделан.

Рицци, подбежав к машине, вынимает из «поляроида» пленку, несет ее, еще мокрую, на вытянутой руке к дому.

В зале он отлепляет от подложки цветную фотокарточку и с гордостью протягивает ее Чарли, сидящему на диване.

— Неплохо.

Чарли передает снимок Шугар, но не успевает она взять его, как Чарли меняется в лице и забирает снимок.

Изумленный, он рассматривает его уже внимательней.

Остальные, не понимая, что произошло, собираются вокруг дивана и из-за плеч Чарли тоже разглядывают фото.

Оно удалось на славу, настоящее семейное фото: все шестеро стоят, немного скованные, чересчур серьезные — точно такие, какими были в момент съемки. С одной небольшой разницей: их не шестеро, а семеро!

С ними — белокурая майоретка.

Она, как и остальные, стоит на фоне зеленой травы и неба, между Шугар и Чарли, в своем белом с золотом одеянии и пристально улыбается в объектив, перенесенная сюда словно по волшебству.

Когда первое опеменение проходит, Чарли оборачивается к Рицци, ожидая объяснений.

— У кого вчера был аппарат?

Никто не отвечает, но взгляды всех устремляются на Маттоне. Бывший боксер смущен. Вымученно улыбаясь, он пытается заговорить, оправдаться:

— Я запретил тебе открывать рот! — Чарли взбешен.

— Ну подумаешь, щелкнул девчонку! — успокаивает его Риццио.

Чарли снова разглядывает лицо майоретки. Симпатичная блондинка улыбается в объектив, и больше ничего. Что тут может вызвать тревогу?

Марсель, Соборный квартал.

Маленькая девочка в белом платье — та, которая переезжала с матерью и братом в пустую книжную лавку, — сидит на тротуаре и плачет.

Над ней склоняется подошедшая мать.

...Кто тебя толкнул?.. Скажи мне!.. Кто испачкал твоё платье?..

Рыдания мешают девочке говорить. Мать оглядывается, ища сорванца, который это сделал. Если он ей попадетсЯ, ему будет несладко, это уж точно.

В стакан с водой капает окрашенная жидкость.

Белокурая майоретка сидит за столом и с сосредоточенным видом, шевеля губами, отмеривает себе в стакан лекарство.

Позади нее раздаётся мужской голос:

— Так, значит, он вас сфотографировал, а вам все было ничем?

— ...Мне нравится, когда меня фотографируют.

— А потом?

— А потом покаут.

— Но вам запомнилось хоть что-нибудь во внешности этих двоих?

Девушка по-детски морщит губы, и все. Вдруг, видимо, вспомнив, перестает отмерять лекарство.

— Да!.. У того, который подошел потом... у него были часы и на правой, и на левой руке!

Ее собеседник, профессионально терпеливый инспектор Барни, устало вздыхает.

Они находятся в комнате девушки. Комната ослепительно белая, очень женственная. Дезабилье на хозяйке комнаты тоже белое.

Довольная тем, что сумела вспомнить такую важную подробность, она заканчивает приготовление питья, закупоривает флакон и поворачивается к инспектору, тряхнув завитками на лбу, вся беленькая, чистенькая.

— ...Я даже подумала, что это непрактично. Когда двое часов показывают разное время, ты уже ни в чем не уверен.

Онемев от разочарования, инспектор Барни следит за каждым ее движением.

Девушка подходит к горке с цветущей азалией и поливает цветок из стакана.

Полицейский, сидевший в кресле, решительно поднимается.

— Ну что ж, думаю, на этом закончим, мадемуазель...

— Изола. Знаете, по-итальянски это «остров»!

Кивнув, инспектор направляется к двери. Он уже открывает ее, чтобы выйти, но тут его настигает очередная фраза — один из тех перлов, на которые, пожалуй, только она и способна.

— Скажите, а в газетах будет мое фото?

Она смотрит на полицейского взглядом, полным надежды.

Небольшая заправочная станция для катеров и лодок.

Чарли и Тони, которых привезла в моторке Пеппер, выбирают на причал.

На Тони поверх рубашки с галстуком пиджак из фиолетового вельвета с белыми пуговицами. Перед тем, как последовать за Чарли, он обменивается с девушкой прощальной улыбкой.

Чтобы посмотреть на него, она сдвигает спадающие на лицо длинные волосы.

Потом, когда Тони оборачивается к автомобилю, кровь застывает у него в жилах. За домиком заправочной станции стоят и смотрят на него двое цыган, из тех, что были у поезда.

Тони садится в кабриолет рядом с Чарли, и тот, заведя двигатель, резко трогает с места.

Цыгане провожают удаляющийся автомобиль бесстрастными взглядами.

Пункт взимания дорожной пошлины на автостраде Бонавантюр при въезде в Монреаль.

Пока Чарли опускает монету в прорезь автоматического шлагбаума, Тони замечает Маттоне, он за рулем машины Мастратоса, которая преодолевает заграждение одновременно с ними по соседней полосе.

Когда за очередным поворотом внезапно открывается вид на монреальские небоскребы, Чарли обгоняет громоздкую пожарную машину, перекрашенную в серый цвет. Большая лестница вместе со всем механизмом укрыта брезентовым чехлом, так что на первый взгляд машина мало выделяется среди грузовиков.

За рулем ее Тони видит Риццио. Они обмениваются приветственными жестами. Это добрый знак. Как-то спокойнее на душе, когда знаешь, что на твоей стороне Риццио.

Центр Монреаля, пять часов пополудни.

Чарли останавливает кабриолет у тротуара.

Он наклоняется, чтобы рассмотреть через лобовое стекло эспланаду, окруженную кольцеобразными строениями современной архитектуры, — площадь Искусств.

Тони тоже наклоняется.

— Что это?

— Театр. Отсюда мы стартуем.

— Куда?

Отвечает ему не Чарли.

Старый порт в Марселе.

Корабельные мачты, рыболовные сети, вода, искрящаяся

бликами вечерних огней, и мальчишки. Мальчишки собрались у открытых на морской простор ворот, им хочется играть еще и еще.

Один из них — обладатель красного ножичка — стоит перед своими приятелями, сидящими на парапете. И говорит, говорит вдохновенно, жестикулируя и сверкая глазами.

— Представьте себе, что мы в Америке! И нападаем на небоскреб! А против нас вся полиция города!..

Остальные завороченно слушают, переглядываются, улыбаются друг другу, и среди них Титу в своем пиджачке из фиолетового вельвета.

Изумленное лицо Тони, уставившегося на Чарли в черном кабриолете.

— Ты хочешь напасть на полицейское управление!..

— Точно.

Чарли выходит из машины и хлопает дверцей. Тони выходит с другой стороны.

Стоя на эспланаде, Чарли устремляет палец на одно из высотных зданий, ярко освещенных солнцем.

— Там!.. На восемнадцатом этаже!

Он делает несколько шагов, и Тони ступает за ним, глядя в сторону полицейского управления. Ему трудно оправиться от изумления.

— И что же ты хочешь там украсть?

— Кое-что, не имеющее цены, Фрогги. Это может стоить миллион долларов, а может и ничего не стоить... Для нас это миллион.

Он возвращается к машине, садится за руль. Тони усаживается рядом и бросает запоследок взгляд на здание полиции.

— О'кей. Когда? — Он пытается говорить уверенно, как ни в чем не бывало.

— Ты мне нравишься, Фрогги. — Чарли улыбается. — Если б не твои проклятые сигареты, мы могли бы в конце концов поладить. Сегодня ночью, Фрогги.

Подземная стоянка. Между рядами автомобилей Маттоне едет за рулем машины Мастратоса, отыскивая глазами место для парковки.

Это стоянка какой-то крупной компании, и знаки недвусмысленно указывают, что она предназначена только для персонала.

Пропустив несколько свободных мест, Маттоне припарковывает машину у стены в секции № 135.

Он тотчас выходит, убеждается, что это действительно та секция, запирает дверцу на ключ и спокойно удаляется, щелкая на ходу суставами пальцев.

Примерно в это же время на острове.

Шугар стоит у окна кухни и моет в раковине посуду.

Внезапно она вздрагивает. В окно на нее смотрит незнакомый мужчина. Это один из цыган — тот, который с ножом.

Не вытерев рук, Шугар хватает винчестер Пеппер, спрятан-

ный за большим холодильным шкафом, и устремляется к выходу.

Когда она появляется на веранде, ее встречают звуки, вылетевшие из свирели.

Молодой музыкант с длинными волосами и кожаной повязкой на лбу прислонился к перилам. Другой стоит у кухонного окна, его черные глаза на спокойном смуглом лице устремлены на винчестер.

— Закрты! Вы что, не видите объявления?

Мужчина с ножом кошачьей походкой приближается к ней.

— Кто ж это встречает с ружьем человека, пришедшего лишь попросить воды?

Он показывает Шугар старое железное ведро, которое держит в руке.

— Кран есть и снаружи.— Шугар кивает подбородком куда-то под лестницу, ведущую на веранду.

Не своя с нее глаз, цыган пятится, потом заглядывает под ступеньки. Там действительно кран. Он открывает его и набирает воды в ведро.

— С другими вы более гостеприимны. Например, с французами.

Шугар, держа карабин стволом вниз, не откликается. В ее поведении уже нет ни тени угрозы, как, впрочем, и в поведении цыгана. Он серьезен и держится с большим достоинством.

— Вы дали мне воды. В благодарность я расскажу вам одну историю. Это очень интересная история. Очень печальная, но интересная...

Он продолжает приближаться к Шугар, и та медленно отступает, не отрывая от него взгляда.

Внезапно она с несвойственной ей нервозностью вскидывает карабин, в глазах появляется паника. Она поняла все прежде, чем узнала.

И она не хочет знать.

— Уходите отсюда! — кричит Шугар.— Уходите!

Цыгане не двигаются с места. Музыкант, привалившийся к лестнице, продолжает играть.

— Однажды во Франции на берегу моря пели дети... Дети нашей расы...

Много месяцев назад.

Расшитые золотом хоругви, статуи Пресвятой девы на плечах мужчин, несметное множество приехавших отовсюду цыган, камаргийских[†] пастухов на лошадях, заполненные толпой песчаные пляжи, волны Средиземного моря.

Это день большого цыганского сбора в Сент-Мари-де-ла-Мер. В толпе соседствуют всевозможные костюмы, самые разные возрасты, посреди процессии резвится группа детей.

Маленькая девочка поднимает голову к небу. Восхищенная, она показывает рукой на белый самолет, кружащий над ними.

[†] Камарга — один из южных регионов Франции.

Это легкий туристский моноплан. В кабине Тони Кардо. Он летит совсем низко над вспененными волнами, ложится на крыло, потом выравнивает аппарат и удаляется в сторону открытого моря.

Дети на пляже кричат и прыгают от радости. Белая птица возвращается, пронесется высоко над их протянутыми руками, она словно играет с ними.

Вдруг улыбки застывают на лицах детей. На этот раз самолет летит пугающе низко, задевает крылом столб по ту сторону идущего вдоль моря шоссе, беспорядочно вращается над статуями Пресвятой девы и хоругвями и обрушивается в толпу.

В диком ужасе кричат женщины.

А после — прошло то ли несколько минут, то ли несколько часов — все неподвижно, и над мужчинами, и женщинами, струдившимися на берегу моря вокруг остатков самолета, повисло жуткое молчание.

Тут же полицейские, одни сдерживают толпу, другие окружают Тони Кардо. Он стоит на песке и оцепенело, словно не веря в случившееся, взирает на три маленьких тела, накрытых покрывалами.

Рядом с погибшими детьми стоят их родители. Одна цыганка с красными от слез глазами не выдерживает и делает попытку наброситься на Тони Кардо. Ее муж, лицо которого также искажено горем, едва удерживает ее.

Толпа растет, мужчины потрясают кулаками. Полицейские теснее сплываются вокруг Тони, чтобы защитить его от ударов.

И спустя много месяцев то же скопление народа, те же угрожающие кулаки он встречает на широких ступенях какого-то южного Дворца правосудия, откуда выходит, судя по всему, освобожденным. И та же бессильная ненависть во всех взглядах.

Чарли ведет большой черный кабриолет. Тони сидит рядом с ним, Рицио и Маттоне позади. Они проезжают мимо стен и сторожевых вышек одной из тюрем на окраине Монреаля.

— Каталажка, Фрогги! — Чарли останавливает машину. Поверх его плеча Тони оглядывает высокие серые тюремные стены. — Вам выходить. Я остаюсь в машине.

Рицио и Маттоне выходят, каждый со своей стороны. Рицио на ходу протягивает Чарли пачку сигарет. Тони тоже выходит.

Закурив сигарету, Чарли сквозь лобовое стекло наблюдает за тем, как троица удаляется.

Внизу течет один из рукавов реки Св. Лаврентия. На берегу только заросли кустарника, место пустынное.

Троих мужчин поджидает в моторке Пешпер. Когда глаза Пешпер и Тони встречаются, они обнаруживают, что рады друг другу.

Рицио садится за руль, и лодка стремительно удаляется, порождая тяжелую волну, накатывающую на берег.

На просторе усеянной островами реки Пешпер достает из кармана плаща две отрывные книжечки авиакомпании и показывает их Тони.

— Я купила два билета на самолет до Нового Орлеана. Вылет завтра в полдень.

— Два?

Пеппер утвердительно кивает. Встречный поток воздуха треплет ее шевелюру. Она еще никогда не выглядела так женственно.

— У меня мой паспорт и Пола. Согласен?

Тони утвердительно кивает. Пеппер откидывается на спинку сиденья, кладет авиабилеты в карман и удовлетворенно говорит:

— Мистер и миссис Смит!

Черный кабриолет стоит на эспланаде перед тюрьмой.

Сидя за рулем и не сводя глаз с зеркала заднего вида, Чарли курит сигарету. Он выбрасывает ее за окно, когда из ворот тюрьмы выходит народ.

Время конца посещений.

Толпа рассеивается, остается лишь мужчина лет пятидесяти. На нем серый костюм, в руках кожаный портфель. Его внешность говорит сама за себя: второразрядный адвокат, выполняющий в основном посреднические функции.

Мужчина направляется к автомобилю Чарли.

Когда адвокат останавливается у дверцы, он даже не поворачивает головы.

— Привет, Лестер.

— Привет, Чарли.

— Как дела у Мак Карти?

— Он нервничает. Все нервничают. Кроме тебя.

Оба разговаривают холодным, невыразительным тоном, так разговаривают люди, промез которых все уже давно решено. Осталось уладить кое-какие мелочи.

— Где состоится обмен?

— Я тебя провожу.

Лестер обходит автомобиль и садится на место пассажира.

Рука Чарли выдергивает из «поляронда» пленку.

Он сидит на ступеньках веранды, на нем кожаное снаряжение с кобурой. Как и в предыдущие дни, он курит свою вечернюю сигару. Тони, Маттоне и Рицци склоняются над ним.

Сквозь кроны деревьев в лесу пробиваются лучи заходящего солнца.

На фотографии, которую держит в руках Чарли, огромный пустырь где-то в Монреале, бывшая автостоянка, кое-где еще остались столбики, указывающие стояночные места. На столбиках не номера, а силуэты различных животных. На переднем плане видны слон, жираф.

— Вы должны запомнить этот пейзаж до мельчайшей детали. Если к завтрашнему утру в нем хоть что-нибудь изменится, без лишних слов открываем огонь.

Чарли поднимает глаза, и все трое согласно кивают. Разве что у Тони заметна некоторая нерешительность: ведь теперь он по-настоящему влезает в шкуру профессионала.

— Есть еще проблема.— Концом сигары Чарли прожигает в фотографии посреди голубого неба дыру.— Солнце будет нам в лицо.

Риццо смотрит на Чарли, потом задумчиво берет у него из рук продырявленную фотокарточку.

— Должно быть, здорово они нам не доверяют, раз поставили напротив солнца.

Маттоне энергично кивает. Говорить он не имеет права, но это же самое хотел сказать и он.

— Да... Такие уж они там, в банде Мак Карти.

— Значит, надо появиться первыми.

— Точно.

Риццо и Маттоне уходят в дом, забрав карточку и фотокамеру, а Тони остается с Чарли. Он садится рядом с ним на ступеньки веранды.

Какое-то время оба хранят молчание. Чарли созерцает обгоревший закатом лес.

— Мой дед в Мичигане любил рассказывать, что он родился на дереве. Это бывало всегда в такое время. Надо сказать, пил дедуля будь здоров.— Чарли поворачивает голову, но смотрит не на Тони — на дуг, на понтон, на реку.— Так, значит, ты догадался, что нам предстоит выкрасть этой ночью?

— Нет.

— Человека. Женщину.

Наступает тишина. А потом голос Чарли раздается снова, и, пока он говорит, мы вдруг оказываемся в Париже летней ночью у отеля «Ритц».

Вокруг много любопытных и газетчиков, то и дело сверкают фотовспышки.

Мужчина лет тридцати пяти, высокий, приятной наружности, выходит в смокинге из отеля, держа под руку очень молодую женщину в вечернем платье.

Голос Чарли: ...Она стоит миллион долларов для одного итальянского проходимца, который сколотил состояние и теперь называет себя Мак Карти. Он сидит в монреальской тюрьме, и его процесс откроется через неделю...

Молодая женщина свободной рукой прижимает к себе тряпичную куклу. Видно, что ее пугает толпа, вспышки блищей. Двое телохранителей отодвигают журналистов, освобождая проход к роскошному черному автомобилю, ожидающему у края тротуара.

Голос Чарли: ...Эта женщина будет главным свидетелем. Ее держат в специальном полицейском лазарете на восемнадцатом этаже...

Мужчине в смокинге и молодой женщине с тряпичной куклой удается забраться на заднее сиденье автомобиля, и его дверцы захлопываются. В каждом движении Мак Карти чувствуется безграничная нежность к подруге. Но она с тем же испугом на лице прижимает к сердцу свою куклу.

Голос Чарли: ...Он познакомился с ней, когда ей было тринадцать лет. А потом в голове у нее что-то заклинило, и ей до сих пор все те же тринадцать. Она болтает и болтает, сама не зная что...

Помолчав, Чарли добавляет:

— Ее зовут Тобогган.

Два лица в сумерках, освещаемых с веранды. Застывшее — Тони, который вдруг отводит глаза, чтобы скрыть свое смятение. И внимательное — Чарли, от которого это смятение не ускользает.

— Пошли со мной.— Чарли как ни в чем не бывало поднимается, идет вдоль веранды и исчезает за углом дома.

Когда Тони, в свою очередь, поднявшись, подходит к этому углу, сильная рука хватает его за отворот рубашки и отшвыривает к стене. А в шею ему упирается дуло револьвера.

— Реннер разговаривал с тобой перед смертью!

Это не вопрос. Это очевидный факт, и Чарли сильнее упирает револьвер, чтобы Тони заговорил.

— Тобогган уже мертва — это все, что я знаю.

— Вывод?

— Нет смысла за ней идти.

Чарли подталкивает Тони и тащит вдоль стены. Продолжая говорить, он отдаляется от дома.

— Я проникну на этот восемнадцатый этаж и выберусь оттуда!

— Ради чего?

— Ради миллиона долларов! Я заменяю Тобогган другой! Теперь ты понял? Я все равно проверну это дело!

— Что скажут Риццио и Маттоне?

— Это их трудности!

— А Мак Карти, когда обнаружит, что заплатил ни за что?

— Это будут его трудности!

Какое-то время они смотрят друг другу в глаза, потом Тони медленно протягивает руку и отстраняет наставленный на него револьвер. Чарли не противится.

— Я иду с тобой, Чарли.

— Ты говоришь лучше, чем Реннер. Ты говоришь, как настоящий профессионал.

И, не сказав больше ни слова, Чарли уходит с револьвером в руке.

Чарли ставит одну сигарету стоймя на другую. Очень осторожно ставит сверху третью. И она не падает!

Он удовлетворенно крикает.

— С твоей доли двадцатка, Фрогги.

Они сидят друг напротив друга за игорным столом в большом зале.

— Точно.— Тони с трудом верится, что трюк удался Чарли. Он берет три сигареты, чтобы, в свою очередь, сыграть.

Шугар с грудой тарелок в руках подходит к Риццио, сидящему за овальным столом и колдующему с ножницами над фотокарточкой, сделанной «поляроидом». На столе перед ним лежит паспорт Пола.

Шугар наблюдает за работой Риццио. Он вырезает физиономию Тони — снимок сделан только что, за столом, во время игры с Чарли.

— Что ты делаешь? — настороженно спрашивает Шугар.

— Паспорт для мистера Смита.

Шугар оборачивается к Тони, сидящему в другом конце зала. Пешпер сидит рядом с ним на подлокотнике кресла и внимательно наблюдает за движением его пальцев, воздвигающих башенку из сигарет.

Подойдя к буфету за столовыми приборами, Шугар снова смотрит на Тони и, подбирая ножи и вилки, принимается напевать себе под нос.

Напевает она мелодию цыган.

Рука Тони на игорном столе еле заметно вздрагивает. Третья сигарета падает и увлекает за собой остальные.

Чарли поднимает несколько удивленный взгляд, берет со стола одну из сигарет и, довольный, закуривает.

Шугар, напевая, направляется в кухню.

Тони подходит к ней и закрывает за собой дверь.

— Что тебе рассказали цыгане?

— Все.

— Вывод?

Шугар иронически восклицает:

— О! Ты можешь кривляться перед Чарли сколько тебе вздумается. Он не пойдет на дело с любителем!

Говорит она тихим напряженным голосом. По ее взгляду видно, что она вне себя от бешенства.

— Дай мне шанс, Шугар.

Шугар садится на стул, явно не зная, как ей поступить.

— Тони, зачем тебе паспорт?

— Чтобы уехать.

— Со мной?

Тони, уставясь в пустоту, хранит молчание.

— Дай и мне шанс, — просит Шугар.

Тони медленно кивает.

— Это правда?

Тони снова утвердительно кивает.

— Цыгане ждут момента, когда ты будешь один. Завтра утром никто из нас сюда не вернется.

Тони кивает в третий раз, открывает дверь и выходит. Шугар продолжает сидеть, глядя в пустоту.

Все шестеро сидят в ложе театра: четверо мужчин — в смокингах, Шугар и Пешпер в вечерних платьях; все чопорные, торжественные, неузнаваемые.

На освещенной сцене рояль и маэстро, кланяющийся под аплодисменты. Это концертный зал Уилфрида Пеллетье в Монреале.

Тщательно причесанный Риццо оглядывает публику.

— Зачем мы вырядились в смокинги?

Чарли держится естественней, непринужденней всех.

— Иначе подвалы не пройти.

Шугар с новой прической и в длинном платье выглядит очень эффектно. Тони, которому смокинг весьма к лицу, заметно нервничает перед грядущим испытанием. Пешпер в муслиновом

платье из всех сил старается не казаться маленькой дикаркой. Наконец, Маттоне — в готовом треснуть в плечах смокинге, со сдавившим шею жестким воротником он больше всех похож на ряженого.

Пианист усаживается за рояль, начинает новый пассаж. Добросовестно послушав несколько первых тактов, бывший боксер облокачивается на ограждение ложи и принимается щелкать суставами пальцев.

Ложу, что строго под ним, занимают трое молодых людей, тоже в вечерних костюмах, и белокурая девушка в длинном белом платье — майоретка из Вестмаунта.

На фоне музыки слышно, как Маттоне щелкает суставами. Поначалу майоретка совершенно неподвижна; ничего не замечая, она неотрывно смотрит на оркестрантов. Потом ее взгляд медленно поднимается и на несколько мгновений задерживается на профиле бывшего боксера. В лице ее ничего не меняется. Она снова неподвижна.

По лестнице, ведущей из лож, в длинном белом платье спускается белокурая девушка и подходит к двум надзирателям. Она крутит на цепочке вечернюю сумочку — видимо, майоретка берет в ней верх.

Надзиратели облачены в смокинги, на груди у каждого бляха с номером.

— Эта бляха означает, что вы из службы охраны порядка? — спрашивает девушка.

— Да, — отвечает один из надзирателей.

— В сегодняшних вечерних газетах есть мое фото.

— Простите?

— Тот, который напал на меня, находится здесь. В ложе 18.

Надзиратели переглядываются, явно ничего не понимая.

— Мне нужно позвонить инспектору Барни, — говорит майоретка.

Чарли поднимается в ложе. Пора отправляться в путь. Его примеру следуют Риццио, Маттоне и Тони. Не обменявшись ни словом, ни взглядом, они гуськом выходят в коридор.

Женщины остаются вдвоем.

Четверо мужчин пересекают фойе, где с надзирателями разговаривала майоретка.

Четверка проходит мимо надзирателя, но тот не обращает на них никакого внимания. Они проходят коридором, спускаются по эскалатору.

Несколько мгновений спустя открывается дверь лифта, и четверка выходит. Чарли достает из кармана номерные бляхи службы охраны порядка и раздает их спутникам.

— Подарок Реннера.

Он первым прикладывает свою бляху к смокингу. Остальные следуют его примеру.

Они находятся в машинном отделении театра, в подвале.

Это настоящий подземный завод. Во главе с Чарли они пересекают помещения, где расположены кондиционеры и управляющие механизмы.

На них оборачиваются служащие, наблюдающие за показаниями различных приборов.

Надзиратель, сидящий в стеклянной кабине, приглядывается к ним уже с большим вниманием. К счастью, он видит их издали, через стекло, и Чарли приветствует его взмахом руки.

В конце концов надзиратель отвечает тем же и безучастно провожает их взглядом.

Вскоре они оказываются перед большой откидывающейся дверью из металла. Красным перочинным ножиком с узким заостренным лезвием Риццио отмыкает замок. Задвижка срабатывает.

Они толкают дверь. И проходят. Тяжелая створка закрывается за ними.

Они начинают свой долгий путь по подземельям города.

Музыка на освещенной сцене, погруженный в полумрак внимающей зал.

— Моя очередь, — тихо говорит Пеппер, забирает свое манти и встает. Шугар удерживает ее за руку.

— Когда все кончится, скажи Фрогги, что я жду его в отеле «Бонавантур». С его долей и с моей.

— Тони не придет, Шугар. Он уезжает со мной.

— Я не верю тебе.

Пеппер достает из кармана два билета на самолет до Нового Орлеана. Она не показывает и не протягивает их, просто достает.

— Мистер и миссис Смит.

Шугар смотрит на билеты, потом снова поднимает глаза — в них блещат слезы. Она с отчаянием мотает головой. Пеппер высвобождает руку и выходит из ложи.

Шугар отворачивается к оркестру, но не видит его, как не слышит музыку, которую он играет.

Вдруг дверь в ложу распахивается, и Шугар обращает к ней полные слез глаза, думая, что это вернулась Пеппер.

Но это майоретка, инспектор Барни и полицейский в форме.

— Он был здесь, — говорит майоретка.

— Вы уверены?

— Да. Она была с ним.

Барни обращается к Шугар:

— Не угодно ли вам последовать за нами, мадам?

— Простите?

— Следуйте за нами.

Из соседних лож доносится шиканье. Шугар встает, забирает свое манти, вечернюю сумочку и проходит мимо инспектора. Она все еще во власти услышанного от Пеппер и потому не очень понимает что происходит, просто старается выстоять в этом кошмаре.

Выходя из ложи, она оборачивается, устремляя затуманенный взор на майоретку в длинном платье. Лицо ей знакомо — она видела его на дважды экспонированном снимке «поляроида».

Лицо напоминает Шугар вывеску ее собственной харчевни на острове, загороженную объявлением: ЗАКРЫТО.

Шугар следует за идущими по коридору Барни и полицейским. Майоретка отправляется вслед за ними, с довольным видом вертя на пепочке сумочку.

СТОЯНКА ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА

Чарли, Маттоне, Тони и Риццио проходят мимо этого указателя, не обращая на него внимания.

Они идут быстро, колонну возглавляет Чарли, и звук их шагов гулко перекатывается под сводами подземелья. Они пересекают пустынную стоянку. На обширном пространстве оставлены на ночь всего пять или шесть машин.

На площадке № 135 их ждет автомобиль Мастратоса.

Чарли тотчас открывает багажник, бросает каждому оружие. Никто не делает ни одного лишнего движения. После того, как каждый получает ствол и патроны, Чарли садится за руль, Риццио рядом с ним, Тони и Маттоне — на заднее сиденье.

Они пристегиваются ремнями безопасности. Из-под ворота вытаскивают нечто наподобие масок и повязывают их.

Чарли резко бросает машину назад и, остановившись на миг, чтобы переключить передачу, устремляет автомобиль вперед, прямо на стену, от которой только что отъехал.

Бетонная перегородка проламывается. Чарли дает задний ход и снова бросает автомобиль в брешь. Опять откатывается и опять идет на приступ.

На третий раз ему удается проскочить. Одна из задних шин лопаается, перед смят в гармошку.

По ту сторону — подвал обувной фабрики. Разогнавшийся автомобиль расшвыривает кисты упаковочного картона, проламывается сквозь какой-то кабинет, круша все на своем пути, пробивает следующую стену.

Теперь это подземелье большого гаража. Машина мчится вперед и с дребезгом тормозит у противоположной стены.

Четверка в масках выскакивает из нее в мгновение ока. Чарли широким шагом, не оглядываясь, направляется к лифту.

В кабине он нажимает на кнопку последнего, восемнадцатого этажа.

— Теперь пусть оцепляют хоть весь квартал, мы вернемся тем же путем.

Наверху, на террасе под открытым небом, меж рядами автомобилей свищет ветер.

Четверо мужчин в смокингах снимают с одного из грузовиков тяжелый чехол, и на фоне стоящего напротив высокого здания управления полиции, освещенного огнями, открывается их пожарная машина, безликая, серая.

Чехол хлопает на ветру, и им едва удается его удержать.

Затем Чарли и Риццио запрыгивают на машину и принимаются орудовать большой лестницей.

Она словно по волшебству протягивается в пустоте от од-

ного здания к другому, вырастая со скоростью один метр в секунду.

Без единого слова они направляют ее к ряду освещенных окон здания полицейского управления, расположенному чуть выше террасы.

Лестница достигает одного из окон и останавливается перед ним в последнюю долю секунды. Ее конец мягко ложится на карниз.

На противоположный конец лестницы первым забирается Риццо. С засунутым за пояс обрезом он карабкается по ней ступенька за ступенькой, не глядя на разверзшуюся внизу пропасть, и ветер треплет его волосы.

Чарли хватает Маттоне и толкает его к лестнице. Бывший боксер инстинктивно пятится. Потом решается. С винтовкой за поясом, с маской на лице, подавляя страх, он взбирается по ступенькам, и глаза его неотрывно устремлены на окно, до которого надо доползти.

Риццо уже почти у цели, когда Чарли, в свою очередь, берется за перекладину и оборачивается к Тони — удостовериться, что может на него рассчитывать.

Тони на миг опускает маску и улыбается:

— Куропатка!

Чарли кивает и запрыгивает на лестницу.

На другом ее конце Риццо алмазом вырезает в окне большой круг и беззвучно вынимает его с помощью присоски. Так с круглым куском стекла в руках он и вторгается на восемнадцатый этаж управления полиции.

В коридоре появляется медсестра. Крепкая, сильная женщина не теряет хладнокровия и без слов бросается на пришельца. Риццо отталкивает ее, угрожая обрезом, вынуждает лечь на пол. К несчастью, он роняет при этом стеклянный круг, тот катится вдоль коридора и разбивается о стену.

На шум выбегает другая медсестра, помоложе, и идет по направлению к окну. Когда она заворачивает за угол, появившийся Маттоне приставляет к ее горлу винтовочное дуло. Не успев опомниться, она тоже оказывается распростертой на полу.

В этот же момент Чарли врывается в одну из палат и включает свет.

Тут стоят две койки, но занята только одна. На ней старая женщина с блуждающим взором и всклокоченными волосами. Она отшатывается к стене и начинает смеяться, бормотать, заламывать руки.

— Тобогган умерла!.. Тобогган умерла!.. Она покончила с собой!

Не обращая на нее внимания, Чарли устремляется к пустой койке и забирает лежащие на ней валик и покрывало.

Потом он резко распахивает дверцу стенового шкафа, где висит одежда молодой женщины, которую звали Тобогган.

Чарли срывает с одной из вешалок платье. То самое, в котором Тобогган однажды летней ночью выходила из отеля «Ритц» в Париже.

Из груды игрушек, валяющихся на дне шкафа, он вытаскива-

ет за ноги куклу. Облезлую тряпичную куклу с почти стершейся улыбкой. Из спины торчит кольцо на нейлоновой леске, и Чарли дергает за него. Причитания сумасшедшей перекрывает механический голос с детской интонацией:

— ...Мама осталась дома одна! Мою младшую сестренку зовут Джекки!..

В следующее мгновение из коридора доносится чудовищный грохот.

Это стреляет Риццио. Из лифта появляются полицейские. Один из них, которому пуля угодила в грудь, буквально отброшен к стене коридора. Двое других в кабине достают револьверы.

С порога палаты Тобогган открывает огонь и Чарли. Полицейские поспешно загораживаются стальной дверцей лифта.

Чарли бросает на Риццио бешеный взгляд.

— У нас должно быть еще полно времени до смены постов!

Риццио, потрясенный, жалкий, протягивает вперед обе руки.

— Я не знаю, на какие часы смотрел!.. На них разное время!..

Но они уже не слышат друг друга. Во всем здании оглушительно взывает сирена, с обоих концов коридора раздаются выстрелы, и Маттоне с Риццио отстреливаются от появившихся на этаже полицейских.

Чарли палит в приоткрывшуюся дверь лифта. Он подбирает вещи Тобогган, которые перед этим уронил, и отступает к окну с вырезанным стеклом.

В тот же момент, когда раздается зловещий вой второй сирены, похожей на тюремную, снаружи вспыхивает перестрелка.

Укрывшись за балюстрадой террасы, Тони открывает из своей самозарядной винтовки огонь по окнам здания управления полиции.

Это заградительный огонь: пули летят безостановочно во все, что движется.

Включаются прожектора и принимаются прочесывать улицу между зданиями. Грохот стоит ужасающий.

Две медсестры, лежащие на полу, закрывают головы руками.

Пятясь к окну, Маттоне видит, что Чарли несет вещи: куклу, платье, валик. Его-то он и подхватывает, выпучив глаза.

Чарли кричит ему что-то, чего не разобрать в грохоте, и грубо толкает к лестнице.

На той стороне улицы Тони вставляет в винтовку новую обойму и продолжает стрелять в том же темпе. Лицо его покрыто потом.

По нему тоже стреляют, и пули вырывают из столбиков балюстрады куски бетона. Но он все так же ведет стрельбу, не давая противнику высунуться из окон.

В коридоре лазарета Чарли кричит Риццио что-то, чего тот не может слышать, и, в свою очередь, устремляется на лестницу.

Риццио отступает к окну, стреляя наудачу вдоль коридора.

Внезапно он обнаруживает, что у него кончились патроны, бросается к окну, и в тот же момент одна из медсестер — та, что поздоровее, — хватает его за ноги. Он падает.

С обоих концов коридора бегут полицейские.

Риццо, освободившись, вскакивает на ноги, но, безоружный, застывает.

На протяжении двух секунд в вое сирен и грохоте пальбы все хранят совершенную, почти ирреальную неподвижность. А потом полицейские медленно, опасно смыкают вокруг Риццо кольцо.

Пржекторы освещают лестницу пожарной машины, а на ней Чарли, уносящего завернутые в покрывало вещи Тобогган, как когда-то он уносил из приюта маленькую Пеппер.

Тони за балюстрадой отыскивает глазами источник света. Он внизу, на улице. Тони стреляет раз, другой. Мимо. И вдруг это уже не прожектор, а кольцо с брелоком в форме сердечка на гвоздике в сарае. Третья пуля, выпущенная Тони, вдребезги разбивает ослепительное стекло прожектора и гасит все.

Маттоне уже на пожарной машине и приводит в действие лестницу. Она начинает втягиваться, в то время как Чарли заканчивает преодолевать пустоту между зданиями, а Тони посылает пулю за пулей в зияющее окно, не давая вмешаться захватившим Риццо полицейским.

Чарли прыжком приземляется на террасу.

Кондитерская на улице Дорчестер.

Поначалу в зале темно. Пожилая дама, аккуратненькая, опрятная, наблюдает за происходящим, слегка раздвинув пластинки жалюзи.

Она не выказывает ни малейшего волнения, отпускает жалюзи и мелкими торопливыми шажками пересекает зал, огибая наполненные конфетами вазы.

На прилавке она включает лампу и крутит диск телефона.

Когда на другом конце отвечают, она ничего не говорит, а лишь отводит трубку от уха, чтобы лучше были слышны вой сирен, тревожные возгласы и доносящиеся отовсюду выстрелы. На губах у нее торжествующая улыбка.

На другом конце провода телефон слушает высокий мужчина. Он в рубашке и с кобурой на перевязи. Лицо сальное, отталкивающее.

Послушав некоторое время, он молча кладет трубку. Потом с довольной ухмылкой оборачивается к четырем игрокам в покер, сидящим позади него за столом.

Это нечто вроде гостиной спортивного клуба. На полках расставлены серебряные кубки, на стенах развешаны фотоснимки чемпионов.

— Музыка что надо!.. Чарли сдержал слово. Он выкрал Тобогган! — говорит мужчина.

Все тотчас бросают карты и хватаются за пиджаки, собираясь в путь.

Снова вой сирен, но уже приглушенный.

Чарли, Маттоне и Тони выходят из лифта в подземелье гаража и бегут к разбитой машине Мастратоса.

Чарли сам не садится за руль, а толкает на сиденье водителя Маттоне.

Со спущенным задним колесом машина устремляется в пробитую ею раньше брешь и на полном ходу мчится через склад обувной фабрики и другие подземелья.

Седоки снимают маски. Чарли красным ножичком вспарывает прихваченный им валик. Он оставляет только полотняный чехол, внутренности же валика летят наружу.

За машиной рассеивается облако из перьев.

Спустя несколько минут один из операторов машинного отделения театра видит, как на его аппарат откуда ни возьмись плавно планирует белое перышко.

Подобрав его, он оборачивается к трем мужчинам, которые только что прошли мимо него и теперь пересекают подземелье. Все трое в смокингах, с бляхой надзирателя на груди.

Чарли несет завернутые в покрывало платье и куклу Тобогган и винтовку Тони, ствол которой высовывается наружу. Идет он быстро, ни на кого не глядя, и двое его спутников следуют за ним тем же шагом.

Зрелище довольно странное, тем более что смокинги на стражах порядка в плачевном состоянии. Оператор пожимает плечами и возвращается к наблюдению за приборами.

Площадь Искусств. Полпервого ночи. В машине Чарли, стоящей у тротуара, мужчин ждет Пеппер.

Ее снедает тревога. Она старается не обращать внимания на завывание сирен.

При виде спешащей к ней тройцы в смокингах она облегченно вздыхает и смещается по сиденью, освобождая место за рулем для Чарли. Мужчины открывают дверцы и проворно, не говоря ни слова, забираются внутрь.

— Где Риццио? — спрашивает Пеппер.

Ответа нет. Чарли достает из-под смокинга обрез, бросает его тем, кто сидит сзади, и трогается с места.

— А Тобогган? — продолжает Пеппер.

Ответа по-прежнему нет.

ШАРИКИ

Коридор в здании полицейского управления. Час ночи.

На одной из скамеек бок о бок сидят майоретка и Шугар. Они ждут, и ждут уже давно.

В нескольких шагах от них полицейский в форме печатает на машинке.

Майоретка достает из своей лакированной сумочки коробочку с леденцами, открывает ее и предлагает Шугар. Та, взглянув, отворачивается.

Слегка раздосадованная, майоретка все же берет один леденец себе. Закрытая коробочка остается у нее в руке.

— Я не виновата. Мне сказали позвонить, я и позвонила.

Шугар никак не реагирует на ее слова.

— Эй, я с вами говорю!

— Возвращайся к своему папочке! — сухо парирует Шугар.

— У меня его нет!..

Шугар упрямо показывает майоретке спину.

— Когда я была маленькой, знаете, что говорила мне мама? — продолжает майоретка. — «Если еще заговоришь об отце, придут цыгане и заберут тебя!»

— Кто придет? — Шугар поворачивается к ней.

— Цыгане! Да-да, цыгане!

Шугар пожимает плечами и снова отворачивается. Майоретка встает и от нечего делать прохаживается, потряхивая коробочкой с леденцами.

Полицейский осуждающе смотрит на нее.

Из кабинета выходит группа мужчин. Это Рицию, которого ведут полицейские в форме и в штатском.

Первая встречается с ним взглядом Шугар. У обоих екает сердце, но они делают вид, что незнакомы. Рицию останавливается у двери лифта. И тут его замечает майоретка.

То, что она узнала его, видно по ее лицу. Рицию тоже понимает это. Майоретка даже отшатывается. А потом оборачивается к Шугар, та смотрит на нее отчаянным, умоляющим взглядом. У майоретки на лице замешательство.

Рицию входит в кабину лифта. Майоретка молчит.

Уже все мужчины исчезают в кабине, а Шугар не спускает с майоретки глаз. Майоретка подходит и садится рядом с ней.

Снова открывает коробочку с леденцами и протягивает ее Шугар. Та берет себе один. Закрыв коробочку, девушка улыбается и легонько встряхивает ее в руке. Леденцы гремят.

247

Обширный пустырь, который Чарли показывал на фотоснимке. Два часа ночи.

Сидя на винтовой лестнице, Маттоне с хмурым видом бросает на землю камешки.

Вокруг тишина и спокойствие. Слышно лишь постукивание камешков.

В нескольких метрах от боксера замерла Пеппер с капюшоном на голове. Она переделась в вечернее платье Тобогтан и держит в руках старенькую тряпичную куклу.

Капюшон — это чехол от валика, из которого Чарли вытряхнул перья.

Кабриолет стоит у подножия пилона с открытыми дверцами и включенным освещением салона. Вдали виднеются высотные здания Монреаля, мосты над рекой.

Чарли и Тони, облокотившись на капот машины, критически осматривают покорно стоящую перед ними Пеппер.

— У куклы в спине кольцо. Ну-ка потяни,— говорит Чарли.

Пеппер ощупью отыскивает кольцо, лицо у нее закрыто капюшоном. В причудливом освещении раздается механический голос:

— ...Не хочу в пансион!.. Не хочу в пансион!..

Маттоне вскакивает на ноги.

Чарли притягивает Пеппер к себе, забирает у нее куклу.

Девушка откидывает с лица кашпошон и смотрит на Тони. Она видит, что он беспокоится за нее, и ободряюще улыбается.

Треск распарываемой материи: сидя боком на переднем сиденье, Чарли вскрывает ножичком спину куклы, перерезает нить, ведущую к звуковому механизму.

— Что ты делаешь? — удивленно спрашивает Тони.

— Учю ее другому языку.

Чарли достает из кармана одну из добытых Мастрэгосом гранат и всовывает ее в игрушку. Подняв голову, он видит, что к нему подходит Маттоне и наблюдает за его действиями.

— Что, ее тоже решил сфотографировать?

Маттоне недоуменно мотает головой. А потом наклоняется к Чарли, открывает отделение для перчаток, достает оттуда белый бильярдный шар и некоторое время взвешивает его на руке.

Чувствуется, что он хочет что-то сказать, но Чарли не оставляет ему на это времени:

— Я знаю Риццио. Он не расколется.

Повернувшись к боксеру, Чарли протягивает ему руку ладонью вверх. Тот, покачав головой, вкладывает в нее бильярдный шар.

Все четверо, собравшись у автомобиля, ждут. Другого ничего не остается.

Двое инспекторов держат Риццио за руки, прижимая к стене, а третий бьет.

248

— Ладно... Я знаю, где они... Я знаю, где они!.. — не выдерживает Риццио.

Тот, кто избивал его, отступает. В ослепительный сноп света от настольной лампы входит другой полицейский в штатском, постарше.

— О'кей. В дорогу.

Он закуривает сигарету и вставляет ее в губы Риццио, соскользнувшему по стене на пол.

Остальные надевают пиджаки.

На бильярдном столе сталкиваются белый и красный шары.

Изумленные игроки поспешно отшатываются к стенам: на пороге большого бильярдного зала со странной усмешкой на разбитом лице появляется Риццио.

На нем снова смокинг. Позади него стоят трое уже знакомых инспекторов. Полицейские в форме, с пистолетами-пулеметами в руках занимают позиции в зале, отодвигая безмолвствующих посетителей.

Это одно из тех прокуренных заведений с баром и огромными вентиляторами под потолком, которые практически никогда не закрываются.

— Где они? — спрашивает старший инспектор.

Риццио указывает на дверь в другом конце центрального прохода между бильярдными столами.

— В арьерзале.

Полицейские, насторожившись, поворачиваются к двери, готовые в любой момент открыть огонь.

— Иди первым,— приказывает старший инспектор.

Риццо медленно идет по проходу. Примерно пятнадцать метров отделяют его от двери — вернее, от запримеченного им белого шара на последнем бильярде.

Лицо его спокойно, лишь губы шевелятся, словно он разговаривает сам с собой.

Еще несколько шагов, и, оказавшись у ближайшего к двери бильярдного стола, он вдруг хватает с него белый шар, делает поворот кругом и изо всех сил швыряет его, выкрикнув два последних слова из молитвы Чарли:

— ...Good night!

Один из инспекторов — тот, что избивал его,— обрушивается на другом конце зала с проломленным черепом. В то же мгновение со всех сторон разом раздаются тарахтенье пистолетов. Очереди скашивают Риццо на полном ходу, и в дыму и осколках шгукатурки его тело содрогается на полу.

Рассвет. Огромный, с металлизированным покрытием «кадиллак», вздымая пыль, пересекает изрытый ямами обширный пустырь.

Стоя перед кабриолетом, Чарли и его спутники наблюдают за тем, как он приближается. Поднимающееся за их спинами солнце тускло просвечивает сквозь густую пелену тумана. Напрасно они так старались прибыть на место первыми. Такой свет никому не способен помешать.

Пеппер с кашошоном на голове и с куклой в руках стоит возле Маттоне. У Чарли и боксера в руках обрезы, у Тони — самозарядная винтовка.

«Кадиллак» тормозит в двадцати метрах от них, и из него выскакивают пятеро: мужчина с сальным лицом, которому звонили пожилая дама, и игроки в покер.

Они рассыпаются веером, но оружия ни у кого не видно.

Мужчина с сальным лицом держит в каждой руке по полотняной сумке. С фальшивой улыбкой он оглядывает Чарли, Тони и Маттоне, потом останавливает свое внимание на девушке в вечернем платье.

— Эй! Что означает этот кашошон?.. Эй, Чарли! Что еще за цирк?

Ответа нет.

— Эй, сними чехол!

Ответа нет.

Мужчина бросает взгляд на своих спутников. Потом с воодушевлением вытягивает руки с сумками вперед.

— Взгляни!.. Теперь ты богатый, Чарли!.. Все деньги мира!.. Видишь?

— Пока я вижу две сумки!

Мужчина на мгновение сникает. Потом снова силится улыбнуться и с опаской делает несколько шагов.

— О'кей, Пеппер? — тихо произносит Чарли.

Девушка слегка наклоняет голову. Маттоне ведет ее к группе приехавших. Они останавливаются примерно на полпути, перед мужчиной со здоровенными полотняными сумками.

Бывший боксер, не выпуская из рук винтовки, ловит одну из них на лету и, нагнувшись, открывает ее. Пеппер держится чуть позади.

В сумке вперемешку навалены доллары. Маттоне облегченно вздыхает. Достает пригоршню и показывает их Чарли.

При шорохе купюр Пеппер бросается на землю.

Чарли открывает огонь.

Маттоне с колена открывает огонь.

Тони открывает огонь.

Все происходит очень быстро.

Пеппер, лежащая на земле, дергает за кольцо и бросает куклу. Та взрывается, сметая людей Мак Карти, вздымая землю, осыпая градом камней лежащую плашмя девушку.

Тишина. Медленно рассеиваются пыль и дым от пальбы. Пеппер встает на колени. Капюшон у нее откинут, лицо перепачкано землей.

Тони роняет винтовку и спешит к ней на помощь.

Маттоне пошатывается, держа в каждой руке по здоровенной полотняной сумке. Медленными шагами он направляется к Чарли, отыскивая его лицо на фоне рассвета. В спине у него две дыры.

Чарли устремляется навстречу, выпускает из рук винтовку и хватает его за плечи.

Они смотрят друг на друга, и Маттоне несколько раз открывает рот, сиюсь что-то сказать.

— ...Говори!.. Говори же!..— кричит Чарли.

Маттоне, который уже не держится на ногах, ценой невероятного усилия удается вымолвить одно слово:

— ...М-мир!..

И он, бездыханный, валится на руки потрясенного Чарли.

Тони и Пеппер замирают в нескольких шагах и не решаются подойти. Чарли медленно опускает тело боксера на землю. Выждав немного, он подбирает обе сумки и поворачивается к машине.

В это мгновение один из лежащих на земле гангстеров поднимает голову, часто смаргивает, отыскивая жертву, и прицеливается в Чарли.

— Чарли!..— Тони словно обезумел.

Чарли резко оборачивается и видит гангстера, наставившего на него револьвер. Сам он безоружен, как и Тони. Выронив одну из сумок, он инстинктивно выбрасывает руку вперед и протестующе поводит пальцем.

В Марселе, в Соборном квартале, мальчуган с красным ножиком так же поводит пальцем перед другим мальчишкой, нацелившим на него пластмассовое ружье:

— ...Это не считается, ты уже убит!

В грохоте выстрела Чарли падает навзничь.

Тони, очутившийся у своей винтовки, одну за одной всаживает пули в стрелявшего гангстера и в ярости опорожняет магазин. Он совершенно неузнаваем, безрезультатно нажимая на спусковой крючок, бросается к Чарли. Пеппер уже подле него. Чарли обеими руками держится за живот, и между пальцев у него течет кровь.

Вдвоем они поддерживают его, подбирают сумки и бредут к машине.

Вдали слышится вой полицейских сирен.

Тони и Пеппер помогают Чарли усесться на заднем сиденье.

— Винтовку! — протягивает руку Чарли и показывает на свое оружие, брошенное на земле. Тони оборачивается, но винтовка слишком далеко, у них уже нет времени. Он садится рядом с Чарли, Пеппер — за руль.

Машина рывком трогается с места, закладывая вираж так, что визжит резина. Теперь на затихшем поле битвы уже ничто не шевелится.

Мужская рука приподнимает простыню, укрывавшую труп Маттоне.

Майоретка утвердительно кивает и, потрясенная, отворачивается. Она все в том же длинном платье, только на плечи ее наброшен мужской плащ.

Стоящая позади нее Шугар не сводит глаз с мертвого боксера.

— Итак, все они участвовали в ночном налете, — обращается инспектор Барни к одному из своих помощников.

— Кто тебе это сказал?

— Она.

Барни указывает на майоретку. Продолжая говорить, он приближается к Шугар и наблюдает за ее реакцией.

— ...Тот, которого взяли на месте и которого потом пришлось пристрелить — некто Риццио, — носил часы на каждой руке.

Шугар пытается скрыть охватившее ее смятение — значит, Риццио тоже убит, — но оно ясно читается в ее глазах. Мгновение спустя она отворачивается.

Вокруг них, на пустыре, заполненном полицейскими машинами, мельтешат белые халаты санитаров и мундиры стражей порядка. Трупы людей Мак Карти укрыты простынями.

Барни берет Шугар за руку и подводит к трупу Маттоне.

— Кто это?

Наступает долгое молчание. Шугар упорно не смотрит на мертвеца и устало произносит:

— Один человек, который поставил десять долларов на Господа.

Она открывает сумочку, достает купюру и кладет ее на труп. Потом достает еще одну и кладет туда же.

— За Риццио.

— Где остальные? — спрашивает Барни.

— Какие остальные?

Шугар медленным шагом направляется к одной из полицейских машин. Помощник Барни устремляется за ней.

Барни наклоняется, чтобы подобрать деньги.

— Если вы сделаете это, я крикну! — Майоретка выглядит очень взволнованной.

Барни непонимающе смотрит на нее. Потом пожимает плечами, бросает деньги на место и увлекает девушку за собой к машине.

Когда они присоединяются к Шугар и помощнику Барни, к инспектору подходит мужчина в штатском, держа в куске белой ткани удлиненный предмет.

У Шугар екает сердце: она узнает обрез, на стволе которого сверкает в лучах солнца перстень с большой голубой стекляншкой, — оружие Чарли.

— Тот, у которого была эта винтовка, потерял много крови, — говорит мужчина и указывает Барни путь, проделанный раненым до машины, в которой его, видимо, увезли.

Местоположение кабриолета Чарли в нескольких шагах от них обведено меловым контуром. На земле — пятна, осколки стекла.

— Я бы сказал даже, если при нем не оказалось врача...

Не закончив фразы, мужчина выразительно щелкает пальцами.

— Неправда! — кричит Шугар.

Все удивленно оборачиваются к ней. Барни берет обрез в руки, осматривает его. Когда он снова устремляет взгляд на Шугар — сначала на ее руки, потом на лицо, — то чувствует, что ее вот-вот прорвет.

— Вы знаете его лучше, чем я. Разве он из тех, кто бросает свое оружие?

Шугар отчаянно мотает головой. Это означает: быть не может, чтобы Чарли погиб, и быть не может, чтобы он бросил свое оружие.

Внезапно она отворачивается и забирается на заднее сиденье полицейского автомобиля.

Отдав винтовку, Барни наклоняется к ней.

— Может быть, мы еще успеем прислать к нему врача.

Шугар упорно избегает его взгляда.

— Сколько их было в той ложе? — обращается Барни к майоретке.

Стоящая возле автомобиля белокурая девушка встречается глазами вначале с Шугар, потом с инспектором. Ей вовсе не нужно напрягаться, чтобы вспомнить. Просто в игру вступает некоторая женская солидарность, и она колеблется, перед тем как ответить:

— Двоих других с ними не было.

— Двоих других?

— Я их раньше не видела!

Полицейские обмениваются скептическими взглядами. Они не замечают, что Шугар пристально смотрит на майоретку. Уж она-то знает: двое других — это Тони и Пеппер.

— Как они выглядели? — терпеливо продолжает Барни.

Гримаса, пожимание плеч.

— Ничего больше не скажу. Да и потом, мне не сделали

ничего плохого. Вы говорили, что пошлете врача? Так пошлите им врача!..

Барни не в силах подавить вздох разочарования. Он подсаживает девушку в автомобиль.

— Очень хорошо. Сейчас вас отвезут домой.

У майоретки вид надутого ребенка, которого спровадили в детскую.

— Вот так всегда. Позовут играть, а потом смотрят как на пустое место.

Она обращает большие печальные глаза на Шугар, которая пристально смотрит на нее сквозь слезы, зная, что Маттоне и Ришио уже нет на свете, и представляя, как у жаюк вместе Тони и Пепшер. Шугар внезапно привлекает девушку к себе, чтобы отстранить ее от дверцы и позвать Барни. Нет, малышка вовсе не пустое место. Под завесой дурацких, ничего не значащих фраз она, как всегда, сказала правду. Остается Чарли. Ему нужен врач.

— Я скажу вам, где они! — захлебывается в крике Шугар.

Барни круто оборачивается. Майоретка, прижатая к Шугар, смотрит на нее в упор своими неподвижными вопрошающими глазами.

— Я скажу вам!.. Я скажу вам!..

Таверна на острове. Девять часов утра.

Чарли наливает себе бокал виски. Он неудобно сидит на диване — видно, что рана у него нешуточная. На нем уже не смокинг, а толстая клетчатая куртка, которую он в первый вечер давал поносить Маттоне.

Он поднимает глаза на Тони, надевающего фиолетовый вельветовый пиджак.

— Выпей стаканчик.

Виски переливается через край. Тони молча смотрит на Чарли. Сейчас он печальней, чем когда бы то ни было.

К ним присоединяется Пепшер в черных брюках и свитере.

— Шугар приедет? — спрашивает Чарли.

— Телефон отрезан.

Двое мужчин молча смотрят на нее, а потом Чарли поворачивается к двери.

— Взгляни-ка снаружи, Пепшер.

Девушка украдкой улыбается Тони и уходит. Отхлебывая виски, Чарли разглядывает своего спутника.

— Тебя как звать, Фрогги?

— Антуан Кардо.

— А меня Чарльз Эллис.

Они чокаются. Тони пьет, не сводя с Чарли глаз.

Перед верандой неподвижно стоит Пепшер. Она вслушивается и ждет. Тишина полнейшая — ни птичьей трели, ни шороха, ничего.

Девушка поворачивается и возвращается в дом.

— Кто-то приближается к острову, Чарли.

Мужчины ставят на стол стаканы и, в свою очередь, прислушиваются. Тишина. Чарли тяжело поднимается.

— По мосту?

— По реке.

Медленным шагом, держась за живот, Чарли направляется к оружейной пирамиде, открывает дверцу и подает оружие и боеприпасы Тони. Он, как всегда, спокоен.

Пеппер надевает свой плащ.

Чарли с револьвером и патронами идет к лестнице. Две сумки с деньгами стоят, прислоненные к ступенькам. Не дойдя до них, Чарли падает на колени и растягивается во весь рост на полу.

В миле отсюда беззвучно, с выключенными моторами, в лучах солнца скользят по реке в направлении острова несколько лодок. Они наполнены вооруженными полицейскими.

Пеппер и Тони помогают Чарли подняться и усесться на ступеньках. Он отдувается, несколько удивленный тем, что упал.

А потом протягивает одну из сумок Тони.

— Уходите отсюда оба.

— Нет! — возражает ошеломленная Пеппер.

— Ты с девятилетнего возраста ни разу не ответила мне «нет». Не собираешься ли начать сейчас? Тони, уведи ее.

— А ты?

— Катись отсюда!

Тони подхватывает сумку и увлекает Пеппер к двери. Та упирается, но он вынуждает ее выйти.

Они бегут к риге.

Тони зашвыривает сумку в кабриолет, заталкивает девушку внутрь, обходит вокруг, захлопывая дверцы.

Он принял решение и действует быстро.

Усевшись за руль, Тони рывком трогает с места, уже не оглядываясь на дом. Пеппер же с отчаянием в расширившихся глазах смотрит, как дом удаляется.

Чарли в большом зале прислушивается к шуму машины, стихающему вдали.

Вцепившись в перила, он поднимается на ноги, подбирает оставшуюся сумку, снаряжение с револьвером, винчестер Пеппер, винтовки Тони. И падает.

Лежа на полу, он подтягивает к себе рассыпавшуюся поклажу, прихватывает еще бутылку виски и коробку с патронами.

Перекладывая весь этот ворох со ступеньки на ступеньку, он начинает на коленях взбираться по лестнице. На лбу у него вздулись жилы, но он упрямо лезет вверх.

На очередной ступеньке лежит громоздкий «поляроид». Чарли прихватывает и его.

Повыше — маленький полотняный мешочек, валявшийся здесь и в предыдущие дни. Чарли приподнимает мешочек, дно прорывается, и оттуда высыпается множество игральные шариков. Шарики самых разных цветов, весело подпрыгивая на ступеньках, раскатываются по всей лестнице.

Кабриолет, вздымая по дороге пыль, резко тормозит перед деревянным мостом.

— Что такое? — обеспокоенно спрашивает Тони.

— Я знаю, что они с этой стороны, — нерешительно отвечает Пеппер.

Оба всматриваются через стекло в деревья вокруг. Ничего. Но сама тишина тут удивительна.

— Пойду посмотрю. — Тони выходит из машины, осматриваясь по сторонам, бесшумно углубляется в багряно-золотой лес, растущий вдоль рукава реки.

Чарли вваливается в комнату и падает на пол со своей невероятной ношей.

Стиснув зубы, он снова поднимается, забрасывает сумку и арсенал на железную кровать.

Толкая кровать перед собой, он с трудом добирается до окна. По пути забирает с комода фотографию Куропатки в рамке и кладет ее вместе с остальными сокровищами.

Задыхающийся, но спокойный, он садится на пол, приваливается спиной к стене у окна и начинает снаряжать патронами обойму винчестера.

На берегу реки Тони, присев, рассматривает противоположный берег.

Там никого.

Он выпрямляется и идет назад.

Внезапно раздается щелчок. Тони круто оборачивается.

На ветке дерева сидит мужчина с ножом и улыбается, в правой руке у него оружие с выброшенным лезвием. Он спрыгивает на землю.

Тони снова поворачивается и бежит.

Цыган спокойно бросает нож ему вдогонку, и Тони без звука валится на землю.

Лежа ничком, он с ужасающей четкостью видит совсем рядом с собой тень своего распростертого тела, тень воткнувшегося в тело ножа. А потом, вдалеке, сильно смазанную тень цыгана, удаляющегося среди деревьев.

Пальцы Тони смыкаются на рукоятке ножа.

Он разом выдергивает его. И остается недвижим, зажмурив от боли глаза.

Несколько мгновений спустя сидящая в машине Пеппер видит, как он возвращается — неуверенно, странно подволакивая ноги. Чтобы лучше разглядеть, она передвигается на место водителя.

Тони останавливается у машины, опершись обеими руками о дверцу, но внутрь не собирается.

— Они здесь? — спрашивает Пеппер.

Тони отрицательно мотает головой. Лицо у него напряжено, но он старается скрыть, что ранен.

— Дай мне мой билет на самолет.

— Что?

— Мы не можем ехать вместе.

Теперь уже девушка мотает головой. Глаза ее моментально наполняются слезами.

— Завтра встретимся. Жди меня к полуденному рейсу, — успокаивает Тони.

— Я не хочу!

— А я не хочу оставлять Чарли!.. Обещаю тебе, завтра я буду в Новом Орлеане. Обещаю тебе, Мирна.

Внезапно Тони просовывает руку внутрь машины и включает передачу. Кабриолет дергается вперед.

— Делай, что я говорю!

Пеппер достает из кармана плаща билеты, паспорта и, сдерживая слезы, отдает Тони его половину бумаг.

Тот забирает их и медленно пятится по дороге, не сводя с Пеппер глаз. Пеппер никак не уедет. Тони нагибается, поднимает камешек и бросает его в крыло кабриолета.

— Обещаю тебе!

Автомобиль резко трогается с места, удаляется и на полном ходу проскакивает старый мост, грохоча досками.

Полицейские в форме и в белых касках занимают позиции на берегу реки.

Один из них вдруг вскидывает свой пистолет-пулемет и прицеливается в Тони, который, согнувшись в три погибели, ковыляет к веранде.

Начальник в штатском властно пригибает ствол книзу, не давая полицейскому выстрелить.

Тони заходит в дом, закрывает за собой дверь и запирает ее на щеколду. Цепляясь одной рукой за шкафы, он идет к лестнице и кричит:

— Чарли! Это я, Чарли!

Увидев раскатившиеся повсюду шарики, Тони принимается одолевать ступени, собирая шарики и поглядывая наверх.

Он останавливается на пороге комнаты Чарли, радуясь, что тот жив и сидит под окном, заряжая свой револьвер.

— Пеппер уехала.

Чарли кивает. Мгновение они молча смотрят друг на друга. А потом Чарли продолжает вставлять патроны в гнезда барабана.

— ...Однажды мой дед в Мичигане приручил зайца. Настоящего зайца с длинными ушами. А потом он удрал, и по нему начали палить охотники. Ты и представить себе не можешь! Они сбегались отовсюду... Трое суток, целых трое суток они гнались за ним через поля... И всякий раз он находил новую уловку и бежал быстрее, еще быстрее...

— Ну и как, поймали они его в конце концов?

Чарли смотрит на него с неожиданной серьезностью, потом со спокойной улыбкой качает головой:

— Нет. Мой дед обучил его слишком многому... Зачем ты вернулся?

— Чтобы принести тебе шарики.

— Играю на них. — Чарли берет с железной кровати полотняный мешочек и высыпает из него на пол оставшиеся шарики рядом с теми, что принес Тони.

— Скоро у нас будет полно гостей. Пора открывать лавочку.

Тони смотрит в окно вместе с ним. Полицейских в поле зрения нет. Чарли указывает ему на щит, установленный на полдороге между таверной и понтоном и загороженный доской с объявлением:

ЗАКРЫТО

— По два шарика за каждое попадание в вывеску.

Прикладом винчестера он выбивает окно и стреляет. Забирает два шарика. Тони выбивает соседнее стекло прикладом своей самозарядной винтовки и тоже стреляет.

Пальба стоит непрерывная — в нее включились и те, что снаружи.

Не обращая внимания на полицейских, Тони и Чарли продолжают поочередно вести огонь по щиту. Чарли берет себе шарики после каждого выстрела, но иногда они достаются и Тони.

Доска сотрясается от их выстрелов. И вдруг гвоздь с одной стороны вылетает, и она ныряет вниз, открывая вывеску таверны.

На ней яркими красками нарисован кот на дереве, ухмыляющийся во всю пасть. А внизу — надпись:

THE SHESHIRE CAT INN¹

Полицейские, пригнувшись, бегут к веранде.

В комнате Чарли и Тони, улыбаясь друг другу при каждом попадании в вывеску, стреляют все быстрее и быстрее — ради шариков, ради чего-то еще, что не имеет названия, когда ты взрослый.

И вот мы в последний раз в Марселе, вверху той улочки со ступенями, на которой все и началось.

Предзакатное солнце еще освещает старые, потемневшие от времени стены.

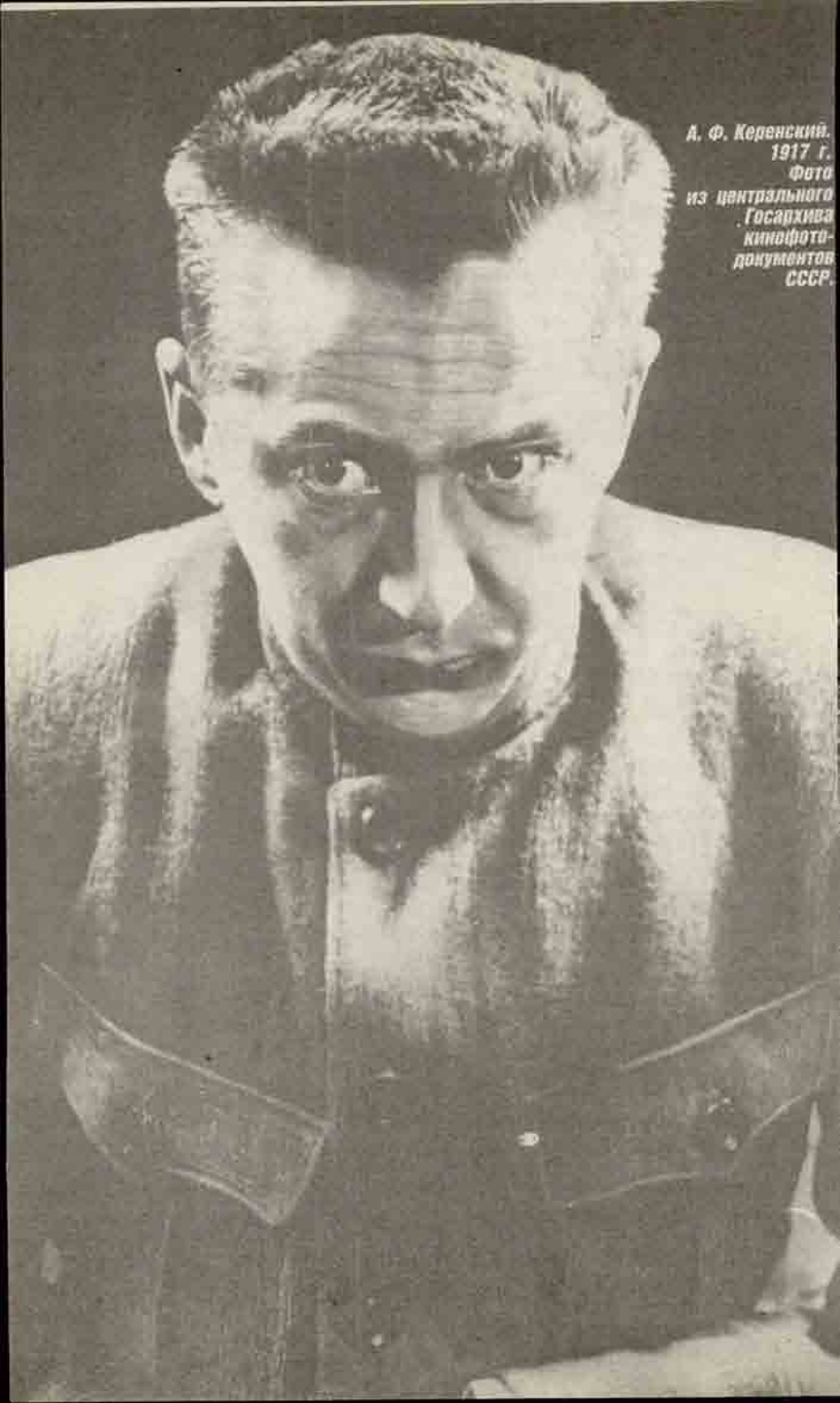
Мальчуган с красным ножичком и Тони в своем фиолетовом пиджачке из вельвета пожимают друг другу руки, перед тем как разбежаться по домам.

Они вволю наигрались, они подружились, и теперь им не хочется расставаться. Напоследок они еще раз машут друг другу рукой, и этот прощальный жест полон сожаления.

Они кричат, что будут играть еще завтра, что-то в этом роде. А потом малыш Титу вприпрыжку сбегает по ступенькам, оборачивается внизу, чтобы удостовериться, что его друг исчез. И сам исчезает...

Перевод с французского
ВАЛЕРИЯ ОРЛОВА.

¹ Харчевня Чеширского кота (англ.).

A black and white close-up portrait of Alexander Fyodorovich Kerensky. He is looking directly at the camera with a serious expression. He has short, dark hair and is wearing a dark, high-collared jacket. The lighting is dramatic, highlighting his facial features.

А. Ф. Керенский.
1917 г.
Фото
из центрального
Госархива
кинофото-
документов
СССР.

МОЯ ЖИЗНЬ В ПОДПОЛЬЕ

АЛЕКСАНДР КЕРЕНСКИЙ

31-го октября 1917 г. генерал Краснов послал казачью делегацию в Красное Село под Петроградом, чтобы они вступили там в переговоры о перемирии с большевиками. Ранним утром 1 ноября делегация казаков вернулась в сопровождении большевистской делегации, которую возглавлял матрос П. Дыбенко. (В 1937 г. Дыбенко был расстрелян одновременно с Тухачевским.) Переговоры казаков с большевиками происходили в нижнем этаже Гатчинского дворца в присутствии ген. Краснова и его начальника штаба полковника Попова.

Я ждал конца этих переговоров в моей квартире на верхнем этаже, как вдруг внезапно ко мне вошли несколько друзей, сообщивших тревожные вести: переговоры почти закончены, казаки согласились выдать меня Дыбенке в обмен на обещание выпустить казаков домой, на Дон, с лошадьми и оружием.

Гатчинский дворец был почти пуст. Оставалась только небольшая группа преданных людей, которые были посредниками и информировали меня о ходе переговоров. Мы знали о полной деморализации казаков и о тайной работе, происходившей вокруг нас. Но нам казалось невероятным, чтобы генерал Краснов или командиры казачьего корпуса унизились до простого предательства.

Около 11 час. утра ко мне пришел генерал Краснов. Если до сих пор у меня были основания подозревать его, то во время разговора с ним эти подозрения превратились в уверенность. Краснов старался уговорить меня поехать в Петроград для переговоров с Лениным. Он убеждал меня, что под охраной

казаков я буду в полной безопасности. Он считал, что это единственный выход из создавшегося положения. Вспоминая теперь прошлое, я понимаю, как трудна была миссия генерала, который, конечно, по природе не был предателем. Около полудня мои «наблюдатели» пришли наверх и сообщили о конечных результатах переговоров. Было решено выдать меня Дыбенке, а казаков пропустить на Дон.

Шум и крики, доносившиеся снизу, усиливались. Я настаивал, чтобы все, кроме моего личного адъютанта Н. В. Виннера, покинули дворец. Виннер и я решили живыми не сдаваться. Мы решили застрелиться в задних комнатах дворца, в то время как казаки и матросы искали бы нас в передних комнатах. Тогда — утром 14 ноября 1917 г. — это наше решение было вполне логичным и единственно правильным. Но вот, в то время как уходившие люди попрощались со мной, дверь открылась и на пороге появились двое мужчин. Одного из них, в штатском, я знал раньше, другой был матрос, которого я никогда не видел. «Поторопитесь, — сказали они, — не дольше чем через полчаса разъяренная толпа будет штурмовать вашу квартиру. Снимайте свою походную форму — скорее!» Через несколько секунд я превратился в матроса довольно нелепого вида: рукава куртки были слишком коротки, а мои коричневые башмаки совсем не гармонировали с обмотками, матросская шапка была слишком мала и торчала на макушке. Маскировка заканчивалась выпуклыми автомобильными очками. Я обнял своего адъютанта, и он вышел через соседнюю комнату.

Что ни говорите, а главная черта бурлящего нашего времени — необычайная его вместимость. Оно готово вобрать в свою память все, что было на пути нашей истории. Это и неудивительно: мы так стремительно ринулись вперед, что волей-неволей приходится из бегу оглядываться назад и с удивлением убеждаться, что одно уже случилось, о другом нас история уже предупреждала. Так, сама собой, а не кем-либо санкционированная, возникла «теория белых пятен», которых на наш век придется еще с лихвой.

Похоже, будто достался нам сегодня старый сундук с побитыми, поцарапанными, но все же уцелевшими негативами, с которых должны мы теперь, движимые отнюдь не праздным любопытством, сделать позитивный отпечаток. И, делая это, видим, как в гуще событий прошлого появляются и фигуры этого самого прошлого, еще вчера списанные в архив — списанные, однако, не историей (история ничего и никого не списывает, а только расставляет по местам!), но ее цензорами и доброхотными «исправителями». Они-то и делали из либералов злодеев, а из людей, которые хотели не совсем того, к чему мы пришли, — клоунов и паяцев, которые убежали от суда народа не иначе как переодевшись «в бабье». Дело и время зашли здесь так далеко, что судить сегодня об этих людях, пользуясь только поздней критикой, а не первоисточниками, довольно трудно. Теперь же выясняется, что именно они, эти люди, и оставили первоисточники — книги, своевременно до нас не дошедшие.

Так, в 1965 году вышла в Нью-Йорке — по-английски — книга «Россия и поворотный пункт истории». Разумеется, сначала следовало бы напечатать ее по-русски, тем более что и написана она русским языком и тем более что автор ее не кто иной, как Александр Федорович Керенский — фигура в русской истории, хотим мы того или не хотим, куда как примечательная, а до некоторой степени даже узловая.

Конечно, такие факты, как тот, например, что Керенский учился в той же

Гатчинский дворец был построен полубезумным императором Павлом I в виде средневекового замка и представлял собой род ловушки. Он был окружен рвами. Единственный выход был через подъемный мост. Одной надеждой на спасение было пройти через вооруженную толпу к автомобилю, который должен был нас ждать на переднем дворе. Матрос и я пошли к единственной лестнице в коридоре. Мы шли машинально, как бы не сознавая грозившей нам опасности. Наконец беспрепятственно мы дошли до переднего двора, но автомобиля там не было. В отчаянии мы повернули назад, не говоря друг другу ни слова. Мы выглядели, наверно, очень странно. Люди, толпившиеся у ворот, смотрели на нас с любопытством, но, к счастью, некоторые были на нашей стороне. Один из них подошел к нам и шепнул: «Не теряйте времени! Автомобиль ждет у Китайских ворот». Он предупредил нас вовремя, так как толпа уже двигалась в нашу сторону и мы начали испытывать сильное беспокойство. Но как раз в этот момент молодой офицер с перевязанной раной внезапно «лишился чувств», чем привлек к себе внимание толпы и вызвал смятение. Мы поспешили воспользоваться этим и выбежали со двора на улицу. Там мы пошли прямо к Китайским воротам, выходящим на дорогу к Луге. Здесь мы пошли медленно, громко разговаривая, чтобы не навлечь на себя подозрений.

Мой побег был обнаружен минут тридцать спустя толпой казаков и матросов, ворвавшихся в мою квартиру на верхнем этаже. За нами немедленно во всех направлениях были посла-

Симбирской гимназии, где и Ленин, и тот юридический факультет тем и другим одинаково успешно окончен, не более чем исторические совпадения. Но действовали-то они в одну эпоху и на одном историческом этапе, а это уже существеннее, так что биографические черты из жизни будущего премьера России приобретают особый интерес.

Следует напомнить, что в 1912 году тридцатилетний адвокат и уже известный политический деятель избирается депутатом Четвертой Государственной думы, где сразу возглавляет оппозицию. Социал-революционер по убеждениям, Керенский намеревается даже вступить в боевую организацию и участвовать в готовившемся тогда покушении на Николая II. Но в дело вмешивается неизвестный провокатор Азоф, эту организацию возглавлявший и решительно отказавшийся принять в нее нового члена на том основании, что у Керенского «нет никакого революционного опыта». Что касается опыта, сказать трудно, но, согласитесь, довольно странно выглядит после этого ярлык «пособника самодержавия», навешенный на Керенского впоследствии официальной историографией... Впрочем, подробная политическая биография Керенского — дело будущего, и во многом основываться она должна на книгах, им оставленных, в том числе и на той, главу из которой мы предлагаем читателям.

Нужно, однако, сказать, что из-за объема материала за бортом повествования пришлось оставить весьма интересные факты, — например, о Распутине, царице Александре Федоровне и Николае II, — факты, которые до сих пор не были известны. Но если они представляют собой до некоторой степени интимный и, так сказать, пикантный интерес, то факты, касающиеся современного автору исторического процесса, вызовут, несомненно, интерес общественный. Так, основываясь на документах, Керенский опровергает, кстати сказать, и на Западе распространенную легенду о том, что до октября семнадцатого года «только десять процентов населения России были грамот-

ны автомобили, но нам опять повезло. Мы увидели извозчицью пролетку, медленно приближавшуюся к нам вдоль пустынной улицы. Мы позвали извозчика и предложили ему за хорошую плату отвезти нас к Китайским воротам. От изумления он раскрыл рот, когда под конец поездки получил 100 рублей от двух матросов. Здесь нас ждал автомобиль. Я вскочил в машину и занял место рядом с офицером, сидевшим за рулем. Матрос сел на заднее сиденье с четырьмя или пятью солдатами, вооруженными ручными гранатами.

Шоссе на Лугу было великолепное, но мы ежеминутно оглядывались назад, ожидая появления преследователей. В случае погони мы решили использовать все ручные гранаты, лежавшие на заднем сиденье. Несмотря на сильное волнение, шофер казался вполне спокойным, а по временам даже насвистывал веселый мотив Вертинского.

Удача нам сопутствовала и дальше, благодаря чему наши преследователи нас не нагнали. Мой личный шофер, оставшийся в Гатчинском дворце, был предан мне. Он знал, что мы уехали в Лугу, но, когда мое исчезновение было обнаружено, он попросил дать ему самый скорый автомобиль, и он догонит «негодая». Зная, что ему действительно было нетрудно нас догнать, он инсценировал по дороге «аварию».

Наконец мы доехали до леса, закрипели тормоза. «Выходите, Александр Федорович», — сказал офицер. Мой матрос, которого звали Ваня, пошел со мной. Мы вошли в глубину лесной чащи — вокруг ничего, кроме деревьев. Я недоумевал, что все

ны». На самом деле средние и высшие учебные заведения России по социальному составу учащихся были самыми демократическими в мире, и если в 1906 году в стране было 76 тысяч школ с общим числом учащихся около четырех миллионов, то к 1915-му стало уже 122 тысячи школ и более чем восемь миллионов учащихся.

Не менее впечатляющими оказываются и другие сообщаемые автором и документально подтверждаемые факты: например, колоссальный рост кооперативного движения в России, которое к 1916 году насчитывало десять миллионов пятисот тысяч членов; или то, например, что за пять лет — с 1900-го по 1905-й — промышленное производство России увеличилось более чем на 50 процентов, а к 1913-му — на 200 процентов. Но это, как выразился один писатель, информация к размышлению, которое, возможно, и последует, когда книга будет издана.

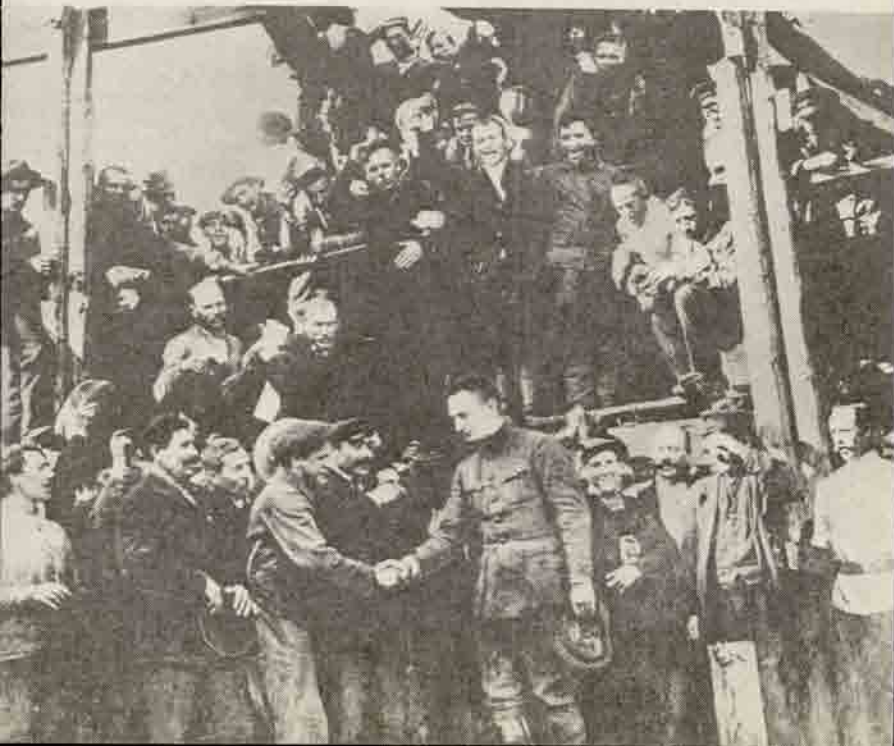
Предлагаемая глава касается одного эпизода, где рассказывается о том, как в октябре семнадцатого, воспользовавшись своей популярностью, Керенский сумел уйти от охоты на него и почти полгода нелегально жил в России. Оценивать и трактовать написанное будет, конечно, читатель, но все же нелишним представляется сказать, что в предисловии к своей книге, сравнивая работу историка и мемуариста, Керенский подчеркивает, что тот и другой должны быть объективны только в отношении фактов, истолкование же их зависит от взглядов и симпатий автора. Пусть эта оговорка станет и предисловием к нашей публикации.

это значит? «До свидания, Ваня вам все объяснит, а мы должны уезжать». Автомобиль тронулся и быстро исчез. «Видите ли, у моего дяди здесь в лесу есть домик,— пояснил Ваня.— Это место спокойное».

Мы пошли по заросшей тропинке, ведущей в глубь леса. Внезапно мой спутник сказал: «Мы почти дошли». Мы вышли на полянку и увидели перед собой небольшой домик. «Вы пока посидите минутку, а я пойду узнаю, что там делается». Ваня вошел в дом, но быстро вышел обратно и сказал: «Прислуги нет, горничная вчера ушла. Мои дядя и тетя рады вас принять. Пойдемте».

Это было началом моей жизни в лесном убежище, где я провёл 40 дней. Волотовы, пожилые супруги, сердечно меня приняли. «Не беспокойтесь! Все будет хорошо!» — утешали они меня. Конечно, они вполне отдавали себе отчет в той опасности, которой подвергались. 27 октября газета «Известия» опубликовала сообщение под заглавием «Арест бывших министров»: «Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и другие арестованы Революционным Комитетом. Керенский скрылся. Все военные организации прилагают все усилия, чтобы в кратчайший срок разыскать его, арестовать и привезти в Петроград. Всякая помощь или поддержка, оказанные Керенскому, будут наказуемы, как государственная измена».

Мои преследователи искали меня повсюду. Но им не приходило в голову, что я скрывался не где-то на Дону или в Сибири,

а жил, можно сказать, почти у них под носом, между Гатчиной и Лугой.

Пока что мне не оставалось ничего другого, как лежать и заниматься изменением своей внешности. Я отрастил себе бороду и усы. Борода, к сожалению, мало изменяла лицо, так как она отросла аккуратной каймой, оставляя подбородок и всю нижнюю часть лица совершенно открытыми. Все же к концу сорока дней благодаря очкам и отросшей шапке густых нечесаных волос мне удалось принять вид студента-нигилиста 60-х годов.

Я никогда не забуду тех долгих ноябрьских ночей. Мы были все время настороже, Ваня совершенно не отходил от меня. У нас было несколько гранат, и мы были готовы использовать их в случае надобности. Днем было все спокойно, и при солнечном освещении прошлое казалось отдаленным и нереальным. Но ночью я снова переживал все случившееся и весь ужас этой пляски дьявола, начавшейся в нашей стране.

Против захвата Лениным власти первыми подняли голос протеста лидеры Совета Крестьянских Депутатов. Уже 26 октября они выпустили свое воззвание, объявляя революцию в опасности. Этот исторический документ появился в газете социалистов-революционеров «Дело Народа», в номере от 28 октября 1917 г. 8 и 9 ноября два верных друга принесли мне петроградские газеты, в том числе «Новую Жизнь» Максима Горького от 7 ноября, где Горький резко выступил против Ленина и Троцкого.

Такая же резкая статья была и в «Деле Народа». Эти статьи побудили меня написать открытое письмо от 8 ноября, которое мои верные друзья отвезли в Петроград. Оно было напечатано в газете «Дело Народа» в номере от 22 ноября 1917 г.

В эти дни жизнь мне казалась невыносимой. Я предвидел, что в близком будущем Россия испытает самые тяжелые удары.

18 декабря Крыленко доложил Совету Народных Комиссаров, что русская армия не способна больше сражаться. Германское Верховное Командование было, конечно, об этом осведомлено. Между тем в Берлине военная партия непримиримых империалистов, ослепленных идеей мирового господства, выдвинулась на первое место.

Когда 2 января 1918 г., после продолжительного перерыва, вновь открылась конференция в Брест-Литовске, Германская делегация настаивала на праве оставить свои войска в Польше, Литве, Белоруссии и Латвии «по стратегическим соображениям».

Общественное мнение в России было ошеломлено. Многие из самых лютых врагов Ленина соглашались сражаться бок о бок с ненавистными им большевиками, когда дело зашло о защите родины. Условия, предложенные немцами, угрожали вызвать раскол даже в рядах компартии. В партийных комитетах больших городов и в Балтийском флоте все громче раздавались протесты и требования прекратить переговоры с немецкими империалистами. Шли толки о возможности революционной войны. Было совершенно ясно, что подобная война приведет к падению Ленина, а с ним и его мечты о превращении России в базу

для будущей пролетарской революции на Западе. Ленин понимал, что эти патриотические чувства, возникающие внезапно и охватывающие даже партийных лидеров, должны быть искоренены любой ценой.

Под конец моего сидения в лесном домике я был занят одной мыслью: пробраться в Петроград и приехать туда до открытия Учредительного Собрания. Я считал, что это моя последняя возможность сказать стране и народу то, что я думаю о положении.

В начале декабря двое саней подъехали к нашему домику. Несколько солдат в меховых шапках вылезли из саней, вооруженные винтовками и ручными гранатами. Это были наши смелые верные друзья, приехавшие, чтобы отвезти нас в потайное лесное место по дороге в Новгород.

Это лесное имение принадлежало З. Беленькому, богатому торговцу лесом. В зимнее время оно было совершенно изолировано от остального мира, и полуразрушенная усадьба была почти погребена под снегом. Сын Беленького служил в гарнизоне в Луге. Он и был организатором моего побега из Гатчины. Теперь он приехал, чтобы забрать меня, как обещал. Я переоделся так, чтобы стать похожим на своих спутников.

Сын Беленького, я и трое или четверо матросов сели в первые сани и двинулись в путь. На вторых, следовавших за нами, ехали еще пять солдат. Никто из встречных не обращал на нас внимания, так как везде тогда было много солдат, дезертировавших с фронта. Мы добрались до нашего места назначения поздно ночью. Была светлая зимняя, холодная ночь. Несмотря на угрозы советского правительства всякому, кто окажет мне помощь, эти люди были и очень добры и даже весело настроены. Своим вниманием ко мне они как бы старались ободрить меня. После недели моей жизни в этой усадьбе Беленький поехал на несколько дней в Петроград и вернулся с предложением нам переехать поближе к столице. Опять мы двинулись на наших санях, вооруженные винтовками и ручными гранатами, распевая солдатские песни, шутя и смеясь.

Но несколько позже нам пришлось пережить неприятное приключение. Когда мы были уже на окраине Новгорода, оказалось, что Беленькому был дан неверный адрес. И дом, к которому мы подъехали, был занят главным управлением местного совета. Мы поспешно отъехали, но следующий дом, куда мы приехали, оказался домом для умалишенных. Мы въехали на их территорию и очутились около женского отделения госпиталя. Там же была и квартира директора. Беленький и я вошли туда. Директор, который был предупрежден о моем приезде, принял нас радушно и предложил нам обоим остаться у него. Но Беленький, спешивший вернуться к своим товарищам, вышел, и мы остались с доктором вдвоем. Доктор сразу просил меня быть совершенно спокойным.

Я оставался в госпитале дней шесть и не испытал никакого беспокойства. Вскоре мои друзья появились опять и столь же неожиданно, как и в первый раз, чтобы отвезти меня на следую-

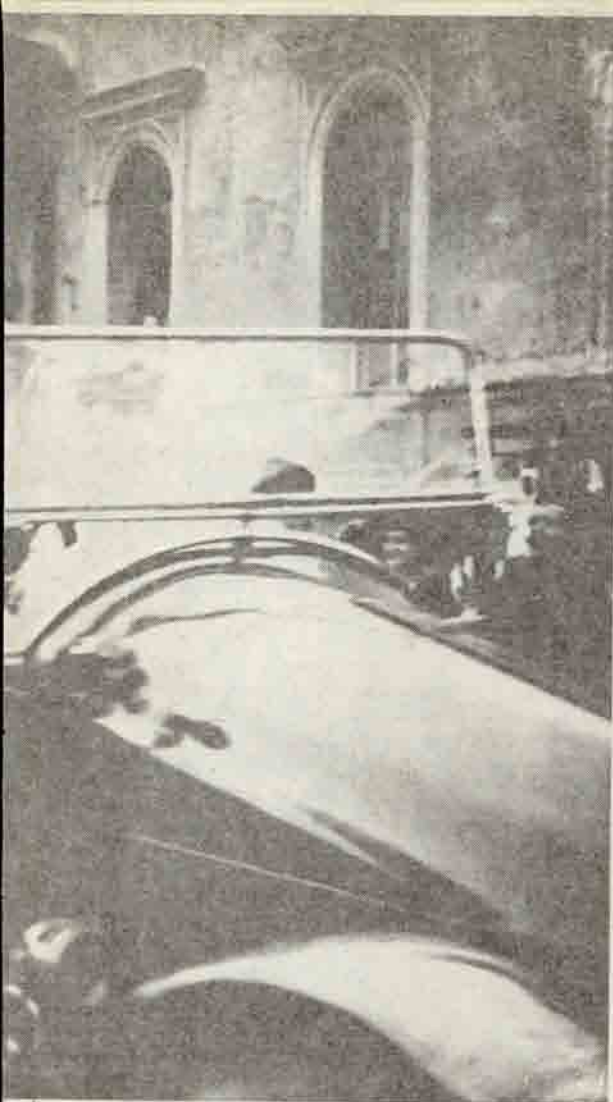
ший этап нашего путешествия. Беленький пришел ко мне, коротко сказав: «Надо ехать. Сани ждут».

«Куда мы теперь едем?» — спросил я.

Он засмеялся: «Мы едем ближе к столице. Вы можете пробыть некоторое время в имении вблизи Бологого».

Имение было очень большое. Дом был окружен густым лесом. Мы остановились перед охотничьим домиком на полянке, откуда виднелась только крыша главного здания. Домик был из двух маленьких комнат, в одной стояла железная печка и в углу лежала вязанка дров. Кроватей не было, но было много соломы.

На следующий день Беленький пошел в большой дом, чтобы повидать владельцев, которые рассыпались в извинениях. Они ждали нас несколькими днями позже, и потому помещение не

Глава Временного правительства
приветствует курсантов
военных школ.
1917 г.

было готово. А в большой дом они боялись нас пригласить из-за прислуги и большого числа гостей, приглашенных ими к Рождеству. Но нас окружили заботой и любовью, и мы чувствовали себя совсем как дома.

В сочельник, к ужину, наши хозяева прислали нам много всякой еды. А в канун Нового года — мой последний в России — они пригласили нас наконец к себе, устроив так, что вся прислуга в этот день была отпущена.

На следующее утро я должен был ехать в столицу. Бельский сказал, что мы должны прибыть в столицу без всякой задержки. Он также рассказал мне, что вооруженная демонстрация в день открытия Учредительного Собрания запрещена Центральными Комитетами антибольшевистских социалистических партий

и они решили организовать только мирные манифестации поддержки Учредительного Собрания.

Положение создавалось совершенно нелепое. Лозунг «Вся власть Учредительному Собранию» теперь был бессмыслен. Было совершенно ясно, что правильно избранное Учред. Собрание не могло бы сосуществовать рядом с диктатурой, которая отрицала самую идею суверенности народа. Учред. Собрание имело бы смысл только тогда, если бы оно пользовалось поддержкой правительства, которое бы согласилось признать его высшей политической властью. Но уже к концу 1917 г. в России не было такого правительства. И лозунг «Вся власть Учред. Собранию» теперь имел только смысл, как объединяющий призыв для всех, кто готов был продолжать борьбу с узурпаторами.

По некоторым причинам, которых я в то время не знал, Союз Защиты Учредительного Собрания не мог вести действенной борьбы. Но даже если это и так, говорил я сам себе, если Учредительному Собранию суждено погибнуть, пусть оно выполнит свой долг по отношению к народу и стране, погибнув с достоинством и так, чтобы сохранить живым дух свободы.

План был таков. Я должен был попасть на московский ночной поезд, который останавливался в Бологом в 11 час. ночи. Поезда тогда были переполнены, и в большинстве шли без света, особенно вагоны третьего класса. Мне был дан номер вагона, в котором ехали мои сторонники, и я должен был сесть где-нибудь в углу, чтобы быть насколько возможно незаметным. Мы приехали на станцию вовремя и в ожидании поезда, который опоздал, ходили взад и вперед по платформе. У меня все еще была охрана из людей, вооруженных ручными гранатами, но мы уже настолько привыкли к этому странному образу жизни, что почти не принимали никаких предосторожностей и громко говорили между собой. Но вот внезапно один из моей охраны подошел и сказал: «Будьте осторожны, некоторые из железнодорожников с другой стороны наблюдают за вами. Смотрите, они идут к нам». Мы смолкли. Группа железнодорожных рабочих перешла с московской платформы на нашу сторону и шла прямо к нам. Мы были уверены, что все пропало. Но они, почтительно поклонившись, сказали: «Александр Федорович, мы узнали вас по вашему голосу. Не беспокойтесь, мы вас не выдадим». Таким образом, моя охрана стала двойной. После этого случая все шло гладко. Поезд пришел, и нас втолкнули в предназначенный для нас вагон, где было очень темно. Так, без инцидентов мы приехали в Петроград, где извозчик развез нас по заранее приготовленным адресам.

Учред. Собрание должно было открыться 5 января 1918 г., и казалось, что мой план выполнялся очень хорошо. В течение ближайших 3 дней я предполагал побывать в Таврическом дворце, где должно было собраться Учред. Собрание.

2 января Зензинов, член фракции социалистов-революционеров в Учред. Собрании, пришел со мной повидаться. Но наш, сперва очень дружеский, разговор превратился в бурный спор. Я сказал ему, что считаю своим долгом присутствовать на открытии Учред. Собрания. У меня не было входного билета

в Таврический дворец, но я надеялся, что с моей измененной внешностью я легко могу пройти по билету какого-нибудь неизвестного провинциального депутата. Мне нужна была только помощь получить такой билет, и я думал, что мои друзья в Учред. Собрании об этом позаботятся. Но они наотрез отказались от этого. Зензинов сказал, что для меня слишком опасно появляться на открытии сессии и что я не имею права подвергать себя подобному риску. Он указал, что я ведь — главный враг большевиков. Я возражал, что своей жизнью я вправе распорядиться сам и он не отговорит меня от появления в Учред. Собрании, — я убежден в правильности своего решения. Если бы я был заключен в Петропавловскую крепость, мне было бы действительно физически невозможно присутствовать на собрании, но поскольку я на свободе, я считаю своим долгом прийти туда. Я напомнил Зензинову о статье, которая появилась в газете социалистов-революционеров «Дело Народа» 22 ноября 1917 г. под заглавием «Судьба Керенского». В ней говорилось, что бывший глава Российской Республики и лидер революции вынужден был скрыться, что по приказу тех, кто узурпировал государственную власть, самое имя его стало запретным, но что Керенский вернется к политической жизни при открытии Учред. Собрания и даст народу отчет о своей политической деятельности за те 8 месяцев, когда он был министром, а потом премьер-министром Революционного Временного Правительства. И тогда пусть судит сам народ, как о положительных, так и об отрицательных сторонах его работы. Я сказал Зензинову, что приехал именно для того, чтобы дать отчет о своей разносторонней деятельности. Зензинов подумал минуту и затем сказал, что положение в Петрограде радикально изменилось. «Если ты появишься в собрании, всем нам будет конец». — «Нет не будет, — возразил я. — Я приехал, чтобы спасти вас, я знаю, что я буду мишенью всех бешеных атак, а вы останетесь в стороне». Но я тут же почувствовал, что этот аргумент бестактен, и потому рассказал ему о том, что я действительно хочу сделать, но с условием, чтобы он никому об этом не говорил до моей смерти. Думаю, что он, вероятно, решил, что мой план «совершенно безумный», но он был тронут до слез и, пожав мою руку, сказал: «Я обсужу с остальными»¹.

Но это был только дружеский жест с его стороны. Когда на следующее утро он пришел, мы опять говорили, но уже гораздо спокойнее, и я больше не спорил, когда окончательный ответ был «нет».

В роковой день 5 января столица была похожа на осажденный город. Так называемый «Чрезвычайный штаб» был создан большевиками за несколько дней до этого, и весь район вокруг Смольного подчинен распоряжениям ленинского соратника Бонч-Бруевича. А весь район вокруг Таврического дворца находился под бдительным надзором большевистского коменданта Благодрава. Сам дворец был окружен до зубов вооруженными

¹ По чисто личным причинам я не могу даже теперь раскрыть содержание моего плана. (Прим. автора.)

войсками, кронштадтскими матросами, лытышскими стрелками. Часть этих отрядов заняла позиции внутри здания. Все улицы, ведущие ко дворцу, были отрезаны cordонами этих войск.

Мне нет надобности описывать это первое и единственное заседание Учредительного Собрания. Невозможное обращение вооруженных бандитов с «избранными представителями народа» было много раз описано теми, кто пережил эти ужасные часы 5—6 января. Рано утром 6 января Учред. Собрание было разогнано грубой силой и двери Таврического дворца заперты на замок. А мирные толпы, собиравшиеся, чтобы выразить свою поддержку Учред. Собранию, были рассеяны пулеметным огнем.

После легко удавшейся большевикам победы над Учред. Собранием почти немедленно произошло убийство Шингарева и Клопшкіна, бывших министров Временного Правительства. Они не присутствовали на открытии Учред. Собрания, ибо находились под арестом в Петропавловской крепости. Поздно вечером 6 января их перевели в Маринскую больницу, где они были помещены в отдельную палату, охраняемую солдатами. Ночью 7 января банда солдат и матросов вошла в палату под предлогом смены караула, и оба кадетские депутата, которые отдали всю свою жизнь служению свободе и демократии, были заколоты штыками в кроватях.

9 января в «Новой Жизни» Максим Горький опубликовал замечательную статью о разгоне Учредительного Собрания¹.

После разгона Учред. Собрания атмосфера в Петрограде стала невыносимой, и для меня было бесцельно здесь оставаться. Поэтому было решено, чтобы я уехал в Финляндию, пока положение несколько прояснится. Финляндия была тогда на пороге открытой гражданской войны. Власть была в руках финской социал-демократической партии, которую поддерживали большевистские солдаты и матросы Балтийского флота. Я был в контакте с группой в Хельсинки, которая всегда была в дружеских отношениях с социалистами-революционерами. Но чтобы попасть в Финляндию, нужно было получить разрешение от советских властей. Мы получили разрешение без особых затруднений для двух пассажиров, но проверка на вокзале железной дороги была очень строгая.

Мы решили сначала, что мне, пожалуй, было бы хорошо заgrimироваться, но, к счастью, передумали, представив себе, каково будет мое лицо после поездки на сильном морозе, а потом в натопленном вагоне. Решили рискнуть и ехать без грима.

В. Фабрикант, смелый и опытный конспиратор, предложил проводить меня в Хельсинки. Отсутствие грима спасло нам жизнь, потому что вагоны поезда были действительно так натоплены, что мое лицо стало бы похоже на картину художника-пуантилиста. Все шло хорошо, и, как во многих случаях раньше, мы не подозревали опасности в самые опасные моменты. Мы

¹ Статья М. Горького, под заглавием «9 января — 5 января», посвященная расстрелу большевиками участников демонстрации в защиту Учредительного Собрания.

прошли пункт «красной проверки» без всяких неприятностей. И скоро приехали в маленькую уютную квартиру, принадлежавшую молодому шведу, где мы и должны были остаться жить. Тут было мирно и спокойно, но это спокойствие продолжалось недолго. Отвечая на призыв генерала Маннергейма, многие молодые люди, независимо от их политической принадлежности, бросали свою службу и присоединялись к антибольшевистским силам в северной части Финляндии. Я вспомнил беспомощность и пассивность всего образованного петербургского общества, а также и революционно-демократических кругов. И на меня производило глубокое впечатление свойственное финской интеллигенции национальное сознание. Мой хозяин объяснил нам политическое положение в этой казавшейся мирной столице. «Я скоро уеду на север, и тогда здесь, вероятно, никого не останется. Но мы сделали все необходимое для вас. Наши друзья будут ждать вас в окрестностях Або неподалеку от Ботнического залива». Это была моя следующая остановка.

Там я жил комфортабельно и все время был информирован обо всем происходившем в России и в Европе, так как мой хозяин, владелец молочной фермы, часто ездил в Хельсинки и привозил все новости. У меня было такое чувство, что он человек политически активный, и это предположение скоро подтвердилось довольно необычным образом.

Как-то в конце февраля, за несколько недель до того как германские войска пришли на помощь Маннергейму, ко мне, когда я был один, подошел мой хозяин и сказал: «Давайте поговорим по душам, хорошо?» — «Конечно». — «Вы знаете, что мы вели переговоры с Берлином о присылке войск. Часть германского высшего командования придет сюда заранее и останется здесь. Это будет не так скоро, но мы должны были сообщить в Берлин, что вы здесь. Пожалуйста, не беспокойтесь, мне разрешено сказать вам, что ваша безопасность гарантирована и никто беспокоить вас не будет». — «Я глубоко благодарен вам за ваше гостеприимство», — сказал я, — но я остаться не могу. Мне невозможно было бы пользоваться германским покровительством. Пожалуйста, попросите г-жу Ю.¹ прийти ко мне немедленно. Я попрошу ее поехать в Петроград и устроить там все для моего возвращения в Россию».

Мой хозяин был, несомненно, в контакте со штабом Маннергейма, но он высказал полное понимание моей просьбы. «Я не согласен с вами, но я немедленно пошлю телеграмму г-же Ю.».

Когда г-жа Ю. пришла ко мне, я рассказал ей о своем положении. Через несколько дней она поехала в Петроград и вернулась со следующим сообщением: «Ваши друзья просили меня отговорить вас от возвращения. Оно сейчас было бы беспечно».

«Хорошо», — ответил я, — тогда я поеду самостоятельно. Пожалуйста, попросите ваших людей устроить мне поездку и сообщите, когда я могу ехать. Здесь остаться я не могу. Вы должны понять это, как понял мой хозяин». Она сделала все, что я у нее просил.

¹ Г-жа Ю. была дочерью отставного финского полковника русской армии.

9 марта 1918 г. я сел в поезд. На этот раз это не было купе второго класса, а вагон третьего класса, набитый пьяными, горластыми солдатами. На Финляндском вокзале в Петрограде снег лежал огромными кучами на платформе, его не вывозили. Когда я выходил из вагона с чемоданом в руке, я поскользнулся и упал прямо лицом вниз. Солдат и матрос подбежали, чтобы помочь мне встать. Со смехом и шутками они вернули мне мою шапку и чемодан.

— Ступай, братец, да поосторожней.

Мы пожали друг другу руки.

Носильщиков не было. Перед вокзалом такси не было. Трамваи не ходили. Идя один, со своим тяжелым чемоданом, я скоро оказался в толпе пассажиров с мешками, узлами, корзинами, чемоданами. В те смутные времена пешеход, нагруженный узлами, не представлял собой ничего особенного. Это был наилучший способ, чтобы пройти незамеченным. Никто из милиционеров или полицейских агентов не заметил бы бородатого «врага народа № 1», скромно бредущего по Литейному проспекту с тяжелым чемоданом.

Не составив себе никакого плана, куда идти, я шел вдоль Литейного, свернул в Бассейную и вышел на 9-ю Рождественскую. Я даже не представлял себе, какое огромное расстояние я прошел, пока дошел до квартиры моей тещи. К счастью, улица была пуста и прислуги не было дома. Но все-таки было бы слишком рискованно оставаться так близко к улице, где раньше помещалась моя фракция в Думе и где меня хорошо знали. И я пошел ночевать первую ночь в один дом на Васильевском Острове.

272 Я не помню обстоятельств, при которых я получил копию моих показаний в Чрезвычайной комиссии по делу Корнилова. Эта неожиданная возможность написать правду об этом деле меня очень обрадовала. Теперь правда была признана самими участниками, но в это время истинные факты были неизвестны и в широкой публике, и в политических кругах. Перечитывая свои собственные показания, я снова переживал все дело, был в состоянии восстановить его в памяти и лучше освежить отдельные его подробности. Моя книга «Дело Корнилова» вышла в свет летом 1918 г. в Москве.

Целью моей было не только отмежеваться от Корнилова, но и обезвредить наиболее сильное оружие большевистской пропаганды, расколовшее единство демократических сил.

Однажды, когда я работал над моим манускриптом, стараясь восстановить в памяти атмосферу России прошлого лета, когда новая и лучшая жизнь казалась еще возможной, в это время снаружи вдруг донеслись звуки военного оркестра. Подойдя к окну, я услышал какие-то крики и увидел жалкое зрелище. Разрозненная, мрачного вида толпа двигалась по улице: это было «празднование» 1-го Мая. Рабочие несли знамена, но демонстрация совсем не казалась праздничной. Ничто не говорило о радости пролетарской победы. Мне вспомнился день 18-го апреля (мая 1-го) 1917 года. Тогда «капиталистическое» правительство объявило 1 Мая национальным праздником. Все заво-

ды, фабрики, государственные учреждения, магазины — все было закрыто. Тысячи рабочих, солдат, матросов, служащих и людей различных профессий маршировали с флагами и оркестрами, распевая русскую марсельезу. Тысячи митингов происходили тогда во всех частях города: это был радостный праздничный день.

Незадолго до моего возвращения из Финляндии Совет Народных Комиссаров переехал в Кремль (9 марта 1918 г.). Все центральные политические комитеты, руководства союзов, управления крестьянских организаций и т. д. последовали за правительством в Москву. Петроград стал пустым и политически мертвым городом.

После того, как я отправил по почте свой манускрипт моим друзьям в Москву, не было больше смысла оставаться в опустевшем Петрограде. Тем более что скрывающийся человек никогда не должен слишком долго засиживаться на одном месте.

В то время как я спокойно жил в Петрограде, в России бушевала жестокая гражданская война. Зимой 1917—1918 гг. начались бои между донскими казаками и Добровольческой армией, с одной стороны, и Красной армией — с другой. Согласно условиям Брест-Литовского мирного договора германские войска заняли прибалтийские государства и Украину. Большевицкая власть не распространялась на Сибирь. Крестьянские восстания шли по всей России. Члены распущенного Учред. Собрания собрались тайно в Самаре, чтоб организовать свержение местных органов большевицкого правительства, и, образовав Комуч (Комитет Учредительного Собрания), открыли военные действия против узурпаторов. Я решил поехать в Москву и установить контакт с друзьями, в надежде двинуться потом в восточном направлении, пересечь большевицкую линию и выйти в район Волги или Сибири. Свой отъезд в Москву мне удалось быстро организовать.

Нас было трое на Николаевском вокзале. Мы ждали ночного поезда на Москву. Меня сопровождал мой друг В. Фабрикант и один из выспших чиновников Министерства Земледелия. Нам было обещано отдельное купе. Но когда мы вошли в это купе, там сидел почтенного вида человек. Мы сели, начали разговаривать. Незнакомец не принимал участия в нашем разговоре. Он вскоре влез на верхнее спальное место и захрапел. Мы трое оставались сидеть на одном из нижних мест. Обсуждали события, говорили о том, что происходило в Министерстве Земледелия этим летом и осенью. Забывшись, в разговоре мы нечаянно повысили голоса. Была уже поздняя ночь, когда мы вдруг вспомнили, что с нами в купе — четвертый пассажир. С верхней койки не слышалось ни звука. Успокоившись, мы устроились на остаток ночи и заснули.

Когда мы проснулись, в окно шел яркий дневной свет. Мы приближались к Москве. Верхняя койка была пуста. Мы были очень встревожены, хоть наши подозрения могли оказаться и неверными. Но чтобы по возможности обеспечить себя, Фабрикант и я решили выпрыгнуть из поезда, когда он замедлит ход в предместьях города, в третий наш спутник доедет до главного

вокзала с нашим багажом. Дорога от предместья до центра Москвы заняла у нас много времени. После пустых петербургских улиц улицы Москвы казались оживленными и многолюдными. Было почти невероятно, что за нами никто не следил. Если наше предположение было верно и четвертый спутник действительно выдал нас, то нас должны были бы ждать на вокзале.

Мы шли по улице, придавая себе вид праздно гуляющих, чтобы не навлечь подозрений. Один раз мы даже присоединились к небольшой кучке людей, читавших очень интересное объявление о первом выпуске «новой интересной политической газеты — «Возрождение», который должен был появиться 1-го июня. Список редакционной коллегии и сотрудников состоял из знакомых нам имен. Большинство были социалисты-революционеры и принадлежали к так называемому правому крылу. Объявлялось также, что в «Возрождении» будут помещены «Мемуары А. Ф. Керенского». Я с удовлетворением убедился, что моя рукопись вовремя получена.

Наконец мы дошли до места нашего назначения, до квартиры Е. А. Нелидовой, где-то в районе Арбата, вблизи Смоленского рынка. Нелидова приняла нас как старых друзей, хотя мы никогда раньше с ней не встречались.

После завтрака Нелидова и Фабрикант выработали для меня расписание. Они назначили для меня «дни визитов» и выразили готовность установить необходимые контакты. Несмотря на серьезность нашего дела, наши переговоры были так свободны, как будто мы говорили о каких-то общественных развлечениях. Но я не мог не задать вопроса Нелидовой: не боятся ли она риска, которому подвергается? Ее ответ дал объяснение и перемене моего собственного настроения. Оказывается, жизнь в Москве была совершенно необыкновенная. Советское правительство только что переехало в Кремль, и органы власти находились еще в стадии становления. Известная тюрьма на Лубянке еще не стала неотъемлемой частью системы, и там действовали пока добровольцы. Хотя аресты, облавы и смертные казни были уже довольно обычным явлением, но все это еще как следует не организовалось и выполнялось беспорядочно.

Этому общему беспорядку много способствовали и немцы. Чека Дзержинского существовала наряду с некоторыми германскими учреждениями, и они поддерживали между собой тесный контакт. Ленин занимал Кремль, а германский посол фон Мирбах занял большой особняк в Денежном переулке, день и ночь охраняемый отрядом германских солдат. Обыватели были убеждены, что Мирбах действительно может влиять на пролетарский режим. Ему подавались жалобы на Кремль, а монархисты всех оттенков добивались протекции Мирбаха. Берлинское правительство проводило лживую политику: кремлевские правители получали от него финансовую помощь, и в то же время немцы делали авансы по отношению к крайним монархистам, на случай если большевики окажутся непрочны. Монархистов также поощряли и в Киеве, где бывший генерал Скоропадский сделался гетманом независимой Украины по милости германского

императора. Под защитой германского верховного комиссара Скоропадский при каждом удобном случае ярко демонстрировал свои монархические симпатии. Общей путанице содействовали также центральные комитеты самых влиятельных антибольшевистских и антигерманских партий: социалистических, либеральных и консервативных, проводивших свою работу под самым носом кремлевских правителей.

Руководители всех этих организаций устраивали собрания с различными представителями союзников России, причем ранг каждого дипломата зависел от значения, которое придавалось «союзниками» данной организации. Само собой разумеется, что все эти организации работали конспиративно, и это было относительно легко осуществимо, так как система Чека была еще слабо организована. Даже лица, разыскиваемые большевиками, включая меня, могли конспиративно встречаться. Вполне понятно, что многие авантюристы и агенты разведок просачивались в бесчисленные комитеты и «миссии». Этот политический хаос пришел к печальному концу с восстанием левых эсеров, когда был убит фон Мирбах; когда было произведено неудачное покушение на Ленина, из-за чего были бесчеловечно убиты тысячи заложников. Но это все произошло позже.

В мое время гораздо легче было заниматься конспиративной деятельностью в Москве, чем в Петрограде. Здесь без труда можно было устраивать и встречи на квартире Нелидовой, и мои посещения тайных собраний. Теперь мне кажется совершенно невероятным, что так называемая «Бабушка русской Революции» Екатерина Брешковская, заклятый враг большевиков, могла свободно посещать меня. Однажды вечером, когда я провожал ее домой, мы даже прошли мимо дома фон Мирбаха.

Я сказал Брешко-Брешковской, что привело меня в Москву, и объяснил ей мой план пробраться дальше в район Волги. Но она спокойно возразила: «Они не пропустят вас». Под словом «они» она подразумевала членов Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, с которыми она порвала из-за меня. Она была хорошо осведомлена о наступлении в левых кругах и рассказывала мне очень подробно о внутренних расхождениях в партии, о неуверенности и общем хаотическом состоянии.

Я не помню точно дату этого разговора, но знаю, что он происходил после того, как я встретил Бориса Флеккеля, моего очень молодого приятеля, рабочего из Петрограда, прекрасного и очень преданного мне человека. Он тоже собирался проехать в Волжский район и очень рад был бы сопровождать меня. Он взялся за необходимые переговоры. Но через несколько дней пришел ко мне печальный и молчаливый. Единственно, что он мне сказал: «Затруднения». Ясно, что некоторые лидеры партии относились ко мне недоброжелательно. Вскоре я узнал, почему они не одобряли идеи моей поездки на Волгу. В то время «Союз Возрождения России» был занят важной политической работой. Я еще в Петербурге узнал о существовании этой организации, но имел только смутное понятие о ее работе

и целях. После октябрьской революции и Брест-Литовского договора все крупные политические партии раскололись на множество фракций, часто враждебных друг другу. «Союз Возрождения России» не был обычной коалицией социалистических и демократических партий: он представлял собой своеобразную организацию. Некоторые его члены принадлежали к народно-социалистической партии, другие к социал-революционерам, к кадетам, к Плехановской группе «Единство», к «кооператорам».

Все они были объединены общим подходом к основной цели и созданием необходимости согласованных действий. Они были убеждены, что национальное правительство должно быть создано на демократических принципах в самом широком смысле этого понятия и что фронт против Германии должен быть восстановлен с помощью западных союзников России. Восстановление фронта получило сильную поддержку не только политических сторонников Союза, но и тех партий, к которым члены Союза принадлежали. Того же направления держался и «Национальный Центр», организация, включавшая кадетов и другие умеренные и даже консервативные группы, которые не признавали Брест-Литовского договора. «Национальный Центр» был тесно связан с Добровольческой Армией генералов Алексева и Деникина. Я был горячим сторонником приемлемого национального правительства, а также активного военного союза с союзными державами. Я считал работу «Союза Возрождения России» жизненно важной для нации.

276 Я решил не препятствовать деятельности Союза и не способствовать росту разногласий между этими двумя патриотическими организациями, у которых и без того было много собственных идеологических трудностей. Я верил, что в конце концов они преодолеют свои трудности и предрассудки и объединятся в своей любви к народу и в исполнении своего долга перед государством. Я полагал, что люди типа ген. Алексева, Чайковского (народный социалист), Астрова (кадет), Авксентьева (соц.-революционер) восстановят подлинную государственную власть, основанную на принципах духовной и политической свободы, равенства и социальной справедливости, заложенных февральской революцией.

Поэтому я принял предложение «Союза Возрождения России» отправиться за границу, чтобы вести там переговоры с союзниками на условиях, выработанных «Союзом Возрождения».

Перед моим отъездом были приняты все меры, обеспечивающие мне возможность поддержания связи с Москвой. Мой отъезд был назначен на конец мая через Мурманск, где стояли британские и французские войска, охранявшие большие склады военного снаряжения и всякого другого снабжения. На этот раз я поехал в так называемом экстерриториальном поезде для сербских офицеров, которые репатрировались. Глава репатриционной комиссии полковник Иованович (серб) распоряжался этими специальными поездами и по просьбе моих друзей охотно выдал мне документы на имя сербского капитана. Британская виза была выдана на мое имя Локкартом, британским генераль-

ным консулом в Москве, который после отъезда всех союзных послов оставался там в качестве специального эmissара. Локкарт выдал мне визу, не обращаясь телеграфно в Лондон за официальным разрешением. Гораздо позже он сказал мне, что должен был поступить так, потому что Министерство Иностранных Дел отклонило бы мою просьбу о визе.

В день отъезда Фабрикант и я приехали на вокзал еще до наступления сумерек. Мы без труда узнали двух сербских офицеров в форме, они любезно проводили нас на нужную нам платформу, где мы смешались с толпой пассажиров. Поезд был полон до отказа, но нам были предоставлены места в вагоне 2-го класса, предназначенном, очевидно, для офицеров. Было совершенно ясно, что некоторые из них знали, кто я. Путешествие казалось бесконечным. Одноколейная Мурманская дорога имела бесчисленное множество запасных путей. Без всякой видимой причины наш поезд часами стоял на разъездах.

Я не могу точно вспомнить, сколько времени это продолжалось, но, вероятно, поездка продолжалась дней 10. Наконец мы приехали в Мурманск, бывший в то время скучным, заброшенным городом. Все пассажиры пошли прямо в порт, занятый союзниками, хотя сам город подчинялся советской власти и мы должны были пройти через ее контроль. Но советские солдаты едва взглянули на наши документы. Потом мы пошли в очередь к офицеру союзников, который по списку проверял наши имена. Мой спутник и я были встречены двумя французскими морскими офицерами, которые взяли нас на свой крейсер «Генерал Хоб». На борту сербский офицер предъявил капитану наши настоящие документы. В продолжение всей нашей поездки до Мурманска эти бумаги хранились у начальника «экстерриториального» поезда. Когда я покидал мою родную землю, мне не приходило в голову, что никогда больше не ступит на нее моя нога.

Когда сознание моих обязанностей опять вернулось ко мне, я стал внутренне подготавливаться к встрече с представителями Англии и Франции. Я, конечно, был хорошо осведомлен об их отношении к Временному Правительству и ко мне лично, но это меня нисколько не смущало. Я был делегирован той частью России, которая отказалась признать сепаратный мир с Германией. Моя задача заключалась в том, чтобы добиться немедленной военной помощи союзников для того, чтобы восстановить русский фронт и тем обеспечить России место в будущих мирных переговорах.

Через несколько дней мы увидели вдали Оркнейские острова, одну из главных баз Британского флота, и вскоре мы вышли на берег Турзо. Тут я впервые в моей жизни ступил на нерусскую землю. Мы переночевали в этом мирном городе, которого война, по-видимому, не коснулась. На следующий вечер мы сели в поезд и утром 20 или 21 июня 1918 г. прибыл я в Лондон.

В моей жизни началась новая полоса, которая, как я думал, должна была скоро кончиться, но которая все еще останется незаконченной.

Предисловие и публикация АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.

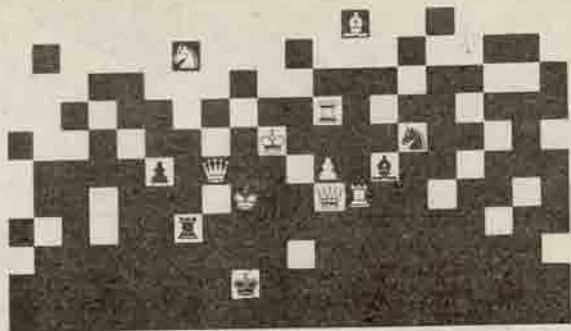
ЧЕРНЫМ
ПО БЕЛОМУ

Рисунок ВЛАДИМИРА СТЕПАНОВА

И ЗДРАВСТВУЕТ ФЕОДАЛИЗМ
НАШЕ СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ !

32-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
**ВИКТОРА
ЧЕПИЖНОГО**

280

Выдающийся русский проблемист Александр Васильевич Галицкий очень плодотворно и с неизменным успехом работал в жанре миниатюры. Его наследие в этой области шахматного искусства велико и многообразно. Почти во всех сборниках задач-миниатюр его произведения занимают самое почетное место. Так, в первом таком сборнике О. Блюменталя Галицкий представлен наибольшим числом композиций, впереди Лойда, Шинкмана, Вюрцбурга. Сам талант Галицкого, его устремленность к предельной экономии шахматных средств, тяготение к ограниченному материалу, постоянный поиск шахматной гармонии — все это предопределило его блестящие достижения в малом жанре.

Даже эта небольшая подборка миниатюр Галицкого демонстрирует огромный диапазон его творческих достижений, его животворную фантазию. I — парадоксальный первый ход и хамелеонные эхо-маты. II — две эхо-жертвы ферзя с правильными (как и во всех остальных задачах) матами. III и IV — борьба темпов, «сцены» взаимных цугцвангов. V — четырехходовый блок с превосходным вступлением! VI — первое миниатюрное представление знаменитой индийской темы.

Предоставляем читателям самим разобраться во всех тонкостях авторского замысла. Это прекрасная школа!

МАЛЕНЬКИЕ ЗАДАЧИ ГАЛИЦКОГО

I

Мат в 3 хода

1. Kpf3!! f5 2. Ke6 и 3. Lc7x,
1...Kpd8 2. Kb6 и 3. Ld7x.

II

Мат в 3 хода

1. Lb2! Kph1 2. Фg1+! С:g1
3. Kg3x, 1...Kph3 2. Фg3+!
С:g3
3. Kg1x.

III

Мат в 3 хода

1. Фc3 — 2. Фb2, 1...g5!
2. Kpg4! Kp:e2 3. Фf3x.

IV

Мат в 5 ходов

1. Kph3! Kpe4 2. Kpg4 Kpd3
3. Kpg3 Kpe4 4. Сc4 Kpf5
5. Cd3x.

V

Мат в 4 хода

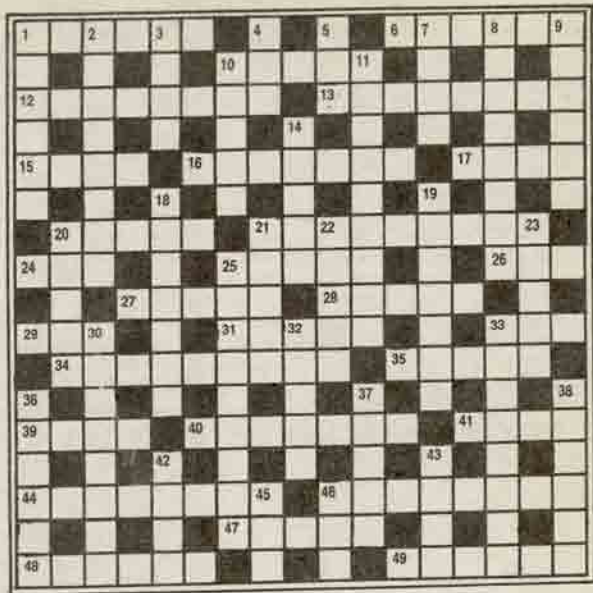
- 1...Kpg5 2. Kpe5 Kpg4
3. Lg7+ Kph4 4. g3x.
1.Kpd5! Kpf5 2. Lg7 Kpf6
3. Kh5+ Kpf5 4. g4x.

VI

Мат в 4 хода

1. Сc8! h5 2. Kd7! Kp:h3
3. Ke5+ Kph4 4. Kf3x.

ЗРУДИТ

По горизонтали:

1. Водоворот, омут. 6. Жук, чьей желтой личинкой кормят певчих птиц. 10. Первая сторона медали. 12. Искусство с эффектом присутствия. 13. Древнерусское оружие, знак власти военачальника. 15. Металл, пары которого еще в V веке до н.э. мастера Индии и Китая умели конденсировать в глиняных сосудах без доступа воздуха. 16. Город, где в церкви служил протопол Аввакум и откуда он был изгнан батогами. 17. Собственная земля монгольского хана — юрта, окрестные земли подвластных ему людей и сами они — ... 20. Монета, упоминаемая в «Сорочинской ярмарке» Н. Гоголя. 21. Старое название женщины с грудным дитятей. 24. Часть исполнителей древнегреческих комедий и трагедий во главе с вождем. 25. Река, пересекающая заповедник Чаякяляй. 26. Каждый кустик на переднем плане картины В. Васнецова «Богатыри». 27. Француз, которому режиссер Ж. Вилар сказал: «Ты единственный актер послевоенного поколения, глубоко осознавший сердцем чаяния народа». 28. Ящерица без задних конечностей. 29. «Стелмужский старик» в Литовском природном парке в возрасте две тысячи лет. 31. Парень на Руси, охочий играть, шутить, но не работать. 33. Представитель древнего народа, кому женщины славян-дулебов служили вместо волов и лошадей. 34. Сказочный фламандский король, которого считают изобретателем пива. 35. Эммер (бытовое название). 39. Немецкий музыковед, совместно с Э. Хорнбостелем разработавший современную классификацию музыкальных инструментов. 40. Европейская страна, где в 1570 году было свыше семисот тысяч лиц духовного звания. 41. Зна-

менитый художник, водивший Ф. Листа в 1839 году по развалинам Древнего Рима, по музеям, по залам Ватикана 44. Самый разнообразный по окраске самоцвет. 46. Чемпион мимикрии в мире насекомых. 47. Страна, откуда в средние века вывозили лучший сорт сафьяна. 48. Левый приток единственной реки, по сути, пересекающей всю нашу страну. 49. Знаменитый соперник средневекового английского модника Уолтера Рали. Однажды он, чтобы унижить Рали, одел две тысячи своих слуг так же, как был одет этот сэр.

По вертикали:

1. Поволжский город. Старинный герб: малиновый куст с плодом на серебряном поле. 2. Роман, в котором на лошади по кличке Пролетарская Сила по России разбегает степной большевик Копенкин и командует: «Закончи к лету социализм!». 3. Дерево, на досках из которого в XVIII веке гравировали лубки. 4. Не бред, не мечта, не сон. 5. Русский предок коктейля. 7. Французский барон, Синяя Борода, якобы погубивший в своем замке близ Нанта сотни девочек и мальчиков, за что был сожжен. 8. Каждая из прежних «ног», а теперь «рук» существа с голубой кровью. 9. Далекий предок кометы, телескопа и шубункина. 10. Цветок, который ставят в сосуд, заполненный водой лишь на одну треть. 11. Русский поэт, большой поклонник творчества М. Салтыкова-Щедрина. 14. Русское название балдахина в «Хождении за три моря Афанасия Никитина». 18. Африканский ксилофон с тыквенным резонатором. 19. Русский ученый М. Новинский как врач. 20. Время, которое невеста в «Демоне» М. Лермонтова проводит с подругами «среди игр и песен». 21. Автор знаменитого портрета В. Кораленко, где, по свидетельству литературоведа А. Дермана, художник гениально передал характерное для писателя «пронизывающее, яростное внимание». 22. Бог, которого в Древнем Риме отождествляли с Адонисом, Амоном, Митрой, Осирисом. 23. Герцог, правитель Ломбардии, выславший свою карету навстречу возвращавшемуся из Франции знаменитому в XVII веке итальянскому поэту Марино. 25. Русский танцовщик, которого в Париже газеты называли: «поэт», «бог танца». 30. Древние греки — рапсод, украинцы — кобзарь, адыги — джегуако, карачаевцы и ... — халкжерчи. 32. Каждое из стихотворений поэта, к имени которого средневековые авторы прилагали титулы: Ученейший муж века, Доказательство истины, Знаток греческой науки, Царь философов Запада и Востока, Имам Хорасана, хаким. 33. Чувство, которое древнеиндийские философы отождествляли с землей. 36. Во второй части поэмы «Герои времени» Н. Некрасова есть выражение «постлать соломки» (суть «соломки»). 37. Камышовое место, нередко накапливающее лечебные соли. 38. Цветок. Он есть почти во всех лекарственных рецептах древних врачей. 42. Класс корабля, на котором Д. Кук совершил свое первое кругосветное плавание. 43. Часть одежды, почитаемая ингушами и чеченцами. 45. Первый чисто парусный корабль. 46. Деготь — — лак.

**ОТВЕТЫ
НА
ЗРУДИТ,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 10.**

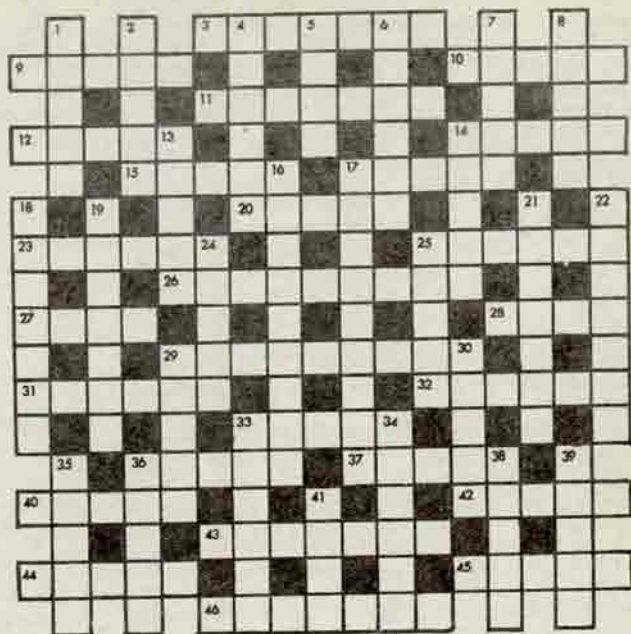
По горизонтали:

1. ...омега. 6. Сфера. 10. Анчар. 12. Железо. 13. Верлен. 14. Ленский. 15. Макалу. 18. ...стрела. 19. Ольга. 20. Пчела. 25. Эквилибрист. 26. Театр. 28. Армия. 29. Лиственница. 33. Хорал. 34. Марке. 38. Барток. 40. Лиахви. 41. Гондола. 42. Доркас. 43. Паядор. 44. Зипун. 45. Кусто. 46. Шемая.

По вертикали:

2. Молоко. 3. Газель. 4. Юнкер. 5. Массачусетс. 7. Флейта. 8. Рылев. 9. Джума. 11. Инвар. 16. Алхимия. 17. Углич. 21 «Якорь». 22. Архимандрит. 23. Черника. 24. Птица. 27. Непал. 30. Кокос. 31. Обида. 32. Урарту. 33. Хогарт. 35. Рижане. 36. Ехидна. 37. Цитра. 39. Клоун.

КРОССВОРД
Составил
А. КОЙФМАН,
Жмеринка
Винницкой
области

По горизонтали:

3. Рубикон (иносказательная суть). 9. Компонент цветочных часов Карла Линнея. 10. Космонавт США, побывавший на Луне. 11. «Вселенная в алфавитном порядке» (Вольтер). 12. Декоративный камень, известный с неолита. 14. Каждый из рисунков, по которым Людвика Ничова лепила «Сиренку» — символ Варшавы. 15. Писатель, бывший в 1921—1922 годах режиссером пражского театра «На виноградах». 17. Чемпионский снаряд С. Литвинова на Сеульской Олимпиаде. 20. Лучший бегун среди куриных птиц. 23. Вид графики, в котором В. Маяковский пользовался приемами лубка. 25. Спутник Марса. 26. Яхта «Торнадо» по устройству. В олимпийскую программу была впервые включена в Монреале. 27. Город на юге Норвегии, родина Г. Ибсена. 28. «Праздничное» название дерева, по ветвям которого на Руси мстари предсказывали погоду. 29. Химическая реакция, «чуждая» благородным металлам. 31. Летательный аппарат. 32. Самое популярное в Армении «салатное» растение. 33. Миниатюра, первым экземпляром которой был «черный пенни», выпущенный в 1840 году в Великобритании. 36. Философ. Аристотель назвал его первым, кто «изобрел диалектику». 37. Процесс, при котором аметист желтеет. 40. «Ножка Терпсихоры», пленявшая М. Салтыкова-Щедрина. 42. Зверь, «позировавший» Геддеону Спилегу (Ж. Верн. «Таинственный остров»). 43. Пролет... маслица на дороге — зиме пора убирать ноги (народные приметы). 44. Имение И. Тургенева во Франции, где сохранился посаженный им плакучий бук.

45. Национальность журналиста Л.-И. Биро, изобретателя шариковой ручки. 46. Порода собак, изображенная на шестипенсовике Ирландии 1928 года.

По вертикали:

1. Инструмент, связавший через века Ктесибия и А. Швейцера. 2. Другое название эзиномене, дерева с самой легкой древесиной. 4. Строение местности. 5. Крупная река, через которую И. Кулибин мечтал построить деревянный мост. 6. Гиацинт, матарский алмаз, старлит (общее название). 7. Первая профессия пианиста Н. Рубинштейна. 8. Металл вдвое легче воды. 13. «Заморское зелье», которому покровительствовал Петр Первый. 14. Самый древний период кайнозойской эры. 16. Союзная республика, в которой добывают огненные опалы. 17. Советский педагог и писатель. 18. Рачок, очищающий байкальскую воду. 19. Славянский музыкальный инструмент. 21. Цветные стекла для мозаики. 22. Редкая южная бабочка, охотница на насекомых. 24. Сумка в армейском снаряжении Дениса Давыдова. 25. Европейское государство с самым старым национальным флагом (учрежден в 1219 году). 29. Результат решения математической задачи. 30. Деликатес для северного оленя. 33. Река бассейна Хатанги, где в шестидесятых годах обнаружили известковый скелет коралла, жившего примерно четыреста восемьдесят миллионов лет назад. 34. Павильон киностудии. 35. Основное сочинение Низами. 36. Хлебный плод. 38. Древнегреческий поэт, которого Л. Толстой читал в подлиннике. 39. «Должность» Педролино в итальянской комедии масок. 41. «Отец» протактиния.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 10**

По горизонтали:

5. Маузер. 8. Дамаск. 11. Малер. 13. Карабиха. 15. Ожидание. 17. Йокубонис. 20. Штоф. 22. Тар. 23. Чейн. 24. Виппер. 25. Ланцет. 26. Отвал. 28. Ода. 30. Наряд. 32. Икра. 35. Шкет. 37. Зорге. 38. Гамма. 39. Верфь. 40. Ряба. 42. Глаз. 44. Шпала. 47. Кат. 49. Иваси. 52. Анкета. 53. Обойма. 54. Весь. 55. Бур. 57. Отто. 58. Селевиния. 62. Истомина. 63. Адсорбер. 64. Фланг. 65. Екзэнь. 66. Анклав.

По вертикали:

1. Казанова. 2. Ермак. 3. Адрон. 4. Эстафета. 6. Змий. 7. Глыба. 9. Маис. 10. Самшит. 12. Цинния. 14. Хоплер. 16. Житняк. 18. Утро... 19. Орла. 21. Филигрань. 23. Чентезимо. 27. Вдова. 29. Дамка. 31. Рифма. 33. Кея. 34. Ага. 35. Шаг. 36. Ева. 41. Бремен. 43. Леонид. 45. Повеса. 46. Ласточка. 47. Кабе. 48. Тори. 50. Ватерпас. 51. Скорел. 56. Увраж. 58. Сион. 59. Лафет. 60. Наган. 61. Ясак.

Предлагаем новые фильмы:

«ЗРОТИКА И ДЕТЕКТИВ»

Наша программа даст вам возможность побывать у известного психоаналитика, узнать что-то новое о себе; криминалист расскажет о некоторых видах преступлений, а искусствовед — об зротике в кинодетективах и детективных поворотах сюжета в киноэротике. А целиком вы увидите фильм «Соблазнение».

«ОТ «ЗВЕЗДНЫХ ВОЙН» ДО «БЭТМЭНА»

Зрелищность многих западных фильмов основана на спецэффектах. В программе — киноревю самых впечатляющих спецэффектов из самых популярных фильмов. Вы побываете на «Мосфильме», узнаете о наших спецэффектах и посмотрите фильм «Иллюзия убийства».

Цикл программ «ИСТОРИЯ МИРОВОГО КИНО»

«ИСТОРИЯ МИРОВОГО КИНО:

«УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ»

Это один из самых популярных, высоко ценимых и буквально всеми любимых фильмов в Америке. Программу ведет искусствовед Ирина Гращенкова.

«ИСТОРИЯ МИРОВОГО КИНО:

АМЕРИКАНСКИЙ ВЕСТЕРН»

Фильмы этого жанра, пожалуй, особенно любимы нашими зрителями. Кинокритик Сергей Шумаков представляет фильм «Буч Кэссэди» и двух великих актеров — Пола Ньюмана и Роберта Рэдфорда.

«ИСТОРИЯ МИРОВОГО КИНО:

ГАНГСТЕРСКИЙ ФИЛЬМ»

Жесткий сюжет, стремительная смена ситуаций, колоритные характеры отличают фильмы этого жанра. Программу ведут кинокритик Сергей Шумаков, психолог Феликс Зах, юрист Елена Евдокимова.

«УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ».

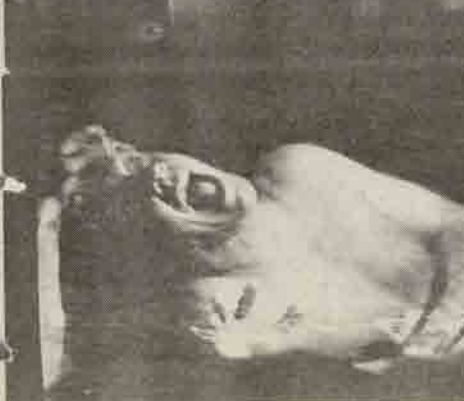
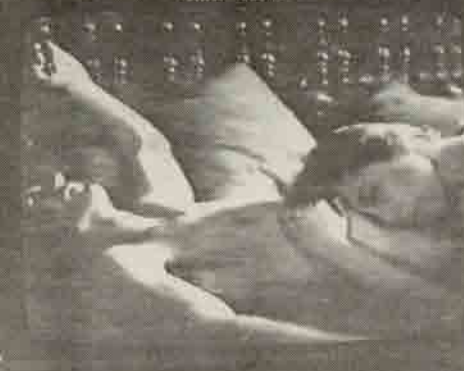

«СИЦИЛИЙСКИЙ КЛАН».

«ЖАР ТЕЛА»

**КАЖДАЯ ВИДЕОКАССЕТА,
ПРИБРЕТЕННАЯ ВАМИ,—**

исключительно симпатичный
вестерн,
зротический детектив,
настоящий фильм ужасов.

ЭТО —

**НАСЛАЖДЕНИЕ ИГРОЙ КИНОЗВЕЗД:
АЛЕНА ДЕЛОНА, ЖАНА ГАБЕНА,
КЛАРКА ГЕЙБЛА, ВИВЬЕН ЛИ.**

ЭТО —

**ТОНКАЯ РАБОТА ВАШЕГО УМА,
РАЗГАДЫВАЮЩЕГО
ЗАПУТАННЫЕ СЮЖЕТЫ.**

ЭТО —

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ВСПЛЕСК ВАШИХ
ЧУВСТВ — НЕЖНОСТЬ И НЕНАВИСТЬ,
ДУШЕВНАЯ БОЛЬ И СОСТРАДАНИЕ,
ЛЮБОВЬ И РЕВНОСТЬ.**

ЭТО —

**ПРИКОСНОВЕНИЕ К СОКРОВИЩАМ
МИРОВОГО ИСКУССТВА,
КОТОРЫЕ БЫЛИ НЕДОСТУПНЫ
СОВЕТСКИМ ЗРИТЕЛЯМ.**

Цена каждой видеопрограммы —

150 рублей.

Организации,
которые приобретут кассету,
имеют право на ее
коммерческое использование.
Тиражирование осуществляет
московская
кинокопировальная фабрика.

**ЗАЯВКИ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «СМЕНА».**

«Глаза в спальне».

«Сияние».

«Буч Кэссэди».

ИНДЕКС 70820. 70 КОП.

СОНЖИ-ПОПСТАРЫ

МУЗЫКАЛЬНАЯ АНТЕННА ПРЕДСТАВЛЯЕТ: